

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

Курс лекций

Том 1

*Ответственный редактор
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
М. Н. Марченко*

Электронные версии книг на сайте

www.prospekt.org

• ПРОСПЕКТ •

Москва
2015

Авторский коллектив:

А. Г. Бережнов, д-р юрид. наук, проф. — лекция 11;
В. И. Буренко, д-р полит. наук, проф. — лекция 14;
И. А. Гобозов, д-р филос. наук, проф. — лекция 20;
В. В. Ершов, д-р юрид. наук, проф. — лекция 19;
Е. А. Ершова, д-р юрид. наук, проф. — лекция 19;
В. Н. Жуков, д-р филос. наук, проф. — лекции 3, 4;
А. И. Ковалева, д-р соц. наук, проф. — лекция 6, 8;
М. Н. Марченко, д-р юрид. наук, проф. — лекции 1, 2, 7, 9, 10, 12, 13;
И. Ф. Мачин, канд. юрид. наук, доц. — лекции 17, 18;
Е. А. Фролова, д-р юрид. наук, доц. — лекции 5, 15;
Н. И. Яблоков, д-р филос. наук, проф. — лекция 16.

Ответственный редактор доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ **М. Н. Марченко**.

С69 Социология права: курс лекций : в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. — Москва : Проспект, 2015.

ISBN 978-5-392-15895-9

Т. 1. — 368 с.

ISBN 978-5-392-15893-5

В данном курсе лекций по социологии права, подготовленном на базе МГУ им. М. В. Ломоносова коллективом авторов — юристов, социологов и философов, рассматривается широкий круг вопросов, касающихся понятия, предмета, методологии, места и роли социологии права в системе других юридических и неюридических наук. Особое внимание уделяется социологическому аспекту государственно-правовой жизни, правовой социализации, правовой культуре и правосознанию, социологии юридической практики.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов социологии.

УДК 340.11:316
ББК 60.5я73

Учебное издание

Марченко Михаил Николаевич и др.

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

Курс лекций

В 2 томах

Том 1

Оригинал-макет подготовлен компанией ООО «Оригинал-макет»

www.o-maket.ru; тел.: (495) 726-18-84

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.60.953.Д.004173.04.09 от 17.04.2009 г.

Подписано в печать 15.07.2014. Формат 60×90^{1/16}

Печать цифровая. Печ. л. 23,0. Тираж 300 экз. Заказ №

ООО «Проспект»

111020, г. Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4.

ISBN 978-5-392-15893-5 (т. 1)
ISBN 978-5-392-15895-9

© Коллектив авторов, 2014
© ООО «Проспект», 2014

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то что курс лекций по социологии права традиционно читался и читается в ведущих отечественных и зарубежных вузах, однако до сих пор не выработано единой, общей или хотя бы широко признанной концепции и учебной программы данной научной и учебной дисциплины.

В силу этого при подготовке учебной литературы в виде учебников и учебных пособий, так же как и в процессе изучения и преподавания данной дисциплины, каждый преподаватель-юрист или социолог, имеющий дело с социологией права, выделяет в качестве базовых и акцентирует основное внимание студентов, как показывает анализ учебного материала, на тех темах или разделах курса, которые он считает наиболее важными для глубокого изучения искомой дисциплины и формирования четкого понимания социологии права.

Действительно, такой не ограниченный какими бы то ни было официальными (когда учебные программы утверждаются соответствующими министерствами или иными ведомствами) рамками или устоявшимися академическими условностями подход имеет свои определенные преимущества. В частности, он открывает широкий простор для творческих поисков как в процессе глубокого и всестороннего познания исследуемой социально-правовой материи, так и в процессе ее преподавания.

Однако вместе с тем он, несомненно, имеет и свои определенные недостатки, сводящиеся, в частности, к «разброду и шатанию» в понимании ряда принципиально важных в теоретическом и практическом плане проблем и в конечном счете к торможению процесса дальнейшего развития и совершенствования искомого академического курса.

В числе наиболее спорных, до конца не решенных проблем, касающихся социологии права, следует назвать, например, проблемы определения учебного и научного статуса данной отрасли знаний и учебной дисциплины; вопросы места и роли социологии права в системе общей социологии и общей теории права, а также их отношения и др.

В настоящем курсе лекций, подготовленном профессорами и преподавателями социологии права Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и других российских вузов, наряду с традиционными темами, касающимися понятия и содержания социологии права, истории ее становления и развития, логики и методологии познания социально-правовой материи, рассматривается также круг вопросов, нередко выпадающих из поля зрения исследователей.

Среди них такие, например, вопросы, которые касаются структурной и функциональной характеристики государства и права; соотношения государства, права и политики; влияния духовной культуры общества на развитие социально-правовой и государственно-правовой материи; воздействия глобализации и регионализации на процесс разви-

тия современного государства и права; социологизации международного права и международных отношений и др.

Исходя из необходимости упорядочения и логического изложения значительного объема учебного материала, предлагаемого в курсе лекций по социологии права, в структурном отношении весь курс подразделяется, наряду с лекциями, в которых излагаются конкретные, вполне определенные темы, на разделы и два тома. Сплошная нумерация лекций и разделов обусловлена, с одной стороны, целостностью предлагаемого в курсе учебного материала, а с другой — общностью методики его изложения и методологии его познания.

Авторский коллектив выражает искреннюю благодарность официальным рецензентам и членам кафедр теории государства и права юридического факультета МГУ и Российской академии правосудия за помощь в подготовке настоящего курса к изданию.

Ответственный редактор,
доктор юридических наук, профессор
М. Н. Марченко

Раздел I

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА КАК ОТРАСЛЬ ЗНАНИЯ

ЛЕКЦИЯ 1. ПОНЯТИЕ И ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ ПРАВА

- Проблемы определения понятия и статуса социологии права.
- Предмет и объект социологии права.
- Теоретико-методологическое и практическое значение социологии права.

Проблемы определения понятия и статуса социологии права¹

Несмотря на то что за последние десятилетия в отечественной и зарубежной литературе социологии права уделялось, по сравнению с прежними декадами, повышенное внимание, тем не менее в отношении данной дисциплины остается довольно широкий круг спорных и нерешенных вопросов.

Среди них выделяются такие теоретически и практически значимые проблемы, которые касаются эффективности действия норм права, функций права, уровня правосознания различных социальных групп, взаимодействия правовых и других социальных норм, состояния правопорядка в обществе и эффективности применяемых для его поддержания мер общественного воздействия, оптимальности правотворчества и эффективности правоприменения и др.²

Наряду с данными и им подобными вопросами, которые в основном касаются «внешней» по отношению к социологии права как научной и учебной дисциплины среды и которые решаются в ходе социально-правовых исследований с помощью социологических методов и средств, спорными, до конца не решенными остаются также вопросы, относящиеся непосредственно к самой искомой дисциплине. Это, в частности, вопросы понятия социологии права, ее структуры, соотношения социологии права как академической дисциплины с другими научными и учебными дисциплинами, ее учебного и научного статуса, предмета и объекта социологии права и др.

Общепризнанным среди отечественных и зарубежных исследователей, занимающихся проблемами социологии права, является тот факт, что данная, относительно новая по историческим меркам дисциплина, имея своим объектом право «во всем многообразии ее сторон и свойств»³,

¹ См.: Подгурецкий А. Очерк социологии права. М., 1974; Право и социология / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. П. Казимирчук. М., 1973; Боботов С. В. Буржуазная социология права. М., 1978; Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986; Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права. М., 1995; Гревцов Ю. И. Социология права. СПб., 2001; Сырых В. М. Социология права. М., 2012; Законодательная социология. М., 2010; Dictionary of Sociology and Related Sciences. Totowa. New Jersey, 1998; Society and Legal Orders (Cases and Materials in the Sociology of Law). Ed. by Schwartz P. and Skolnik N. Y., 1970; etc.

² Сырых В. М. Социология права. С. 20.

³ Сырых В. М. Указ. соч. С. 12.

концентрирует тем не менее основное внимание авторов преимущественно на социальной стороне данного феномена, на необходимости изучения права как такового «не вообще», а под углом зрения возникающих в процессе формирования и функционирования отношений между людьми¹.

К этому в конечном счете сводится суть и содержание социологии права как искомой научной и учебной дисциплины. Этим же обуславливается тот юридический феномен, который был назван еще Л. Дюги «социальным правом», порождающим соответствующие доктрины, «которые отправляются от общества, чтобы прийти к индивиду, от объективного права, чтобы прийти к субъективному праву, от социальной нормы, чтобы прийти к индивидуальному праву»².

Однако, несмотря на единодушное признание исследователями социологии права как дисциплины, имеющей дело преимущественно с социальной стороной правовой действительности, среди них тем не менее никогда не было о ней общего мнения, в частности относительно такого принципиально важного вопроса, который касается академического научного и учебного статуса данной дисциплины. Над единством мнений по данному вопросу традиционно преобладает разнობой.

Так, если одни авторы на вопрос, является ли социология права самостоятельным и соответственно самодостаточным феноменом, отвечают утвердительно, то другие исследователи придерживаются прямо противоположных взглядов.

По мнению авторов, отстаивающих относительно *самостоятельный характер социологии права* как самодостаточной дисциплины, «не будет ошибкой сказать, что на стыке социологии и правоведения сложилась новая научная дисциплина — социология права, имеющая комплексный характер»³. Она представляет собой относительно самостоятельную, «определенным образом структурированную систему социальных знаний о праве как особом социально-юридическом феномене в его генезисе, а также в действии, т. е. как социально детерминированном и социально действующем (социально направленном) явлении, процессе»⁴.

В противоположность данной точки зрения другие авторы исходят из того, что социология права, будучи тесно связанной с общей социологией и общей теорией права, по определению *не может выступать в качестве самостоятельной* по своему статусу дисциплины.

По их мнению, развиваемый в научной литературе тезис «об отсутствии у социологии права собственного предмета исследования» и соответственно о невозможности выделения ее в самостоятельную дисциплину «верно характеризует положение социологии права в системе правоведения»⁵.

¹ Dictionary of Sociology and Related Sciences. P. 302.

² Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. В кн.: История политических и правовых учений. Хрестоматия / сост. В. В. Ячевский. Воронеж, 2000. С. 896.

³ Кудрявцев В. Н., Казмирчук В. П. Современная социология права. С. 28.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Сырых В. М. Социология права. С. 19.

При этом, отрицая самостоятельный характер социологии права, исследователи-юристы в большинстве своем рассматривают ее в одних случаях как неотъемлемую составную часть всего правоведения, а в других — только общей теории права. Четкий водораздел между общей теорией права и социологией права, замечает по этому поводу В. М. Сырых, можно провести «только с позиций нормативистского понимания права», согласно которому право отождествляется не только с законом, но и с иными нормативно-правовыми актами, а «процессы реального действия права признаются реалиями, лежащими за пределами предмета правовой науки»¹.

В отличие от юристов, занимающихся проблемами социологии права и рассматривающих ее в виде составной части правоведения в целом или же органической части общей теории права, представители других общественных наук, и прежде всего социологи, предлагают рассматривать данную дисциплину *в виде одной из отраслей общей социологии*².

Основная аргументация при этом сводится к тому, что поскольку социология права выявляет и рассматривает в праве не юридический, политический или иной, а исключительно социальный аспект, исследует применительно к нему и по поводу его возникающие общественные отношения, а также взгляды, интересы и ценности «вовлеченных» в эти отношения людей, т. е. занимается изучением и анализом той материи, которую принято называть социологической, то из этого следует, по мнению авторов, что данная дисциплина должна рассматриваться преимущественно как социологический феномен, как составная часть общей социологии.

Наряду с названными представлениями в научной литературе высказываются по этому вопросу и другие, в той или иной мере отличающиеся друг от друга суждения. Наличие их представляется вполне естественным и объяснимым, имея в виду такие обстоятельства, которые ассоциируются со сложностью, многогранностью, отчасти внутренней противоречивостью и относительной новизной рассматриваемой материи.

Анализ их, связанный с определением академического статуса, места и роли социологии права как учебной и научной дисциплины в системе других, соотносящихся с ней дисциплин, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В научной литературе в связи с этим совершенно справедливо отмечалось, что «спор о месте социологии права и ее статусе» нельзя рассматривать «только как научную дискуссию о понятиях. За ним следует видеть весьма практические вопросы и перспективы: где, на каких факультетах должны создаваться кафедры социологии права, а значит, и готовиться и специалисты в этой области?»³

Исходя из этого вопрос о статусе социологии права, по мнению исследователей, следует решать не только и даже не столько традици-

¹ Сырых В. М. Указ. соч. С. 19.

² См., напр.: Тадевосян Э. В. Социология права и ее место в системе наук о праве. Государство и право. 1998. № 1.

³ Гревцов Ю. И. Социология права. СПб., 2001. С. 25.

онно, теоретически, с ориентацией не на ее предмет и метод, сколько практически, с опорой на «результаты в виде новых фактов, закономерностей и пр., которые устанавливаются и объясняются в рамках данного научного направления»¹.

Среди подобного рода фактов — «практических критериев» институционализации социологии права в научной литературе называются такие, как: а) наличие корпуса профессиональных юристов, проводящих исследования в соответствующей сфере и добывающих научные результаты; б) более или менее регулярные научные публикации, отражающие результаты соответствующих научных изысканий; в) наличие кафедр, занятых подготовкой высококвалифицированных научных кадров; г) наличие научно-исследовательских институтов по профилю².

Несомненно, решая вопрос об академическом статусе социологии права, следует в полной мере учитывать имеющиеся наработки по данной проблематике как в теоретической сфере, так и в практическом плане. Однако данный вопрос *не может решаться механически*.

Ведь издавна известно, что любая общественная или иная практика хороша в оправдании себя лишь в том случае, если она опирается на добротную, предварительно разработанную научную теорию. Как, впрочем, и наоборот: любая научная теория оправдывает себя лишь в том случае, если она проверяется и подтверждается соответствующей практикой. Это общепризнанное положение, которое конкретизируется в каждом случае, применительно к каждой отдельно взятой дисциплине и проявляется с учетом ее специфических особенностей.

В отличие от других сложившихся академических дисциплин, имеющих свой, вполне определенный статус, одной из главных, если не самой главной, особенностью социологии права, которую необходимо учитывать при определении ее места и роли в системе других дисциплин и ее академического статуса, является «раздвоенное», а точнее, «промежуточное» положение данной, до конца не сложившейся дисциплины, которое она занимает, находясь между общей социологией и общей теорией права или шире — системой правоведения.

Будучи «промежуточной» дисциплиной, социология права формируется и органически сочетает в себе определенные черты и свойства, с одной стороны, общей социологии как «науки об общих и специфических закономерностях существования, организации, взаимодействия социальных объединений разных типов в их связи с обществом как целостной системой»³, а с другой — системы правоведения.

Было бы, однако, весьма опрометчивым и бесперспективным пытаться определять степень содержания в социологии права элементов общей социологии и элементов правоведения. Точно так же пытаться определять и «соизмерять» уровень влияния или «тяготения» искомой

¹ Гревцов Ю. И. Указ. соч. С. 22.

² Там же.

³ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 2009. С. 629; Dictionary of Sociology and Related Sciences. P. 302.

дисциплины к каждой из «формирующих» ее дисциплины и исходя из этого рассматривать социологию права в виде отрасли общей социологии или же составной части правоведения.

Аккумулируя в себе «пограничные» элементы общей социологии и правоведения, социология права по логике вещей формирует на их основе и иных жизненных фактов и факторов свою собственную субстанцию, а вместе с ней свою междисциплинарную самостоятельность и самодостаточность.

Разумеется, в настоящее время, в силу сравнительно непродолжительного периода существования социологии права, весьма трудно судить об уровне относительной самостоятельности и самодостаточности данной дисциплины.

Однако при этом неоспоримым фактом, свидетельствующим о возрастающей роли и значения социологии права как научной и учебной дисциплины, является то, что по мере развития общества, а вместе с ним государства и права, в процессе их глубокого и разностороннего познания без социологии права все в большей степени не может обойтись ни общая социология, ни общая теория права, ни в целом правоведение. Данное обстоятельство, несомненно, свидетельствует об усилении самостоятельности и самодостаточности искомой дисциплины по отношению к другим, соотносящиеся с ней дисциплинам, отличающимся друг от друга по самым разным, идентифицирующим их параметрам, включая их предмет, метод познания, структуру и содержание.

Предмет и объект социологии права

1. Каждая научная и учебная дисциплина имеет свою особую область познания, непосредственно связанную с ее предметом и объектом исследования. Своевременное и точное установление предмета и объекта той или иной дисциплины имеет весьма важное значение как для процесса ее становления и развития, как и для ее повседневного функционирования.

Наличие строго определенного, отграниченного от сферы «приложения» других, смежных дисциплин, предмета изучения является свидетельством не только институционально-функциональной зрелости и относительной самостоятельности, но и потенциальной эффективности научной и учебной дисциплины.

Безотносительно к той или иной области исследования предмет познания определяется через «вовлеченность в процесс практической деятельности человека сторон, свойств, отношений реальных объектов, которые в данных исторических условиях подлежат познанию»¹. Или же представляется в виде «философского понятия», употребляемого «для обозначения системы законов материального и духовного мира, изучаемых наукой в целом либо ее отдельными отраслями»².

¹ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 2009. С. 537.

² Сырых В. М. Материалистическая теория права. М., 2011. С. 43.

В отличие от предмета познания *объект исследования* в общефилософском смысле рассматривается «как фрагмент мира самого по себе»¹, как часть (сфера, фрагмент, явление и пр.) реально существующей действительности, на изучение которой направлена познавательная деятельность человека.

Предмет и объект исследования находятся между собой в постоянной органической связи. Один и тот же объект, будь то государственно-правовая или иная действительность, изучаемая с разных сторон с позиций разных дисциплин, выступает в качестве объективного основания для формирования их предмета и содержания².

Предмет науки, отмечается в связи с этим исследователями, «это то, что характеризует данную науку с точки зрения того, что она изучает, и что ей безраздельно принадлежать не может»³. Условно говоря, предмет выступает в качестве одной из сторон, сфер или в виде совокупности сходных аспектов того или иного исследуемого объекта.

2. Применительно к социологии права, равно как и к другим социально-политическим дисциплинам, вопрос о предмете данной дисциплины решается в зависимости от целого ряда объективных и субъективных факторов, включая мировоззренческие позиции исследователей.

Подобно тому как, со слов М. Вебера, «современный человек, дитя европейской культуры, неизбежно и с полным основанием рассматривает универсально исторические проблемы с вполне определенной точки зрения»⁴, так же, с разных позиций решается и вопрос о предмете социологии права.

Анализируя сложившееся представление и предмете социологии права, нельзя не заметить, что одни авторы предметом исследования данной дисциплины «в первом приближении» рассматривают, с одной стороны, «собственно право (ту или иную форму его бытия)», а с другой — социальные условия его возникновения и функционирования, а также социальные последствия действия права в обществе и «сам механизм действия права» в обществе, «который не может не быть социально-правовым»⁵.

Другие исследователи в процессе формирования представления о предмете социологии права акцентируют внимание на том, что социология права «ориентирует на изучение социальных функций права», а также «последствий, связанных с принятием и введением в общественную жизнь правовых актов». Подчеркивая, что выявление социальных последствий и социальной эффективности правового регулирования — это «весьма серьезная и трудная задача», авторы вместе с тем не без

¹ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 2009. С. 537.

² Подробнее об этом см.: *Марченко М. Н.* Теория государства и права. 2-е изд. М., 2011. С. 7—13.

³ *Гревцов Ю. И.* Очерки теории и социологии права. СПб., 1996. С. 254.

⁴ *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 44.

⁵ *Гревцов Ю. И.* Социология права. СПб., 2001. С. 13.

оснований указывают на то, что «такая постановка вопроса не сужает предмета науки», поскольку социология права «изучает процесс общественного действия права, взятого в системе, в полном его объеме, т. е. и вне правоотношений»¹.

Наряду, а зачастую и в рамках названных представлений о предмете социологии права в отечественной и зарубежной литературе культивируется мнение о предмете данной дисциплины как о феномене, ассоциирующемся исключительно с действием права, с выработкой его теории, а также с эффективностью права и выявлением факторов, обуславливающих его повседневное функционирование.

Уделяя особое внимание рассмотрению данных вопросов, польский ученый А. Подгурецкий по этому поводу резонно замечал: «Физики не знают сущности атома, электрона или нейрона, но детально знают правила, которые управляют их движением и взаимодействием. А юристы детально “знают”, что является правом, действующим правом или правовой нормой, но имеют весьма смутное представление о том, как взаимодействуют эти элементы»².

Иными словами, по справедливому замечанию автора, юристы детально «знают» внутреннюю жизнь и строение права, поскольку традиционно в процессе его изучения сосредоточивают основное внимание на его понятии, внутренней структуре, формах проявления, наконец, на его юридическом содержании, зачастую исследуя, таким образом, право «лишь в себе» и «само по себе». Однако при этом они нередко упускают из поля зрения такие немаловажные для его глубокого и разностороннего понимания внешние, преимущественно социальные факторы, которые обуславливают не только процесс возникновения и развития права, но и процесс его повседневного функционирования³.

В этом смысле, несомненно, правы те авторы, которые полагают, что содержание предмета социологии права должно включать наряду с ранее названными компонентами также изучение социальной обусловленности всей правовой материи и отдельных ее составных частей, механизма прямого воздействия права на общество и обратного воздействия общества на право, эффективности процесса правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности и др.⁴

Кроме того, признавая «неоднозначность» предмета социологии права, некоторые исследователи считают, что частью предмета социологии права является «его субъективный аспект». При этом имеются в виду «самые различные конструкции человеческого ума в виде теорий,

¹ Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права. М., 1995. С. 8.

² Подгурецкий А. Очерк социологии права. М., 1974. С. 274.

³ Казимирчук В. П. Социологические исследования в праве. В кн.: Методологические проблемы советской юридической науки. М., 1980. С. 230—237.

⁴ Сулов Ю. И. Конкретные исследования и развитие социологии права. Л., 1983; Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986; Монсон П. Современная западная социология. СПб., 1992; Худойкина Т. В. Юридическая социология. Саранск, 2002; Степанов О. В., Самыгин П. С. Социология права. Ростов н/Д, 2006; др.

положений, выводов, идей», а также «такой важный компонент» предмета социологии права, как «общественное мнение о праве»¹.

Несомненно, что субъективный момент в социологии права неразрывно связан с ее объективным моментом, ибо, изучая социальную, объективно существующую сторону или аспект права, исследователь неизбежно творит в форме социальных идей, теорий и прочего также и субъективную сторону права.

Однако является ли «субъективный аспект» социологии права частью ее предмета, и если является, то какое место он занимает в его содержании? Ведь, будучи направленной на познание социальной стороны реально существующей и функционирующей правовой материи, выступающей во всем многообразии ее признаков и свойств в качестве объекта социологии права, последняя акцентирует внимание исследователей в первую очередь и преимущественно на объективно-социальной стороне данного феномена, а не на его субъективном аспекте, проявляющемся в виде различных мнений, сложившихся в теории суждений о данном явлении.

Нет сомнений в том, что в процессе познания объективно-социальной стороны правовой материи исследователь неизбежно обращается также к рассмотрению накопленного в данной области интеллектуального материала, к ее субъективной стороне. Однако не она является основной целью его внимания и предметом его познания, а социальная обусловленность права в целом и отдельных его составных частей на всех этапах их становления, развития и функционирования.

Исходя из того что субъективная сторона возникает на основе объективной, но не наоборот, и что в процессе познания права с позиции социологии права ей отводится основная роль, с определенной долей условности можно заключить, что именно она заполняет собой основное содержание предмета искомой дисциплины и в этом смысле является в нем первичной, тогда как субъективная сторона в предмете социологии права является вторичной.

В контексте сказанного вполне правомерным представляется мнение, высказанное в научной литературе, относительно того, что существенные особенности социологии права как научной дисциплины, ее специфика проявляются прежде всего в том, что она: а) направляет усилие исследователей на познание *реальной социальной действительности в контексте функционирования правовых факторов*; б) исследует механизм воздействия права на социальные отношения и обратного влияния социальных отношений на формирование и функционирование права; в) ставит своей задачей познание права не только в социальной статике, но и в постоянной динамике; г) исследует социальные факторы, способствующие усилению эффективности права и, наоборот, препятствующие ее росту².

¹ Гревцов Ю. И. Социология права. С. 14.

² Касьянов В. В., Момотов В. В. Социология права: учеб. пособие. М., 2011. С. 5—8.

3. Наряду с данными особенностями социологии права и соответственно ее предмета следует указать также на такую ее особенность, которая ассоциируется с разноуровневым характером опосредуемой ею материи.

По аналогии с общей социологией в структуре социологии права и процесса ее познания с определенной долей условности можно выделить по крайней мере два взаимосвязанных между собой и дополняющих друг друга уровня — *эмпирический* и *теоретический*.

Суть и назначение первого уровня заключается в проведении *конкретных социологических исследований*, связанных с процессом возникновения, становления и функционирования правовой материи и ее отдельных составных частей. На этом эмпирическом уровне осуществляется сбор, описание, первичная классификация и иная частичная обработка собранных социальных фактов.

На втором — теоретическом — уровне в соответствии с его названием проводится обобщение и осмысление собранного материала; выявляются устойчивые, в том числе закономерные, связи между фактами социально-правовой действительности; предпринимаются попытки разработки на этой основе соответствующих, отражающих существующие социальные реалии, *теории* и *концепции*, в той или иной мере связанные с процессом возникновения и развития правовой материи.

При этом речь идет как об общесоциологических теориях типа теории социальных систем, теории социального конфликта, функционализма, структурализма и др., которые потенциально и реально могут быть использованы в качестве общетеоретического и методологического инструментария в процессе познания социального аспекта правовой материи и решения проблем, возникающих в рамках социологии права, так и о специальных узкопрофильных теориях, разрабатываемых применительно к социологии права.

В качестве примера можно сослаться, в частности, на широко используемую в социологии права, так же как и в отдельных ее отраслях, включая социологию правотворчества (законодательную социологию), социологию правоприменения и социологию правоохранительной деятельности, теорию факторов (факторный подход), теорию социального механизма действия.

Наряду с разноуровневым характером социологии права и ее предмета в научной литературе обращается внимание также на разноплановый характер структуры и содержания искомой дисциплины.

При этом выделяются такие аспекты ее структуры — «основные элементы», как: а) «позитивная» сторона, именуемая «позитивной социологией права», в рамках которой рассматриваются социальные аспекты процесса происхождения и действия права, а также связанные с ним явления. В частности, выявляется отношение членов общества к праву, престиж права, уровень знания права, эффективность права и т. д.; б) «негативная» сторона — «патология права», связанная преимущественно с изучением социальных аспектов болезненного состояния права, правонарушений и их последствий, причин неэффективности права и т. п.; в) методы и методики изучения социальных явлений, непосред-

ственно касающихся права, равно как и исследования социального среза самой правовой материи¹.

Дифференцированный — разноуровневый и разноплановый подход, равно как и другие «приемы» исследования структуры и содержания социологии права, позволяют глубже и разносторонне раскрыть ее предмет — социальные закономерности возникновения, становления, развития и повседневного функционирования права; четче выявить особенности данного предмета в его соотношении с объектом искомой дисциплины — реально существующим правом.

Теоретико-методологическое и практическое значение социологии права

1. Рассматривая вопрос о значении социологии права, равно как и любой иной научной и учебной дисциплины, *исследователь неизбежно обращается к изучению ее функций*, т. е. к анализу основных направлений ее воздействия на различные сферы жизни общества и государства, обусловленных природой и характером данной дисциплины, а также заложенными в нее мировоззренческими установками и интересами.

В повседневной жизнедеятельности общества и государства социология права, подобно ряду других дисциплин, выполняет научную, практическую, образовательную (учебную) и прогностическую функцию.

Суть и содержание *научной функции социологии права* заключается прежде всего в организации и проведении исследований на теоретико-методологическом и прикладном уровнях; в разработке соответствующих концепций, отражающих характер общественных отношений, возникающих на стыке социологии и правоведения; в разработке наиболее оптимальных и соответственно наиболее эффективных приемов, методов и подходов к познанию социально-правовой материи.

Указывая на то, что «социология права является самостоятельной наукой», представляющей собой «определенным образом структурированную систему социальных знаний о праве», исследователи не без оснований замечают, что «социологический подход» к познанию права, проявляется как «гносеологическая основа выведения социальных закономерностей правового феномена»².

В теоретико-методологическом, научном плане он позволяет рассматривать право с момента его возникновения и вплоть до современного этапа его развития не только и даже не столько само по себе, как это зачастую имеет место в юридической науке, сколько в окружающей его социальной среде.

Аксиоматичным является тот факт, что право не возникает вне социальной среды, а порождается обществом, развивается вместе с обществом и в основе своей обуславливается обществом. Будучи относительно самостоятельным и в определенной мере самодостаточным явлением право тем не менее ограничивается в своем развитии и проявлении, как

¹ Гревцов Ю. И. Социология права: курс лекций. СПб., 2001. С. 27.

² Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права. М., 1995. С. 14.

известно, не только уровнем развития экономики, характером проводимой в стране политики и идеологии, равно как и другими внешними по отношению к нему факторами, но и социальной средой. Можно без преувеличения сказать, что в зависимости от того, какова природа общества (традиционная, не традиционная), уровень его развития и характера, таковым в конечном счете будет и произрастающее на его основе право.

Разумеется, «социальную сторону права», как верно подмечается в научной литературе, не следует абсолютизировать, «игнорируя его нормативно-юридический аспект»¹, ибо право как относительно самостоятельное и самодостаточное явление имеет свою собственную логику внутреннего саморазвития.

Однако разностороннее, глубинное влияние на право окружающей его социальной среды не следует между тем недооценивать, поскольку от нее в решающей степени зависит, каким будет право как регулятор общественных отношений в жизни общества и государства. Будет ли оно активным, пользующимся одобрением и широкой поддержкой со стороны значительной части общества и в силу этого эффективным? Или же, наоборот, оно изначально будет направлено на обслуживание интересов стоящих у власти групп, слоев, «семей», классов и т. п. и с точки зрения интересов остальной части общества, индифферентно или негативно относящегося к нему, останется «пассивным»?

Следует заметить, что эти и другие, касающиеся социальной, а точнее, социально-групповой или социально-классовой обусловленности права, вопросы всегда были и остаются поныне далеко не второстепенными в области научного познания социологии права, вопросами.

И это не случайно, имея в виду то обстоятельство, что только «социальная сторона» права вместе с его «нормативно-юридической» стороной дают о нем полное представление; указывают на то, каким право предстает не только в теории, но и каковым оно является в жизни, на практике. Упущение из поля зрения одной из этих сторон, или аспектов, правовой материи лишает исследователя возможности ее глубокого и разностороннего познания.

Весьма трудно, если вообще возможно, судить, например, о той реальной, фактической роли, которую играет право в жизни той или иной страны, если не обладать соответствующей информацией и знаниями, полученными в результате социально-правовых исследований, действия различных правовых институтов, государственных и общественных учреждений, формального и фактического отношения граждан к действующему законодательству.

Невозможно сделать умозаключение по поводу реальности или формальности права лишь на основе его внутренних — формальных — признаков и черт. Весьма важно знать при этом его фактическое положение в обществе, степень вовлеченности права в окружающую его социальную среду, а также степень воздействия права на общественные отношения, на поведение граждан и на деятельность создаваемых ими объединений.

¹ Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Указ. соч. С. 15.

Понятно, что эти и другие им подобные знания можно получить лишь в процессе соответствующих научных исследований, проводимых в рамках социологии права, как на эмпирическом (конкретно-социологическом), так и на теоретическом уровне. На получение и углубление их направлена научная функция социологии права.

2. Наряду с данной функцией социологии права важное значение имеет также ее *практическая функция*.

Смысл, содержание и целевое назначение этой функции сводится в основном, как свидетельствует ее название, к реализации, или «внедрению», полученных в результате проведения социально-правовых исследований знаний в жизнь — в практическую деятельность правоохранительных, правоприменительных и правоохранительных институтов, направленную на совершенствование законодательства и повышение роли права в жизни общества и государства.

Осуществляя данную функцию, социология права широко использует статистические данные и иной, полученный в результате социологических исследований материал.

В силу этого, а также в силу других прагматических по своей природе и характеру причин социология права выполняет наряду с фундаментальной роль научной и учебной дисциплины, связанной с разработкой научных теорий и подготовкой высокопрофессиональных специалистов в социально-правовой сфере, еще и *прикладную роль*¹.

Одной из центральных проблем, связанных с осуществлением социологии права этой роли, проявляющейся вовне в виде ее практической функции, является проблема установления социального механизма действия права, или механизма общественного действия права, как его иногда называют.

При этом, разумеется, в данном образовании на первом плане, по логике вещей и назначению социального механизма действия права, должна стоять не теоретическая, а практическая, деятельная сторона социологии права.

Социология, писал по этому поводу М. Вебер, «в той мере, в какой “право” попадает в орбиту ее исследования, занимается не выявлением логически верного “объективного содержания” правовых положений, а действиями, в качестве детерминантов и результатов которого могут, конечно, играть значительную роль наряду с прочими факторами — и представления людей о “смысле” и “значимости” определенных правовых положений»².

Несмотря на то что, по справедливому замечанию автора, проблема социального механизма действия права слабо разработана в юридической литературе и что юристы зачастую стороной обходят эту проблему, полагая, что не анализ воздействия правовой материи на окружа-

¹ Сулов Ю. И. Конкретные исследования и развитие социологии права. Л., 1983; Леванский В. В. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М., 1986; Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986; Лапаева В. В. Конкретико-социологические исследования в праве. М., 1987; др.

² Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 508.

ющую среду, а лишь «в проникновение значения таких терминов, как право, обязанность или норма, раскроет им подлинный смысл этих терминов»¹, — несмотря на это, за годы активного исследования в данной области были произведены определенные сдвиги.

Речь идет, в частности, о развитии *теории действия права*, касающейся «описания функционирования права в его социальной среде»². Имеются в виду также исследования, затрагивающие проблемы определения структуры и содержания социального механизма действия права, в качестве составных частей-«элементов» которого рассматриваются: а) доведение правовых норм и подписаний до всеобщего сведения; б) «направление поведения» общества, класса, коллектива, личности путем постановки в законах и иных правовых актах социально-полезной цели; в) формирование в обществе с помощью права «социально-полезных образцов поведения»³.

В структурно-функциональном плане социальный механизм действия права имеет определенное сходство с *механизмом правового регулирования* и особенно с *механизмом социального регулирования*.

Составными частями первого, согласно издавна сложившемуся о нем представлению, является юридические нормы, правоотношения и акты реализации субъективных прав и юридических обязанностей⁴.

Структурными элементами второго механизма социального регулирования соответственно выступают: а) наряду с юридическими все иные социальные нормы, включая нормы морали, религиозные, корпоративные и другие нормы; б) все общественные отношения, опосредованные с помощью правовых и иных социальных норм; в) акты и действия, возникающие в процессе реализации прав и обязанностей сторон — субъектов общественных отношений, урегулированных с помощью различных социальных норм.

Сходство между механизмом социального действия, с одной стороны, с механизмами правового и социального регулирования — с другой, заключается в наличии у них одного и того же объекта познания и воздействия — права; в преследовании ими одной и той же конечной цели — максимального выполнения правом и другими регуляторами общественных отношений присущей им в силу их природы и характера роли; в ориентации рассматриваемых механизмов на использование некоторых общих регулятивных и иных средств; в конечном счете в направленности действия каждого из искомым механизмов на формирование и укрепление общественного и правового порядка в стране.

Что же касается *особенностей механизма социального действия права*, то они сводятся в основном к его особой, сугубо социальной сфере функционирования; к рассмотрению проблем, касающихся процесса воздей-

¹ Подгурецкий А. Очерк социологии права. С. 274.

² Там же. С. 275.

³ Право и Социология / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. П. Казимирчук. М., 1973. С. 71—83.

⁴ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 29—30.

ствия социальной жизни на право, и наоборот, права — на социальную жизнь; к использованию в процессе повседневной деятельности таких явлений и отражающих их категорий, как характер отношения населения к действующему праву — уровень его поддержки и одобрения или, наоборот, степени негативного к нему отношения; к престижу права в глазах отдельных членов общества, групп, слоев, классов и всего населения; к позитивной или негативной оценке со стороны общества уровня профессионализма юристов — законодателей, правоприменителей, работников силовых ведомств, правоохранителей и др.; к оценке роли и значения юридических учреждений в жизнедеятельности общества и государства.

Касаясь вопроса об *эффективности работы механизма социального действия права*, или социального механизма действия права, как его иногда называют, следует заметить, что она не возникает и не создается сама собой, а обуславливается целым рядом объективных и субъективных факторов.

Весьма наглядно это проявляется в процессе принятия в той или иной форме решений (указ, приказ, постановление, приговор суда и т. д.) как одного из центральных моментов любой государственной или общественной деятельности, связанной, в частности, с формированием и применением права¹.

При принятии решения, так же как и при определении его содержания, важное значение имеют не только формально-юридические, но и неформальные моменты, такие как наличие опыта у принимающего решение, его интеллект, уровень образования, его мировоззрение и т. д.

Все эти и другие им подобные социальные факторы существенны для понимания и реализации практической функции социологии права².

3. Помимо научной и практической функции социология права выполняет также образовательную (учебную) функцию.

Практический смысл образовательной функции заключается в создании полноценного учебного курса по социологии права и включения его в учебные программы юридических вузов наряду с учебными курсами других юридических дисциплин.

За создание такого курса и введение его в учебные планы и программы юридических вузов традиционно ратовали фактически все исследователи, независимо от их позиции, занимаемой по отношению к статусу искомой дисциплины.

А именно прежде всего те, которые рассматривают социологию права в качестве самостоятельной и самодостаточной научной и учебной дисциплиной, со своим собственным предметом и другими идентифицирующими ее признаками, и те, которые считали еще в 70—80-х гг. XX в., что давно назрел вопрос о том, чтобы «коллективными усилиями создать учебный курс по социологии права, подобно тем, какие суще-

¹ Подробнее об этом см.: Право и Социология. С. 66—68.

² Козлов В. А., Сулов Ю. А. Конкретно-социологические исследования в области права. Л., 1981; Касьянов В. В., Нечипуренко В. Н. Социология права. Ростов н/Д, 2002; др.

ствуют по другим отраслям правовых знаний». Для этого, справедливо считали они, имелись все «соответствующие предпосылки»¹.

За создание и введение в учебный процесс полноценного курса по социологии права выступают также и те ученые, которые не признают за данной дисциплиной самостоятельного и самодостаточного статуса. Но тем не менее они вполне оправданно, как представляется, считают что «признание неспособности социологии права образовывать отдельную отрасль правоведения не означает невозможности и нецелесообразности выделения самостоятельного учебного курса социологии права»².

Выступая за создание и введение в учебный процесс социологии права как самостоятельной учебной дисциплины, авторы в ряде случаев не ограничиваются лишь одним такого рода предложением и пожеланием, а предлагают одновременно развернутые или сокращенные программы курса данной дисциплины.

Основные цели изучения курса социологии права при этом усматриваются в том, чтобы: а) дать обучающимся научные знания, касающиеся механизма социального действия права, процессов его воплощения в тех или иных конкретных правоотношениях, а также социальных факторов, оказывающих значительное влияние на реализацию права; б) сформировать представление о социально-психологических механизмах принятия юридически значимых решений; в) ознакомить обучающихся с практикуемыми методами сбора и обработки социально-правовой информации, используемыми при изучении эффективности права и обобщении судебной или иной юридической практики; г) научить обучающихся самостоятельно проводить социально-правовые исследования, анализировать полученный при этом материал и уметь делать соответствующие обобщения и выводы³.

В соответствии с данными и другими аналогичными им по своей природе и характеру целями и задачами, решаемыми социологией права в рамках осуществляемой ею образовательной (учебной) функции, определяется и программа данной дисциплины. Она охватывает собой весьма широкий круг вопросов, включая историю становления и развития данной дисциплины; ее институциональные, функциональные и иные особенности; место и роль социологии права как научной и учебной дисциплины среди других юридических и неюридических дисциплин; методологию исследования социально-правовых явлений и методику изучения социологии права и др.⁴

4. Среди свойственных данной дисциплине функций определенную роль в их системе играет прогностическая функция.

О характере и назначении этой функции во многом говорит уже то, что она напрямую ассоциируется с прогнозом развития социально-

¹ Боботов С. В. Буржуазная социология права. М., 1978.

² Сырых В. М. Социология права. 4-е изд. М., 2012. С. 25.

³ Там же. С. 26—27.

⁴ Кульчар К. Основы социологии права. М., 1981; Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986; Лапаева В. В. Российская социология права. М., 2005; др.

юридических и чисто правовых явлений, т. е. с выработкой на основе имеющихся данных предсказаний, или суждений, об их дальнейшем развитии и о возможной деградации или совершенствовании.

В научной литературе в связи с этим верно констатируется, что все исследования, направленные «на воссоздание будущего состояния права на уровне конкретных явлений и процессов, понимаются как прогностические и их результаты формулируются в виде юридических прогнозов»¹.

Объектом прогнозирования, носящего всегда условный, многовариантный и вероятностный характер, могут, в принципе, выступать любые динамично изменяющиеся и развивающиеся явления и процессы, в том числе процесс правотворчества² и правоприменения, система права, система законодательства, различные отрасли и институты права, конституционные и текущие законы и др.

Весьма важным при этом для разработки высоковероятного научного прогноза является: а) наличие добротной фактической основы, на базе которой разрабатывается социально-юридический прогноз; б) преобладание законных связей у «тестируемых» объектов над случайными связями.

Точность юридического прогноза, независимо от его характера и содержания, в значительной мере обуславливается точностью оценки: состояния на момент составления прогноза самого рассматриваемого объекта; уровня развития правовой системы, в пределах которой функционирует данный объект; состояния социальной, экономической и иных систем общества на данный момент; определения основных направлений и тенденций развития общества и государства и т. д.

Методы юридического, равно как и любого иного, прогнозирования в принципиальном плане мало чем отличаются от традиционных методов научного познания, связанных со сбором, изучением, классификацией, обобщением и оценкой собранного эмпирического материала.

Теоретическая и практическая значимость юридического прогнозирования, осуществляемого в рамках прогностической функции социологии права, заключается прежде всего в том, что оно создает необходимые условия для долгосрочного, перспективного развития и совершенствования правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности соответствующих государственных органов и взаимодействующих с ними общественных институтов.

¹ Сырых В. М. Социология права. 4-е изд. М., 2012. С. 448.

² Законодательная социология / отв. ред. В. П. Казимирчук и С. В. Поленина М., 2010; Гаврилов О. А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. М., 1993.

ЛЕКЦИЯ 2. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

- Место и роль социологии права в системе общественных наук.
- Соотношение социологии права с теорией государства и права.
- Социология права и отраслевые юридические науки.

Место и роль социологии права в системе общественных наук

1. Рассмотрение вопроса о месте и роли социологии права в системе общественных или юридических наук является, по сути, продолжением темы, касающейся предмета данной дисциплины, ее соотношения с другими дисциплинами, а также объекта ее исследования.

При этом наличие общей цели у социологии права и других наук, заключающейся в глубоком и всестороннем познании объекта, в качестве которого в данном случае выступает сама непосредственная, реальная правовая жизнь, «практика, которую необходимо изучить, чтобы получить достоверные знания о предмете исследования»¹, — наличие такой общей цели, несомненно, объединяет воедино социологию права со всеми общественными науками, имеющими в той или иной мере отношение к праву.

В то же время предмет каждой общественной науки, не исключая социологии права, который представляет собой совокупность выделенных исследователем «закономерностей либо правовых явлений и процессов, которые он намерен подвергнуть научному анализу»², проводит дифференциацию всех связанных с познанием правовой материи наук. Это касается, в частности, политологии, психологии, истории, философии, статистики, демографии, политэкономии и др.

Каждая из этих дисциплин, будучи направленной на познание общего для них объекта — реальной правовой жизни как составной части окружающего мира, занимается познанием права не вообще, а лишь в отдельных его проявлениях или аспектах, заполняющих собой содержание ее предмета.

В отличие от юридических дисциплин, содержание предмета которых наполняется только правовой материей, в неюридических общественных науках дело обстоит несколько иначе. А именно основным содержанием их предмета в зависимости от отрасли знаний может быть экономическая, политическая, историческая и иная материя.

Что же касается правовой материи, то она в содержании предметов данных дисциплин занимает, как правило, весьма незначительное место и играет в них далеко не первую роль.

Характер и объем правовой материи в содержании предмета той или иной общественной дисциплины напрямую зависит от особенностей этой дисциплины и степени связи ее с правом. Практически весьма трудно, если вообще возможно, определить, например, объем правовой материи в содержании политэкономии по сравнению с объемом эконо-

¹ Сырых В. М. Социология права. 4-е изд., доп. и перераб. М., 2012. С. 344.

² Там же.

мической материи. Или объем правовой материи в содержании предмета политологии по сравнению с политической материей.

Однако тем не менее определенный объем правовой материи в содержании предметов общественных наук, имеющих постоянные связи с правом в целом или с отдельными его сторонами и проявлениями, в той или иной форме всегда присутствует и оказывает соответствующее влияние на характер этих дисциплин. Чем теснее связь той или иной общественной дисциплины с правом, тем большее место в содержании ее предмета занимает правовой материал. И наоборот.

Наличие, а точнее, отражение правовой материи в предмете той или иной общественной дисциплины, несомненно, сближает, если не сказать роднит, эти дисциплины с социологией права и другими юридическими дисциплинами и одновременно служит одним из прямых, «внутренних» (внутриправовых) каналов влияния социологии права на эти общественные дисциплины. Так же как и наоборот — обратного воздействия последних на социологию права.

Но это не означает, что влияние социологии права на другие общественные дисциплины, равно как и влияние этих дисциплин на социологию права, ограничивается только «внутренними» (внутриправовыми) каналами. Иными словами, это не означает, что взаимосвязь и взаимодействие социологии права имеет место только с теми общественными дисциплинами, которые непосредственно связаны с правом и осуществляются только через «внутренние» каналы. Помимо них и наряду с ними существует также целый ряд, условно говоря, «внешних» (внеправовых) каналов и различных форм взаимосвязи и взаимодействия социологии права с самыми различными общественными дисциплинами независимо от того, имеют ли они непосредственную связь с правом или не имеют¹.

2. Будучи самодостаточной междисциплинарной наукой, органически сочетающей в себе модифицированные под воздействием окружающей среды элементы общей социологии и правоведения, социология права оказывает влияние на различные общественные науки и сама в свою очередь подвергается воздействию с их стороны по разным каналам и направлениям.

В научной литературе, правда, нет единого мнения по данному вопросу. Ибо, если одни авторы подразделяют структурно социологию права «как научное направление» на такие «главные разделы», как «общие теоретические и методологические вопросы; специальные проблемы и конкретные социально-правовые исследования; методика и техника социально-правовых исследований»², то другие исследователи выделяют в структуре социологии права общую, особенную и теоретическую части. При этом в содержании общей части рассматриваются вопросы, касающиеся истории развития социологии права, ее основных проблем и состояния, а также роли социально-правовых исследований в обще-

¹ См.: Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996; Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1998; Лапаева В. В. Социология права / под ред. В. С. Нерсесянца. М., 2000; др.

² Право и социология / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. Н. Казимирчук. М., 1973. С. 53.

стве. Особенная часть посвящается рассмотрению конкретных методов социологии права и их применения, в особенности таких, как исторический метод, этнографический метод, метод анкетирования и интервью, статистический метод, экспериментальный метод и т. д. В теоретической части социологии права — концептуальном слое данной дисциплины и науки анализируются вопросы, связанные с концепцией правовой нормы, теорией действия права, концепцией науки политики права, с доктриной эффективности действия права и др.¹

Кроме названных в научной литературе высказываются также и иные, несколько отличающиеся от них, представления о структуре социологии права и ее составных частях. Например, Ж. Карбонье выделяет не три, а две ее составные части — общую часть, где исследуются связи социологии права с общественными и юридическими дисциплинами, и теоретическую часть, в которой рассматриваются вопросы, касающиеся предмета социологии права, критерия отграничения юридического от неюридического и др. В структуре социологии права выделяются также разделы, посвященные рассмотрению методов этой научной дисциплины, ее функций и т. д.²

Однако, несмотря на существование различных точек зрения и подходов к рассмотрению структуры социологии права и выделению ее составных частей, фактом остается то, что во взаимосвязи и взаимодействии данной дисциплины с другими общественными, впрочем, как и юридическими, дисциплинами социология права проявляется как «непосредственно», в виде самостоятельного, целостного явления, так и «опосредованно» через формирующие ее и ее структуру составные части.

В виде целостного явления социология права в отношениях с другими дисциплинами выступает тогда, когда, например, речь идет о выявлении ее предмета и отграничении ее предмета от предметов других смежных дисциплин; об определении функций данной дисциплины и соотношении (сравнении) их с функциями других дисциплин; о выделении и рассмотрении специфических признаков и черт, отличающих социологию права как самостоятельную дисциплину от других соотносящихся с ней дисциплин, в частности от общей социологии и правоведения и др.

Во всех других случаях в отношениях с общественными и иными дисциплинами социология права проявляется не в целостном виде, непосредственно, а через отдельные свои, конкретные элементы, методы, составные части ее структуры и т. д.

Разумеется, речь при этом идет не об отрыве составных частей от целого — социологии права, а тем более не о противопоставлении их целому, а лишь о способах, а точнее, формах проявления одного и того же явления — социологии права, которая в одних случаях в отношениях с сопредельными дисциплинами выступает непосредственно,

¹ Подгурецкий А. Очерк социологии права. М., 1974. С. 15, 75, 248.

² Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986.

в целостном виде, а в других проявляется посредством своих отдельных составных частей.

Во взаимоотношениях социологии права с другими дисциплинами последние, будучи различными по характеру заложенной в них научной информации и содержанию, играют, вполне естественно, не всегда равнозначную роль. Но тем не менее, как показывают исследования, они как неотъемлемые составные части единого целого — социологии права никогда не остаются безучастными во всех ее отношениях с данными дисциплинами.

3. Помимо всего прочего это обуславливает многочисленность самых различных каналов, направлений и форм взаимосвязи и взаимодействия социологии права со всеми сопредельными с ней дисциплинами.

Речь идет, в частности, о таких каналах взаимосвязи и взаимодействия социологии права с общественными и другими научными дисциплинами, как использование некоторыми из них концепций, разрабатываемых преимущественно или же отчасти в рамках социологии права. В качестве примеров можно сослаться на теорию действия права, которая, как справедливо подмечается в научной литературе, «старается рассмотреть воздействие социальной жизни на право и, наоборот, воздействие права на социальную жизнь»¹; на теорию эффективности норм права, понимаемую «как соотношение между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты»²; а также на другие теории.

Отдавая должное данному каналу взаимодействия социологии права с другими дисциплинами, некоторые исследователи несколько высокопарно, но вполне резонно замечают, что «теоретическая концепция составляет душу социально-правового исследования» и что «отсутствие такой концепции обезоруживает исследователя, лишает его ясной перспективы, обесценивает результаты научных поисков»³.

Наряду с концепциями важное значение в плане взаимоотношения социологии права с сопредельными ей научными дисциплинами имеет использование последними разрабатываемых и широко применяемых в рамках общей социологии и социологии права самых различных методов и методик.

Особое значение при этом придается по вполне понятным причинам, имея в виду социальную значимость исследуемой материи, методам и методикам выявления общественного мнения, таким как опросы населения по тем или иным жизненно важным вопросам, анкетирование, интервью и др.

Важное значение придается также экспериментальному методу, направленному на «познание существующей ситуации и проведение диагноза различных сил и факторов, которые в данной сфере социальной действительности играют решающую роль», а кроме того, на проверку

¹ Подгурецкий А. Очерк социологии права. С. 275.

² Сырых В. М. Социология права. С. 409.

³ Право и социология. С. 37.

различных положений и выдвинутых гипотез, на которые опирается или может опереться в своей деятельности законодательная или исполнительная власть»¹.

Теоретически и практически значимыми по своему прямому назначению в плане взаимосвязи и взаимодействия социологии права с общественными и другими научными дисциплинами, кроме названных, являются также и иные практикуемые в рамках данной дисциплины методы, такие как этнографический, метод анализа правовых материалов и другие методы.

Решающим фактором, обуславливающим заметное место и роль социологии права в системе общественных наук и определяющим характер ее отношений с другими дисциплинами, является предназначенность данной дисциплины, в соответствии с ее природой и стоящими перед ней задачами, к сбору и первичной обработке эмпирического материала, касающегося реальной жизнедеятельности государства, общества и права.

Общественная структура, государство и право, писал в связи с этим К. Маркс, «постоянно возникают из жизненного процесса определенных индивидов — не таких, какими они могут казаться в собственном или чужом представлении, а таких, каковы они в действительности, т. е. как они действуют, материально производят и, следовательно, как они действительно проявляют себя в определенных материальных, не зависящих от их произвола границах, предпосылках и условиях»².

Особая значимость социологии права как таковой в научном и практическом плане, а также в отношениях с другими дисциплинами заключается в том, что, имея объектом своего познания право, она подходит к его изучению не с традиционной для многих наук формально-юридической, а с *фактической стороны*, с точки зрения того, как в социальном разрезе право реально возникает и как фактически оно существует и функционирует.

На познание правовой материи с этих позиций социология права ориентирует и другие, причастные к процессу его познания, научные дисциплины.

Соотношение социологии права с теорией государства и права

1. Вопрос о соотношении социологии права с юридическими дисциплинами является далеко не новым в юридической и социологической литературе. Он возник более столетия назад и поныне остается до конца не решенным.

Констатируя тот факт, что к настоящему времени «в какой-то мере» проанализированы связи социологии права с криминологией и «социологией уголовного права», исследователи в то же время не без оснований отмечают, что «соотношение социологии права с большинством юри-

¹ Подгурецкий А. Указ. соч. С. 213.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М., 1975. С. 24.

дических дисциплин еще не выяснено»¹. Особенно это касается таких сопредельных, «смежных» с социологией права дисциплин, как философия права и теория государства и права.

Необходимость такого «выяснения» обусловлена как теоретически, так и практическими соображениями и потребностями.

В теоретическом плане четкое решение вопроса о соотношении социологии права с сопредельными дисциплинами, в особенности с наиболее близко находящейся к ней теорией государства и права, будет способствовать дальнейшей идентификации данных, относительно обособленных друг от друга, направлений познания государства и права, создаст условия, необходимые для более строгого разграничения предметов ведения этих дисциплин и избежания возможного их дублирования в учебном и научном процессе.

В практическом отношении разграничение социологии права с юридическими научными дисциплинами вообще и с теорией государства и права в частности, несомненно, будет способствовать в силу их последовательной идентификации более полной реализации заложенного в них академического и прагматического потенциала.

2. Как соотносятся между собой социология права и теория государства и права? Что у них общего и что особенного?

Отвечая на эти и им подобные вопросы, дискутируемые в литературе, следует обратить внимание, как и при рассмотрении проблем соотношения социологии права с неюридическими дисциплинами, прежде всего на общность объекта их исследования и на особенности предметов их познания.

Общим объектом их исследования является, как известно, реально существующая правовая материя во всех ее формах и проявлениях — правовая реальность. Для теории государства и права она дополняется, наряду с правовой, также неотъемлемой от нее с точки зрения позитивистского подхода государственной реальностью.

Однако эта, так сказать, количественная сторона и разница в объекте социологии права и теории государства и права не имеют в данном случае принципиального значения, поскольку общим объектом их познания остается все же правовая действительность, право. Главное при этом заключается в качественной стороне вопроса — в особенностях предметов искомых дисциплин и в различных их подходах к познанию права.

Существенная разница между ними в подходах к исследованию права заключается прежде всего в том, что если *теория государства и права рассматривает право с формально-юридической стороны, то социология права подходит к его познанию исключительно с фактической стороны.*

В стремлении познать право и вникнуть в его сущность, содержание и социальное назначение теория государства и права сосредоточивает внимание прежде всего на его понятии, формах (источниках) выражения, на системе права и ее структуре, на нормах права, правоотношениях и т. д.

¹ Гревцов Ю. И. Социология права: курс лекций. СПб., 2001. С. 37.

При этом основной целью теории государства и права является формирование и последовательное углубление на основе изучения и обобщения выработанного мировой цивилизацией общественно-политического и государственно-правового опыта четкого, концептуального представления о праве как о социальном явлении и понимании его роли в жизни общества и его назначения.

Что же касается социологии права, то ее непосредственной целью и задачей является, по справедливому замечанию В. М. Сырых, «изучение взаимосвязи права с другими социальными явлениями в процессе его действия, осуществления нормативно-правового регулирования общественных отношений»¹.

Будучи сформированной на базе элементов общей социологии и правоведения, социология права, по общему признанию, сформулированному еще в 70-е годы прошлого столетия А. Подгурецким, как весьма активная дисциплина в процессе своего существования и функционирования: а) направляет усилия исследователей на то, чтобы «познать фактическую социальную действительность в том объеме, в котором она связана с правовым фактором»; б) стремится к познанию права в действии, а вместе с тем к установлению области, «в которой быстрые или медленные правовые изменения оказываются эффективными»; в) определяет «правовой инструментарий», который приводит к соответствующим изменениям в сознании людей и в их поведении, «пытается установить косвенные или побочные отрицательные последствия, которые право может создать»; г) преследует цель изучения действия права «прежде всего для того, чтобы давать рекомендации, ведущие к рациональному и эффективному формированию социальной действительности»; д) в пределах сферы своего приложения и своих возможностей «анализирует действительность, стремясь эмпирически ее раскрыть и дать более полную и выразительную картину этой действительности»².

Находясь в постоянной взаимосвязи и взаимодействии с теорией государства и права и зачастую касаясь тех же академических тем и вопросов, которые рассматриваются в рамках этой научной дисциплины, социология права составляет в арсенале теории государства и права жизненно важный для ее нормального существования и функционирования эмпирический материал. Социология права, верно констатируется в связи с этим в научной литературе, «выполняя свое предназначение, составляет общей теории права уникальную информацию, но теоретический анализ этой информации осуществляется в рамках общей теории права»³.

Под «уникальной информацией», предоставляемой социологией права и анализируемой в рамках теории государства и права, разумеются эмпирические данные — практический материал, который используется

¹ Сырых В. М. Социология права. С. 16.

² Подгурецкий А. Очерк социологии права. М., 1974. С. 22, 23.

³ Сырых В. М. Указ. соч. С. 19.

теоретиками государства и права при разработке различных тем или концепций и без которого эта научная и учебная дисциплина была бы выхолощена и утратила бы свое значение и смысл.

Это касается как теории государства и права в целом, так и отдельных, рассматриваемых в ее рамках тем, в том числе таких узловых вопросов, которые непосредственно связаны с разработкой и определением понятия права, установлением его источников, решением проблем эффективности права, определением пробелов в праве и нахождением способов их восполнения и устранения и др.

Разумеется, без широкого использования «уникальной информации», поставляемой социологией права, равно как и без научного, теоретически и практически значимого материала, вырабатываемого в рамках отдельных отраслей права, в данном и других подобных случаях во избежание схоластики и односторонности в научных исследованиях невозможно обойтись.

Традиционно определяя, например, позитивное право в виде системы правовых норм, установленных или санкционированных государством и обеспеченных в случае нарушения содержащихся в них требований государственным принуждением, исследователи, в принципе, верно схватывают и отражают суть вопроса. В отечественной и зарубежной литературе исходя из такого или подобного ему представления и определения права также вполне обоснованно и верно отражается *прежде всего регулятивный характер*.

В теоретическом и практическом плане при первом приближении как рабочий вариант решения главного вопроса о праве, его понятии и роли такая постановка вопроса, несомненно, может считаться вполне удовлетворительной и приемлемой.

Однако при более разностороннем и углубленном подходе к определению права и его назначению, с привлечением и учетом материала других юридических и неюридических наук, включая социологию права, такое представление о нем и его роли в жизни общества и государства может и не без оснований, показаться односторонним и несколько ограниченным.

Дело в том, что право в реальной жизни выступает не только в качестве регулятора общественных отношений, но выполняет, как известно, и другие функции. Кроме того, в процессе реализации оно проявляется не только как нормативный феномен, но и как носитель информации¹; показатель уровня развития правовой и общей культуры того или иного общества; как средство социального контроля и социально-политической интеграции; наконец, как сугубо социальный в широком смысле, а не природный институт, со всеми вытекающими из этого последствиями.

По поводу последнего в научной литературе резонно отмечалось, что «социальный аспект права шире его нормативного содержания», ибо он предполагает рассмотрение социальных элементов «как предшествующих формированию государственной воли», нашедшей свое отражение

¹ См.: Кудрявцев Ю. В. Нормы права как социальная информация. М., 1981.

в позитивном праве, так и «связанных с уже действующей в обществе правовой структурой, с выявлением ее социальной эффективности»¹.

3. На примере определения понятия права и его роли в жизни общества и государства нетрудно видеть, что формально-юридический подход к праву, осуществляемый в рамках теории государства и права, раскрывает хотя и весьма важную сторону правовой материи, но не дает полного представления о данном явлении. Полная картина правовой реальности может быть дана только совместными усилиями теории государства и права и других юридических и неюридических наук, в том числе социологии права, позволяющей, помимо всего прочего, с помощью вырабатываемого ею эмпирического материала судить также и о других сторонах права. В частности, о степени его динамичности или, наоборот, консервативности, о его формальности или реальности, наконец, о его эффективности или неэффективности.

Для глубокого и всестороннего понимания права — его сущности, содержания и социального назначения — данные, фактически формируемые в рамках социологии права, фрагменты права в теоретическом, а главное в практическом плане имеют не менее, а в некоторых случаях даже более важное значение, чем его формально-юридические параметры.

Ведь в повседневной жизнедеятельности права зачастую весьма важным представляется знать не только и даже не столько то, что оно представляет собой в теории, сколько то, каким оно является на самом деле, на практике, в реальной действительности.

Печальный опыт постсоветской России, как и многих других современных государств, свидетельствует о том, что можно принимать, например, десятки законов, направленных на борьбу с коррупцией и другими негативными явлениями, но если они не действуют или действуют весьма слабо, с минимальной отдачей и максимальными затратами на их применения, то, естественно, такое законодательство немногого стоит. Это очевидно. Как очевидно и то, что для нормального функционирования экономики, общества и государства нужны не формальные, а реальные, действующие законы и другие нормативно-правовые акты. Определить их, используя при этом лишь формально-юридический подход и соотносящиеся с ним средства, как показывает опыт, не представляется возможным. Это можно сделать лишь на основе и с использованием эмпирического, фактического материала, получаемого в рамках социологии права в процессе проведения социально-правовых исследований с применением свойственных данной дисциплине методов сбора и первичного анализа эмпирической информации, таких как методы наблюдения, опроса представителей экспертного сообщества и населения, анкетирования, анализа различных источников и др.²

¹ Право и социология / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. Н. Казимирчук. М., 1973. С. 35.

² См.: Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М., 1987; Тоценко Ж. Т. Социология. М., 1998; Степанов О. В., Самыгин П. С. Социология права. Ростов н/Д, 2006; Честнов И. Л. Методология и методика юридического исследования. Краснодар, 2010; др.

Идеальным при этом представляется оптимальное сочетание в процессе познания права как весьма сложного и многогранного социального явления формально-юридической составляющей, исходящей от теории государства и права в виде его нормативного понятия, основных признаков и черт, форм существования и проявления вовне, различных теорий его возникновения и развития и т. п., с фактической составляющей, исходящей от социологии права в виде аккумулированного в ее пределах соответствующего эмпирического материала.

Необходимость такого сочетания наиболее остро ощущается особенно тогда, когда право рассматривается не только в статике, но и в динамике, в действии и когда решается вопрос о степени его реальности и уровне его эффективности.

В данном случае, равно как и в других подобных случаях, теория государства и права, анализируя и обобщая находящийся в ее распоряжении научный материал, формирует общее научное представление о рассматриваемом явлении, вырабатывает соответствующие идеи и концепции, создает научные гипотезы и предположения относительно настоящего состояния и будущего этого явления.

В свою очередь, социология права, поставляя теории государства и права нужный эмпирический материал, подтверждает ее видение исследуемого явления или, наоборот, опровергает.

Таким образом, в оптимальном, сбалансированном сочетании теории и практики, науки и эмпирики создается объективная картина правовой реальности в целом и ее отдельных составных частей в виде правовых норм, институтов, отраслей права и подотраслей.

Убедиться в этом можно на конкретном примере решения совместными усилиями теории государства и права и социологии права многих правовых проблем и, в частности, вопросов, касающихся эффективности права¹, при рассмотрении которых каждая из искомым дисциплин выполняет свои, обусловленные ее природой и характером, функции и играет при этом свою определенную роль.

Теория государства и права в процессе решения данных вопросов *разрабатывает понятие эффективности права и отдельных правовых норм*, согласно которому она традиционно представляется в виде соотношения между целями, поставленными законодателем при принятии тех или иных актов, с одной стороны, и достигнутым при этом фактическим результатом — с другой; *определяет виды эффективности правовых актов и содержащихся в них норм* в зависимости от целей их принятия и других критериев, выделяя при этом юридическую и социальную эффективность, а также фактическую, «основанную на обобщении реальных результатов действия исследуемой нормы», и теоретическую эффективность, заложенную законодателем в проектируемые акты и содержащиеся в них правовые нор-

¹ См.: Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С. и др. Эффективность правовых норм. М., 1980; Эффективность действия правовых норм / под ред. А. С. Паискова и др. Л., 1977; Эффективность закона. Методология и конкретные исследования / под ред. В. М. Сырых и Ю. А. Тихомирова М., 1977.

мы¹; выявляет наиболее благоприятные условия повышения эффективности правовых норм и устанавливает критерии определения уровня их эффективности; разрабатывает методiku изучения эффективности правовых актов и содержащихся в них норм, а также решает многие другие, касающиеся эффективности права, теоретически и практически важные вопросы.

Что же касается участия и роли социологии права в решении проблем эффективности права, то они в конечном счете сводятся к проведению социально-правовых исследований в данной области, позволяющих на основе полученного при этом эмпирического материала не только судить об уровне эффективности того или иного акта и содержащихся в нем норм или, наоборот, об их неэффективности, но и вырабатывать меры по повышению их практической роли и значения.

Аналогично обстоит дело не только с решением проблем эффективности права, но и всех иных теоретически и практически значимых проблем, рассматриваемых одновременно как в рамках теории государства и права, так и социологии права.

Социология права и отраслевые юридические науки

1. Наряду с теорией государства и права социология права имеет устойчивые связи с отраслевыми юридическими дисциплинами, в пределах которых при проведении научных исследований используется эмпирический социологический материал.

Несмотря на то что социология права является относительно новой научной и учебной дисциплиной², в отечественной и зарубежной литературе она нашла довольно широкое признание, а вырабатываемый ею фактический материал — широкое применение, причем не только и даже не столько в общетеоретических, сколько в отраслевых научных дисциплинах.

Констатируя тот факт, что социологические исследования активно проводятся по различным отраслевым дисциплинам, исследователи вполне обоснованно считают, что они «могут рассматриваться как аспекты (направления) соответствующих отраслей юридической науки» и что на основе этих исследований может возникать и развиваться «социология трудового, гражданского, уголовного, административного, природоохранительного права и т. п.»³.

В свою очередь, в рамках социологии отдельных отраслевых дисциплин теоретически и практически важным представляется развитие социологии из наиболее значимых институтов права или подотраслей права. Например, в пределах социологии семейного права — социологии семьи, административного права — социологии правоприменения и принятия решений, в рамках конституционного права — социологии (социологического обеспечения) правотворчества и т. д.

¹ Сырых В. М. Указ. соч. С. 410—411.

² См.: Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 265—285.

³ Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права. М., 1995. С. 31.

Нет никакого сомнения в необходимости и важности проведения социально-правовых исследований на уровне правовой системы той или иной страны в целом (на макроуровне) или отдельных ее составных частей — отраслей права (на среднем уровне). Но наиболее эффективным в практическом плане, как показывает опыт, является проведение их на уровне отдельных институтов права, отдельных нормативно-правовых актов, подотраслей права и даже правовых норм (на микроуровне). Ведь не следует забывать, что зачастую общая картина социологии права в целом или социологии отдельных его отраслей в значительной степени зависит от результатов социологических исследований, проводимых на уровне их отдельных составных частей¹.

Трудно себе представить, скажем, социологию конституционного права, если таковая сложится в перспективе как относительно самостоятельное и самодостаточное научное направление, без социологических исследований, проводимых на уровне его отдельных институтов и, в частности, на уровне правотворчества как одного из важнейших конституционно-правовых процессов.

Отнюдь не случайно в работах по социологии права, имея в виду огромную социально-политическую и иную значимость для общества и государства правотворчества, социологическому обеспечению данного конституционного института всегда уделялось повышенное внимание.

В научной литературе по этому поводу верно подмечалось, что «плодотворное правотворчество не может осуществляться без обстоятельного изучения социальных явлений и процессов, которые выступают в качестве содержания правовой формы и оказывают непосредственное воздействие как на сами нормы права, так и на результаты их действия»².

Социологическое обеспечение правотворческой деятельности, которое наряду с применением права исследователи обычно относят к содержанию особенной части социологии права³, предусматривает рассмотрение и решение целого ряда непосредственно относящихся к правотворческому процессу вопросов⁴.

Среди них: а) получение и анализ социологических данных о материальных и духовных потребностях населения, обусловливающих разработку и принятие тех или иных правовых актов; б) выявление, учет и адекватное отражение в законах и других нормативно-правовых актах юридически значимых интересов населения, которые вполне справедливо рассматриваются в литературе как «альфа и омега правотворческой деятельности как законодательных (представительных) органов

¹ См.: *Суслов Ю. А.* Конкретные исследования и развитие социологии права. Л., 1983; *Лапаева В. В.* Конкретно-социологические исследования в праве. М., 1987; *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. СПб., 1998; др.

² *Сырых В. М.* Указ. соч. С. 170.

³ Право и социология / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. П. Казимирчук. М., 1973. С. 54.

⁴ *Грецов Ю. И.* Социология права. СПб., 2001. С. 73—79.

государства, так и государственных органов исполнительной власти»¹; в) обеспечение участников правотворческого процесса социологической информацией о социально-правовом механизме реализации разработываемых актов и содержащихся в них норм; г) проведение прогностических исследований в законотворческой деятельности, направленной на поиск наиболее оптимальных путей нормативно-правового регулирования общественных отношений².

2. Наряду с правотворчеством в обстоятельном социологическом обеспечении, обуславливающим в значительной степени эффективность рассматриваемых явлений, нуждаются и другие жизненно важные институты как конституционного, так и других отраслей права.

Особое внимание при этом в научной литературе традиционно уделяется социологическим исследованиям и соответственно социологическому обеспечению различных институтов уголовного права, криминологии и других уголовно-правовых дисциплин³.

В соотношении с этими дисциплинами и, в частности, с криминологией социология права, как подмечают авторы, является «более общей» дисциплиной, имея в виду, что она изучает более широкий круг явлений⁴. В поле зрения социологов в отличие от криминологов находятся не только проблемы девиантного (отклоняющегося) поведения, преступности, но и вопросы, касающиеся в значительной своей части позитивного права: правопонимания, правомерного поведения, правосознания, правовой культуры и др.

С момента своего образования и на всем пути последующего развития социология права постоянно проявлялась в двух основных направлениях — в сфере юридических конфликтов (отклоняющегося поведения) и в сфере позитивного действия права, а также на двух уровнях: на уровне индивидов — их правосознания, мотивов правомерного и неправомерного поведения, причин совершения преступлений и т. д. и на уровне социума — в виде отдельных слоев, классов, групп людей, их различных объединений и всего общества⁵.

При этом социология права, обслуживая уголовно-правовые и все остальные юридические дисциплины, всегда рассматривала и рассматривает функции права как регулятора общественных отношений, так же как и назначение отдельных нормативно-правовых актов и содержащихся в них норм исходя не из того, что «должно быть» и что

¹ Сырых В. М. Указ. соч. С. 178.

² Подробнее об этом см: Сырых В. М. Указ. соч. С. 190—192.

³ Правовое поведение. Норма и патология. М., 1982; Социальные отклонения. М., 1984; Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М., 1986; Яковлев А. М. Социология экономической преступности. М., 1988; Лунев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997; др.

⁴ Гревцов Ю. И. Социология права. М., 2001. С. 39—40.

⁵ См.: Кареев Н. Н. Основы русской социологии. СПб., 1996; Социологический энциклопедический словарь. М., 1998; Парникель Ю. Л. Прикладная социология. Псков. 1999; Юридическая социология / отв. ред. В. А. Глазырин. М., 2000; Касьянов В. В., Момотов В. В. Социология права. Краснодар, 2010; др.

предусматривается правовыми нормами, а из того, что есть, из того, как в реальной действительности складываются правовые отношения на основе действующих норм и насколько эти отношения соответствуют целевым установкам, содержащимся в законодательстве¹.

Рассматривая, например, проблемы законности и правопорядка в обществе и обеспечивая при этом соответствующие институты, социология права в отличие от других, решающих данные проблемы юридических дисциплин, сосредоточивает внимание прежде всего не только и даже не столько на характере и содержании формирующихся механизмов правоприменения нормативно-правовых актов, сколько на их реальной отдаче, действенности.

Разумеется, при этом учитывается не только качество применяемых актов, их актуальность и своевременность, а также одобрение и поддержка их значительной частью населения, но и та экономическая, социально-политическая и иная среда, которая сопутствует или, наоборот, создает препятствия и объективно затрудняет реализацию того или иного позитивного потенциала, которым обладает рассматриваемый акт.

Обслуживая ту или иную отрасль права, социология права неизбежно выходит за пределы правовой надстройки и вносит в уголовно-правовые и другие юридические дисциплины элементы социальной, экономической, политической и иных сфер жизни общества.

Это вполне естественно и понятно, поскольку право, независимо от того, о какой его отрасли идет речь, никогда не существовало и не может существовать вне общества, не подвергаясь воздействию с разных его сторон, и в силу этого не может быть полностью познано только «из самого себя» без учета определенного влияния на него со стороны социальной, экономической, политической и других сфер жизни общества.

Социальные и иные аспекты в содержание права на всех стадиях его становления и развития, в том числе на этапе его формирования — правотворчества и правоприменения, вносит социология права. При этом речь идет не только о позитивной социальной информации, поставляемой социологией права различным правовым институтам и отраслям права из окружающей правовую материю среды, но и о негативных факторах.

В качестве примера можно сослаться на информацию, вырабатываемую социологией права относительно девиантного поведения членов общества вообще и одной из его важнейших и наиболее опасных для общества форм — преступления в частности.

Девиантное поведение (от лат. *deviatio* — отклонение), согласно сложившемуся о нем представлению, понимается как поведение субъекта социальных отношений, связанное с нарушением устоявшихся в обществе социальных ценностей и социальных норм, включая нормы права, морали, религиозные и иные нормы.

¹ Право и социология. С. 52.

В структуре девиантного поведения выделяются такие требующие своего социального обеспечения компоненты, как: а) социальная норма, нарушенная в результате соответствующего действия или бездействия лица (лиц), которому данной нормой предписано действовать; б) субъект (субъекты), нарушивший рассматриваемую социальную норму; в) субъект (субъекты) — лицо (лица), институт или иное государственное или общественное образование, которому девиантным поведением причинен ущерб.

Социальная опасность девиантного поведения состоит в том, что «человек, обладая свободной волей и возможностью действовать с соблюдением соответствующей социальной нормы, свою волю противопоставляет воле институционального образования, выраженного в этой норме». Тем самым в угоду своим узко эгоистическим интересам субъект девиантного поведения готов принести в жертву интересы институционального образования и его членов, заведомо причиняя им и их институциональному образованию материальный и моральный вред¹.

К основным видам девиантного поведения в научных исследованиях относят наркоманию, алкоголизм, проституцию и другие антисоциальные явления.

Одним из таких видов или форм девиантного поведения является правонарушение, возникающее в результате нарушения правовых норм и проявляющееся в виде преступления или проступка.

Несмотря на принципиальные отличия правонарушения от других видов девиантного поведения, модель социологического обслуживания его в основе своей остается идентичной модели социологического обеспечения всех иных его видов, или форм.

Будучи однотипным с другими аналогичными моделями явлением, ассоциирующимся с девиантным поведением, она включает в качестве компонентов прежде всего социологическую информацию: о видах и характере нарушаемых правовых норм; об их актуальности, о качестве и легитимности; о социальных факторах, оказывающих как позитивное, так и негативное влияние на процесс правоприменения нарушаемых норм; об эффективности применяемых при нарушении правовых норм содержащихся в них санкций; и др.

Обеспечивая социально-правовое «сопровождение» различных видов девиантного поведения, включая правонарушени, и различных имеющих с ним дело отраслей права, социология права, однако, не дает ответа на вопрос о причинно-следственных связях и самих причинах тех или иных отклонений от существующих в обществе социальных, включая правовые, норм.

Ответ на этот вопрос может дать только социальная практика как источник теоретических знаний и как исходный пункт научных исследований в сфере правоправедения совместно с юридической практикой.

Последняя, будучи составной частью социальной практики, представляет собой многогранную деятельность «правотворческих и право-

¹ Сырых В. М. Указ. соч. С. 304.

применительных органов по созданию и применению правовых актов». В то же время как социальная практика, охватывая собой более широкий, по сравнению с юридической практикой, круг явлений, включает, по мнению исследователей, помимо юридической практики также, во-первых, «общественные отношения и процессы», объективно существующие в обществе, и, во-вторых, «субъективное отражение этих отношений и процессов — политическое и правовое сознание, интересы и мотивы поведения, ценностные ориентации и социальные установки людей»¹.

При возникновении конфликтов интересов ответ на вопрос о причинах девиантного поведения вообще и совершения правонарушений в частности с опорой на социальную практику совместно с криминологией и другими дисциплинами может дать также и юридическая конфликтология². В научной литературе она рассматривается как одно из направлений социологии права, которая изучает «правовые отношения, нормы и институты под углом зрения использования их для предотвращения, предупреждения и разрешения конфликтов»³.

Рассматривая юридический конфликт как разновидность социального конфликта, возникающего в сфере права, юридическая конфликтология усматривает причины конфликтов в активном противостоянии сторон, вызванном полярностью их интересов, ценностей, целей, а также мотивов поведения людей. Сам же юридический конфликт при этом представляется в виде «отношения между государством, правонарушителем и потерпевшим по поводу устранения препятствий, обусловленных преступлением или иным противоправным деянием, на пути реализации норм права в конкретных отношениях»⁴.

Помимо и наряду с негативной социальной информацией, касающейся различных видов девиантного поведения и их характеристики, социология права, обслуживая различные отрасли и институты права,ставляет им, как свидетельствуют исследования, все же преимущественно позитивную социальную информацию, направленную на дальнейшее развитие правовой системы в целом и отдельных ее составных частей.

¹ Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права. С. 34.

² См.: Юридическая конфликтология / под ред. В. Н. Кудрявцева М., 1995; Жеребин В. С. Правовая конфликтология. В 3 ч. Владимир, 2000; Худойкина Т. В. Юридическая конфликтология. Саранск, 2001; и др.

³ Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Указ. соч. С. 212.

⁴ Сырых В. М. Указ. соч. С. 269.

ЛЕКЦИЯ 3. ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ ПРАВА

- История социологии.
- Становление социологии права.
- Социология права в России.

История социологии

Чтобы более или менее уверенно говорить о хронологических рамках возникновения и развития социологии, следует попытаться дать ее определение. При всем многообразии подходов при рассмотрении предмета, методов и отраслевых границ под социологией чаще всего понимают науку об обществе как системном объекте, состоящем из элементов, функционально между собой связанных. Общество изучают многие гуманитарные науки (история, археология, экономическая теория, этнография, психология, филология, юриспруденция и др.), но делают они это лишь в своем аспекте, под своим углом зрения. Социология возникает как некая универсальная, обобщающая наука, предметом которой выступает общество в целом, как совокупность институтов и процессов, системно между собой связанных и развивающихся в соответствии с определенными законами. Социология ставит перед собой цель выявить структуру общества и природу социальных взаимосвязей, закономерности развития и функционирования социальных институтов и общества в целом.

Важнейшая особенность социологии состоит в том, что данная наука отыскивает системные, функциональные взаимосвязи социальных явлений и стремится опираться в своих исследованиях строго на социальные факты идеального или материального содержания. Без отыскания системных связей и функциональной зависимости, без опоры на факты социологии нет.

Исходя из названных критериев история социологии представляется состоящей из двух основных этапов: классической социологии (середина XIX — первая треть XX в.) и современной (20—30-е гг. XX в. — начало XXI в.).

Данная периодизация не должна заслонять тот факт, что предыстория социологической мысли имеет значительно более широкие временные рамки. Признаки социологического анализа мы можем встретить в различных эпохах, начиная с античности. В сочинениях Платона и Аристотеля есть идеи о связи материальных интересов с государством, политикой и правом, об обусловленности форм государства демографическими, географическими и общекультурными факторами, об условиях эффективного действия законов и существования здорового государства. Реализм, стремление опираться на факты, увязывать государство и право с природой людей свойственно многим авторам эпохи Просвещения (Т. Гоббс, Б. Спиноза, Дж. Локк, Ж. Ж. Руссо). Самая крупная фигура в этом отношении — Ш. Монтескье, который ярко продемонстрировал возможность социологического метода, сравнивая правовые системы разных народов и развивая идеи географического детерминизма.

Непосредственным предшественником социологии следует считать К. А. Сен-Симона, взявшего на себя роль социального реформатора

и предложившего грандиозный проект по организации общества на научных принципах. Ему принадлежит идея реформирования наук на основе их слияния в единую позитивную науку, обобщающую все знание об обществе. Новая наука должна была полностью отказаться от всякой метафизики (т. е. доопытного, или внеопытного, знания), использовать методологию математики и естествознания, опираться в своих исследованиях строго на эмпирические факты. К. А. Сен-Симон связал теорию прогресса с закономерностями в развитии общества, что также давало импульс появлению социологической науки.

Однако, строго говоря, социология как наука возникает в XIX в., основателем ее считается О. Конт (ученик и секретарь К. А. Сен-Симона), который и ввел в научный оборот термин «социология». Своими работами «Курс позитивной философии» (т. 1—6, 1830—1842) и «Система позитивной политики» (т. 1—4, 1851—1854) он заложил основы новой науки, оказал огромное влияние на современников, породил великое число последователей. О. Конт не просто пропагандировал идеи своего великого учителя, но заметно их модифицировал, развил и претворил в развернутую, детализированную теорию.

Во второй половине XIX — начале XX в. социология окончательно формируется в самостоятельную отрасль знания со всеми необходимыми для этого атрибутами (научные труды, учебные курсы, специализированные кафедры и факультеты, ученые степени и многочисленные научные кадры). Наиболее весомый вклад в становление социологии внесли ученые Франции (Э. Дюркгейм, Ж. Г. Тард, Г. Лебон), Германии (Ф. Теннис, Г. Зиммель, М. Вебер, В. Зомбарт, К. Мангейм), Англии (Дж. Ст. Милль, Г. Спенсер, Л. Т. Хобхаус), США (А. В. Смолл, У. Г. Самнер, Ф. Гиддингс, Э. Каммингс), Италии (В. Парето, Г. Моска, Р. Михельс) и России.

К появлению социологии привели две основные группы причин. Во-первых, сама логика развития европейской науки требовала некоего обобщенного знания об обществе. В XIX в. происходит становление гуманитарных наук современного типа, идет процесс их интенсивной дифференциации и специализации. История, археология, этнография, антропология, сравнительное правоведение, статистика, демография, психология предоставили огромный фактический материал, характеризовавший общество с какой-то одной его стороны. Необходима была наука, которая была бы способна обобщить все эти сведения, попытаться подвести под них общий знаменатель и показать общество в единстве его институтов, связей и процессов. Нужна была наука, которая смогла бы абстрагироваться от конкретных национальных особенностей стран и народов и выявить некие функциональные взаимосвязи, зависимости и закономерности, свойственные любому обществу. Такую задачу взяла на себя социология.

В силу своей интегрирующей роли социология взрастала на междисциплинарном пограничье. В зависимости от того, материал какой науки использовал социолог, его исследование стояло ближе именно к ней. Именно поэтому многие исследовательские работы XIX — начала XX в.,

выполненные историками, этнографами, антропологами, экономистами, криминологами, демографами, статистиками, считались и продолжают считаться классикой социологической мысли. Негативным следствием междисциплинарного пограничья была известная рыхлость, эклектичность молодой социологической науки. Социология, стремясь стать царицей гуманитарных наук, ставила перед собой задачу поглотить весь предоставляемый ими фактический материал, что не могло не размывать ее предмета и границ.

В формировании социологии особую роль сыграли точные науки — математика и естествознание (астрономия, физика, химия, биология). Устав от теологии и метафизической философии, где знание заменялось верой или умозрительными аксиомами, социология обратилась к методам точных наук (наблюдению и описанию), стремясь быть во всем на них похожей. Считалось, что общество (как и любая другая материя) должно стать объектом беспристрастного, объективного анализа, подобно тому как естествоиспытатель изучает рой пчел, стаю волков или стадо слонов. Такой подход был усилен распространением эволюционной теории Ч. Дарвина, показавшей сходство между человеком и животным и предложившей рассматривать социальную эволюцию как часть биологической эволюции.

Еще в эпоху Просвещения гуманитарное знание стремилось уподоблять себя математике и естествознанию, добиваясь точности и формализации своих положений. Такая установка вытекала из парадигмы общеевропейского рационализма. Сначала средневековая схоластика, выросшая на почве аристотелевской логики, затем философия Нового времени создали подлинный культ разума. Следствием одностороннего рационализма стало понимание идеального общества как хорошо организованной машины, построенной на законах разума. У многих мыслителей века Просвещения между строк проскальзывала такая мысль: человеческий разум позволяет людям организовать свою жизнь на рациональных, удобных всем принципах, надо только открыть законы этого идеального общественного устройства. Данный подход давал широкий простор для создания разного рода социальных проектов, способных, по мысли их создателей, обеспечить земной рай.

Культ разума, вера в его созидательные возможности породили обстановку социального оптимизма, выразившуюся в идее прогресса. Пробуржуазные идеологи эпохи Просвещения верили в лучшее будущее человечества, в совершенствование социальных форм, в изменение природы человека. Теория прогресса стала одной из идейных платформ борьбы буржуазии с отживающим феодальным строем. Прогресс в понимании шедшей к власти буржуазии и означал разрыв с произволом абсолютизма, несправедливостью сословного права и переход к обществу свободы, равенства и справедливости.

Социология начального этапа в полной мере вобрала в себя мировоззренческие установки просветителей. Вера в разум (т. е. в науку) и прогресс доминировали вплоть до эпохи войн, революций и тоталитарных режимов первой половины XX в., что заметно поколебало эти на-

строения. Классической социологии, так же как и просветителям, было свойственно создавать социальные проекты земного рая. Так, О. Конт вслед за своим учителем К. А. Сен-Симоном предложил грандиозную утопию социократии, где власть находилась бы в руках первосвященника, философа-позитивиста. Основатель социологии рассчитывал преобразовать социальный строй на основе научного мировоззрения (позитивизма) и обеспечить прогресс, отдав власть священникам и капиталистам. В социологии Конта ярко контрастировало соединение двух взаимоисключающих вещей: науки, предполагающей опору на факты и здравый смысл, и утопии, где господствует слепая вера, а доводы разума заглушаются. Следует признать, что в дальнейшем мало кто из социологов избежал соблазна предложить свои рецепты по улучшению организации общества. Социология хотя и называет себя строгой наукой, не избежала участи быть еще в известной степени и утопией.

Вторая группа причин, вызвавших появление социологии, связана с бурным развитием общественной жизни на Западе. Промышленный переворот 30—40-х гг. XIX в. заметно меняет картину капиталистической действительности: растет число городского населения, возникают многослойная социальная дифференциация и сопутствующие ей конфликты. Крупнейший из них — борьба быстро увеличивающейся армии пролетариата с буржуазией, что в первой половине XIX в. вылилось в ряд революций и выступлений рабочих масс. Социальные болезни эпохи свободной конкуренции (безработица, нищета, голод, преступность, отсутствие жилья и социальных гарантий) делали жизнь стран Запада взрывоопасной и быстро меняющейся, на что не могло не откликнуться общественное сознание. Социология как раз и возникает как наука, призванная описать и объяснить патогенные условия новой буржуазной культуры и предложить решения насущных проблем.

В классический период своего развития социология использует в качестве методологической основы три главных на тот исторический момент философских направления: позитивизм, неокантианство, марксизм.

Основатель позитивистской философии — все тот же О. Конт, который провозгласил отказ от метафизики (признание сверхприродных принципов бытия) и переход к позитивному знанию, т. е. совокупности сведений, добытых исключительно опытным путем. Новая позитивная философия, по мысли ее создателя, должна была объединить знания математики, естественных и общественных наук и на этой основе стать подлинно позитивной наукой. Гносеологической установкой позитивизма стал агностицизм, т. е. принципиальный отказ от поиска сути вещей. Утверждалось, что стремление идеализма и материализма познать природу вещей относится к разряду метафизических, т. е. изначально ложных задач, что познать можно только явление, но не сущность. Соответственно позитивизм нацеливал исследователя не на поиск природы вещи, а на описание ее проявления, механизма становления и функционирования.

Следует подчеркнуть, что позитивизм является методологией, стихийно избираемой любым естествоиспытателем, поскольку ориентирует

на изучение реального, а не выдуманного мира. В этом смысле позитивизм сыграл важную положительную роль в становлении подлинно научного обществоведения. Социология, избрав позитивистскую философию в качестве своей методологии, на многие годы стала образцом общественной науки.

Во многом благодаря позитивизму образовались такие крупные школы классической социологии, как *географическая* (влияние географической среды на социальные институты), *демографическая* (установление роли народонаселения), *органическая* (рассмотрение общества как биологического организма), *расово-антропологическая* (значение рас в общественном развитии), *социал-дарвинизм* (изучение механизма борьбы за существование в условиях социальной среды), *психологическая* (психология — главный фактор, влияющий на социальные связи; ее разновидности: *инстинктивизм*, *бихевиоризм*). Особенность данных школ состояла в том, что они опирались на данные смежных естественных наук и рассматривали общество под их углом зрения. Несмотря на оригинальность и известную научность базовых положений и выводов, эти первые социологические отрасли несли на себе печать наивности и поверхности. Стремление свести бесконечное разнообразие свойств общества к какому-то одному фактору, одной стороне или одному качеству (географии, психологии или расовым особенностям) оборачивалось упрощением, обеднением и в конечном счете искажением представлений об обществе. Не случайно, что уже на рубеже XIX—XX вв. такая редукционистская социология начинает испытывать серьезный кризис.

Неокантианская методология имела широкое распространение в Германии, стране, где гуманитарная мысль длительное время определялась традициями немецкой классической философии и отличалась антипозитивистским настроением. На социологов прямо или косвенно оказало влияние неокантианство баденской школы (Г. Риккерт, В. Виндельбанд), резко отделивших науки о природе от наук о культуре. Если в природе, утверждали баденцы, господствует повторяемость, закономерность, то культура по своей природе уникальна и подчинена ценностным императивам мира должного. Науки о природе оперируют номотетическим методом (отыскивают закономерность), науки о культуре — идеографическим (описывают объекты культуры). При всех различиях во взглядах Ф. Тенниса, Г. Зиммеля, М. Вебера, В. Зомбарта и К. Мангейма кантианская методология объединяла их в подходе к истории и культуре как набору ценностей, как совокупности духовных эмпирических фактов. Немецким социологам было свойственно исследовать функциональные взаимосвязи на материале духовной культуры, ее норм, ценностей и традиций.

Классическая немецкая социология, находясь под сильнейшим влиянием отечественных философских школ, зачастую переходила свои предметные границы и перерастала в традиционную философию истории или социальную философию. На примере немецкой социологии XIX — первой трети XX в. особенно наглядно была видна ее междисциплинарная природа.

Социология как классического периода, так и современного немыслима без марксизма. Хотя К. Маркса не каждый из специалистов отнесет к социологам, его значение для формирования социологии огромно. Его идеи обсуждались всеми, кто занимался социологией экономических отношений, революций, классовой борьбы, отчужденного труда, политических движений, государства и права, общественного сознания и его различных форм. Непосредственное влияние марксизм оказал на М. Вебера и Э. Дюркгейма.

Главный вклад К. Маркса в социологическую науку — разработка концепции исторического материализма. Согласно материалистическому пониманию истории в основе развития человечества, всех форм его жизнедеятельности лежат материальный интерес, способ производства. По мере того как меняется последний, меняются все остальные формы общественного бытия (сознание, государство, право, искусство и т. д.). Ключевая категория исторического материализма — общественно-экономическая формация, объединяющая системными связями различные стороны жизни общества в единое целое. Экономика здесь — системообразующий, интегрирующий фактор, подчиняющий себе все остальные социальные явления.

Можно соглашаться или не соглашаться с положениями исторического материализма, но нельзя отрицать тот факт, что К. Маркс убедительно продемонстрировал своей концепцией большие возможности социологического метода, показав функциональные связи основных институтов современного буржуазного общества. «Капитал» есть не просто сочинение по политической экономии или научному социализму, оно представляет собой блестящий социологический анализ материальной основы буржуазной культуры. При рассмотрении зависимости политики, государства и права от остроты экономических противоречий и классовой борьбы социологический метод также раскрывается в полной мере.

На рубеже XIX—XX вв. начинается процесс институционализации социологии. В 1894 г. в Париже состоялся первый конгресс Международного института социологии, начинают выходить специализированные журналы. Возникают первые центры социологических исследований: Лондонское социологическое общество (1903), Американское социологическое общество (1905), Немецкое социологическое общество (1909). Постепенно социология становится университетской дисциплиной: открываются кафедры в Чикагском университете (1892), Лондонском университете (1907), Сорбонне (Франция, 1913).

В Европе (особенно в Германии и Англии) становление социологии в качестве университетской дисциплины сталкивалось с большими трудностями. Поскольку социология вырастала на междисциплинарном поле, она оказывалась невольным конкурентом классических гуманитарных дисциплин. Наибольшую оппозицию социология встречала со стороны истории и философии, из лоно которых она во многом и вышла.

Гораздо более благоприятные условия создались в США, где политические и деловые круги были заинтересованы в социологических

исследованиях. Возникнув позднее европейской, американская социология развивалась более энергичными темпами. В США уже в 1901 г. социология читалась в 169 университетах и колледжах. Правда, преподаватели социологии предпочитали проходить стажировку в Европе (особенно в университетах Германии).

Развитие социологии в России также имело свою специфику. Первые специализированные работы появляются в 60—70-е гг. XIX в. Они не только популяризировали идеи О. Конта, но представляли собой вполне зрелые самостоятельные исследования (Г. Н. Вырубов, Н. Я. Грот, Л. И. Мечников, П. Ф. Лилиенфельд, В. В. Лесевич и др.). Научные контакты с Европой были непосредственными, тесными, что определило синхронность, параллелизм в развитии русской и европейской социологии: направления и философско-методологические школы практически совпадали. Исключение составили социология народничества (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, С. Н. Южаков, В. П. Воронцов) и религиозных философов (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк).

В России социология зачастую воспринималась как дисциплина, направленная на критику самодержавия, что заметно тормозило ее распространение в высшей школе. Тем не менее уже к концу XIX в. социология периодически преподавалась в качестве необязательного спецкурса в Москве (университет, Политехнический институт), Харькове и Варшаве. В 1901 г. М. М. Ковалевский создает в Париже Русскую высшую школу общественных наук, где обязательным предметом была социология. В 1908 г. открывается частный Психоневрологический институт с первой социологической кафедрой (в разное время ее возглавляли М. М. Ковалевский, Е. В. Де-Роберти, П. А. Сорокин, К. М. Тахтарев). В 1912 г. при Историческом обществе Петербургского университета была открыта социологическая секция. Весной 1916 г. состоялось учреждение Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского. После падения самодержавия образуются новые кафедры в Петроградском и Ярославском университетах, вводятся ученые степени по социологии, публикуются первые учебники.

Классический этап в развитии социологии заканчивается на рубеже 20—30-х гг. XX в., когда возникают тоталитарные режимы и Европа начинает готовиться к новой войне. Приход к власти нацистов и оккупация ими европейских стран привели к замораживанию социологических исследований и массовому бегству научных кадров в США, куда и перемещается центр социологической мысли. Пострадала социология и от большевистской диктатуры в России. Если в 1920-е гг. еще проводились какие-то социологические исследования, то со второй половины 1930-х гг. в обстановке жесткого идеологического диктата социология практически прекращает свое существование.

Современная социология имеет ряд заметных отличий от классической социологии.

Во-первых, в 20—30-е гг. XX в. возникает прикладная социология, занимающаяся с помощью специальных методов сбором, классифи-

кацией и первичным анализом эмпирического материала. В Западной Европе уже в XVII—XVIII вв. проводились статистические и демографические исследования, в XIX в. они стали регулярными. Если на рубеже XIX—XX вв. статистика и демография развивались, как правило, в отрыве от социологии, то в первой трети XX в. социологическая наука начинает прочно осваивать их методологический и методический арсенал. Во второй половине XX — начале XXI в. невозможно себе представить современную цивилизованную страну, где не проводились бы широко-масштабные социологические замеры. Прикладная социология стала своего рода индустрией, где заняты сотни тысяч людей.

Во-вторых, в отличие от классической современная социология характерна весьма высокой степенью дифференциации. В классический период найдется немало работ, посвященных тем или иным сферам жизни общества (преступность, бедность, проституция, экономика, социальные конфликты). Но все это выглядело фрагментарно, говорить о возникновении новых отраслей, как правило, не было оснований. В XX в. процесс дифференциации неимоверно возрос, вылившись в мощный поток специализированных исследований. Возникли многие десятки отраслей внутри социологии (социология религии, социология права, экономическая социология, социология искусства, историческая социология, социология литературы, социология кино, социология семьи, социология молодежи, социология престарелых, социология деревни, социология города и т. д.). Процесс специализации социологических дисциплин будет продолжаться ввиду появления новых сфер жизни, ее усложнения и дифференциации.

В-третьих, современная социология отличается устойчивым соединением теории и эмпирических данных. В XX в. прикладная и теоретическая социология активно взаимодействуют, что мы наблюдаем на уровне в основном отраслевых социологических дисциплин. Изучать такие современные явления, как деревня, кино, искусство, семья, религия, безработица, невозможно без опоры на статистический, фактический материал. В противном случае исследование будет представлять собой не строгую науку, а публицистику со случайными выводами и вкусовыми пристрастиями.

Современная теоретическая социология общего характера, направленная на изучение общества, его институтов и процессов в целом, как правило, слабо использует эмпирику, предоставляемую прикладной социологией. Такие видные представители структурно-функционального подхода, как Т. Парсонс, Р. Мертон, Э. Гидденс, Н. Луман, зачастую демонстрируют крайне абстрактный анализ общества, где социология нередко утрачивает свои специфические черты, перерастая либо в схоластику, либо в метафизику. На их фоне авторы классического периода смотрятся более предпочтительно, так как в их работах эмпирический компонент, предметность всегда присутствуют.

В-четвертых, современная теоретическая социология имеет значительно более разветвленную методологическую базу, что делает ее инструментарий более тонким и точным. Усложнение и модифика-

ция прежних философских школ и появление новых (неопозитивизм, неомарксизм, фрейдизм и неофрейдизм, прагматизм, феноменология, структурализм и постструктурализм, постмодернизм) послужили дополнительным импульсом в развитии социологической науки.

В XX в. основными центрами социологической мысли были и продолжают во многом оставаться США и Западная Европа. В странах «реального социализма» социология в той или иной форме пробивала себе дорогу, но без претензий на отраслевую самостоятельность и в рамках исторического материализма. После падения коммунизма и здесь возникли условия для полнокровной социологической науки.

Становление социологии права

Соединение социологии и юриспруденции как профессиональных научных дисциплин начинается во второй половине XIX — в начале XX в. Это был процесс с двумя направленными навстречу друг другу векторами движения: от социологии к юриспруденции и от юриспруденции к социологии. В первом случае социологи, развивая свои доктрины, стремились опробовать их на юридическом материале. Во втором — юристы, рассматривая свои специальные проблемы, пытались использовать понятийный аппарат и методологию социологии. Специфика возникновения повлияла и на название социолого-правовой науки. В научной литературе под социологией права зачастую понимали отрасль социологии, созданной социологами, а под социологической юриспруденцией — отрасль юриспруденции, сформированной юристами. Такой терминологический разнобой весьма условен, хотя и показателен, так как указывает на межотраслевой характер социологии права.

Формирование социологии права (в самом широком смысле этого термина) шло по трем основным направлениям. Во-первых, социолого-правовой подход развивался внутри отраслевых юридических наук. Представители уголовного, государственного, коммерческого, семейного права широко привлекали статистический, демографический и антропологический материал для решения своих специальных проблем. Показательный пример соединения криминальной проблематики и социологии — криминология. Во-вторых, социология права складывалась путем изучения права и государства как абстрактно взятых институтов (их генезис, микро- и макроструктура, функциональные взаимосвязи), что привело к появлению различных социологических школ права (школы свободного права, институционализма, социолого-психологического направления и др.). В-третьих, социология права наращивала свой потенциал благодаря эмпирическим, прикладным исследованиям, приобретшим особый размах во второй половине XX в.

В первых двух случаях главную роль в становлении социологии права в самостоятельную отрасль знания сыграли по большей части юристы, именно они создали большинство специализированных теоретических трудов. Прикладные исследования проводили по преимуще-

ству социологи, почему эту часть социологии права нередко называют юридической социологией.

Использование социологического подхода началось, конечно, не в XIX в., а много раньше. Классики французской социологии права Г. Гурвич и Ж. Карбонье вели свою идейную родословную со времен античности. «Пожалуй, наиболее весомый вклад античности в социологию права внесли ее историки и путешественники, — писал Ж. Карбонье. — Мы имеем в виду их любопытные свидетельства о нравах и обычаях разных народов в далекие времена. Вспомним в связи с этим Геродота и Плутарха, Варрона и Авла-Геллия, наконец, Тацита с его описаниями быта древних германцев. Из этих описаний и свидетельств сложился юрико-этнографический фонд, из которого социологи продолжают черпать сведения и поныне. Еще более значимо, что в итоге того, что сделали античные авторы, возникло представление о разнообразии правовых систем во времени и в пространстве, об их относительности»¹. Г. Гурвич находит у Аристотеля зачатки институционализма: каждая социальная группа рождает свой свод правил, существующих наряду с правом и конкурирующих с ним. Аристотель, рассуждает ученый, вводит термин *filia* (в пер. с греч. — дружба), толкуя его предельно широко как любой вид социальной связи. *Filia* есть та многослойная нормативная среда, которая формирует и определяет свойства права, влияет на форму государства, лежит в основе действующего правопорядка. Хотя древнегреческий философ и не ставил перед собой цель рассмотреть право как следствие воздействия социальной среды, фактически он это делает².

Определенную роль в деле становления социологии права сыграла естественно-правовая школа. По сути своих принципиальных положений о праве обе школы — антиподы. Если социологический подход ориентирует на установление права, реально действующего, фактически регулирующего общественные отношения, то естественно-правовая теория обращена к праву идеальному, должному, к правовому идеалу, расположенному в общественном сознании. Вместе с тем конструкция естественного права и естественного состояния, умозрительная по своему содержанию, включала и некоторый реалистический, фактический компонент. Так, согласно естественно-правовой теории между правом позитивным и естественным существует дуализм, позитивному праву противостоит природа вещей. Феодалный правопорядок рассматривался как рукотворная, искусственная модель, противоречащая естественному состоянию, подлинной природе человека. Такая антиисторическая, надуманная аргументация обращала тем не менее к природным свойствам человека, фактическим отношениям между людьми как основе права. Естественное состояние выступало здесь как некая социальная реальность, где следует искать корни права и государства. Уже в эпоху Просвещения естественно-правовая концепция ломала юрико-догма-

¹ Карбонье Ж. Юридическая социология. Благовещенск, 1998. С. 77, 78.

² См.: Гурвич Г. Д. Философия и социология права. Избр. соч. СПб., 2004. С. 615, 616.

тическое восприятие права, что объективно готовило почву для социологии права.

Почва для социолого-правовых исследований готовилась также и со стороны исторической школы права, которая отодвинула на задний план естественно-правовую концепцию и во многом предопределила возникновение научного подхода к рассмотрению права. Историческая школа права, выдвинув тезис о праве как явлении национальной культуры, стимулировала интерес к правовым культурам мира и широкое применение историко-сравнительного метода. Подход к праву как элементу национальной культуры предполагал поиск тех факторов, которые могли повлиять на формирование права. Во многом мистическое положение о народном духе как источнике права поворачивало исследовательский интерес к реальной основе права — обществу, социальной среде во всем ее многообразии. Рассмотрение права как исторического явления возвращало к фактически действующему, функционирующему праву. Историческая школа права пыталась определить реальные рамки влияния права, границы правотворчества. В самом широком смысле эта влиятельная школа права прививала интерес к эмпирической стороне права, что является необходимой предпосылкой для социолого-правовых исследований.

Как верно указал Ж. Карбонье, одним из важных этапов на пути к социологии права стала развернувшаяся с конца XVIII в. европейская кодификация, в ходе которой приобрел особое значение знаменитый Гражданский кодекс Наполеона 1804 г.¹ Переход континентальной Европы от феодализма к капитализму знаменовал собой вытеснение законом всех остальных источников права (в первую очередь правового обычая). Буржуазия, заинтересованная в установлении режима законности, стимулировала развитие юридической техники, отраслевой юридической науки, способной подготовить добротные нормативные акты. Парадокс состоял в том, что и сторонники, и противники кодификации с разных позиций приближали науку к социологии права.

С точки зрения классической юридико-догматической юриспруденции социологический метод неуместен при подготовке текстов законов. Юрист, создающий нормативно-правовой акт, нацелен на поиск точных, непротиворечивых понятийных конструкций, встроенных в иерархическую систему законодательства. Главный предмет внимания здесь — текст, буква закона, четкость формулировок и согласованность норм. Однако если на первый взгляд все выглядит именно так, то более глубокое рассмотрение вопроса дает иную картину.

Юрист-догматик, имеющий цель подготовить закон, должен хорошо себе представлять специфику общественных отношений, которые предстоит урегулировать. Юрист-догматик не законодатель, он, как правило, является исполнителем воли законодателя (монарха, парламента, партийного вождя, олигархической клики). Но ему как разработчику следует четко понимать цели законопроекта, хотя и ставит эти цели

¹ Карбонье Ж. Указ. соч. С. 86.

не он. Так, пришедшая к власти буржуазия в лице Наполеона Бонапарта поставила перед собой цель закрепить принципы свободы и равенства в экономике и политике, что и было сделано в Гражданском кодексе и конституционных актах. Юридическая наука получила наглядный пример непосредственной связи между интересами социальных групп и законодательством, между сухой формулой закона и волей господствующих классов.

Консерваторы эпохи Реставрации (Ж. де Местр, Л. де Бональд, К. Галлер, историческая школа права), критикуя кодексы как произвольную прихоть законодателя и апеллируя к обычному праву, фактически звали Европу вернуть феодальные порядки. За этой критикой нового буржуазного законодательства стояли вполне конкретные интересы феодально-монархических кругов, что также было замечено юридической наукой.

Если естественно-правовая теория, историческая школа права, юридические отраслевые науки создавали почву, своеобразную научную среду для созревания социологии права, то непосредственным толчком ее становления стало учение О. Конта. Основатель позитивизма в целом оставался глух к теоретическим проблемам права и государства, известно лишь его мнение о субъективных правах граждан социократии, которые следовало бы, полагал он, отменить и поставить на их место обязанности. Значение О. Конта для социологии права состоит в том, что он создал и философски обосновал социологический метод анализа социальных явлений. Позитивистские и социологические идеи, витавшие в воздухе, были им систематизированы, обобщены и представлены в виде относительно завершенной теории. Ученые, занимающиеся проблемами государства и права, сразу же по достоинству ее оценили, применив в качестве инструмента своих исследований.

Как уже было сказано, со второй половины XIX в. начинается бурный процесс становления социологии права в качестве профессиональной, самостоятельной научной дисциплины. В ее формировании принимали участие социологи и юристы. К социологам, сыгравшим наиболее заметную роль в этом деле, следует отнести К. Маркса, М. Вебера и Э. Дюркгейма. Их интересы выходили далеко за рамки социолого-правовых исследований, хотя каждый из них детально изложил свой подход в понимании политико-юридических тем. Значение этих авторов заключалось, во-первых, в том, что они, благодаря своему громадному идейному влиянию, стимулировали интеграцию юриспруденции и социологии. Во-вторых, ими основаны направления со своим набором понятий и идей, в рамках которых создавались многочисленные специализированные труды по социологии права.

Среди юристов, стоявших у истоков социологии права, выделяются Р. Иеринг, Л. Гумплович, Е. Эрлих, Л. Дюги, М. Ориу, Е. Леви, А. Леви-Брюль, Л. И. Петражицкий, Г. Гурвич, Р. Паунд, К. Ллевеллин, Дж. Фрэнк и др. Все они преподавали и занимались научной деятельностью на юридических факультетах университетов, некоторые были практикующими юристами. Их труды заложили основы социологии права

как самостоятельной юридической дисциплины, наметили ориентиры для социолого-правовых исследований в XX в. С конца XIX и до середины XX в. были созданы произведения, которые и по настоящий день в известном смысле являются непревзойденными.

Так же как и общая социология, социология права была востребована самой жизнью. В последнюю треть XIX в. страны Запада вступают в эпоху империализма, характерной серьезным отступлением от традиций ранней буржуазной демократии (XVII — первая половина XIX в.). Если в эпоху свободной конкуренции государство играло роль «ночного стражника» (выражение Ф. Лассаля), не вмешиваясь в экономику, то в период господства монополий его функции меняются. Под напором борьбы трудящихся масс за свои социальные и политические права буржуазное государство было вынуждено брать на себя обеспечение социальных гарантий, ограничивая эгоизм монополий. Становясь социальным, буржуазное государство одновременно становилось и этатистским, т. е. должно было активно вмешиваться в экономику и в целом в жизнь общества. Классические институты демократии (парламент, избирательное право, референдум, многопартийная система), подстраиваясь под новую реальность, зачастую обнаруживали свою неэффективность, что в конечном счете привело к установлению в 20—30-е гг. XX в. тоталитарных и авторитарных режимов. Оказавшись в кризисе, буржуазная демократия требовала специального изучения и практических рекомендаций. Для социологии права, науки, во многом прикладной, с новой методикой и методологией познания, здесь открывались широкие возможности.

Возросшая динамика и кризисные явления западных обществ заставили буржуазное государство более оперативно и гибко реагировать на развитие социальных отношений, что выразилось, в частности, в активизации роли суда.

Суд своими решениями корректировал нормы закона, расширяя или сужая их по своему усмотрению, максимально приближая к рассматриваемой спорной ситуации. Фактически суд создавал новые нормы и наряду с исполнительной властью выстраивал общественные отношения в соответствии с потребностями страны. Активизация деятельности суда заставила многих юристов сместить исследовательский интерес со статической стороны права на его динамические свойства. Было обращено внимание на разрыв между правом и жизнью, отмечалось, что не все записанное в законе реализуется в жизни, и наоборот: существующее в практике, помимо закона, носит юридический характер. По мысли юристов, суд призван был находить «живое право», реально, фактически регулирующее общественные отношения. Такой подход существенно расширял рамки понимания права, которое сводилось либо к любой социальной норме, практически регулирующей общественные отношения, либо к правоотношениям, либо к правоприменительным актам (прежде всего актам суда). Социология права и возникала как наука, обобщающая идеи всей этой научно-практической юридической среды.

Несмотря на объективную потребность, социология права как научная и учебная дисциплина расширяла сферу своего влияния с большими трудностями. Даже к середине XX в. на Западе еще не было полной ясности с ее официальным статусом. В работе 1942 г. Г. Гурвич с горечью писал, что социология права все еще находится в стадии формирования, она не занимает должного места в юридическом образовании. Главной причиной ее медленного становления он считал сопротивление со стороны юристов и социологов, которые отказывали ей в научном статусе. Юристы опасались размывания нормативного характера права, а социологи — внесения в их науку оценочного компонента¹.

Опасения со стороны юристов, надо сказать, были совершенно обоснованными, так как социология права действительно заметно потеснила юридический позитивизм — господствующее направление в XIX и XX вв. Юридический позитивизм — естественная, стихийная методологическая основа любого юриста-практика, участвующего в правотворческой или правоприменительной деятельности. Юридико-догматический метод всегда будет востребован, как всегда будет востребовано искусство написания и применения законов. Вместе с тем с последней трети XIX в. догматическая юриспруденция явственно обнаруживает свою ограниченность, неспособность дать ответ на вызов времени. Юристы-догматики могли предложить только создание новых юридико-технических конструкций (что совсем немало), а требовалось дать социолого-правовой анализ идущих процессов и предложить практические меры для устранения кризисных явлений. Социология права, конечно, не особенно помогла выйти западным обществам из кризиса, но она значительно расширила понимание его действительных причин.

Юридический позитивизм враждебно воспринимал социологию права еще по одной причине. С юридико-догматической точки зрения право есть веление, приказ власти, что, как правило, предопределяло либо лояльное, либо апологетическое отношение юристов к государству и господствующему политическому режиму. Социология права, напротив, сделав предметом своего внимания социальную среду правотворческой и правоприменительной политики, невольно вставала на путь критики власти и законодательства. Изучая зависимость государства и права от материальных интересов, социальных конфликтов, природных свойств индивидов, больших и малых человеческих коллективов, социологи права вскрывали теневые стороны и патогенные процессы политико-правовой жизни.

Социология права — дисциплина, сложившаяся из соединения социологии, юриспруденции и философии. Доминирует в данной триаде, несомненно, социология, дающая социологии права идеи (системный подход, структурно-функциональный анализ, опора на эмпирический материал) и общее направление развития. Социология права, как правило, развивалась в рамках социологических школ, направлений и отдельных социологических теорий. Трудно назвать социолого-правовую теорию, которая не отталкивалась бы от базовых идей какой-либо социологической школы.

¹ См.: Гурвич Г. Д. Указ. соч. С. 567, 568.

Роль юриспруденции в основном сводилась к тому, чтобы задавать тему исследования — политико-правовые явления. Юристы становились социологами права в том случае, когда привносили социологический подход в изучение права и государства. Именно в этом смысле социология права, говоря словами Ж. Карбонье, есть отражающая дисциплина, т. е. она заимствует идеи из общей социологии и прилагает их к своей сфере¹.

И наконец, от философии социология права берет мировоззренческие и методологические ориентиры. Философско-методологические основы социологии права и общей социологии практически полностью совпадают (что, кстати говоря, еще раз подтверждает вторичность социологии права перед общей социологической наукой). Так же как и общая социология, социология права в XIX в. использовала в качестве философской методологии позитивизм, марксизм и неокантианство, позднее, в XX в., прагматизм, неопозитивизм, неомарксизм, феноменологию, фрейдизм и неопрейдизм, структурализм и постструктурализм.

В XX в. положение социологии права последовательно укреплялось, хотя и не без трудностей. В континентальной Европе ее институционализация проходила медленнее, в англосаксонских странах, где роль суда была выше, быстрее. В США уже в 1930-е гг. школа реалистов приобретает большую популярность, что выглядело вполне естественно на фоне «нового курса» Ф. Рузвельта. Острейший экономический кризис заставлял власть авторитарными методами оперативно вторгаться в экономическую и социальную жизнь, что потребовало расширить традиционное понимание буржуазной законности. Отдавалось предпочтение не «бумажным нормам», а «реальному праву», вырастающему из самой жизни благодаря решениям суда. В США социологические концепции права доминировали, но на этом основании нельзя сделать вывод об их больших, чем в Европе, успехах. После Второй мировой войны социологические школы теряют свое лидирующее положение в американской юриспруденции. Их теснят естественно-правовые концепции, отдельные положения которых социологические школы начинают включать².

В Германии и Австрии, где и появилась концепция «живого права», социологический подход встречал сильное сопротивление со стороны юридической практики, считавшей закон, а не прецедент главным источником права. В Германии только в 1970-е гг. социология права полноправно входит в программы университетов в качестве учебной дисциплины. До этого она как учебная дисциплина практически отсутствовала. В настоящее время здесь существует лишь незначительное число социолого-правовых исследовательских центров³.

Во Франции первой половины XX в. социологическая школа права развивалась по преимуществу в форме институционализма (влияние

¹ Карбонье Ж. Указ. соч. С. 131, 132.

² См.: Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М., 1971. С. 285, 309—311.

³ См.: Масловская Е. В. Становление современных концепций западной социологии права. Н. Новгород, 2009. С. 43, 44.

Э. Дюркгейма). В стране, где традиционно были сильны социалистические и профсоюзные движения, идея солидарности между различными классами ложилась на благоприятную почву. Поэтому рассматривать государство и право в качестве институтов, функционально связывающих социальные группы в единое целое, становилось типичным социологическим приемом. В современной Франции нельзя выделить какого-то главного социологического направления.

Междисциплинарная природа социологии права весь XX в. стимулировала ее дифференциацию: юристы развивали по преимуществу теоретическую ее разновидность, социологи — прикладную. Во второй половине XX в. данная тенденция только усилилась: юристы и социологи все дальше отдалялись друг от друга. Относительно широкий размах прикладные исследования приобрели в Великобритании и США, чему способствовала прецедентная система права, традиционно имевшая практический уклон. Даже в Германии, давшей классические образцы теоретической социологии, работы, например, Р. Иеринга и Е. Эрлиха были объявлены отдельными специалистами далекими от социологии. Социология права, построенная на эмпиризме (юридическая социология), сделала своим основным предметом конкретно-социологические исследования карьеры судей и других лиц юридических профессий, мотивацию судебной решения, оценку закона общественным мнением и т. д. Здесь приобретала особую роль статистика, анализ документов, интервью, тексты¹. Вместе с тем, несмотря на всплеск интереса к эмпирическим исследованиям, удельный вес литературы по теоретической социологии преобладает, так как прикладная социология стоит дороже.

Социология права, возникнув как междисциплинарная отрасль знания, так и не смогла приобрести теоретического и методологического единства. Разрыв между теоретической социологией и прикладной, юриспруденцией и социологией, социологией права и криминологией никогда не был преодолен и со временем только увеличивался. Все это ведет к разнобою в понятийном аппарате, создает препятствия для полноценного диалога представителей разных социолого-правовых школ. Да и сами социологи права стран Запада слабо между собой связаны, имеют очень приблизительное представление о работах друг друга.

Справедливости ради следует отметить, что такая картина «научного плюрализма» наблюдается во всех гуманитарных науках. В известном смысле это неизбежно и нормально.

Социология права в России

В России, так же как и в Европе, становление социологии права было процессом с одновременным участием социологов и юристов. При этом следует вспомнить, что и в Европе, и в России во второй половине XIX — начале XX в. социология как отрасль знания представляла собой довольно рыхлое, аморфное образование, а сами социологи были в известном смыс-

¹ См.: Туманов В. А. Указ. соч. С. 311—313.

ле самоучками, пришедшими в новую дисциплину из смежных областей науки: истории, философии, юриспруденции, этнографии, географии, политической экономии и др. Социологи классического периода — это новаторы, каждый из которых стремился идти своим путем, подчас безмерно расширяя границы новой науки и залезая во владения смежных отраслей. Такой подход был во многом неизбежен, так как диктовался целью социологии — создать некое обобщенное, абстрактное, универсальное знание об обществе и взаимосвязи его институтов. В условиях данной обществоведческой среды вполне естественным выглядит тот факт, что социологический анализ вопросов государства и права предпринимался представителями самых разных наук и публицистами различных политических направлений. Искать родоначальников социологии права только в среде юриспруденции было бы методологической ошибкой.

Обществоведческая мысль России, где ее политическая история, деятельность государственных органов, особенности политического режима, формы государства, законодательство рассматривались с использованием тех или иных аспектов социологического метода, берет свое начало в социальной философии и философии истории первой половины XIX в. В русле так называемой критической (скептической) школы в русской историографии (Н. С. Арцыбашев, М. Т. Каченовский, Н. А. Полевой, П. М. Строев, И. Ф. Эверс), опиравшейся на труды Г. З. Байера и А. Тюрго (известные А. Сен-Симону и его ученикам), обсуждалась идея закономерности исторического процесса, наличия в нем отдельных стадий. П. Я. Чаадаев, поставив вопрос о судьбе России в мировой истории, фактически попытался вскрыть закономерности появления деспотической власти, ее обусловленности характером, культурой и религиозными предпочтениями русского народа. Дискуссия западников и славянофилов еще более привлекла внимание к специфике русской политико-правовой культуры, к факторам ее формирования и закономерностям развития. Интенсивная разработка принципов идеального общественно-политического устройства на основе методологии О. Конта происходила в кружке петрашевцев (В. Н. Майков, В. А. Милютин). Заметный вклад в развитие и пропаганду социологического подхода внесли основоположники русского социализма (В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев). Если Н. Г. Чернышевский много сделал для обоснования категории общественных законов независимо от учения О. Конта, то Д. И. Писарев уже прямо объявил себя сторонником контизма, посвятив данному направлению немало публицистических статей.

Полномасштабное появление философии позитивизма и социологии в России приходится на конец 60-х гг. XIX в. В это время создаются сочинения, не просто пропагандирующие модные европейские идеи, но демонстрирующие зрелость и самобытность их авторов. Классик русской социологии Н. И. Кареев называет три имени, с которыми связано рождение самостоятельной социологической мысли в России: П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, С. Н. Южаков¹. Все трое — пред-

¹ См.: *Кареев Н. И.* Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 38.

ставители народничества, в научном плане — разработчики так называемого субъективного направления в социологии. Обращает на себя внимание тот факт, что социология в России возникает как критика самодержавно-феодальной системы, как метод обоснования социально-политического и экономического переустройства страны. Труды народников — это одновременно и наука, и политическая публицистика. В них можно найти обоснование философии позитивизма и социологии, представления о природе общества и его закономерностях, анализ государства и права, теорию революционной борьбы с самодержавием, этику самопожертвования ради великой цели.

Здесь следует напомнить, что в основе позитивной науки О. Конта также лежал политический мотив: он мыслил себя «пастырем человечества», предложившим грандиозный проект социального реформаторства. В России социология права, как правило, была тесно связана с политической платформой ее разработчиков: дворянством, народниками, либералами, марксистами, анархистами, консерваторами. Политический, во многом оппозиционный характер русской социологии обусловил ее запрет со стороны царских властей вплоть до первой русской революции 1905 г.

Как было отмечено ранее, ввиду тесных научных контактов русских ученых с европейскими социология в России и Европе развивалась практически параллельно и в рамках схожих направлений. Исторически первым и, пожалуй, главным направлением был позитивизм, объединивший первых социологов (К. Д. Кавелин, М. М. Троицкий, Г. Н. Вырубов, Н. Я. Грот, Е. В. Де-Роберти, Н. И. Кареев) на принципах безграничной веры в науку и социального оптимизма. Философия позитивизма стала той широкой методологической основой, на которой авторы различных научных отраслей и школ пытались анализировать эмпирический материал и выстраивать свои гипотезы. Всех их объединяло стремление рассматривать социальные проблемы без опоры на религию и метафизику, максимально приближаясь к естествознанию. Позитивизм в решающей степени повлиял на такие ветви социологической мысли, как субъективная социология народничества, натурализм (в форме географизма и органицизма), оказал глубокое воздействие на юриспруденцию и психологию. Социология для представителей данных направлений представлялась универсальной наукой, включающей историю науки, гносеологию, этику, эстетику, политику, юриспруденцию и т. д.

Позитивистски ориентированная социология так или иначе обсуждала, конечно же, широкий комплекс вопросов, связанных с государством и правом. Юристы — в большей мере, специалисты из других отраслей знания — в меньшей. Надо понимать, что социология, изначально складывавшаяся как скрытая или открытая критика самодержавия и феодального строя, не могла обходить такие важные темы, как связь государства с экономикой, политикой и социально-классовой структурой общества, феодальное и буржуазное законодательство, права человека, революцию и оптимальную политико-правовую организацию общества будущего.

Так, социологи-народники в полный рост поставили вопрос о соотношении государства и личности, до предела обострив его. Если в глазах консервативного обывателя Российской Империи государство представляло собой грозную силу, имеющую сакральные корни, тысячелетнюю историю и незыблемую в своей основе, то народники видели в нем разновидность человеческих институтов, по большей части определяемую волей и сознанием людей, их политико-правовым идеалом. Человеческую историю, полагали они, направляют не так называемые объективные факторы (географическое местоположение, демография, экономика, быт и т. п.), а субъективная воля одного или нескольких лиц, способных подчинить себе послушное большинство. По логике народников, небольшая группа революционеров («критически мыслящих личностей») вполне в состоянии навязать свою волю и свой политический идеал большинству и тем самым совершить социальный, а значит, и политический переворот. В данном контексте государство представало как функция слоя людей с выдающимися волевыми и интеллектуальными качествами, что нельзя, конечно, отрицать применительно ко многим фактам истории.

В натуралистических социологических концепциях тема государства и права если и не была главным предметом внимания, то, как правило, шла фоном, на котором разворачивалась аргументация авторов, к ней шли прямые и косвенные отсылки. Это вполне понятно ввиду политической мотивации большинства первых русских социологов.

Организцизм при всем упрощении социальной материи высказал верную мысль о том, что животность человека подчиняет его и созданные им институты законам природы так же, как и другие биологические организмы. Согласно логике органицистов, человеческое общество, мир политики, государственную деятельность в виде правотворчества и правоприменения вполне можно рассматривать как организм, живущий по известным законам. Следует признать, что биологические механизмы действительно работают в таких социальных системах, как отправление власти и применение права. П. Ф. Либиенфельд, например, справедливо утверждал, что общественные институты (в том числе государство и право) вечны и неизменны, так как соответствуют неким естественным законам (неизменным свойствам людей). Любое искусственное вмешательство в социальный организм способно породить патологию, грозящую гибелью. Для П. А. Кропоткина и Я. А. Новикова таким искусственным компонентом было государственное насилие, которое всегда разрушало общественную солидарность — важнейшее качество биологической жизни. Отсюда исследовательская задача — выявить законы, позволяющие изменить механизм осуществления государственной власти, сделать его источником ненасилия.

Заслуга органицистов состояла также в том, что предпринятый ими структурно-функциональный анализ был впоследствии широко востребован социологией права.

Представители географического направления (Л. И. Мечников, А. П. Шапов, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский) также указывали на тот факт, что социальный организм — часть природы, географиче-

ская среда распространяет свои законы на общество, которое обязано их соблюдать. Их труды изобиловали материалом, доказывающим связь государства и его правовой системы с особенностями их местоположения.

Позитивизм и социология глубоко проникли и в юриспруденцию России, способствовали появлению целой плеяды юристов социологического направления. Как отмечал Н. И. Кареев, продвижение социологии в юридической среде было процессом трудным и противоречивым. Если, например, для экономистов, привыкших в силу специфики предмета опираться на эмпирический материал и отыскивать законы материальной жизни, было вполне естественно осваивать социологический подход, то корпус российских юристов оставался в целом глух к социологии и даже воспринимал ее враждебно. Юрист-отраслевик, юрист-догматик ориентировался в своей деятельности по созданию и комментированию законодательных актов на приказы власти, особенно не вникая в социальную природу принимаемых актов. Его интересовала юридическая техника и благосклонная оценка его деятельности со стороны начальства. Философам права (П. Г. Редкин, Б. Н. Чичерин), выросшим на почве немецкой идеалистической философии (в основном гегельянской), социология также была чужда, так как отрицала сверхприродные основы социального бытия. Более приемлемой социология оказалась для юристов-историков (К. Д. Кавелин, В. И. Сергеевич), исследовательская деятельность которых по своей природе была направлена на изучение фактов¹.

Первые работы юристов, где так или иначе используется социологический метод, появятся лишь в конце 70-х гг. XIX в., т. е. через 10 лет после начала политико-публицистической деятельности социологов-народников. Ядро социологов-юристов составили молодые преподаватели Московского университета (С. А. Муромцев, М. М. Ковалевский, А. Н. Чупров, И. И. Янжул, Ю. С. Гамбаров), для которых социологический подход стал определяющим в их исследованиях. В 1878 г. стали выходить два издания социолого-позитивистского направления: «Юридический вестник» под редакцией С. А. Муромцева, «Критическое обозрение» под редакцией М. М. Ковалевского и В. Ф. Миллера. В рамках Московского юридического общества, работавшего при Московском университете во главе с С. А. Муромцевым, начинают обсуждаться социолого-правовые вопросы.

С. А. Муромцев и М. М. Ковалевский — крупнейшие представители социологической школы права в России. Оба занимались политической деятельностью, стояли в оппозиции к власти, в результате чего были вынуждены покинуть Московский университет. С. А. Муромцев, развивая идеи своего учителя Р. Иеринга, предложил модернизировать науку гражданского права, связав ее с запросами жизни. Он попытался создать собственную теорию права как составную часть социологии, где право рассматривалось не в качестве нормы, установленной властью, а как социальное явление, через призму правоотношения и правопорядка. М. М. Ковалевский — первый из русских социологов-юристов,

¹ См.: Кареев Н. И. Указ. соч. С. 107—110.

получивший широкую известность в Европе. Свою задачу он видел в соединении положительных сторон существующих социологических течений, осуществлении взаимосвязи социологии с историей, этнографией, правоведением. Наибольшее внимание уделялось им теории многофакторности, закономерности прогресса, происхождению социальных институтов. Благодаря С. А. Муромцеву и М. М. Ковалевскому, утверждает Н. И. Кареев, социология стала проникать в преподавание энциклопедии и философии права, что привело к их постепенной трансформации в общую теорию права¹.

Популярность социологии к концу XIX в. оказалась так высока, что даже юристы-догматики и юристы-философы не устояли перед соблазном опробовать самим социологический метод в исследовании права и государства. Так, Г. Ф. Шершеневич, известный цивилист и сторонник юридического позитивизма, выпустил книгу «Социология», где выступил за соединение психосоциального подхода с идеями социалдарвинизма. Это и неудивительно: юридический позитивист, усматривающий в государстве единственный источник права, совсем недалеко стоит от социологического подхода, так как здесь признается очевидный факт жизни, многократно подтвержденный историей. Б. Н. Чичерин в своей работе «Курс государственной науки» один из разделов назвал «Социология», где общество понималось как система элементов, влияющих на государство. Русский гегельянец, отрицая за социологией право на отраслевую самостоятельность, включил тем не менее ее в общую теорию государства и права в качестве ее составной части.

Другим (наряду с позитивизмом) крупнейшим направлением в социологической мысли (и соответственно в социологии права) был марксизм, проникновение которого в Россию началось уже в 60-е гг. XIX в. Русская интеллигенция с одинаковой жадностью впитывала в себя и позитивизм, и марксизм, поднимая данные новейшие европейские научные школы на высоту, которую они не имели у себя на родине. Первый том «Капитала» был переведен уже в 1872 г., и это был первый иностранный перевод.

Вначале марксизм изучался в среде народников, оказывая на их социологические представления некоторое влияние (П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев). Позднее, по мере вызревания российского пролетариата, марксизм по большей части развивается и пропагандируется легальными марксистами и социал-демократами. В 1890-е гг. открывается острая полемика между народниками, отстаивавшими идеи крестьянского социализма, и социал-демократами, выступавшими за социализм на основе диктатуры пролетариата. Марксизм быстро завоевывал популярность, так как отличался единством теории и практики и воспринимался своеобразной альтернативой народникам, потерпевшим неудачу в 70-е гг. («хождение в народ», террор). На этом этапе марксистская социология начинает обретать зрелость и самостоятельность, противопоставляя себя всем остальным немарксистским («буржуазным» в интерпретации социал-демократов) социологическим концепциям.

¹ См.: Кареев Н. И. Указ. соч. С. 122.

Первыми влиятельными марксистами в России были П. Б. Струве, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, А. А. Богданов, А. В. Луначарский, позднее Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, Н. И. Бухарин и др. С самого начала особенностью марксистской социологической мысли было ее включенность в общий контекст исторического материализма. Методологическая природа марксизма такова, что в нем изначально заложено единство философии, экономической и политической теории, общесоциологических положений. Поэтому вполне естественно, что марксистская социология государства и права оказывается составной частью социальной философии и философии истории марксизма.

Ключевая фигура марксистской социологии государства и права в России — В. И. Ленин, уже в 1890-е гг. опубликовавший серию работ, где на основе статистических данных предпринята попытка доказать факт развития капитализма в России. По сути, было проделано выдающееся социологическое исследование, где вопросы экономики, политики, государства и права связывались воедино. Необходимость пролетарской революции, диктатуры пролетариата и построения социализма обосновывалась социологическим методом. В годы революции и гражданской войны вопросы о власти и ее нормативном закреплении — важнейшие, что побудило В. И. Ленина провести детальный анализ институтов государства и права в связи с экономикой, классовой борьбой и перспективой социалистического строительства, что также стало образцом марксистской социологии.

Значение В. И. Ленина состоит также в том, что он стал основателем советского обществоведения, в том числе советской социологии права. Правда, роль эта была двойной. С одной стороны, основатель Советского государства блестяще продемонстрировал возможности социологического метода в рамках исторического материализма, творчески развив марксистскую социологию государства и права. С другой — В. И. Ленин, многократно усилив интегративный характер марксизма, создал тем самым предпосылки для исключения в будущем социологии как самостоятельной отрасли знания. Если в начале своей публицистической деятельности он использовал термин «социология», то впоследствии от него отказался. Первые советские юристы-социологи в целом были близки к ленинской трактовке социологии.

Господство позитивизма и марксизма в русском обществоведении, в частности в социологии, вызывало естественную противоположную реакцию со стороны других направлений, что создавало предпосылки для некоей альтернативной социологии и социологии права.

Одной из первых реакций на плоский эволюционизм раннего позитивизма была оригинальная философия истории Н. Я. Данилевского. Позитивизм рассматривал развитие общества как поступательное движение вперед по пути совершенствования свойств социальной организации и его элементов. В контексте такого подхода государство и право представляли собой явления, неизменно стремившиеся к прогрессу, под которым обычно подразумевалось стремление к идеалу буржуазной законности (верховенство закона, разделение властей, правовая

защищенность личности, т. е. набор принципов, составляющих суть правового государства). Н. Я. Данилевский, продолжая славянофильскую традицию антизападничества, предложил новую, циклическую, модель социальных изменений. Теория культурно-исторических типов должна была, по его мысли, доказать, во-первых, равенство различных национальных культур и, во-вторых, развенчать просветительскую теорию прогресса. В свете циклической модели государство и право должны были рассматриваться не с позиции европейского гуманизма и легализма, а в качестве элементов национальной культуры, в большей или меньшей степени воплощающих в себе исторические задачи народа. Выдвинув идею цикличности, Н. Я. Данилевский много раньше западных авторов (О. Шпенглер, А. Тойнби) сформулировал парадигму, ставшую одной из самых влиятельных в социологии и социологии права XX в. Кроме того, теория циклов ориентировала на изучение государства и права со стороны их структурно-функциональных особенностей.

Реакцией на позитивистскую и марксистскую философию и социологию стало русское неокантианство (по преимуществу баденской школы), провозглашенное в 90-е гг. XIX в. Неокантианцы (А. С. Лаппо-Данилевский, П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский, В. М. Хвостов) выступили против сведения социальных институтов и процессов к механицизму и биологизму живой и неживой природы, к материальным отношениям. Если позитивизм и марксизм отстаивали тезис о закономерностях в общественной жизни, то неокантианство выступило за рассмотрение общества, государства и права как уникальных объектов, не несущих в себе никакой повторяемости. Главенствующую роль в обществе, утверждали неокантианцы, играют не материальные и биологические факторы, а духовные — сознание и воля людей.

Казалось бы, неокантианство, отвергнув идею социальных законов, подрывало саму основу существования социологии, цель которой изначально мыслилась как поиск этих законов. Однако на самом деле неокантианцы лишь перенесли действие законов из биологической и материальной сфер общества в его идеальную сферу. Следуя постулатам И. Канта, был выдвинут тезис, согласно которому всякое научное познание общества есть в своей основе исследование априорных форм человеческого разума. Законы, открываемые социологией в жизни общества, государства и права, при более пристальном рассмотрении оказываются законами разума. Таким образом, предмет социологии права переносился с материальных объектов на идеальные, а сама социология права из позитивистской или марксистской становилась кантианской.

Следует отметить, что социологические концепции, в основе которых лежат методологические принципы разного рода идеализма и даже иррационализма, приобретают особую популярность в XX в., после войн и революций, поколебавших веру людей в прогресс и гуманистические идеалы.

Картина социолого-правовой мысли в России была бы неполной без указания на такой ее важный компонент, как психологическое направление. Не вызывает сомнений, что психологическая школа права, основателями которой в нашей стране были Н. М. Коркунов и Л. И. Петражиц-

кий, представляет собой вполне самостоятельное и завершенное явление. Вместе с тем не будет ошибкой считать данную школу разновидностью социолого-правовой мысли. Во второй половине XIX — первой трети XX в. психология приобретает такую популярность, что трудно найти в России философа, историка, литературоведа, юриста или социолога, не уделившего данной теме какого-то внимания. Такой междисциплинарный интерес к психологии оборачивался методологической эклектикой психологических концепций, которые могли иметь позитивистскую, марксистскую, кантианскую, гегельянскую, фрейдистскую и разную другую основу.

Психология ставила себе целью понять поведение человека посредством изучения психических процессов его внутреннего мира. Поскольку перед социологией также стояла задача изучения социального поведения, встреча между этими двумя науками была неизбежной. Социологи с большим энтузиазмом включили психологию в арсенал своих познавательных средств, а психологи, со своей стороны, стали стремиться к социологическим и философским обобщениям. Хотя, строго говоря, во второй половине XIX — в начале XX в. провести грань между социологом и психологом было подчас затруднительно, многие выдающиеся авторы успешно работали в обеих науках. В XX в. социология права, в той или иной мере опирающаяся на психологию, имела широкое распространение (чему, в частности, способствовали ученики Л. И. Петражицкого, эмигрировавшие из Советской России: Н. С. Тимашев, П. А. Сорокин, Г. Д. Гурвич). В настоящее время данное направление считается перспективной областью исследований.

С приходом к власти большевиков социология (социология права) еще какое-то время по инерции развивалась, но очень скоро она была встроена в механизм партийной пропаганды. Поначалу советские юристы, более или менее широко применявшие социологический подход (М. А. Рейснер, П. Я. Стучка, Е. Б. Пашуканис), пытались вносить в марксистскую теорию права некоторый плюрализм мнений, используя идеи Р. Иеринга и Л. И. Петражицкого. Однако уже к началу 1930-х гг. социология (социология права) квалифицируется как буржуазная наука и прекращает свое самостоятельное существование.

Официальный запрет социологии не мог, конечно, привести к исключению социологических методов из советского обществоведения, поскольку они внутренне были присущи марксизму. Исподволь социолого-правовая мысль развивалась, существенно оживившись в 1950—1960-е гг. в форме прежде всего прикладных исследований. Советская социология права существовала в рамках общей теории государства и права (традиция, заданная русским дореволюционным правоведением) и исторического материализма и сводилась в основном к изучению проблем правотворчества и правоприменения. В условиях новой постсоветской России наметилась тенденция к становлению социологии права как самостоятельной юридической дисциплины.

ЛЕКЦИЯ 4. СОЦИОЛОГИЯ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- История как категория социологии права.
- Закономерность и уникальность.
- Рациональное и иррациональное.
- Линейность и цикличность.

История как категория социологии права

Социология — наука, направленная на обработку эмпирического материала и ставящая своей целью выявление законов, действующих в обществе и его институтах. Предметом внимания социологии выступают, конечно, современные общества, но «главный фактический материал, — убежден классик русской социологической мысли Н. И. Кареев, — социолог будет всегда получать из изучения прошлого». «Само исследование современных социальных явлений, — утверждает он, — может дать настоящие плоды под условием изучения не только взаимной связи между этими явлениями, но и породивших их причин в прошлом, равно как и тех следствий, которые должны обнаружиться лишь тогда, когда сами эти явления сделаются фактами прошлого. С другой стороны, многие факты современности получают надлежащее освещение лишь тогда, когда к объяснению их мы привлекаем аналогичные факты, наблюдавшиеся в прошлом, или когда знаем генезис объясняемых нами фактов. Наконец, то, что мы называем современностью, так сказать, с каждою новою минутою само делается прошлым, т. е. становится достоянием истории. Но самое важное — это то, что в летописях исторической науки мы имеем такое громадное количество социологического материала, какого нам не дает и дать не может непосредственное наблюдение над окружающей нас действительностью»¹.

С самого начала своего профессионального становления в XIX в. социология была тесно связана с историей. Совсем не случайно у А. Сен-Симона и О. Конта важной составляющей их систем становится теория трех стадий развития человечества. Поиск ими закономерностей не мог ограничиться современным обществом, они нуждались в опоре на фактический материал европейской и мировой истории. Более того, как верно замечает П. Штомпка, европейская социология XIX в. возникает в ответ на попытку объяснить великий переход от традиционного общества к современному². Трансформация европейских обществ от феодализма к капитализму, от натурального хозяйства к промышленному производству, от сословного строя и обычного права к демократии и буржуазной юстиции требовала своего осмысления и новых теоретико-методологических подходов.

В XIX в. наблюдается интенсивная дифференциация гуманитарных дисциплин, в качестве самостоятельных отраслей знания оформляются история и философия истории, где требовались обобщение исторического знания и выявление возможных законов общественного развития. Социология, образно говоря, нашла свое место между этими

¹ Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. СПб., 2008. С. 74, 75.

² См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 255.

двумя дисциплинами, стремясь уйти от конкретики и описательности истории, с одной стороны, и высоких абстракций философии истории — с другой. Особенность ранней социологической мысли (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Ф. Теннис) состояла в том, что она пыталась строить глобальные эволюционные схемы, слабо связанные с историческими фактами. История часто рассматривалась как механистический, фаталистический процесс, прогрессивно развивающийся и не знающий отклонений от магистрального пути. Именно на этом фоне возникали разнообразные общественные идеалы, утопии, создавалась традиция социального прожектерства. Подлинно исторический подход (с известными оговорками) продемонстрировали К. Маркс и М. Вебер, включив в научный оборот богатейший материал европейской и мировой истории.

Две мировые войны и тоталитарные режимы в Европе вызвали волну критики против гуманитарных наук (философии истории, социальной философии, социологии), ставивших своей целью отыскать закономерности в истории. Главной мишенью здесь стал марксизм, подчинивший своему влиянию половину мира. Исторический подход в обществоведении (в том числе в социологии) был назван историцизмом, под которым понималось слепое преклонение перед законами истории, вера в их неизбежность, убежденность в фатальном исходе исторических событий.

На передовом рубеже этой критики находился К. Поппер, провозгласивший релятивизм всякого научного знания. Он предложил считать любое знание результатом договоренности научного сообщества, а историю рассматривать как итог случайных и разнообразных условий, заранее непредвиденных. Человеческая история, полагал он, уникальна, в ней господствуют случайность, иррациональность, что делает ее непредсказуемой. Универсальных законов эволюции нет, эволюция обществ есть уникальный исторический случай, не имеющий аналогов. Вера в историческое предназначение есть простое суеверие. Курс человеческой истории нельзя предсказать ни научными, ни какими-либо другими рациональными способами. «Социальная инженерия», т. е. попытка использовать знания необходимых тенденций для формирования социальных институтов, иррациональна, утопична и обречена на неудачу. Историцизм приводит к фатализму, пассивности, способствует установлению тоталитарных режимов. И наконец, историцизм пагубно повлиял на социологию, сделав из нее социальный миф¹.

Если в Европе социология изначально рождалась в тесной связи с историей, то в США такой связи поначалу не было. Здесь социология возникла в обществе, бедном историческими традициями, и была направлена на изучение структуры и функционирования американского общества (очень пестрого по своему составу). Американская социология была подчинена решению конкретных научных проблем, привлечение материала всемирной истории не входило в ее задачи².

¹ См.: *Штомпка П.* Указ. соч. С. 231—233.

² См.: Там же. С. 257, 258.

Несмотря на критику, социологи Запада и после Второй мировой войны продолжали использовать исторический подход, а интерес к истории постепенно усиливался. Своеобразным итогом данного процесса стало формирование исторической социологии — влиятельного направления, в рамках которого выделяют три взаимосвязанных подхода.

Первый касается социологических концепций, разрабатываемых для описания и анализа исторических данных, а также для решения проблем в том случае, когда нужен более высокий уровень обобщений, чем обычно применяют историки, т. е. при необходимости выявления социальных закономерностей с помощью социологического анализа исторического развития (Ф. Знанецкий, У. А. Томас, Е. Б. Бальтцель, Р. Хеберле, В. Канман и др.). Для второго характерно использование исторических данных для иллюстрации или проверки тех или иных социологических концепций, а также в целях построения других модифицированных теорий (Беккер, Барнз, Уоллерстайн, А. Бесков и др.). Согласно третьему подходу (Х. Мариампольски, Д. С. Хаджес) историческая социология представляет собой не столько теорию, сколько комплекс методов анализа исторического развития общества.

На сегодняшний день на Западе не существует общей теории исторической социологии, и многие авторы предпочитают использовать сразу несколько теорий, рассчитывая тем самым обеспечить объективность исследований. Определенное распространение в исторической социологии имеют в настоящее время циклические теории («конфликтный цикл» Зиммеля, «экологическое преемствование» Парка, «цикл расовых отношений» Богардуса и др.). Начиная с 1960-х гг. западные социологи все чаще обращаются к теории К. Маркса, истолкованной, как правило, в духе неомарксизма, пытаясь использовать отдельные ее положения для обоснования своих историко-социологических концепций. В современной западной исторической социологии важное место занимают прикладные историко-социологические исследования, результаты которых часто используются в процессе принятия политических решений (работы Г. Беста, В. фон Гиппеля, Х. Матцерата, Г.-У. Вейлера, В. Цаппа, Д. Гримма — в ФРГ, Д. Аптера, А. Гершенкрона, С. Хантингтона и др. — в США)¹.

Поскольку история является предметом социологии, социологический срез истории государства и права — важная составляющая социологии права. Социологический анализ политико-правовых институтов без их включенности в широкий исторический контекст всегда будет неполным.

Характерная черта общественной жизни, человеческой истории — антиномизм, т. е. наличие двух взаимоисключающих явлений, одновременно связанных между собой органическим единством. История государства и права — часть истории человечества, а значит, на нее в полной мере распространяются все антиномии человеческого бытия. На пер-

¹ См.: Историческая социология // Современная западная социология. Словарь. М., 1990. С. 124.

вый взгляд рассмотрение истории через призму антиномий как череду диалектических противоречий ближе к философии, чем к социологии. Но это не так. Социология права, если она претендует на статус строгой науки, обязана фиксировать всю противоречивость динамических свойств политико-правовых институтов. Функциональная и структурная взаимосвязанность не только не исключает, но, напротив, предполагает их скачкообразное, часто болезненное и патологическое развитие. Старое и новое, здоровое и больное, прогрессивное и регрессивное, рациональное и иррациональное парадоксальным образом уживаются в единой ткани государства и права.

Весь этот комплекс поразительных сочетаний необходимо исследовать.

Закономерность и уникальность

Трудно спорить с тем, что социология права — строгая наука, стремящаяся к выявлению законов в процессе происхождения, развития и функционирования государства и права. Вместе с тем следует отдавать себе отчет в том, о каких законах идет речь и на каком пространственно-временном отрезке они действуют. Вопрос следует поставить даже шире: в каком смысле социология права является наукой и каковы ее эвристические возможности? Только решив данные вопросы, можно будет с большей или меньшей степенью достоверности говорить об объективных свойствах государства и права.

С полной уверенностью можно утверждать, что окончательное становление теории науки связано с именем И. Канта. Его «Критика чистого разума» поставила научное познание на прочную основу агностицизма, разделив предмет познания на феномены и ноумены. Было четко и точно сказано, что у человеческого познания есть свой предел, определяемый спецификой самого мышления. Одна из главных идей звучала так: наше представление о мире есть не столько отражение его объективных свойств, сколько форма человеческого мышления. Например, пространство и время — это не объективные свойства материи, а априорные формы рассудка.

Гносеология И. Канта получила свое развитие в различных направлениях неокантианства, оказавших громадное влияние на формирование европейской гуманитарной науки. Особую роль сыграла баденская школа во главе с Г. Риккертом и В. Виндельбандом, которые во многом определили методологические основы немецкой социологии второй половины XIX — в первой трети XX в. (М. Вебер, А. Вебер, Г. Зиммель, В. Зомбарт, К. Манхейм).

Один из классиков немецкой социологии Г. Зиммель так высказался о кантианской гносеологии: заслуга И. Канта состоит в том, что он освободил личность от власти природы и истории (историзма). Поскольку личность продуцирует природу как свои представления и общие законы природы как формы нашего духа, бытие природы подчинено нашему суверенному Я. То же должно стать с историей, которую следует подчинить свободному человеческому духу. Иными словами, не история

должна навязывать свое представление личности, тем самым сковывая ее, а сама личность должна формировать наше знание об истории. «Познаваемого человека творят природа и история, но познающий человек творит природу и историю»¹. Выспренность риторики и велеречивые восклицания о свободе не должны смущать, так как суть мысли абсолютно верна: научное познание и знание суть проявления человеческой субъективности, представляющие собой форму мышления субъекта, задаваемую особенностями человеческого сознания.

Основоположники баденской школы неокантианства различают науки о природе и науки о культуре. Первые имеют дело с миром, где господствуют каузальность, закономерность, повторяемость, вторые исследуют сферу человеческого духа, уникальной по своей природе, проявляющей себя в ценностных установках и основанной на них культуре. Научное познание использует два основных метода: генерализирующий (номотетический) и индивидуализирующий (идиографический)². При исследовании природы главную роль играет генерализирующий метод, при изучении культуры — индивидуализирующий.

Суть номотетического метода состоит в том, что под класс явлений подводится некий общий знаменатель, имеющий характер закона. Номотетический метод применим только там, где есть повторяемость, где явления включены в некую закономерность. Идиографический метод, напротив, призван установить и описать объект как единичный, уникальный, неповторимый. Идиографический метод, подчеркивает Г. Риккерт, также является научным, так как использует средства логики: подводит явление под общезначимую ценность, выявляет причинно-следственные связи внутри изучаемого явления. Вместе с тем генерализирующие науки более или менее близко стоят к абсолютной истине, идиографические не находятся ни в каком отношении к абсолютной истине, так как руководящие принципы их образования являются исключительно фактическими оценками, сменяющимися друг друга, как волны в море. Различных исторических истин столько же, сколько существует культурных кругов (научная среда, принимающая единую систему ценностей).

За рассуждениями о методах фактически стоял вопрос о существовании социальных отношений. Было заявлено, что социальная материя принципиально отличается от природной, что мир природы строится на каузальности и повторяемости, мир культуры — на свободе воли и ценностях. Такой подход предполагал полное отрицание повторяемости, законов в истории, а сама всемирная история объявлялась фикцией (так как невозможно подвести единые ценности под все человечество). То, что обычно называют законом истории, есть, утверждали неокантианцы, обычная формализованная ценность. Говорить об истории имело смысл только применительно к какой-то социальной общности, имеющей еди-

¹ Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М., 1996. С. 530, 531.

² Номотетический от греч. *nomos-teteo* — издавать, устанавливать законы; идиографический от греч. *idios* — особенный, своеобразный и *grapho* — пишу.

ные ценности. В данном случае речь шла, как правило, о народе, имевшем свой мир ценностей, свою уникальную культуру.

Более того, сама природа также объявлялась уникальным явлением, если рассматривать ее как единое целое. Если взять планету Земля, Солнечную систему, Галактику или Вселенную как отдельный организм, то все это — уникальные объекты. Закономерности внутри этих объектов, конечно, есть, но они локальны и не способны повлиять на их единичность и уникальность. Такая же логика распространяется и на общественные явления: локальные закономерности там есть (их исследуют номотетические науки), но они действуют внутри замкнутого, локального, единичного социума (его изучение — дело идиографических наук).

Согласно логике Г. Риккерта и В. Виндельбанда, общество имеет две составляющие — природную и культурную. Общество как часть природы подчинено законам каузальности, в обществе как мире культуры господствуют нормы должного, ценности. Природные проявления общества изучают генерализирующие науки, сферу культуры — индивидуализирующие. К индивидуализирующим наукам Г. Риккерт прежде всего относил философию и философию истории, к генерализирующим — антропологию, психологию, социологию и ряд других. История занимала промежуточное положение: если обнаруживалось тяготение к эмпирике с попыткой вывести из нее социальные законы, то здесь она ближе была к социологии, если было больше философских обобщений, то это уже напоминало философию истории.

При всех своих достоинствах данная классификация остается очень условной, так как невозможно провести четкую границу между природной и культурной компонентами общества, а значит, между науками о природе и науками о культуре. Так, М. Вебер, ученик Г. Риккерта, считал генерализирующий метод главным для социологии, а индивидуализирующий — вспомогательным. Однако тексты М. Вебера говорят как минимум о равноправии у него этих двух методов, а сама его историческая социология зачастую напоминает типичную философию истории.

После короткого историко-теоретического экскурса подведем итоги и постараемся ответить на поставленные выше вопросы.

Во-первых, следует согласиться с Г. Риккертом и В. Виндельбандом в том, что история не знает никакой повторяемости, а значит, не имеет неких всеобщих законов. История никогда и нигде не повторилась дважды. Здесь важно не путать всеобщие законы с причинно-следственной зависимостью фактов истории, которые применительно к конкретному отрезку истории всегда единичны. Например, можно и нужно изучать историю тоталитарных режимов на предмет выявления тех условий и причин, которые привели к их возникновению. Причинно-следственная зависимость здесь есть, и гуманитарные науки призваны их установить. Однако следует четко понимать, что, например, совокупность условий, приведшая к рождению национал-социализма в Германии, уникальна и никогда больше не повторится. В другой стране фашизм может возникнуть при наличии своего строго единичного комплекса

условий. Повторяемости здесь нет, есть аналогия, схожесть ситуаций, не более того.

Если так называемая всеобщая история не знает закономерностей, если история каждого народа уникальна, имеет свой собственный путь развития, то соответственно нет никаких всеобщих законов в истории государства и права. Государство и право отдельно взятой страны неповторимы, уникальны. Происхождение, развитие, функционирование и гибель какого-нибудь конкретного государства может рассматриваться только как единичный факт. Конечно, масса государств возникали и гибли в результате войны, что, кажется, указывает на некий закон, но при этом в каждом случае была своя неповторимая ситуация. Известная в конституционном праве классификация форм государства также очень относительна и условна, так как особенности конкретного государства ломают любую классификацию. Например, республики современной Африки и стран Запада объединяет только название, во всем остальном больше различий.

Во-вторых, кантианцы, разделив действительность на мир сущего и мир должного, верно указали на иррациональный остаток общественной жизни. Изучая животную жизнь общества, социолог выступает в роли своеобразного натуралиста. Поскольку у людей есть одинаковые материальные потребности, физиологические реакции, инстинкты, то вполне правомерно моделировать типовые ситуации с предсказуемым алгоритмом индивидуального и массового поведения. Так, в условиях полного военного окружения войска, как правило, предпочитают сдаваться, но не погибать (хотя даже и во имя высокой патриотической идеи). Массовое поведение убеждает, что страх смерти сильнее патриотизма. Или другой пример — преступность, которая представляет собой массовое, не изживаемое явление. Животные, естественные реакции среднего индивида таковы, что при ослаблении или тем более устранении норм и санкций он обязательно встает на путь преступления. Это своего рода закон. Общество понимает такую зависимость, и потому появляется уголовное законодательство.

Вместе с тем общество — это не только физиологические реакции, но также область духовности, ценностей и идей. Свобода воли человека очень слабо связана с материальными условиями его жизни, его физиологическими реакциями. Свобода воли принципиально не поддается прогнозированию, что и делает социальное развитие непредсказуемым, а историю государства и права каждого народа уникальной. Даже социолог натуралистического направления, считающий себя «социальным натуралистом», не может, не попирая здравого смысла, отрицать данный иррациональный остаток. В теоретико-методологическом отношении это значит, что открываемые им социальные зависимости имеют не всеобщий, а локальный характер и подчинены стихии иррационального. Все это объективно снижает эвристический потенциал социологической науки.

В-третьих, неокантианцы баденской школы верно отметили конвенциональный характер гуманитарного знания. Хотя сам Г. Рик-

керт относил социологию к генерализирующим наукам, теоретическая социология (в том числе социология права) — наука во многом индивидуализирующая. Социология права, как она представлена, например, в текстах Е. Эрлиха, Л. И. Петражицкого, С. А. Муромцева или Г. Гурвича, содержит огромное количество ценностных суждений о государстве и праве, что придает данной науке относительный, вероятностный характер. Именно по этой причине многие положения социологии права часто отвергаются сторонниками естественно-правовой школы.

Таким образом, договорный характер социологии права делает относительными все рассуждения о так называемых закономерностях происхождения, развития и функционирования государства и права.

Рациональное и иррациональное

Рациональное и иррациональное, рационализм и иррационализм, рациональность и иррациональность — все эти категории, сформировавшиеся в лоне теологии и философии, могут показаться не вполне уместными применительно к социологии права. Ведь социология — строгая наука, где, как представляется, нет места ничему иррациональному, т. е. находящемуся за пределами разума, недоступному для рационального познания. Тем не менее с самого начала своего возникновения социология принимала в расчет факторы, недоступные человеческому мышлению. Так, социологи-позитивисты первой волны принципиально отказались от поиска сути вещей, сосредоточив свой исследовательский интерес на их внешнем проявлении. Социолог ставил перед собой задачу выявить механизм происхождения и функционирования явления, его структуру, но никак не его сущность. Для социолога была (и продолжает оставаться) вполне приемлемой методологическая установка, согласно которой научное познание не исключает признания сферы иррационального (Бога, первичного хаоса, жизненной силы и т. п.). Иррациональное, полагал социолог-позитивист, существует, оказывает влияние на социальные процессы, что требует специального исследования.

Такой методологический подход продемонстрировал, в частности, М. Вебер, предложив классификацию идеальных типов социального действия: 1) целерациональное; 2) ценностно-рациональное; 3) традиционное; 4) аффективное. *Целерациональное* действие характеризуется ясностью и однозначностью осознания действующим субъектом своей цели, соотношенной с рационально осмысленными средствами, обеспечивающими ее достижение. Человек или социальная группа выстраивают свое поведение, опираясь на логику, диктуемую объективными условиями жизни. Цель и стремление ее достигнуть — следствие доводов разума, вырастающих на почве фактов. *Ценностно-рациональное* действие основано на вере в самодостаточность ценности (религиозной, этической, эстетической и др.). В данном случае поведение строится не столько на доводах разума, сколько на вере в авторитет ценностей. «Ценностная рациональность», абсолютизируя ценность и в этом смысле уходя от реальности, содержит в себе нечто иррациональное. *Тра-*

диционное действие формируется на основе подражания тем или иным образцам поведения, закрепленным в культуре и не подлежащим рациональной критике. Данный тип поведения отличается автоматизмом, стремлением ориентироваться на привычное и повторяющееся, существенным снижением творческого отношения к жизни. *Аффективное* действие полностью подчинено эмоциям субъекта и дальше всего расположено от рационального осмысления действительности.

Как видим, из четырех возможных типов человеческого поведения только один непосредственно основан на разуме, остальные — на нечто иррациональном. Фактически М. Вебер констатирует, что большинство человеческих поступков имеют иррациональную природу. Конечно, если индивиды и человеческие коллективы (большие и малые) руководствуются в своих действиях по большей части не разумом, а верой, авторитетом или страстями, это совсем не значит, что социологическая наука должна расписаться в своем бессилии и отказаться от изучения социальных феноменов. Наука может и обязана изучать механизм человеческого поведения, но его иррациональная природа будет для нее недоступна.

История государства и права убедительно демонстрирует, что происхождение, развитие и функционирование данных институтов обусловлены одновременно рациональными и иррациональными факторами, их причудливым взаимодействием.

Рациональный ход истории лучше других показали Гегель, К. Маркс и М. Вебер.

Философия Гегеля стала одной из вершин рационалистической европейской мысли Нового времени. Традиция рационализма воплотилась в идее мирового разума, который, разворачиваясь во всемирной истории, проходит ряд стадий по пути все более полного его развития. Несмотря на хаотичные, противоречивые интересы отдельных индивидов и народов, мировой разум формирует некую единую логику истории, подчиняя ей все человечество. На стадии объективного духа мировой разум материализуется в государстве и праве. Стержнем данного процесса является саморазвитие идеи свободы, имеющей три фазы: восточный мир (свобода принадлежит одному), греко-римский мир (свобода некоторых), германский мир (свобода всех). Иными словами, свобода, по Гегелю, — требование разума, а государство и право — институты, где идея разума, свободы, т. е. в конечном счете человеческой рациональности, проявляют себя в высшей степени. Если в гражданском обществе господствуют стихия материального интереса, животные качества человека, то государство являет собой образец высшей духовности, подчиняющий эгоизм индивидов разуму нации. Прогресс истории, по Гегелю, и состоит в том, что разумное, рациональное вытесняют из жизни общества иррациональное. Практически речь шла об усилении роли государства и права как разумных начал человеческого бытия.

Апофеозом рационализма выглядит доктрина К. Маркса, который представил ход истории как борьбу угнетенных масс за свои права, как движение человечества к коммунизму. В марксизме пролетариат выступает субъектом социального реформаторства, способного на ос-

нове принципов научного социализма построить бесклассовое общество, лишенное антагонистических противоречий. Государство упраздняется, так как появляется человек нового, высшего типа, моральные и интеллектуальные качества которого позволяют перейти к самоуправлению. Базовые положения марксизма просто пропитаны верой в возможности человека рационально организовать свою жизнь. К. Маркс убежден в неизбежном радикальном изменении сознания людей в сторону все большей его рационализации.

Одна из целей исторической социологии М. Вебера — показать роль буржуазии в создании общества тотальной рационализации в области экономики, политики, права, быта, идеологии и, конечно же, религии. Оставляя за скобками вопрос о существовании Бога, немецкий социолог констатировал связь между протестантской хозяйственной этикой и образом жизни европейцев. Блага западной цивилизации — результат способности европейцев к рациональному осмыслению действительности. Углубление рациональности — главный вектор развития Запада, что, однако, влечет за собой утрату индивидуальной свободы.

Действительно, рациональное отношение к миру — существенная черта человека. Организация производства, быта, властных и семейных отношений, наличие морали, обычаев, права — все это говорит о том, что люди, творчески перерабатывая и накапливая знания о мире, стремятся сделать этот мир более удобным для себя, очеловечить его. Прав Гегель, утверждая, что государство и право суть проявление разумности человека. Длительность существования, наращивание прочности и эффективности данных институтов доказывают их согласованность с некими фундаментальными законами жизни, открытыми разумом. Прав К. Маркс в том, что людям свойственна целеполагающая деятельность, в результате которой меняется ход истории. Люди приходят к пониманию своей активной роли в формировании общественных отношений и уже целенаправленно осуществляют свою деятельность. Прав М. Вебер в том, что социальный порядок, построенный западноевропейским буржуа, пронизан индивидуализмом и рационализмом. Рыночная экономика приносит больше прибыли, чем феодальная; правовое государство делает жизнь человека более безопасной, а их права — гарантированными; светское общество дает личности больше возможностей для удовлетворения своих потребностей. И все это благодаря разуму.

Вместе с тем не следует переоценивать роль разума в жизнедеятельности человеческих коллективов и создаваемых ими политико-правовых институтов. Религиозные чувства и инстинкты определяют поведение людей, возможно, даже в большей степени, о чем красноречиво свидетельствуют различные философские учения, обосновывающие иррациональную природу мира и человека. Так, например, многие великие философы пришли к выводу, что в основании бытия лежит жизнь — универсальная, всеобъемлющая и иррациональная субстанция. Одни авторы, давая биолого-натуралистическое толкование категории «жизнь», понимают ее как «волю» (А. Шопенгауэр) или «волю к вла-

сти» (Ф. Ницше). Для других (В. Дильтей, О. Шпенглер, Г. Зиммель, Х. Ортега-и-Гассет) жизнь есть основание культур различных народов. Третьи (А. Бергсон) видят в жизни некую космическую силу, воспроизводящую саму себя и творящую новые формы.

Оставляя в стороне метафизические тонкости, вполне уверенно можно утверждать, что современная наука в состоянии установить лишь механизм зарождения и функционирования различных форм жизни, но первоисточник жизни для нее пока неразгаданная тайна. Причина появления растительного и животного мира, человека на сегодняшний день — иррациональная «вещь в себе».

Если жизнь в своей основе глубоко иррациональна, то почему такие ее проявления, как государство и право, должны относиться только к сфере рационального? Уникальность человеческой истории (истории государства и права) прежде всего обусловлена тем, что она определяется не только географическими и экономическими факторами, но в значительной мере человеческой волей, иррациональной по своей природе. Это очень хорошо понимали народники (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский), отстаивая свой субъективный метод в социологии. Историю творят, утверждали они, активное меньшинство, критически мыслящие личности. Они своей волей способны определять ход событий, изменять направление истории. И действительно, чем в свое время были бы Франция без Наполеона, Германия без нацистов во главе с Гитлером, а Россия без большевиков во главе с В. И. Лениным, Л. Д. Троцким и И. В. Сталиным. Историю творит иррациональная человеческая воля (индивидуальная и массовая), создавая ранее небывалые, порой причудливые политико-правовые комбинации.

Аристотель и Гегель высказывались в том духе, что идея государства предшествует самому государству, а возникает оно у тех народов, сознание которых уже изначально содержит эту идею. Фактически они разделили народы на государственные (способные создать государство) и негосударственные (неспособные к этому). Трудно спорить с тем, что ментальные особенности народов существенным образом влияют на становление у них государственности, но это совсем не значит, что в основе политико-правовых институтов лежит сознание, некое рациональное начало. Тезис о первичности идеи в деле государственного строительства умозрительный и требует доказательств, найти которые непросто.

Не менее весомой выглядит аргументация русского консерватора И. Л. Солоневича, для которого подлинная причина всякой государственности — государственный инстинкт народа. Все нации, доказывает он, стремятся создать свою культуру, государственность и, наконец, империю (сильное государство, активно влияющее на формирование международных отношений и ход мировой истории). Если нации этого не делают, то не потому, что не хотят, а потому, что не могут. Нация — единый биологический организм, «сверхиндивидуальное целое», развивающееся по законам отдельного человека. Если индивид, подчиняясь инстинктам продолжения рода, создает семью и накапливает ценности

для своего потомства, то и нация поступает таким же образом. Инстинкты в нации могут ослабляться и усиливаться. В первом случае народ оказывается на краю гибели и заканчивает свою историю, во втором он копит силы и территорию для не родившихся еще поколений. Сходную мысль высказывал Л. Н. Гумилев: каждый народ, проходя цикл своей истории, в определенный период достигает высшей точки развития («пассионарности»), после чего его энергетическая сила постепенно начинает угасать.

Связь между жизненной силой народа и его возможностями в деле государственного строительства отрицать невозможно, но доказать трудно. Возьмем, например, феномен войны, когда напряжение государства достигает предела, а народ проверяется на прочность, жизнеспособность. Историк, социолог или экономист, как правило, находят вполне рациональное объяснение тем или иным войнам, поражению или победе в них различных государств. Вместе с тем война — явление глубоко иррациональное, так как во многом связана с волей, инстинктами и коллективным бессознательным масс. Война несет с собой смерть, война — это гибель на фронтах тысяч и миллионов людей. Нет ничего противоестественнее для человека, чем смерть. И тем не менее любое более или менее нормальное государство (а с ним и общество) целенаправленно готовится к войне (наступательной или оборонительной), т. е. планирует гибель больших масс людей. Как верно заметил Н. А. Бердяев, умирать на поле брани можно, только отключив индивидуальное сознание и приобщившись к сознанию массовому, родовому. Для индивидуального сознания смерть (даже на фронте) — неразрешимая болезненная антиномия, ничем не компенсируемая личная катастрофа. Только ощущение себя частью рода, частью коллектива, который будет продолжать жить, примиряет человека с возможностью своей гибели. Государство и общество, рационально, целенаправленно готовясь к войне и будущим массовым жертвам, инстинктивно, на бессознательном уровне апеллируют к феномену жизни как главному условию бытия нации. Инстинкт жизни, инстинкт самосохранения заставляет народ жертвовать частью своего населения. Рационального здесь мало, преобладает иррациональное.

В психоанализе есть категория «рационализация», под которой понимается механизм психологической защиты, стремление рационально объяснить иррациональные, бессознательные влечения и поступки. Идеология патриотизма — один из примеров такой рационализации. Инстинкт жизни, проявляющий себя, в частности, в стремлении нации обеспечить свои материальные интересы, реализовать территориальную и властную экспансию, рождает вполне респектабельную идеологию патриотизма. В истории были случаи (например, Третий рейх), когда нация не стеснялась открыто заявлять о своих эгоистических интересах, но чаще эти интересы все-таки вуалировались, им придавался приличный вид. Что значило быть патриотом Англии, Испании или России где-нибудь в XVII, XVIII или XIX столетиях? Это означало прямо участвовать или поддерживать территориальную экспансию своего госу-

дарства. Как справедливо отметил К. Юнг (автор идеи о коллективном бессознательном), идеология и политика государства не могут стоять выше эгоистических интересов основных масс населения. «Высокая» идеология патриотизма практически всегда вырастает из эгоистических, корыстных интересов рода, племени, нации. Представления Гегеля о высшем этическом назначении государства, вносящего смысл в жизнь общества и отдельных индивидов, есть не что иное, как рационализация грубых инстинктов масс.

Право также одновременно относится сразу к двум сферам — рациональной и иррациональной. И древнее, и особенно современное право явственно демонстрируют целенаправленную деятельность общества по регламентации своей жизни. Памятники права, современные кодексы, законодательная политика государств, юридическая наука свидетельствуют о высокой степени понимания природы и значения права для жизнедеятельности людей. Вместе с тем любая социальная нормативная система (религия, обычаи, мораль, право) связана с инстинктами и коллективным бессознательным много теснее, чем часто принято думать. Животная природа людей заставляет их вести себя примерно так же, как популяция пчел, муравьев, волков или слонов. Нормативные системы всех этих коллективов имеют одну фундаментальную причину: выживание рода и обеспечение его воспроизводства. Инстинкт самосохранения заставляет создавать нормы, подчиняющие животные индивиды единой дисциплине, единому ритму жизни. Человеческие регуляторы намного сложнее, чем в животном мире, поскольку вырастают также и на почве осмысленной, целеполагающей деятельности. Но иррациональная, биологическая основа человеческого поведения и его регуляторов от этого никуда не исчезает, меняются лишь пути и формы ее влияния.

Иррациональную природу права убедительно раскрывает психоанализ. Главный руководящий принцип поведения индивидов, сделал вывод основатель психоанализа З. Фрейд, — получение удовольствия (в самом широком смысле этого слова). Неконтролируемое, не знающее преград стремление получить удовольствие делает личность деструктивной, опасной для себя самой и общества. Человеческий коллектив, понимая это, устанавливает правила общего характера, ограничивающие произвол индивидов. Так возникает культура, т. е. система запретов, изначально воспринимаемая человеком враждебно. Человек, по З. Фрейду, всегда враг культуры, он всегда потенциальный преступник, стремящийся ради получения удовольствия нарушить закон и другие социальные нормы. И зависимость здесь обычно такая: чем сильнее инстинкты, чем выше опасность их разрушительного воздействия, тем более репрессивным становится право.

Когда в современной послевоенной Германии мы наблюдаем целенаправленное ужесточение антинацистского законодательства, то можно сделать вывод о благополучном положении дел: немцы, осознавая опасность фашизма, на законодательном уровне стараются блокировать любые его проявления. В этом и есть их глубокое осознание проблемы и высокий уровень ответственности. Однако психоанализ го-

ворит и о другой, теневой, стороне дела: жесткое антинацистское законодательство вводится потому, что национализм в Германии еще очень силен. Как сказал бы о современной Германии К. Г. Юнг, коллективное бессознательное, древнегерманский бог Вотан все еще продолжают будить воинственные инстинкты немцев. Действие этого подсознательного чувствуется, оно никуда не уходит, искоренить его нельзя, а вот бороться с ним необходимо. В этом смысле антинацистское законодательство — прямое следствие иррациональных сил.

Примеры такого рода можно продолжать бесконечно.

Линейность и цикличность

Воззрения на характер направленности истории распределяются на две крайние противоположные позиции — линейность и цикличность, между которыми бесконечный ряд смешанных вариаций. Полярность точек зрения здесь не случайность, они вырастают из антиномий фактов самой истории. Вместе с тем историки, философы, социологи, пытаясь установить главный вектор человеческого развития, вынуждены искать собственные критерии и создавать свою систему ценностных координат, что неизбежно вносит в их концепции значительную долю субъективизма.

Напомним, что линейный процесс предполагает направленность, необратимость, сопровождается процессом роста, т. е. расширением, распространением, усложнением и дифференциацией явления. Процесс роста раскрывает внутренние потенциальные возможности, присущие изучаемому объекту с самого начала (т. е. обнаруживает свойства, закодированные в эмбрионе), продолжается непрерывно и не может быть остановлен, развивается постепенно, кумулятивно, проходит различные стадии, или фазы (юность, зрелость, старость). Линейные процессы бывают однолинейными (процесс придерживается одной траектории) и мультилинейными (процессы идут по нескольким альтернативным траекториям). Однолинейные процессы могут быть восходящими (прогрессивными) и нисходящими (регрессивными). Разновидность направленных, необратимых процессов — нелинейные процессы, характерные качественными скачками и существенными отклонениями от магистрального вектора социального развития.

Социальный цикл не имеет определенной направленности, хотя и не является случайным. Любое состояние, в котором пребывает система, может повториться в будущем, так как повторение заложено в самой системе. Изменения происходят на коротком интервале времени, но на длительном отрезке времени нет, поскольку система возвращается в исходное состояние. Циклические процессы делятся на процессы замкнутого цикла и открытого цикла (спиралевидные). Процессы замкнутого цикла могут быть регулярными (равные фазы), ускоряющимися (все более укорачивающиеся фазы) и замедляющимися (все более удлиня-

ющиеся фазы). Среди процессов открытого цикла выделяют восходящие (прогрессивные) и нисходящие (регрессивные)¹.

Тема направленности истории пограничная, существует на поле между философией истории и социологией. Если философия, постигая направленность истории, опирается по преимуществу на телеологию и смысл, то для социологии характерен формализованный структурно-функциональный анализ. В середине XIX в. позитивистская социология в форме эволюционизма попыталась разработать свою методологию, сводя процесс познания истории в основном к формальной обработке эмпирического материала. Однако уже к концу XIX в. классический эволюционизм обнаруживает свою ограниченность, и многие социологи обращаются к различным популярным философским школам: марксизму, неокантианству, философии жизни и др. В XX в. связь между социологией и философией только усиливается. Иными словами, при всей своей устремленности к строгой научности социология так и не смогла полностью отказаться от философских (часто приобретающих метафизическое содержание) категорий «цели» и «смысла».

Циклическое восприятие истории — наиболее раннее по времени возникновение. Идея социальных циклов присутствовала уже в мифологии многих культур Древнего мира (Индия, Китай, Египет), но на теоретическом и философском уровнях ее начинают обсуждать в древнегреческой философии (Гераклит, Платон, Аристотель, стоики, Полибий). Особенность циклического мировоззрения древних греков состояла в том, что оно в основном опиралось на ритмы природных явлений. Проведя довольно грубую аналогию между ритмами природы и общества, греческие авторы пришли, в частности, к выводу о круговороте форм государства. Конечно, насыщенность и калейдоскопическая быстрота политической жизни эллинов также повлияли на становление их циклического восприятия, но все-таки главный фактор — механический перенос ритмов природы на социальные явления.

Благодаря христианству мировоззрение европейских народов меняется с циклического на линейное, что сказалось и на общественном сознании. Начиная с первых христианских авторов, человеческая история, как правило, воспринимается как неуклонное, необратимое движение вперед — сначала в форме провиденциализма, позднее, в эпоху Просвещения, в виде теории прогресса. В начале XIX в. реакция на европейские революции меняет интеллектуальную ситуацию: поднимается волна консерватизма и пессимизма, что сформировало благоприятную среду для возврата к циклической модели мира. Культурно-исторические типы у Н. Я. Данилевского, локальные культуры у О. Шпенглера, замкнутые цивилизации у А. Дж. Тойнби — все эти концепции во многом продиктованы скептическим отношением к возможностям европейской культуры, ориентацией авторов на консерватизм, антилиберализм и национализм. Они поставили под вопрос универсальность европейских ценностей, предложили отказаться от европоцентризма.

¹ См.: *Штомпка П.* Указ. соч. С. 25, 136.

В XX в. теория циклов широко используется в различных отраслях знания: в экономической теории (циклы Н. Д. Кондратьева), социокосмизме (космические циклы А. П. Чижевского), политической социологии (циркуляция элит В. Парето), исторической социологии (чередование суперсистем П. А. Сорокина) и т. д. При всей оригинальности этих концепций бросаются в глаза их умозрительный характер и тенденциозный подбор фактов. В основе таких конструкций часто лежат умозрительные фикции, субъективные аксиомы, под которые подбирается нужный эмпирический материал. Так, несмотря на всю свою грандиозность и обилие фактов, социолого-историческая концепция П. А. Сорокина выглядит ходульной, малоубедительной, поверхностной. События мировой культуры здесь слабо связаны с идеей чередования культурных типов, а сама она подчинена идеологической задаче: доказать упадок современной западной культуры.

Не меньше теоретических и методологических проблем у линейного (нелинейного) понимания истории. Линейная концепция не может объяснить существования в условиях современности первобытных человеческих коллективов, культура которых застыла на уровне каменного века. Процесс роста здесь напрочь отсутствует. Противоречат линейной концепции постоянные откаты назад, наблюдаемые в истории народов. В XX в. в Европе, этой колыбели гуманизма, поставили на поток массовое уничтожение людей. Тоталитарные режимы продемонстрировали очевидный регресс сознания и политических отношений, стремление, казалось бы, современных, цивилизованных народов вернуться в средневековье, реанимировав первичные инстинкты и сняв запреты христианской культуры. Сейчас, в начале XXI в., активизация религиозной жизни (ислам, русское православие) во многих регионах мира идет под общим лозунгом возврата в прошлое, к первоначальным национально-культурным и религиозным истокам. Создается впечатление, что огромные массы людей устали от современности и ее проблем и хотят перемен в форме ухода в прошлое. Из этой же череды исторических откатов идеология политкорректности, представляющая собой новый вид цензуры. Запрет публично называть вещи своими именами в области политических, национальных, религиозных, половых отношений есть не что иное, как погружение в первобытность, превращение в неразвитых, одолеваемых страхами дикарей, свобода которых была ограничена бесчисленными табу. Замена свободы дискуссий официальными, санкционированными обществом и властью клише является типичным «бегством от свободы» (Э. Фромм). Политкорректность — это стремление (частью осознанное, частью нет) спрятаться от проблем, вместо того чтобы их открыто и честно обсуждать, а затем решать.

Таким образом, линейная и цикличная концепции есть некая условность, которая одновременно и отвергается, и подтверждается фактами истории. Очевидно, что эволюция государства и права — линейный процесс, содержащий развитие, усложнение, повышение мощи и эффективности данных институтов. Между государством и правом Древнего мира и современностью дистанция огромного размера. Сила власти египетского

фараона или римского императора многократно уступает возможностям президента США или премьер-министра Англии. Аппарат современного государства способен держать в повиновении десятки и сотни миллионов людей, контролируя каждый шаг любого из них. Военная мощь ядерной державы в состоянии уничтожить все живое на земле, а не только страну-противника. Массив источников права современного государства, их тончайшая дифференциация, эффективность правового регулирования не идут ни в какое сравнение с правовыми системами прошлого.

Вместе с тем мировая история демонстрирует бесконечный цикл рождения, созревания, расцвета, деградации и краха национальных государств и их права. Возникавшие когда-либо государства до сих пор имели только один главный вектор своего развития — по направлению к упадку. Кто-то может возразить, что современные государства Запада (наиболее сильные в настоящее время), родившиеся еще в эпоху Средневековья, не подают признаков скорой гибели, а напротив, усиливают свою мощь. На это можно ответить, что, во-первых, у каждого народа и государства есть свой цикл (более или менее длинный), а во-вторых, смена этнического состава населения (что сейчас происходит в странах Европы и США) будет означать гибель данного конкретного государства.

Дилемму линейности и цикличности следует решать с использованием идей, предложенных баденской школой неокантианства. История каждого национального государства и права уникальна и в этом смысле поступательна, необратима, линейна. Во всемирной истории государства и права можно обнаружить циклические зависимости, которые никак не могут претендовать на универсальность и абсолютность. В данном случае цикличность нужно рассматривать как частный случай линейности. Здесь важно понимать, что оппозиция «линейность — цикличность» имеет значение лишь на отрезке обозримого нами прошлого и будущего, с позиции вечности данная оппозиция полностью теряет свою актуальность. Если предположить, что человечество (а с ним государство и право) рано или поздно погибнет (в результате ядерной войны, глобальной техногенной катастрофы или медленного вымирания по мере затухания Солнца), то вся эта схема линейного развития с ее идеей прогресса, совершенствования, роста и дифференциации полностью ломается. В этом случае история человечества, государства и права предстает как элемент мирового хаоса (или мирового разума), познать который нам не дано. Подчеркнем, что именно конечный пункт развития человечества (а он, конечно же, будет) может дать исчерпывающий ответ на вопрос о направлении движения истории человечества, государства и права.

Предпринятый здесь переход из социологии права в философию истории необходим для того, чтобы лучше почувствовать всю относительность нашего знания о направлении развития государства и права. По большому счету, магистральный путь развития человечества, государства и права нам неизвестен. Тенденция видна: усиление государства и повышение роли права, все большее подчинение им подвластного населения. Но конечный пункт этого движения — непознаваемая вещь в себе.

Раздел II

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ ПРАВА

ЛЕКЦИЯ 5. ЛОГИКА И МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

- Понятие логики и ее место в методологии научного познания.
- Основные этапы развития науки логики.
- Формальная логика в учении И. Канта.
- Логика правовой науки.
- Содержание науки.
- Понятие метода научного познания.
- Методологические проблемы познания.
- Проблемы границ познания. Разграничение социально-научного и естественно-научного познания.
- Соотношение категорий случайности и закономерности в природе и социальных отношениях.
- Задачи социально-научного познания.
- Категория необходимости при исследовании социальных отношений. Критика теории экономического материализма.
- Категория справедливости в исследовании социальных отношений.
- Категория необходимости и долженствования в социальных отношениях.

Понятие логики и ее место в методологии научного познания

Логика (от древнегреческого термина «логос» — слово, речь, разум) — наука о законах, формах, приемах познания мира на уровне абстрактного мышления. Логика проявляется в следующих значениях: во-первых, изучает закономерности в развитии явлений окружающего мира (объективная логика); во-вторых, исследует закономерности в развитии мыслей человека (субъективная логика); в-третьих, как наука о мышлении изучает формы развития знания, приемы и методы познания.

Логика выполняет в научном познании несколько функций, среди которых большое значение для процесса познания имеет методология. Методология представляет собой учение о методе. В науке различают две стороны: дескриптивную (описывающую) и прескриптивную (предписывающую). Мировоззрение образует дескриптивную сторону, методология относится к прескриптивной стороне науки.

Мировоззрение — это система взглядов на природу, общество, познание. Оно включает принципы (знания о наиболее общих связях и свойствах познания и реальности), законы (знания о связях в познании и в объективной действительности в рамках предметной области отдельных наук), категории.

Принципы методологии следует отличать от мировоззренческих принципов. Методологические принципы — это наиболее общие предписания, определяющие необходимый процесс познания и практическую деятельность.

Термин «метод» в научной литературе употребляется в двух значениях: во-первых, методом называют систему нематериальных средств

познания действительности (методологию в целом); во-вторых, метод рассматривается в качестве элемента методологии, как способ познавательной деятельности, заключающий в себе последовательность познавательных операций для достижения желаемого результата. Приемы как элементы методологии и части метода представляют собой относительно несложные способы познавательной деятельности, направленной на достижение поставленных задач.

Принципы, методы, приемы в познании не находятся между собой в абсолютных границах (простые методы можно считать приемами познавательной деятельности, и наоборот)¹.

Формальная логика — это наука о формах мышления, о формально-логических законах и других отношениях между мыслями по их логическим формам. Она изучает связи между мыслями, зависящими от смысла логических терминов. Данные связи существуют независимо от того, знаем мы о них или нет. Связи между мыслями по формам, при которых истинность одних из них обуславливает истинность других, называется формально-логическими законами.

Основными методологическими принципами (законами) формальной логики являются следующие.

Принцип (закон) тождества, который устанавливает требование определенности мышления (рассуждая, мы должны употреблять термин в одном и том же смысле; в случае его изменения мы должны это оговорить).

Принцип (закон) непротиворечия содержит требование последовательности в мышлении (запрещает одновременно одно и то же утверждать и отрицать).

Принцип (закон) исключенного третьего требует не отвергать одновременно высказывание и его отрицание (уточнив понятия, мы можем сказать о двух суждениях, одно из которых является отрицанием другого, что одно из них обязательно истинно, т. е. третьего не дано).

Принцип (закон) достаточного основания требует, чтобы всякое утверждение было обоснованно (оснований должно быть достаточно для выведения из них рассматриваемого утверждения; если данное требование не выполняется, то утверждение оказывается необоснованным, т. е. голословным).

Мышление, осуществляемое согласно требованиям логики, называют правильным. Формальная логика (как наука о правильном мышлении) изучает алогизмы (типичные ошибки, совершаемые в процессе мышления).

Основные этапы развития науки логики

Формальная логика — одна из самых древних наук. Она разрабатывалась в VI—V вв. до н. э. в Древней Греции; позднее распространилась в Западной и Восточной Европе, на Ближнем Востоке. Немного позднее

¹ См.: *Ивлев Ю. В.* Логика для юристов: учебник. М., 1996. С. 30—31.

элементы формальной логики возникли в Древней Индии и получили развитие в Китае, Японии, Монголии и других странах.

Первоначально логические приемы формировались в связи с запросами практики судопроизводства и ораторского искусства. Судебные прения и политические дискуссии являлись характерной чертой полисной системы Древней Греции, где судебное решение в большинстве случаев зависело от логической доказательности речи обвиняемого или обвинителя. В связи с этим особое уважение вызывали лица, готовившие речи участникам судебных разбирательств. Известных ораторов избирали на почетные государственные должности. Коль скоро в ходе дискуссий мнения участников разделялись, это привело к необходимости разработки логических норм рассуждений, которые являлись бы критерием оценки речей выступающих лиц и объединяли бы мнения присутствующих.

В Древней Греции логику разрабатывали Парменид, Зенон из Элеи, Демокрит, Сократ, Платон, Плотин и др. Основателем науки логики считается Аристотель, впервые систематизировавший логические формы. После Аристотеля логику разрабатывали стоики. В Риме большой вклад в логическую терминологию внесли Цицерон и Квинтилиан.

Особое значение логические формы приобретают в эпоху Средневековья (схоластика). Расцвет логики относят к XIV в. и связывают с именами У. Оккама, Альберта Саксонского и др.

В XVII в. развитие опытного естествознания и математики поставило вопрос о прикладной роли формальной логики. В Новое время исследования в науке логики было связано прежде всего с работами Ф. Бэкона («Новый Органон») и Дж. Ст. Милля («Логика»), в которых отстаивался индуктивный метод познания (метод установления причинных связей между явлениями).

В XX в. широкое распространение получили методы символической (математической) логики, высказанные еще Г. В. Лейбницем в конце XVII — начале XVIII в. Диалектическая логика также имеет древнюю историю; ее идеи восходят к древневосточной и античной философии. Основные категории диалектической логики возникли в греческой философии в VI—V вв. до н. э., однако не создали самостоятельной науки. Большой вклад в понимание природы диалектической логики внесли Фихте, Шеллинг, Гегель. Учение Гегеля об Абсолютной Идее является доктриной объективного идеализма. Диалектическую логику на материалистической основе разрабатывали К. Маркс, Ф. Энгельс и их сторонники. В рамках диалектической логики разработан ряд методологических принципов (конкретности, объективности и др.) и методов познания (восхождение от абстрактного к конкретному, закон отрицания отрицания, единства и борьбы противоположностей).

Формальная логика в учении И. Канта

Наибольший вклад в понимание формальной логики было внесено И. Кантом и его школой. До Канта в логике господствовали схоластиче-

ские идеи Вольфа, Томазия, склонных к внешним определениям. Кант усилил формалистический характер логики. Согласно его пониманию, логика является учением о необходимых законах рассудка и разума, т. е. о формах мышления. В его учении различалось понимание рассудка (способность создавать понятия) и разума (способность производить умозаключения). Как наука, имеющая дело с мышлением, логика образует основание для других наук; свои правила она заимствует не из опыта, а из разума человека, поэтому наука логики — рациональная наука.

В познании И. Кант различал форму и содержание. Познание является необходимым условием логической формы знаний, следовательно, логика должна иметь дело с ясными представлениями. Предмет логики составляют правила мышления в понятиях, суждениях, умозаключениях. В зависимости от источника знания они формируются либо внешними чувствами (воззрения, наглядные представления), либо рассудком (понятия).

Знание, по И. Канту, совершенно в логическом смысле при условии, если оно имеет всеобщий характер (по своей количественной стороне); имеет объективную ясность (по своей качественной стороне); обладает объективной истинностью (по категории отношения); носит характер объективной достоверности (по своей модальности). Каждое логическое качество Кант разбирает отдельно¹.

Для проверки истинности умозаключений И. Кант выделяет три основоположения:

- 1) положение противоречия и тождества;
- 2) положение достоверного основания, которым проверяется действительность познания в действительных (ассерторических) суждениях;
- 3) положение исключенного третьего, служащее основанием необходимости познания в аподиктических познаниях.

Эти положения в логике кантовской школы получили статус законов мышления и сделались принадлежностью логических правил формальной логики.

Данные принципы были известны до И. Канта (принципы противоречия и исключенного третьего высказаны Аристотелем; положение тождества — Вольфом; принцип достаточного основания — Лейбницем), однако они не были соединены между собой, что было сделано И. Кантом — принципы были соединены в науке логики и обозначены как ее законы². Качественная сторона познания заключается в ясности, понятности, основательности, систематической связанности всех элементов познания между собой. Это достигается с помощью призна-

¹ По категории количества познание должно быть всеобщее. Величина познания может быть экстенсивная (объем познания и его разнообразие) и интенсивная (многочисленность познания). По категории отношения познание должно быть истинным. Формальная истина заключается в согласии познания с самим собой. Цит. по: *Владиславлев М.* Кант и его школа // Логика. СПб., 1881. С. 149.

² См. об этом, напр.: *Владиславлев М.* Указ. соч. С. 150.

ков¹. Научное познание выстраивается по определенному методу; логика включает учение о методе.

Кант выделял три степени познания: мнение, веру, знание.

Мнение — это предположение по не вполне достаточным основаниям.

Вера представляет собой предположение на основании объективно недостаточном, но достаточном субъективно, относящееся к предметам, которые не подлежат ни знанию, ни мнению, но относительно которых можно быть уверенным, что в них нет противоречия.

Знание образует собой предположение на совершенно достаточных субъективных и объективных основаниях. Знание предполагает достоверность эмпирическую или рациональную, т. е. опирается на опыт (аподиктическое знание носит характер необходимости) или разум (асерторическое знание обладает характером действительности)².

В основе науки логики лежат понятия, суждения, умозаключения.

Понятие — это общее или рефлексивное представление (понятия бывают эмпирические и чистые, *a priori* и *a posteriori* и образуемые через сравнение, рефлексии и абстрагирование).

Суждение — определение единства сознания разных представлений (по форме выделяют суждения: качества (утверждения, отрицания, бесконечные); количества (общие, частные, единичные), отношению (категорические, условные, разрешительные), модальности (проблематические — возможные, асерторические — действительные, аподиктические — необходимые).

Основоположение (принципы), по учению И. Канта, это суждения *a priori*, которые служат основанием для доказательства, но сами не доказываются; среди их видов выделяются постулаты (требования).

Умозаключения представляют собой действия разума, с помощью которых одно суждение выводится из другого. Бывают посредственные умозаключения (умозаключения разума — категорические, условные, разделительные и силы суждения — идут от частных суждений к общим (индукция и аналогия)) и непосредственные (умозаключения рассудка — различаются по количеству, качеству, отношению, модальности).

Благодаря учению И. Канта логика выиграла в форме, но, по оценке М. Владиславлева³, понесла ущерб в своем содержании: практическая часть исчезла из логики. Начиная с И. Канта, логика вступила на путь формализма. Основоположник критической методологии смотрел на логику как на науку, занимающуюся только формами и правилами мышления, независимо от содержания, к которым они прилагались. По его мнению, логика не должна анализировать практические случаи и, следовательно, не должна иметь прикладной (практической) части в своей структуре.

¹ Кант выделял несколько видов признаков: аналитические и синтетические; подчиненные и соподчиненные; утвердительные и отрицательные; достаточные и необходимые; недостаточные и случайные. См. подробнее: Владиславлев М. Указ. соч. С. 150.

² Думать означает судить проблематически, верить судить асерторически, знать аподиктически. См.: Владиславлев М. Указ. соч. С. 150.

³ См.: Владиславлев М. Указ. соч. С. 154—155.

Логика правовой науки

Методология правовой науки изучает право как предмет логики.

В системе социальных наук к правовым наукам относят те науки, которые имеют своим предметом право. Однако в узком смысле наукой о праве называют ту из них, которая исследует явления права с помощью юридического метода (теорию государства и права)¹. Ее характерными чертами являются следующие. Во-первых, предметом ее исследований является действующий правовой порядок. Это отличает теорию права и государства от философии права, которая изучает идеальные построения. Во-вторых, понятия правового порядка и норм права относятся непосредственным образом к ценности — они призваны служить справедливости. В-третьих, теория права, в отличие от социальной теории права, определяет, каким образом следует понимать объективное право². «Понимание» означает рассмотрение права как культурной ценности (в области философии права) и в качестве реализации права как социального явления (для теории права и социологии права).

Для правовой науки стремление к реализации идеи права ставит двойную задачу: во-первых, обработать материал в категориальном смысле (раскрыть явления права через категории нормы права, субъективных прав, юридических обязанностей, юридической ответственности); во-вторых, телеологически обработать правовой материал с целью показать право как политику реализации идеи права³.

Правовая наука обладает культурной ценностью и дает понимание правовым понятиям. Данная наука характеризуется тремя основными чертами: 1) формирует понимание предмета; 2) индивидуализирует политико-правовые явления; 3) относится к гуманитарным (ценностным) наукам.

Наука о праве формирует юридическое мышление и дает понимание предмета; она нацелена на значение объективного действующего смысла права. Данная наука исследует категории «юридические факты», «нормы права», выражающие императив; объективный смысл императива — долженствование. Юридические факты трактуются через призму должного, в их объективном значении, как правовые нормы. Г. Радбрух полагал, что по своему предмету наука о праве — это наука о сущем, а по методу —

¹ Эту систематизированную догматическую науку Г. Радбрух определяет как науку об объективном смысле позитивного права. См.: *Радбрух Г.* Философия права. М., 2004. С. 127.

² По учению Г. Радбруха, социальная теория права включает историю права, сравнительное правоведение, социологию права. См.: *Радбрух Г.* Философия права. М., 2004. С. 128; *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб., 2004.

³ Категориальную и телеологическую «обработку» правовых явлений называют конструкцией при условии, что исследуемый материал относится к правовому институту; системой — если он относится к правовому порядку в целом. В процессе развития правовой системы категории и логические подходы дополняли, а временами меняли друг друга. Так, например, отличия частного и публичного права категориально, а институты коммерческого и предпринимательского права — телеологически ориентированные понятия. См.: *Радбрух Г.* Указ. соч. С. 135—136.

нормативная наука (если при этом помнить, что в конечном итоге она, как наука, относящаяся к области культуры, является наукой о сущем)¹.

Коль скоро науку о праве относят к наукам в области культуры, она является индивидуализирующей наукой (а не обобщающей как науки классификационные). Норма права обладает общим характером, но объектом исследования правовой науки является правовой порядок и связанные с ним законы, которые представляют собой историческую и потому индивидуальную систему².

Для упорядочения многообразного фактического материала в социальных науках имеется критерий — отнесение данного явления к ценности. Отношение к ценности предполагает изменчивость предмета науки культурной сферы: любая переоценка ценностей влечет за собой смену предметов, которые относятся к этим ценностям³. Отличие изменчивости предмета науки о праве от изменчивости предмета исторической науки заключается в том, что в первом случае изменение осуществляется быстро («Три слова правки законодателя — и целые библиотеки превращаются в макулатуру», — отмечал Кирхман), а во втором случае — в процессе более или менее продолжительного исторического развития⁴.

Содержание науки

Под термином «наука» со времен древнегреческих философов (стоиков) принято понимать систему достоверного знания, относящегося к определенному предмету и изложенной с помощью законов логики (определенной методологии)⁵. Знание, если оно научно, всегда облекается в определенную форму⁶. На системный характер научных знаний

¹ В теории и социологии права против данного подхода высказывались Г. Кельзен и Б. А. Кистяковский.

² Наука о праве должна изучить и понять правопорядки различных государств в их индивидуальности. См.: *Радбрух Г.* Указ. соч. С. 138—139.

³ В каждой эпохе меняется разграничение между исторически значимыми фактами и просто устаревшими. Каждая эпоха переписывает свою и мировую историю по-своему. Нет ничего удивительного в том, что на каждом историческом отрезке создается своя наука о праве, ориентируясь при этом на общественные идеалы своего времени. См.: *Радбрух Г.* Указ. соч. С. 139—140.

⁴ См.: *Радбрух Г.* Указ. соч. С. 140.

⁵ В. Дильтей определял науку как «совокупность положений, где элементами являются понятия, т. е. вполне определенные, в любом смысловом контексте постоянные и общезначимые выражения; где сочетания понятий обоснованны, где, наконец, в целях сообщения знаний каждая часть приводится в связь с целым». См.: *Дильтей В.* Введение в науки о духе // *Дильтей В.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М., 2000. С. 280.

⁶ Наука нацелена на знание, однако это не означает, что она есть сумма или сплетение актов знания. Наука обладает объективным содержанием только в своей литературе, только в виде письменных произведений ведет самостоятельное существование, хотя и связанное многочисленными нитями с интеллектуальной деятельностью; в этой форме она живет тысячелетиями. См.: *Гуссерль Э.* Логические исследования. Ч. 1. Прологомены к чистой логике / пер. с нем.; под ред. и с предисл. С. Л. Франка. Спб., 1909. С. 8.

обращали внимание многие ученые, прежде всего И. Кант. Он понимал под наукой всякое учение, если это учение образует собой систему, т. е. некую совокупность познания, упорядоченную сообразно определенным принципам. Особенностью его подхода явилось утверждение, что «наукой в собственном смысле можно назвать лишь ту, достоверность которой аподиктична; познание, способное иметь лишь эмпирическую достоверность, есть знание лишь в несобственном смысле»¹.

Известный теоретик и философ права Л. И. Петражицкий понимал под научностью сознательную научно-методическую обоснованность, а не случайную какую-либо удачливость автора. Кроме того, ученый утверждал, что «наука должна быть суверенною во всех отношениях и направлениях, и никакие указы для нее не авторитет; она должна собственной мыслью создавать и оправдывать те умственные продукты, которые ей нужны, и для этого вырабатывать сознательно критические методы и критерии правильности и обоснованности»². Эта важная особенность науки качественным образом отличает ее от идеологии и других форм оценочного мышления, где возможны (даже необходимы) какие-либо заданности (например, построение справедливого общества, создание правового государства, реформирование общественного строя, исходя из интересов большинства / меньшинства / третьего сословия и др.). (Закон всемирного тяготения действует независимо от политического строя, число $\pi = 3,1416\dots$ не связано с категорией справедливости и т. д.)

Понятие метода научного познания

Большую роль для уяснения предмета науки играет методология. Метод научного познания основывается главным образом на доказательстве (на выведении с помощью умозаключений истинности одного какого-либо положения из ранее установленной истинности другого положения). В силу этого доказательство является основным средством соединения разрозненных утверждений в единую научную систему.

Образование понятий возможно либо посредством дедукции (синтетический метод — от общего к частному) либо индукции (аналитический метод — от частного к общему). Синтетический метод формулирует из наиболее простых истин более сложные; аналитический метод разъединяет более сложные истины на простые³.

¹ См.: *Кант И.* Метафизические начала естествознания. Соч.: в 6 т. М., 1963—1966. Т. 6. М., 1966. С. 55.

² «Наука есть систематическое мышление и знание. Она должна быть не беспорядочною смесью разнородных сведений без сознания их связи и зависимости, а, напротив, системою, соединяющей однородные, разделяющую разнородные положения и располагающую разные группы однородных положений сообразно их взаимной связи и зависимости, их подчиненности и соподчиненности» // *Петражицкий Л. И.* Введение в изучение права и нравственности: Эмоциональная психология. Изд. 2-е. М., 2011. С. 65, 94.

³ См.: *Наторп П.* Общее введение в философию и основные начала логики, этики и психологии / пер. с нем. с 3-го изд. 1909. В кн.: *Наторп П.* Избр. работы. М., 2006. С. 76—77.

Основные законы познания — это законы синтетического единства; определить то, что есть, означает познать предмет. Изучение предмета основывается на соотношении чувственного и интеллектуального, материального и формального факторов. Материю познания нельзя привести только лишь к чистой форме (обязательно останется чувственно данное, не подлежащее формальному исследованию), следовательно, предмет всегда сохраняет в себе значение задачи. Абсолютное определение того, что только еще подлежит определению, имеет для нашего сознания значение границы познания, к которой он приближается, но которой он никогда не достигнет¹.

Методологические проблемы познания

Большое значение в решение методологических проблем познания внесли немецкие философы, теоретики и социологи права, среди которых особе место занимает Г. Риккерт. Он развил методологию учения И. Канта, определив границы естественно-научного и исторического методов. С помощью естественно-научного метода образуются общие понятия (этот метод отождествляет границы познания с границами опыта); исторический метод имеет дело с конкретной действительностью и образует понятия по принципу «ценности».

Задачей естественно-научного познания в теории Г. Риккерта является установление закономерной связи фактов между собой, т. е. это познание состоит в изображении объективной картины эмпирического бытия.

Задача исторической науки заключается в установлении внутренней закономерности конкретных и общих явлений с точки зрения телеологии. Предметы и явления истории группируются сообразно с критерием ценности². Момент «отнесения к ценностям» является, по учению Г. Риккерта, не только эмпирическим фактом, подлежащим анализу, но считается еще и гносеологическим моментом, стоящим вне опыта обуславливающим возможность мышления по нормативным категориям. Таким образом, мышление по ценностному принципу объективно, а следовательно, объективны и те категории и отношения, которые опираются на аксиологический подход.

Прежде всего восхождение к общим понятиям не составляет цель науки (как полагал Г. Риккерт), оно есть только средство изучения внутренних отношений действительности — таким аналитическим способом наука изучает все стороны деятельности человека. Далее критиче-

¹ Например, понятие «вещи в себе» в учении И. Канта является выражением задачи нашего познания, а не каким-либо реальным существующим предметом, отличным от нашего разума. См.: *Натопн П.* Указ. соч. С. 78.

² Согласно подходу Риккерта, отнесение объектов к ценностям логически не отделимо от всякого исторического изложения. В исторические понятия должно входить именно то, что, благодаря простому лишь отнесению к общепризнанным ценностям, выделяется из действительности и сочетается в индивидуальные единства // *Риккерт Г.* Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб., 1997.

ски оценивалось противопоставление разума опыту, ошибочно полагать, что общие и формальные истины отличаются необходимым характером, который отсутствует в истинах частных и эмпирических. Любой факт и их связь на деле являются необходимыми для нашего сознания — это относится в равной степени как к общему понятию, так и к единичному факту; это положение подтверждает единство бытия и сознания, действительности и разума.

Категория «необходимость» не является свойством только лишь априорного мышления; она присуща любому мышлению; именно фактом «внутренней необходимости» мысли обеспечивается достоверность и объективность эмпирического знания. Поэтому, утверждали оппоненты Г. Риккерта, эмпиризм не чужд гносеологии (эмпирическое познание отличается от трансцендентальной гносеологии тем, что оно не знает общих и обязательных форм мысли, кроме своего опытного содержания)¹. Категории «возможность», «необходимость», «долженствование» должны пониматься как подчиненные категории понятию бытия: это формы мысли, рассматриваемые как содержание, как реальные факты мысли, и только в этом смысле они подлежат изучению.

Проблемы границ познания. Разграничение социально-научного и естественно-научного познания

Отличие дисциплин научной философии от естественных наук заключается в том, что последние изучают все явления как необходимо происходящие, где высшим принципом являются законы природы. Дисциплины научной философии анализируют то, что должно быть, и потому для них основной принцип — нормы как общеобязательные правила теоретического мышления (логика), практической деятельности (этика), творчества (эстетика).

Общей для всех естественных наук является категория естественной необходимости; объединяющая категории для дисциплин научной философии проявляется в сознании должного².

Формально должное в познавательном ряду часто смешивают с естественно-научным знанием. С одной стороны, формально должное бессодержательно, а следовательно, оно может мыслиться самостоятельно, в отвлечении. С другой стороны, познавательно должное осуществляется в психике человека, и потому оно подчинено, наряду с другими процессами мышления, причинности в области психики. Однако содержание естественно-научного познания заключается в определении необходимого, и сам логический процесс мышления (как психического явления) тоже подчиняется естественной необхо-

¹ С этих же позиций подвергается критике и взгляд В. Виндельбанда, который утверждал, что «все эмпирические науки предполагают уже готовой всю систему нормального сознания». «Чтобы найти разум в истории, нужно знать не только историю, но и разум» // *Виндельбанд В.* Генетический и исторический метод. Прелюдии. М., 2011. С. 244.

² См.: *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. СПб., 1998. С. 120.

димости. Таким образом, происходит смешение формально должного в познавательном отношении (то, чему человек должен следовать в процессе познания для получения истинных знаний) с содержанием естественно-научного познания, совершающегося с естественной необходимостью.

Такой подход отождествляет категории должного с категорией необходимого.

Известный отечественный философ и социолог права в начале XX в. Б. А. Кистяковский доказывал необходимость разграничения логических норм, которым необходимо следовать для выявления научных истин, от содержания этих истин и тех психологических законов, которым подчиняется мышление человека. В любом обществе всегда можно встретить людей (так называемых учительских натур), для которых важнее распространять достоверные научные истины, чем добывать новые, или тех лиц, которым важнее эстетическая сторона в познании, чем его логическая структура и формальная последовательность. Последние стремятся к целостности знания, хотя она логическим путем недостижима. Чтобы создать законченный образ, эти лица черпают содержание из личных душевных переживаний, что, по мнению Б. А. Кистяковского, является «изменой знанию», поскольку познавательные постулаты подчиняются личным эстетическим запросам. Понятие этически должного утрачивает при этом свою определенность и самостоятельность.

Задача научной философии, по мнению ученого, состоит в исследовании должного во всех формах и проявлениях, и прежде всего в выявлении принципов научной философии.

Для выбора и систематизации содержания мышления и выработки научного знания необходимо соблюдать логические формы. В их основе лежит принцип оценки, а основанием для оценок являются не описательные, а общеобязательные нормы — нормы логики, которые носят нормативный характер. Только таким образом получается действительно научное знание, основной чертой которого является обязательная сила для всех нормально мыслящих людей.

Индивидуальное мышление представляет собой единичные комбинации между отдельными частями содержания мышления с точки зрения естественной необходимости, а научное мышление имеет всеобщий характер, т. е. общеобязательно для каждого человека. Однако это не означает, что научное мышление носит социальный характер: оно социально лишь настолько, насколько вообще всякое мышление является социальной функцией (знание языка, возможность общения людей и др.). Научное мышление не является коллективным или мышлением большинства, по своей сути оно всегда индивидуально¹.

Общие формы мышления — суждения и понятия. Понятия, создающиеся естественно-психологическим путем (непроверенные критикой),

¹ См. об этом, напр.: Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 129.

являются общими представлениями, а понятия, образованные логическим путем, — это научные понятия.

Разница между образованием психологических суждений и логических понятий заключается в том, что научная истина всегда обладает качеством «общезначимости». Может быть высказано много психологически верных и согласных с реальностью (и потому истинных) суждений, общих представлений, однако они не будут создавать научного понятия и не обогатят наше знание ни одной научной истиной.

У каждого понятия есть несколько определений. Для получения научных истин должны быть сформулированы представления об этом предмете в целом: о его свойствах, условиях существования и развития и т. д., т. е. необходимо выработать точные и устойчивые понятия (установить факты, имеющие общее значение). Каждый отдельный предмет для научного исследования является единичным экземпляром объекта своего изучения. В этом и заключается принципиальное отличие научных истин от высказанных справедливых суждений. Научные истины обладают таким значением, что возникает уверенность: научно установленные факты в отношении конкретного предмета (явления) относятся ко всякому такому предмету (явлению) вообще¹. Необходимо признать, что психика человека не имеет в себе границ или руководящих принципов для обобщений — человек может как искать истину, так и заблуждаться. Наш психический организм действует не целесообразно, а причинно, т. е. подчиняется естественной необходимости. Такое причинное объяснение явлений было основным принципом естествознания XVII в. (Гоббс, Спиноза и др.).

В противоположность этому подходу существует принцип целесообразности: когда мы определяем цели с точки зрения своих оценок и считаем целесообразным то, что приводит к осуществлению чего-либо нам ценного. Правила (нормы) деятельности — это правила или нормы оценок. Человек создает свой особый мир ценностей, независимый от принципов естественной необходимости. Изучением этого мира ценностей занимают логики (определяет научную истину и способы ее получения), этика (исследует ценное в практической деятельности и нормы для его получения), эстетика (устанавливает ценное в творчестве и формы его воплощения). Все эти три науки объединяются в научную философию.

Логика придает формам мышления значение нормы и признает основной формой логического мышления представления, полученные на основании критериев сходства и различия². Представления, создан-

¹ С этих позиций неокантианцы (Б. А. Кистяковский) критиковали теорию Дж. Ст. Милля, который «не понял сущности индуктивного метода», хотя и считается его основателем, и деятельность Н. К. Михайловского как социолога. См.: *Кистяковский Б. А.* Указ. соч. С. 132—135.

² Система логических форм мышления (по терминологии Канта, «система категорий») рассматривается В. Виндельбантом в его статье «Система категорий», «О принципе морали», «Нормы и законы природы». См.: *Виндельбанд В.* Прелюдии. СПб., 2011.

ные на основе четкого установления различия и сходства, имеют логический характер и называются (в отличие от суждений, мнений, общих представлений) понятиями. Для выработки научных понятий кроме установления сходств и различий необходимо знать, для какой конкретной (специальной) цели создается данное понятие. Помимо формально-логических признаков научное понятие должно быть построенно на ясных методологических основах (например, понятие человека как «машины» подходит для анатомии, человека как «политического животного» — для социологии и психологии, человека как «субъекта права» — для юриспруденции). Таким образом, формальная логика, разрабатывая какой-либо отдел науки, тем самым создает методологию этой науки.

От Сократа до XV—XVI вв. «понятие» было единственным орудием науки; к XVI в. начинает вырабатываться новое средство научного мышления — «законы природы». Понятие закона (причинной связи) опирается на высшую трансцендентальную норму — на категорию необходимости. Проведенный Кантом анализ установления естественно-научных законов привел к уяснению значения формальных норм вообще и трансцендентальных категорий в частности¹. Естественно-научный закон стал основанием для образования научных понятий. Категория необходимости присуща причинным соотношениям (естественно-научным законам). Понятия, которые явились результатом обобщений, опирающихся на установление причинных соотношений, могут быть признаны научными понятиями, поскольку они выражают безусловно необходимое. В этом случае закон в естественно-научном значении и понятие одно и то же.

Научное знание не имеет ничего общего с непосредственным психическим восприятием. Психический факт в отдельности или их совокупность не могут дать представления, что такое научное знание. Только логика и теория познания исследуют научное знание (а не психическое восприятие). Истину не видят и не понимают — ее или признают, или не признают. Иногда говорят, что «истинное обладает характером естественной принудительности со ссылками: “раз ты видишь, ты понимаешь”, но это не является доказательством»².

Начиная со второй половины XIX в. быстро развиваются гуманитарные науки; перед логикой и методологией встают новые задачи. Появляется множество научных фактов, создаются новые системы, теоретические положения которых часто противостоят друг другу. К концу XIX в. в сфере гуманитарных наук наступил период раздумья: возникла необходимость проанализировать уже имеющуюся научную работу, критически оценить методологию различных идейных течений, создать новый порядок. Высшим проявлением процесса самопознания науки в конце XVIII в. была «Критика чистого разума» И. Канта. В конце XIX в. потребность выяснить теоретико-познавательные возмож-

¹ См. об этом: *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994.

² *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. СПб., 1998. С. 141.

ности гуманитарных наук заставила вновь обратиться к критической философии немецкого мыслителя. Разные представители социальной философии направили свои усилия на разработку принципов гуманитарно-научного знания. Сторонники критической философии И. Канта обратили свое внимание на сам процесс познания и провели четкое разграничение между нормами как средствами познания и законами самого познания. Это направление неокантианства называют нормативным. Представители данной школы ставили себе задачу распространить принципы философии И. Канта на новые области научного знания¹.

В гуманитарных науках необходимо следовать познавательному, что означает подчинение процесса научного познания не естественной необходимости, а логическому и методологическому долженствованию. В естественных науках процесс познания подчинен долженствованию, а само познание (предмет науки) является сферой необходимости.

В гуманитарных науках проявляется сознательная деятельность человека, которая исследует и социальные процессы, происходящие с естественной необходимостью, и общественную жизнь людей. Последняя предполагает изучение разного рода норм — промышленно-технических, государственно-правовых, этических и др. В связи с этим в гуманитарных науках процесс познания подчинен принципу долженствования, а сам предмет выступает как норма (принцип долженствования) и принцип необходимости (явления окружающего мира). Таким образом, процесс научного познания в гуманитарных науках подчинен долженствованию².

Соотношение категорий случайности и закономерности в природе и социальных отношениях

Распространение многочисленных социологических исследований в конце XIX в. поставило перед этой наукой вопрос о возможности применения для нее метода причинно-следственных отношений (характерно для естественных наук). Накопление фактических данных шло быстрее, чем логические и гносеологические исследования объектов естественных и социальных наук. Сама по себе фактология не дает глубины знанию

¹ Иначе это направление называется баденская школа неокантианства, основателями которой являются В. Виндельбанд, Г. Риккерт, среди создателей этого направления выделяют Хр. Зигварта, а также Г. Зиммеля и Г. Еллинека, занимавшихся разработкой отдельных частей научной философии.

² При изучении исторической действительности большой интерес представляет даже простое констатирование, изложение, описание фактов. К таким предметам научного знания относятся предметы истории, политической экономии, некоторые государственно-правовые дисциплины. Однако это не означает, что указанные науки только лишь воспроизводят факты. Истинно научное знание создается тогда, когда исследователь в своих суждениях и выводах следует должному в интересах познания (а не находится во власти своих личных переживаний). См. об этом: *Кистяковский Б. А.* Указ. соч. С. 143 и др.

и не является его свидетельством. Однако для изучения и естественных, и социологических наук необходима масса фактических данных как база для последующего анализа и структурирования этих фактов.

Как в природе, так и в социальной сфере разнообразие и индивидуальность явлений и событий отличаются бесконечностью и случайностью. Во внешнем мире (в природе и общественных отношениях) нет ничего повторяющегося — нет тождественных фактов. Несмотря на то что в природе все совершается согласно с естественными законами, тем не менее в каком именно виде произойдет то или иное явление, неизвестно, так как это всегда случайность. Каждое явление в отдельности представляется случайным («спецификация природы» по терминологии Канта) и требует теоретического изучения. Открытие естественного закона предполагало изолирование однородных явлений, находящихся между собой в причинно-следственной связи. Таким образом, создавались группы естественных законов (механических, химических, физиологических, биологических и др.), с помощью которых выявлялись закономерности в естественных науках.

История, социология права и другие социальные науки ставят перед собой цель исследовать отдельные факты, поэтому в методологическом отношении история близка к описательным наукам (геология, химия, ботаника, зоология и др.). Однако в отличие от естествознания, где необходима группировка материала (вид, отдел, отряд, класс и др.), в истории и социологии права восстанавливается какой-либо факт во всех особенностях, т. е. изучается историческое событие как единичное и исключительное явление.

Принципиальное отличие естественных и социальных наук заключается не в объектах их исследований (очевидно, что явления природы и социальных наук различны), а в методах их изучения. Научный интерес в исследовании явлений природы — это причинные соотношения, а предмет изучения историка — событие во всех индивидуальных проявлениях и деталях¹.

Причинные соотношения в социальных и естественных науках различны. Историк исследует индивидуальные сочетания разных рядов причинно обусловленных явлений; это стечение совершенно случайно, следовательно, и исследуемое историческое событие тоже случайно. Основная задача естествознания (наука о закономерностях в природе) состоит в определении причинно связанных и необходимых соотношений. Необходимо отметить, что безусловно необходимо то, что осуществляется везде и всегда, т. е. не связано с пространством и временем. Причинные соотношения, составляющие основу естественных наук, мыслятся

¹ «Историк берет все в розницу, в противоположность естествоиспытателю, который, исследуя только общее, берет все оптом. Логическая структура того и другого исследования совершенно различна. Суждение естествоиспытателя <...> аподиктично; естествоиспытатель говорит: так необходимо должно быть. Суждение историка ассерторично; он говорит: так есть или так было». См.: *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. СПб., 1998. С. 81. Согласно теории И. Канта, «ассерторическими называются суждения, в которых утверждение или отрицание рассматривается как действительное (истинное), а аподиктическими те, в которых оно рассматривается как необходимое». *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994. С. 83.

безотносительно к какому-либо определенному месту и времени или, говоря иначе, применимы к любому месту и времени, где есть необходимые условия. Вследствие того что все важные положения естествознания приобретают абстрактную форму, естественные науки предстают как науки о закономерном в природе, т. е. основываются на четких формулах и программах. Эта отвлеченность дает возможность объяснять индивидуальные явления и на их основе производить обобщения¹.

Задачи социально-научного познания

В конце XIX — начале XX в. социальные науки переживали глубокий кризис, выразившийся в ограниченности предметов научного поиска и разочарованиях в его результатах, следствием чего явилось обращение к другим сферам духовной деятельности. Научный кризис проявился в том, что появилось множество противоречивых теорий и систем при отсутствии общего объективного критерия оценок доктрин.

В социальной сфере особо проявилась идеологическая заданность теорий. Так, например, многие мыслители этого времени прямо заявляли о необходимости выбора какого-либо социального идеала, в соответствии с которым следует решать все социальные вопросы. Они доказывали, что объективных истин в социальных науках нет, есть только групповые истины (групповые идеалы) и классовые истины (идеалы большинства); с убеждением они говорили о «буржуазной» и «пролетарской» науках.

Другие философы и социологи права не соглашались с этим подходом. Так, Б. А. Кистяковский видел его ошибочность в искусственном перенесении понятий, выработанных в естественных науках (например, причинное объяснение явлений) в социально-научную область. Примерами этих «теоретических» неудач исследователи называли органическую теорию общества и экономический материализм. Так, несмотря на широкое признание идей экономического материализма в последней четверти XIX — начале XX в., в научной среде неокантианства заявляли, что экономический материализм не представляет объективно-научную теорию социального развития, это классовое учение, отстаивающее интересы одной группы лиц, которое не может быть предметом беспристрастного научного знания и потому вообще не подлежит научным оценкам². Исследования в области естествознания и социальных наук,

¹ Б. А. Кистяковский утверждает, что «когда наконец правильное понимание этого учения Канта займет место поверхностного знакомства с Кантом по популярным изложениям его идей, то даже “наивнейшие реалисты” среди естествоиспытателей поймут, что они, сами того не зная, кантианцы. Тогда станет очевидно, что естественно-научное рассмотрение внешнего мира как известного пространства, заполненного материей, нисколько не противоречит учению об априорности пространства» // *Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 84.*

² Это мнение В. Зомбарта, известного приверженца теории К. Маркса. Оценивая значение материалистического понимания истории и социального развития, он утверждал, что это лишь эвристические принципы. «...О каком законе из установленных К. Марксом можно еще теперь сказать как о правильном, подобно тому как, например,

безусловно, индивидуальны, но все открытия имеют объективное значение, а методы их обоснования разрабатываются в соответствии с правилами формальной логики. «...Открытия Коперника, Кеплера, Ньютона, Лавуазье и т. д., рассматриваемые как процессы нахождения истины, имеют строго индивидуальный и личный характер. <...> Но сами эти открытия... стали всеобщим научным достоянием. <...>. Так же точно и социально научные произведения Монтескье, Руссо, Конта, Маркса и др., безусловно, индивидуальны. Но в них есть много совершенно объективных научных элементов. Последние должны рассматриваться не только как гениальные интуитивные прозрения, а и разрабатываться согласно с общеобязательными приемами логики и методологии»¹.

Кризис в естественно-научной области (в виду особых заслуг в этой сфере) XIX в. имел скорее гносеологический характер: неясным было понятие естественно-научного закона.

В области социальных наук дело обстоит иначе: здесь отрицалась сама возможность объективного знания, поэтому это был уже не только гносеологический, но и научный кризис, заключающийся в неуверенности, насколько окажутся значимы и востребованы исследования в этой сфере. Причины кризиса были в следующем: во-первых, социальные науки в конце XIX — начале XX в. еще не обособились от социальной философии; во-вторых, в социальных науках этого времени господствовал психологизм (весь материал социальных наук сводился к психическим процессам человека). Эти причины кризисного состояния в социально научном знании вполне объяснимы. Социальные науки изучают человека как продукт природы (в причинно-следственных отношениях, как биологический организм) и как творца культуры (причину своих собственных помыслов и действий). Одновременно исследуются социальные процессы и явления, создаваемые человеком в духовной сфере (оценки, идеалы), что создает особые сложности в разграничении социальной науки и социальной философии².

Для выхода из этого кризиса теоретики и социологи права предложили ряд мер. Необходимо освободить социальные науки от зависимости социальной философии (соответственно тому, как естественные науки были отграничены от натурфилософии). Необходимо определить область социальных исследований в качестве самостоятельной науки, а не в виде только лишь собрания фактов и мнений. Вместо методов психологизма (Вунд, Петражицкий), ведущего к солипсизму, необходим беспристрастный анализ всех социальных явлений³. Социальные науки могут утвердиться в качестве объективного научного знания при условии разработки логической и методологической природы этих наук. При этом необхо-

о законе горения» // *Sombart W. Das Lebenswerk von Karl Marks*. Jena, 1909. S. 34—36 и др. Цит. по: *Кистяковский Б. А.* Указ. соч. С. 17—19.

¹ *Кистяковский Б. А.* Указ. соч. С. 19.

² Примерами соединения социальной науки с социальной философией являются система О. Конта, теория Р. Штаммлера, взгляды С. Н. Булгакова.

³ *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. СПб., 1998. С. 21—22.

димо исходить из наличного состояния этих наук, а не придумывать и не декретировать новые истины. Важно тщательным образом изучать (подвергать критике и анализу) существующие знания в этих областях.

Изучать приемы мышления в социальных науках возможно, если распределять содержание этих наук по основным проблемам логики и методологии, а именно: во-первых, как образовывать социально научные понятия (чтобы получить признаки социального явления, необходимо проанализировать понятия индивида, общества, государства, права и др.). Во-вторых, решить вопрос, насколько применимо причинное объяснение (характерное для естественных наук) к социальным явлениям. В-третьих, определить значение норм в социальной жизни (выяснить воздействие норм на формирование интересов социальных групп, уяснить вопросы целей и оценок для различных социальных процессов).

Эту триаду логико-теоретических проблем социально научного знания можно свести к нескольким этапам изучения социальных явлений:

- изучение единичных и неповторимых фактов (это дело историков);
- поиск закономерных связей между социальными явлениями, группировка фактов по их сходству (обобщение фактов с помощью категории общности);
- установление причинных соотношений, объясняющих возникновение, изменение, прекращение социальных явлений (использование в этом процессе категории необходимости);
- определение роли сознательного воздействия людей на регулирование социальных явлений (применение категории долженствования).

Таким образом, все социальные явления, в первую очередь право и государство, подлежат научному исследованию с помощью категорий общности, необходимости и долженствования. Наличие логических и методологических приемов исследования в социальных науках свидетельствует о научной объективности знаний в этих сферах, а значит, и самостоятельном статусе науки о праве и государстве.

Категория необходимости при исследовании социальных отношений. Критика теории экономического материализма

Методы социальных наук нацелены на установление социальных законов. Как и положения, вырабатываемые естествознанием, социальные законы аподиктичны (безусловно необходимы) — причинные соотношения рассматриваются этими законами вне времени и пространства.

Социология как наука об обществе, притязаящая на исследование социальных законов безотносительно ко времени и месту, к середине XIX в. уже получила статус науки. Принимая эту данность, многие теоретики права оспаривали основные социологические системы этого времени, главным образом теорию экономического материализма, доказывая ее методологическую несостоятельность: в методологическом отношении это «очень спутанное и неясное учение». Марксизм критиковали с разных сторон. По заявлению Б. А. Кистяковского, основной

недостаток этой теории заключается в том, что ее сторонники абсолютизируют значение экономических процессов в обществе: «...Причина всей совокупности социальных явлений заключается в конечном счете в экономической структуре общества и в развитии производительных сил...»¹. Эта великая истина граничит с банальностью: насколько она неоспорима, настолько же бессодержательна. Действительно, утверждать, что ни одно социальное явление не может изучаться без соответствующей основы, которая является в силу этого его причиной, означает совершать логическую ошибку. По аналогии можно было бы доказать, что «ни одно социальное явление немислимо без того, чтобы земля не вращалась вокруг солнца, а потому вращение земли вокруг солнца необходимо признать причиной его»². Это суждение, безусловно, фактически истинное, но тем не менее оно лишено всякого содержания. Логическое противоречие, которое допускают марксисты, заключается в том, что, по их убеждению, между экономической и культурной (духовной) областями, между политическими и правовыми отношениями в социальной сфере существует только одно причинное соотношение, а вся масса политико-правовых явлений («надстройка») предстает как некий монолит, не подлежащий разложению на единичные явления. Ошибка «марксистов состояла в том, что они, придя к эволюционизму путем диалектического метода, считают, что и эволюционизм есть метод»³. В действительности, эволюционизм заключает в себе только констатирование факта развития, а не установление законов. Законом в естественно-научной среде считаются причинные соотношения между явлениями, которые имеют принудительный характер. Ряд таких соотношений, образующих единый процесс, порождает изменчивость форм и видов. Эта изменчивость есть «суммарный результат» всего процесса, обусловленного причинными соотношениями (т. е. всех причинно связанных явлений, вместе взятых). Следовательно, изменение или эволюция — это факт, подлежащий констатированию, но не метод исследования. Коль скоро этот факт является результатом многих причинно связанных явлений, то он необходим как основа для группировки материала при создании какой-либо системы. Однако он не может объяснить сам процесс эволюции.

В области социальных наук теория эволюции получила другое значение. В социальных отношениях эта теория устанавливает телеологические соотношения, при которых последующее событие обуславливает предыдущее. Социальные науки наряду с причинными соотношениями признают и телеологические соотношения между общественными явлениями. Для научного статуса и результативности исследований в социальной сфере важно не рассуждать о ходе и тенденциях развития, а вы-

¹ Кистяковский Б. А. Указ. соч. С. 89.

² См.: Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 86. Позитивистское учение О. Конта и эволюционная теория Г. Спенсера у их последователей выродилась в такие же бессодержательные рассуждения.

³ Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 91.

явить и определить безусловно необходимые причинные соотношения (т. е. взятые вне времени и пространства) в общественной жизни. Другими словами, для объяснения социальных явлений, изменчивых по своей сути и форме, необходимо обратиться к неизменным соотношениям¹.

Любое причинное соотношение, обладающее безусловно необходимым качеством, независимо от сферы его применения: везде и всегда, где есть такие-то процессы, с необходимостью будет осуществляться такое-то причинное соотношение. Сторонники марксизма не вполне ясно отдавали себе отчет в том, какое соотношение существует между абстрактными положениями науки и конкретными социальными явлениями². Развитие — это только результат нескольких рядов причинно обусловленных явлений, и наступил данный результат (развитие) потому, что эти ряды пересеклись в определенной точке. В социальных науках причинные соотношения для объяснения конкретных процессов следует анализировать как безусловно необходимые, абстрактные понятия. Так, например, процесс освобождения рабочих рук благодаря интенсификации труда в капиталистическом производстве безусловно необходим, если взять его изолированно; так называемая теория обнищания есть тоже безусловно необходимое понятие. Но капиталистическое производство имеет тенденцию расширяться, и этот процесс требует все большего количества рабочих, следовательно, армия безработных с расширением производства должна сокращаться. Таким образом, устанавливаются два изолированных безусловно необходимых соотношения между явлениями, которые, как правило, пересекаются в реальных социальных условиях. При конкретном развитии какого-либо общества этот сам по себе необходимый процесс может быть пересечен и прерван другим столь же необходимым и крупным процессом.

Философы и социологи права отмечали явное противоречие между абстрактными элементами мышления, образующими основу теории экономического материализма, и их приложением к объяснению конкретных процессов развития. Этот факт свидетельствует об окончательной ликвидации учения, по которому так называемая надстройка политико-

¹ В этом положении заключается теоретическое основание, аналитическая часть экономического материализма, известная как «критика политической экономии». В этой части рассматриваются безусловно необходимые причинные соотношения: соотношения, определяющие ценность законов товарного производства, соотношения, установленные между спросом и предложением, между заработной платой и интенсивностью труда, между накоплением капитала и падением процента прибыли на капитал и др. Все они безусловно необходимы, т. е. не связаны с каким-либо определенным местом и временем. Эта общезначимость положений и создает научную силу теории экономического материализма.

² В этом и заключался источник всех ошибок ортодоксальных марксистов: «Сплошь и рядом они говорят о законах развития и о безусловно необходимом процессе развития, хотя никаких законов развития они не знают, и их не может быть, а безусловно необходимый процесс, протекающий во времени, есть противоречие, так как безусловно необходимое есть вместе с тем и безвременное» // *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. СПб., 1998. С. 95.

юридических учреждений и соответствующих им форм сознания есть простое отражение производственных отношений и их развития¹.

С этих же позиций критиковалась важная часть марксистского учения — теория классов. Все социальные явления, согласно марксизму, сводятся к борьбе классов. Класс как носитель экономических интересов в понимании сторонников этой теории есть чисто экономическое понятие. Другие теоретики права замечали, что в таком случае происходит смешение среды, из которой данное явление возникло, с самим явлением. Класс возникает на почве экономических интересов, но из этого совсем не следует, что он становится экономическим понятием². На самом деле общественный класс, возникающий, конечно же, в экономических условиях, есть прежде всего совокупность людей, объединенных в единое целое и связанных в отношения друг с другом своими интересами, намерениями, планами и др. Понятие класса предполагает совокупность людей не как «антропологических типов или физиологических организаций», а как носителей общих и одинаковых чувств, стремлений, желаний». Таким образом, общественный класс — это понятие не экономическое, а социологическое. Кроме того, с точки зрения экономического материализма важным фактором развития истории представляется борьба классов. Сама по себе борьба сословий, групп, классов — это эмпирический факт, часто встречающийся в реальности, и потому попытки обобщений марксистов в этой области не имеют никакого отношения к теории социального развития. Определения классовой борьбы в формулировках К. Маркса, Ф. Энгельса имеют скорее видовое, а не родовое значение. Эти определения содержат в себе множество «исторических» черт и потому не могут образовывать научное (социологическое) понятие. Однако для ортодоксальных марксистов важна не борьба классов как принцип, как объективное социальное явление, важным представляются интересы четвертого сословия в противопоставлении их интересам других классов. Таким образом, представители марксизма подчиняют научные интересы пользе практической деятельности, возводят частный случай в принцип и ставят видовое понятие выше родового.

Устранить ошибки рассматриваемой теории возможно, если заменить понятие класса (вид) более общим понятием социальной группы (род). Если классовые различия и классовая борьба с развитием социума может прекратиться, то деление общества на группы и партии и социальная борьба общественных течений не исчезнут, в силу этого со-

¹ Соотношение между базисом, с одной стороны, и надстройкой — с другой, не может быть определено как причинное в строгом смысле этого слова. См. об этом подробнее: *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. СПб., 1998. С. 97.

² Если встать на точку зрения представителей экономического материализма, необходимо признать, что растение, которое вырастает из земли и может существовать только благодаря земле, относится к понятиям геологии; птица, которая летает в воздухе и благодаря ему — отнеси к химии. Абсурдность этих примеров очевидна. Подробнее см.: *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. СПб., 1998. С. 98.

циальная борьба имеет, безусловно, необходимое значение (присутствует во всех обществах, но в разных видах).

В целом необходимо отметить следующее. При исследовании социальных отношений можно установить общезначимые причинные соотношения, обладающие характером безусловной необходимости (т. е. рассматривать их вне места и времени). Такие соотношения можно обнаружить в области социальных и психических процессов, в области материального производства (теория экономического материализма), в сфере правовых отношений, в которых исследователь должен найти определение причинного соотношения безусловно необходимого значения. Таким образом, изучая социальные явления, необходимо определять индивидуальное сочетание (пересечения) причинных комбинаций, которые имели место в данном социальном процессе. Точность выводов относительно каждого социального явления (процесса) будет зависеть от точности количественных исследований¹.

Категория справедливости в исследовании социальных отношений

Для исследования социальных отношений важны не только суждения о причинно необходимых соотношениях, обуславливающих общественные явления, но и суждения о справедливости, неотъемлемо присущие человеку. В отличие от категории необходимости (одинаково применима к естественным и социальным явлениям) категория справедливости применяется только к социальным явлениям². Каждое общественное явление можно оценивать с нравственной точки зрения, т. е. рассматривать его через призму справедливых или несправедливых его результатов. Таким образом, одни и те же социальные отношения можно исследовать двумя способами, которые одинаково логичны и важны: во-первых, с помощью суждений о добре и зле; во-вторых, с помощью суждений о причине и действии. Оба вида этих суждений заключают в себе истину и необходимы для понимания социальных отношений. Оценочные суждения, так же как и суждения о причинно-следственных соотношениях, обладают характером неотъемлемости и общеобязательности.

Сторонники материалистического понимания истории утверждали, что идеи — это всегда только лишь отражение существующих материальных отношений: с развитием техники и ростом производства развиваются представления о нравственном и безнравственном. С позиции эволюционистской теории проблема нравственного развития разрешается определением различных стадий общества: вначале не было ни-

¹ См. об этом подробнее: *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. СПб., 1998. С. 100, 104.

² «Если бы мы рассматривали, например, солнечное затмение, или процесс разложения калия в воде, или бурю на море с точки зрения справедливости, то мы вызвали бы только недоумение и недоверие к нашей умственной дееспособности. <...> Было бы смешно обвинять море за то, что в нем тонут корабли в бурю, или град за то, что он уничтожает посевы. Вообще совершенно неуместно ставить вопрос, справедливо или несправедливо какое-либо явление природы <...> // *Кистяковский Б. А.* Указ. соч. С. 108.

какой нравственной идеи, позднее что-то появилось и, наконец, стало существовать. Представители критической философии выступали против теории эволюционистов; их ошибку они видели в смешении процесса развития с тем субстратом, который впоследствии должен проявиться: из ничего не может появиться что-либо. Кроме того, марксисты не определяли границы эволюции: увлеченные своим принципом, сторонники данной теории утверждали всеобщность эволюционных процессов. Представители И. Канта доказывали, что ни законы вообще, ни принципы нравственности не могут эволюционировать. Законы логического мышления, законы природы, принципы нравственности не подвержены эволюции. Они могут быть только в одно или в другое время открыты, и различные обстоятельства могут способствовать либо тормозить их применение¹. Этические нормы по аналогии с законами могут быть в известное время сформулированы, под влиянием определенных обстоятельств распространены и применяться в конкретных условиях. Однако значение нравственных предписаний не зависит от их применения². Нормы нравственности представляют собой нечто постоянное и неизменное. Несмотря на бесконечные споры о том, что является основой нравственности, и на противоположные воззрения у народов о том, что нравственно, а что безнравственно, тем не менее существует нравственное чутье, присущее всем людям, которое ими руководит независимо от того, оформлено оно сознанием, высказано или нет.

В научной литературе распространено мнение, что нравственные представления совершенно субъективны и потому не могут выступать предметом науки. Так, согласно взглядам некоторых социологов-позитивистов, идеи справедливости как таковой нет, существуют только единичные, конкретные, субъективные сознания лиц, в соответствии с которыми выстраиваются ситуационные оценки о добре и зле, справедливости и несправедливости.

Однако с научной точки зрения система знаний представляет собой конструкцию аргументированных идей, сложившихся в целом ряде субъектов и потому включает в себе все черты того, что называется субъективным. Для определения этой «объективности» в социальных науках наличествует критерий неотъемлемости и общезначимости (для

¹ «Для пифагоровой теоремы... решительно все равно, открыл ли ее Пифагор или кто-либо другой, была ли она известна за сто лет до Пифагора или была открыта спустя сто лет после его смерти и только позже ему приписана. <...> Оттого что человечество узнает какой-нибудь факт, приобретает только само человечество, а не принципы; так же точно теряет от незнания их только оно» // *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. СПб., 1998. С. 112—113.

² «То, что какие-нибудь ашанти или зулусы, что дети или идиоты ничего не знают об этом принципе, так же мало касается его нравственного предписания, как то, что о нем не знают животные, или то, что о нем никто еще не мог знать, когда наша солнечная система являлась хаотической массой атомов». См.: *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. СПб., 1998. С. 113. П. П. Новгородцев, отстаивая самостоятельность этических принципов, всецело разделял данные положения и цитировал их в своей работе. См.: *Новгородцев П. И.* Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 267, 268.

нормального сознания людей). Такими критериями (неотъемлемости и общезначимости) для суждений об общественных отношениях являются категории необходимости и справедливости. Следовательно, любое суждение о социальных явлениях, в основе которого лежат эти категории, необходимо рассматривать как объективное, а значит, научное.

Общие черты категорий необходимости и справедливости следующие: во-первых, они одинаково безусловно присущи и обязательны для сознания; во-вторых, они образуют основу объективного знания.

Различия категорий необходимости и справедливости выглядят таким образом: категория необходимости — это категория познания (применяется в случаях объяснения чего-либо); категория справедливости — это категория оценки (на ее основе выносятся нравственный приговор результату социального развития). Однако нельзя сказать, что категория справедливости, являясь критерием для оценки поведения людей, не участвует в объяснении социальных процессов. Все причинно связанные явления в социальных отношениях необходимы, но после признания этой необходимости возникает вопрос о справедливом характере данных явлений: требование справедливых оценок проникает в сознание людей и выражается в виде установления системы должностования¹. В социальном развитии каждая последующая стадия рассматривается как безусловно необходимая (с точки зрения причинно-следственных отношений), поскольку конкретно-историческое явление всегда есть результат пересечения различных причинно обусловленных рядов в известный момент времени и определенном пространстве.

Вместе с тем люди всегда стремятся установить более справедливое общество по сравнению с существующим: это требование неотъемлемо. Таким образом, конечная стадия социального процесса, выраженная в нравственном постулате, правовых нормах, юридических учреждениях, является всегда результатом как естественного хода необходимо обусловленных явлений, так и присущего людям стремления к осуществлению справедливости.

Категория необходимости и должностования в социальных отношениях

В природе все явления строго закономерны, они происходят согласно законам причинно-следственных соотношений, и потому необходимо. Социальные отношения ввиду наличия человеческого сознания и воли отличаются от природы тем, что в этой сфере создаются оценки и устанавливаются цели деятельности, следовательно, идет борьба за справедливость. Различие между социальным миром и природой особенно проявляется там, где определяющим элементом является со-

¹ Действия людей в цивилизованных обществах определяются их представлениями о должном; в зависимости от совокупных действий отдельных членов общества жизнь социума получает то или другое направление. Таким образом, социальные нормы, прежде всего нормы права, определяют общественные приоритеты, которые обуславливаются уже не причинными соотношениями, а целями, воплощенными в социальных нормах. См.: *Кистяковский Б. А.* Указ. соч. С. 114—116.

знание человека, которое формирует оценки и устанавливает цели, тем самым внося в общественные отношения разумность, свободу, справедливость.

К концу XIX в. заметную роль в поиске научной истины начинают играть технологии, особые задачи и методы которой позволяют сделать вывод о ее качественном отличии от естествознания. Технология как система теоретических построений, показывающих, каким образом создавать качественно новое, в своих разработках использует материал естественных наук, но результат этих процессов чужд естествознанию. С точки зрения методологии техника создает должествующее бытие. В отличие от естественных наук (разрабатывает то, что есть, т. е. область необходимого) методологический принцип технологии заключается в созидании на основе необходимо совершающегося (область естествознания) должествующего¹. Долженствование в области технологии и долженствование в социальной сфере имеют общие черты: коль скоро долженствование в социальных нормах наиболее эффективно выступает в нормах права и в нормах морали, то, следовательно, правовой порядок представляется «такой же машиной для переработки в социальном мире необходимо совершающегося в должествующее бытие, какие для осуществления той же цели в материальном мире создает техника»². Вместе с тем между видами этих долженствований существует большая разница. Несмотря на то что техника является продуктом духовной деятельности человека, она не одухотворяет нашу жизнь, а наоборот, еще больше механизмирует ее. Право, проходя через сознание и психику человека, не может применяться автоматически. Для права важен его «дух»; здесь важную роль играют усилия воли, правовое чувство, требования разума и др. Право не должно твориться только лишь законодателем — каждый гражданин оказывается вовлеченным в духовно-деятельный процесс существования права. Правовые нормы упорядочивают общественные отношения, но не механизмируют их.

Таким образом, правовой механизм представляет собой сложный аппарат, для эффективной работы которого требуется целенаправленная духовная активность всех членов общества. Каждая личность своим участием в осуществлении права, претворяет в социальных отношениях необходимое в требования должного. Этот творческий процесс возможен только благодаря сознательной и волевой деятельности членов общества — самодостаточных граждан своего государства.

¹ Суть технического процесса, вносимого человеком в природу, состоит в том, что внешний мир (природа) перестает быть «царством слепой необходимости и начинает служить долженствованию». Б. А. Кистяковский критически оценивает мнение П. Натторпа, утверждающего, что «ходячее понятие долженствования... происходит из царства техники» и что «понятие техники необходимо входит в конкретную этику». Напротив, замечает Б. А. Кистяковский, «для того, чтобы сохранить за понятием этики присущей ей смысл, надо противопоставить технику в области материальной культуры технике в области культуры духовной». См.: *Кистяковский Б. А.* Указ. соч. С. 402.

² *Кистяковский Б. А.* Указ. соч. С. 1.

ЛЕКЦИЯ 6. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

— Социологическое исследование: программа, методы, основные процедуры.

Социологическое исследование: программа, методы, основные процедуры

Сущность и основные этапы социологического исследования

Термин «социологическое исследование» утвердился в конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. Хотя один из первых приемов такого исследования описан еще Э. Дюркгеймом в «Самоубийстве» (1897). В самом общем виде социологическое исследование представляет собой совокупность особых процедур. Они связаны между собой единой целью: получить достоверные знания об изучаемом явлении или процессе для их последующего использования в социальной практике.

Основные исследовательские стратегии. Различают три основных вида социологического исследования: разведывательное, описательное и аналитическое. Характер исследования зависит от его цели и задач, от глубины, масштабности и сложности требуемого анализа.

Разведывательное исследование является наиболее простым видом социологического исследования. Оно решает ограниченные по содержанию задачи, охватывает небольшие обследуемые совокупности. Программу и методику такого исследования отличает упрощенность.

Разведывательное исследование нередко используется как этап более глубоких и масштабных исследований. Его разновидностью является экспресс-опрос. Как правило, он проводится в целях получения оперативной информации о каком-либо конкретном факте, событии, явлении. Например, экспресс-опросы используют для зондирования общественного мнения в ходе предвыборных кампаний. Экспресс-опросы могут быть использованы для определения удовлетворенности аудитории качеством прочитанной лекции и т. д.

Описательное исследование предполагает более глубокий социологический анализ. Объектом исследования в данном случае выступает достаточно большая общность людей. Чаще всего задачи такого исследования предполагают описание состояния каких-либо процессов, явлений, характеристику состояния общественного мнения, т. е. получение социологической «фотографии» изучаемого объекта. Например, этим объектом выступает коллектив предприятия, где можно выделить группы рабочих, служащих, управленцев, имеющих разный уровень образования и профессиональной подготовки, различный трудовой стаж, различные социально-демографические характеристики (пол, возраст, семейное положение). Можно также описать состав семей, уровень заработной платы, досуговые предпочтения, читательские интересы и другие характеристики работников предприятия.

Аналитическое исследование — самый сложный и глубокий вид социологического исследования. В дополнение к задачам описательного исследования оно предполагает также выявление причин, обуславливающих то или иное состояние и свойство изучаемого объекта, его динамику, тенденции.

Данное исследование носит комплексный характер как по методам сбора информации, так и по другим показателям.

Разновидностью аналитического исследования является социальный эксперимент. Его проведение предполагает создание особой ситуации для изучаемого объекта. Для этого в какой-то мере изменяются обычные условия функционирования объекта.

Социологические исследования могут быть также разовые или повторные в зависимости от потребности в получении информации о статичных либо динамичных социальных явлениях и процессах.

По масштабам проведения исследования могут быть международные, общенациональные, региональные, отраслевые, локальные.

Другие виды социологического исследования могут быть выделены в зависимости от применяемого метода сбора информации. Различают три вида такого социологического исследования: опрос, наблюдение, анализ документов.

Среди других исследовательских стратегий можно выделить следующие: монографическое исследование (на одном объекте изучается какое-то явление или процесс); сравнительное исследование (территориальное или временное); панельное исследование (изучение изменений во времени одних и тех же объектов) и т. д.

Социологическое исследование включает следующие этапы:

- 1) подготовку исследования;
- 2) сбор первичной социологической информации;
- 3) обработку полученных данных;
- 4) анализ и обобщение полученной информации;
- 5) подготовку отчета по итогам исследования, формулирование выводов и рекомендаций.

На первом этапе исследования проводится крайне важная работа, от которой зависит его успешность, — готовится программа исследования.

Программа социологического исследования. Программа социологического исследования обычно включает относительно подробное, четкое и завершенное изложение методологических подходов и методических приемов изучения какого-либо социального явления или процесса. От научной обоснованности этого документа в значительной мере зависит результат социологического исследования.

Первый шаг в разработке программы связан с формулировкой темы исследования, которая должна отражать наличие проблемы и объекта исследования с помощью логически связанных понятий. Тема должна быть актуальной, значимой для социальной науки и практики. Формулировка темы должна быть точной и лаконичной, но не сводиться к двум-рем словам. Например, «Ценностные ориентации российской молодежи», «Профессиональная мобильность выпускников гуманитарных вузов», «Вторичная занятость студенческой молодежи» и др.

Структура программы включает два основных раздела: методологический и методический.

Методологический раздел программы предполагает формулировку проблемы исследования; определение его цели и задач; определение объекта и предмета исследования; логический анализ основных понятий, выдвижение гипотез.

Методический раздел программы включает построение выборки (определение обследуемой совокупности), отбор методов исследования, разработку процедур сбора и анализа данных, стратегический план исследования.

Остановимся на методологическом разделе. Проблема формулируется как выражение необходимости изучения определенной области социальной жизни, разработки или обоснования теоретических средств и практических действий по выявлению причин той или иной противоречивой социальной ситуации. Следовательно, проблема в социологическом исследовании — это то, что требует изучения и решения средствами социального управления. Ведь социальная проблема как несоответствие реального должному или ожидаемому не всегда может быть решена с помощью имеющегося знания, нередко требуется новая информация.

Цель исследования является прообразом результата исследования. Социологическое исследование преимущественно преследует прикладную, т. е. практическую, цель, призванную служить обоснованием прогнозов, программ, проектов развития какого-то объекта или практических рекомендаций, предложений, подготовки и принятия управленческих решений.

В соответствии с целью формулируются задачи, которые служат средством реализации цели.

Объект социологического исследования — носитель той или иной социальной проблемы, сфера деятельности людей, включенная в процесс научного познания. Например, проблема социального статуса может изучаться среди демографических, профессиональных групп, этнических общностей и т. д. Эти группы и общности и станут в данном случае объектом исследования.

Предмет исследования, как правило, включает те свойства и стороны объекта, которые подлежат изучению. Так, если объектом исследования определена молодежь, предметом исследования может выступать социальный статус молодежи или социальные факторы, влияющие на положение молодежи в обществе, и др. Предмет устанавливает познавательные границы исследования, так как один и тот же объект может предполагать множество предметов исследования.

Логический анализ основных понятий — эта часть программы посвящена определению и уточнению значения употребляемых в исследовании терминов и их логическому структурированию. Такая работа представляется принципиально важной, поскольку известно, что из-за различного понимания терминов люди порой не могут договориться между собой, говорят как бы на разных языках, не понимая друг друга.

Логический анализ исследуемых понятий дает возможность автору связать их научное толкование с реальными явлениями жизни.

Он включает две основные части:

- 1) теоретическую интерпретацию понятий;
- 2) операционализацию понятий.

Первая часть предполагает отбор ключевых понятий, входящих в формулировку предмета социологического исследования. В теоретической интерпретации понятия социолог, используя словари, монографии и другие источники, выясняет его связь с теорией, другими понятиями. При этом он идет как бы «вверх», к теории, пытаясь установить место понятия в теоретической системе.

Теория предполагает конструирование абстрактных интерпретаций, которые используются для объяснения эмпирических ситуаций. Если в данном случае не руководствоваться теорией, можно оказаться в затруднении при прояснении причин изучаемых явлений.

Операционализация — это движение от понятия «вниз», к реальным фактам общественной жизни. Задача состоит в том, чтобы подобрать совокупность терминов, на которые раскладываются основные понятия. Это позволит создать более или менее целостную логико-семантическую модель изучаемого социального явления.

Эта стадия логического анализа понятия направлена прежде всего на раскрытие основных понятий с помощью более простых, однозначно понимаемых понятий. Эти простые понятия называются операциональными понятиями или, как их еще называют, эмпирическими показателями. Они используются для подготовки инструментария исследования.

Гипотеза — это научное предположение о способах согласования факторов, составляющих проблемную ситуацию. Гипотеза выдвигается для объяснения каких-либо фактов, явлений и процессов, которые исследователь подтверждает или опровергает. Гипотеза есть своеобразный прогноз ожидаемого решения исследовательской задачи. Социологическое исследование строится на предварительных, явно или неявно выраженных предположениях о причинах возникновения изучаемой проблемы и путях ее разрешения.

Основные требования к формулировке гипотез таковы: 1) гипотеза не содержит неоперациональных понятий; 2) гипотеза не противоречит известным и проверенным фактам; 3) гипотеза должна быть проверяема; 4) гипотеза должна быть непротиворечива. Гипотезы классифицируют на основании различных признаков. Так, по содержанию гипотезы делят на описательные и объяснительные.

Описательные гипотезы — это предположение об изучаемых свойствах объекта или характере связей между его отдельными элементами.

Объяснительные гипотезы относятся к предположениям о причинно-следственной зависимости изучаемых явлений.

С точки зрения задач исследования гипотезы классифицируют на основные и неосновные. С центральным вопросом исследования, его целевой установкой связаны основные гипотезы. К второстепенным задачам относятся гипотезы неосновные.

В основательно разработанной программе аналитического исследования гипотезы могут классифицироваться по степени обобщенности на гипотезы-основания и гипотезы-следствия.

Сформулированные до полевого исследования предположения — это рабочие или первичные гипотезы. Если эти гипотезы не подтвердились, могут выдвигаться и проверяться вторичные гипотезы.

Методический раздел программы включает прежде всего определенные обследуемой совокупности. Нужно решить очень важный вопрос: кого обследовать — весь изучаемый объект или его часть, т. е. определить, будет ли исследование сплошным или выборочным.

Понятие генеральной и выборочной совокупностей. Весь изучаемый объект, которым чаще всего является какая-то группа людей, называется генеральной совокупностью. Значит, генеральная совокупность это объект исследования, который территориально и по времени локализован и на который распространяются выводы. Часто группы бывают настолько многочисленными, что обследование каждого из членов группы становится невозможным, так как требует значительных затрат и времени, поэтому исследователь проводит выбор той части генеральной совокупности, которую он будет изучать. Отобранная часть называется выборочной совокупностью, или выборкой. Она не является любой частью изучаемого объекта и отбирается по особым правилам. Правильная выборка при обследовании должна давать данные, характеризующие всю генеральную совокупность. Способность выборки отражать основные параметры генеральной совокупности называется репрезентативностью.

Способ выборки зависит от объекта, целей и гипотез исследования. Различают вероятностную и целенаправленную выборки в зависимости от возможности применения правил теории вероятностей, а также гнездовую, квотную, многоступенчатую, территориальную, стратифицированную, систематическую, случайную, стихийную и др.

Установлено, что модель выборки должна выстраиваться с учетом таких характеристик лиц, входящих в генеральную совокупность (объект исследования), как пол, возраст, место проживания, род занятий, образование и др. Объем выборки зависит от уровня однородности или разнородности изучаемого объекта. Для определения объема выборочной совокупности и обеспечения ее представительности учитывают, что она должна быть статистически значимой (разброс числового значения контролируемых признаков) и оптимальной или экономной. Как правило, для пробных опросов формируют выборку в 100—200 человек, для массовых — 10% состава, но не более 2000—2500 человек.

В методическом разделе программы исследователь характеризует также используемые методы сбора первичной социологической информации, представляет логическую структуру инструментария для сбора информации, схемы ее обработки.

Основные методы социологического исследования¹. Остановимся на основных методах социологического исследования. Наиболее популярным методом сбора первичной социологической информации является опрос. Известно, что опрос широко распространен в других отраслях знания и в практической деятельности (в медицине, педагогике, юриспруденции, журналистике, социальной работе и т. д.).

Специфика метода опроса состоит в том, что источником информации в данном случае выступает человек как непосредственный участник изучаемых явлений и процессов. Опрос предполагает вопрос и ответ. Опрашиваемого человека в социологии называют респондентом.

Опрос имеет две разновидности — анкетирование (письменный опрос) и интервью (устный опрос). Опросы различают не только по способам, но и по форме проведения (индивидуальные и групповые, очные и заочные, массовые и специализированные).

Разработка социологического инструментария. Она строится на основе методологии исследования и операционализации понятий, выполненной в ее программе. Перед социологом стоят вопросы: «О чем спросить респондента?», «Почему об этом?», «В какой форме?» и т. д. На эти вопросы отвечает исследователь, разрабатывая свой инструментарий. Анкетирование проводится по специально разработанному вопроснику (анкете), подготовка которого предполагает выполнение ряда правил и принципов формулирования и выстраивания вопросов и вариантов ответов. В инструментарии оформляется титульный лист с указанием организации, проводящей исследование, а также с инструкцией по заполнению анкеты. В структуре опросника содержится основная и социально-демографическая часть. Композиция анкеты строится из проблемных и тематическими блоками от простых к сложным вопросам в середине и к простым в конце. Вопросы, используемые в анкетах, различают прежде всего по содержанию. Это вопросы о фактах сознания, таких как мнения, пожелания, ожидания, оценки; о фактах поведения; о личности респондента.

Вопросы анкеты различаются и по форме. Они могут быть закрытыми и открытыми, прямыми и косвенными. Закрытые вопросы имеют полный набор вариантов ответов. Открытые вопросы не содержат подсказок и не «навязывают» респонденту вариант ответа. Не всегда целесообразно задавать прямые вопросы, так как это может быть некорректным и остаться без ответа. В данном случае формулируются косвенные вопросы, предлагается воображаемая ситуация, не требующая оценки личных действий или качеств респондента. Ответы на вопросы могут быть предложены в анкете в линейной или табличной формах.

В зависимости от функции вопросы анкеты можно классифицировать как основные и неосновные (вопросы-фильтры, контрольные вопросы).

¹ См. подробнее: *Тощенко Ж. Т.* Социология. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 88—107.

Анкетирование дает возможность оперативно получить информацию об изучаемом явлении.

Интервьюирование предполагает непосредственный контакт исследователя и опрашиваемого. Интервьюер задает вопросы и фиксирует ответ. Эта разновидность опроса предполагает больше времени и средств, чем анкетирование.

Различают три основных вида интервью. Формализованное интервью — это общение интервьюера и респондента по строго разработанному вопроснику и плану. Фокусированное интервью предполагает меньшую стандартизацию поведения интервьюера и опрашиваемого. Оно имеет целью сбор мнений, оценок по поводу конкретной ситуации, явления, его причин и последствий. Свободное интервью проводится по заранее определенной теме, но без предварительно разработанного опросника и плана. Оно носит характер свободной беседы.

Метод наблюдения в социологии — это направленное, систематическое, непосредственное прослеживание и фиксирование изучаемых социальных явлений, процессов, событий. Формы фиксации: бланк, дневник, фото, кино и др.

В зависимости от степени участия наблюдателя в исследуемой ситуации наблюдение может быть включенным и невключенным. Важнейшее достоинство наблюдения состоит в том, что оно осуществляется одновременно с развитием изучаемого явления и позволяет исследователю непосредственно воспринимать его, фиксировать. Это создает предпосылки для объективного изучения проблемы. Вместе с тем метод наблюдения не позволяет масштабно охватить явление, требует много времени и сил.

Широко применяется в социологии метод анализа документов. К документам в данном случае относятся различные печатные и рукописные материалы, теле-, кино-, фотоматериалы, звуковые записи, а также материалы, имеющиеся на новых носителях информации. По статусу различают документы официальные и неофициальные; по форме изложения — письменные, вербальные, статистические и др.

Выделяют два основных вида анализа документов: 1) качественный, или традиционный, суть которого в углубленном логическом исследовании содержания документа; 2) формализованный, называемый контент-анализом. Контент-анализ проводится по особым правилам и позволяет довольно быстро обработать большое количество источников информации.

Социологическое измерение. Подготовка инструментария исследования связана с поиском и использованием таких фактов, которые могли бы служить количественной характеристикой изучаемых социальных явлений. Процедура сопоставления измеряемого объекта с определенным эталоном для получения числового выражения свойств объекта на шкале, т. е. в том или ином масштабе, называется социологическим измерением. Измерение проводится на основе интерпретации основных понятий и их операционализации, которые проясняют, о чем собирается информация, в какой форме и о чем надо спрашивать респон-

дентов. Все факты как объективные по отношению к респонденту, так и субъективные — предметы, события, поступки, оценки, суждения, которые используются для социологического измерения, называются индикаторами. Они являются основой для формулирования вопросов анкеты. Всем индикаторам присущи различные характеристики, которые в анкете могут выступать в качестве вариантов ответов на вопросы. Они располагаются в той или иной последовательности и составляют шкалу измерения.

Основные типы шкал. Шкалирование — это расположение вариантов ответов на вопросы в определенном порядке. В социологических исследованиях применяется три основных типа шкал: номинальные, ранговые и интервальные.

При помощи номинальной шкалы измеряют преимущественно объективные признаки респондентов (пол, семейное положение, профессия и т. д.).

Ранговая шкала основана большей частью на субъективных индикаторах, выражающих отношение респондентов к кому-либо, чему-либо. Позиции ранговой шкалы располагаются в строгом порядке от наиболее к наименее значимой, или наоборот.

Интервальная шкала отличается тем, что в ней варианты ответов выражаются числовыми интервалами, характеризующими, например, возраст, стаж работы, учебы и т. д.¹

Требования к социологической шкале: 1) валидность, означающая правильность выбора индикатора, его пригодность для измерения изучаемого свойства; 2) полнота, предполагающая, что в вариантах ответа учтены все значения индикатора; 3) чувствительность — способность шкалы выявлять отношение респондентов с той или иной степенью дифференциации.

Социологическое исследование представляет собой совокупность особых процедур, связанных между собой единой целью: получить достоверные знания об изучаемом явлении или процессе.

Характер исследования зависит от его цели и задач, глубины, масштабности и сложности. Различают разведывательные, описательные, аналитические, разовые, повторные, международные, общенациональные, региональные, отраслевые, локальные и др.

Этапы исследования включают его подготовку, сбор первичной информации, ее обработку и анализ, подготовку отчета, формулирование выводов и рекомендаций.

В программе социологического исследования обосновывается проблема, определяются цели и задачи, объект и предмет исследования, осуществляется логический анализ основных понятий, выдвигаются гипотезы, определяется выборка, процедура сбора и анализа данных, излагается стратегический план исследования.

¹ См. подробнее: Основы прикладной социологии / под ред. Ф. Э. Шереги, М. К. Горшкова. М.: Интерпракс, 1996. С. 28—31.

К основным методам социологического исследования относятся следующие: анализ документов, опрос, наблюдение.

Социологическое измерение предполагает поиск и использование таких фактов, которые служат количественной характеристикой изучаемых социальных явлений. Эти факты называются индикаторами.

Шкалирование — это расположение вариантов ответов на вопросы в анкете в определенном порядке. Основные типы шкал: номинальная, ранговая, интервальная.

Раздел III

ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО И ПРАВО КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

ЛЕКЦИЯ 7. ОБЩЕСТВО КАК ЯВЛЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

- Понятие общества и сложившееся о нем представление.
- Общество как явление природы и культуры.
- Другие проявления общества и основные теории.
- От теории традиционного общества к теории гражданского общества. Основные черты и особенности гражданского общества.

Понятие общества и сложившееся о нем представление

1. В начале XX в. известный теоретик права Г. Ф. Шершеневич, рассуждая об обществе, замечал, что устоявшееся и широко признанное представление о нем «сложилось сравнительно недавно».

Ибо, как известно, у греков оно сливалось и отождествлялось с государством или, лучше сказать, «общество растворялось в государстве». Причиной тому, что греки «из-за государства не видели общества», послужили незначительные размеры греческих государств-городов, при которых «политическая связь, охватывающая гражданина со всех сторон, не давала простора для особых общественных связей»¹.

В Средние века рядом с государством, «слабо выраженным в действительности», становится церковь «как общество верующих», которая сама уподоблялась государству и тем самым не способствовала формированию адекватного представления об обществе.

В XII—XIII вв. «выдвинулась школа естественного права», которая, занимаясь вопросами, касающимися характера и причины «соглашения обособленных людей» на «совместное их существование», фактически не проводила никакого различия между государством и обществом. Для сторонников теории естественного права, констатирует автор, было безразлично, будет ли «совместное существование» людей «называться государством или обществом».

Только в XIX столетии, резюмирует Г. Ф. Шершеневич, под влиянием различных течений складывается представление об обществе, «отличное от представления о государстве».

В этом отношении, замечает автор, особо выделяется «только что сложившаяся» политическая экономия, которая «выдвигает общество, занятое хозяйственной деятельностью, в противоположность государству, поглощенному управлением»².

Значительную роль при этом сыграла также социология — «это новообразование XIX в., сделавшее новое представление об обществе

¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: учеб. пособие (по изданию 1910—1912 гг.). Т. 1. В ст. М. Н. Марченко. М., 1995. С. 93.

² Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 94.

предметом своего специального изучения». Под «государственным наслоением» она вскрыла «общественный пласт и тем окончательно утвердила самостоятельность понятия об обществе и его независимость от понятия о государстве»¹.

2. К настоящему времени сложилось много различных мнений и представлений о понятии, сущности и содержании этого социального явления, именуемого обществом.

На вопрос «Что собой представляет общество как таковое, независимо от того, где и как оно возникает и в каких формах оно существует?» в отечественной и зарубежной литературе, несмотря на долговременный период его изучения, никогда не было и поныне нет однозначного ответа. И дело заключается отнюдь не в недостатке эмпирического материала, необходимого для формирования единого представления об исследуемой материи, а в его сложности, многогранности, непрерывной изменчивости (динамизме) и внутренней противоречивости.

Кроме того, значительную роль в процессе формирования общего представления об обществе играют различные мировоззренческие и — шире — методолгические подходы.

В зависимости от того, какая из сторон традиционного общества берется за основу и какой методологическо-мировоззренческий подход в процессе его познания и определения его понятия при этом используется, в научной литературе формируются порой весьма разноречивые, далеко не всегда совпадающие о нем представления.

Так, в одних случаях общество («в философском смысле») представляется в виде «надприродной реальности», включающей «человека, целесообразную деятельность людей, ее результаты и складывающиеся между ними отношения». При этом поясняется, что общество — «это развернутая в пространстве и развивающаяся в пространстве сфера бытия человека, среда и продукт его жизнедеятельности»².

В других случаях общество понимается в «дифференцированном» плане: а) «в самом широком смысле» — как совокупность «проявляющихся во внешнем мире психологических связей между людьми». При этом его понятие выступает как «собирательное понятие, объединяющее совокупность всех общественных отношений между людьми в одно логическое единство»; б) «в тесном смысле» — как «совокупность всех человеческих союзов, т. е. групп людей, объединенных каким-либо связующим элементом». Подчеркивается, что «число таких союзов, вскрываемых анализом человеческого общежития, бесконечно. Семья, союзы, общины, церкви, государство суть формы организованного общения, которым противостоят, как неорганизованные союзы, экономические классы», так и иные неорганизованные феномены; в) «в самом тесном смысле» — как совокупность «всех общественных групп, за исключением государства»³.

¹ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 94.

² Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова М., 2009. С. 464.

³ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 67, 69—70.

Наконец, в третьих случаях общество определяется как такая «группа людей», которая создается и функционирует на основе общих, наиболее значимых для нее интересов, включая ее «самосохранение и самопродолжение»¹.

Наряду с названными представлениями об обществе и его определениями в отечественной и зарубежной литературе существует множество и других его дефиниций, различного рода теоретических разработок понятия, структуры, форм проявления и содержания общества, а также многочисленных методологических приемов и подходов к его познанию и определению.

Исходя из сложности, внутренней противоречивости, многоликости и иных особенностей общества как явления, проявляющихся в его отношениях с другими социально политическими, экономическими, природными и иными явлениями, в плане глубокого и всестороннего познания общества и формирования о нем более адекватного представления, весьма продуктивным представляется изучение его не только в статике, но и в динамике, не только в его соотношении с государством, как это традиционно имеет место в научной литературе, но и в отношениях с природой, культурой и идеологией; наконец, не только с позиции обычного, внесистемного, подхода к исследованию общества, но и с применением его системного анализа.

3. Не имея возможности подробно останавливаться на рассмотрении каждой из сторон и подходов к познанию общества, обратим внимание на некоторые из них.

Изначально следует отметить, что для глубокого и всестороннего познания общества теоретически и методологически важное значение имеет исследование как в статическом, условно зафиксированном на определенном этапе его развития, состоянии, так и в динамическом, находящимся в постоянном развитии и совершенствовании в виде непрерывного процесса.

Естественно, что статическое и динамическое состояние общества, равно как и любого иного, социально значимого явления, имеет не абсолютный, а относительный по отношению друг к другу и к окружающей среде характер.

Статическое состояние общества, означающее отсутствие в нем какого бы то ни было действия, движения и развития его как живого организма, никогда не существует в «чистом» виде, вне органической связи и взаимодействия с процессом его перманентной прогрессивной с точки зрения укрепления и дальнейшего совершенствования общества или регрессивной его эволюции. И наоборот, динамическое состояние общества, означающее нахождение его в постоянном движении и непрерывном развитии под воздействием внешних, экономических и иных факторов, и в саморазвитии под влиянием внутренних факторов и причин, не может существовать и осуществляться без непосредственной органической связи со статическим состоянием общества.

¹ Dictionary of Sociology and Related Sciences. Totowa. New Jersey. 1998. P. 300.

Рассматривая статическое и динамическое состояние общества, по аналогии с государством, правом и другими социальными явлениями, с позиций теории фактов, где под фактом в общетеоретическом и философском плане разумеется «все то, что лежит в конкретном времени и что по существу своему носит печать индивидуальности»¹, можно со значительной долей уверенности сказать, что на каждом уровне статического состояния общества складывается система разнообразных, своего рода статических факторов, а в процессе развития и саморазвития общества — система динамических факторов.

При этом речь идет не только о материальных или иных реально существующих, но и об идеальных, предполагаемых, ассоциирующихся, скажем, с процессом формирования гражданского общества фактах. В научной литературе в связи с этим верно подмечается, что «понятие факта может быть применяемо не только ко всему реальному, но и ко всему сверхопытному, идеальному, фиктивному, символическому и т. п., поскольку оно каким-то образом существует и утверждается»².

Руководствуясь подобного рода «расширительным» представлением о фактах, в числе последних, формирующих и заполняющих собою содержание общества, независимо от того, рассматривается ли оно в статике или динамике, следует выделять, как представляется, наряду с социальными, биологическими, материальными и иными фактами также и психологические, а точнее, психические факты³.

Известно, что, придавая этим фактам повышенное значение, некоторые авторы относили их даже к числу предопределяющих фактов и факторов в процессе формирования и развития общества. «Общество, — считали они, — создается не фактом физического сближения известной совокупности единиц, а приобретением каждое единицей сознания сходства и психической близости к другим единицам»⁴.

Несмотря на то что данная точка зрения, отрицающая приоритет в процессе образования и функционирования общества психическим фактом перед физическими, подвергалась критике со стороны других авторов, в частности со стороны Г. Ф. Шершеневича, полагавшего, что «психический момент» существен скорее «для понимания о национальности, но не об обществе»⁵, тем не менее было бы весьма опрострачивым не учитывать его роль и значение в формировании и жизнедеятельности традиционного или любого иного общества. Причем независимо от того, рассматривается ли то или иное общество как своего рода совокупность самых разнообразных, органически связанных между собой и предопределяющих друг друга фактов, в статике или же в динамике.

¹ Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1998. С. 139.

² См.: Там же. С. 137.

³ Гиддис К. Основания социологии. СПб., 1898.

⁴ Цитата по книжке: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: учеб. пособие (по изданию 1910—1912 гг.) Т. 1. В ст. М. Н. Марченко М., 1995. С. 91.

⁵ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 91.

Ибо любой, в том числе психический, факт, выражающийся «в чувстве взаимного притяжения людей, основанном на сознании сходства, которая в свою очередь обуславливается общностью исторической судьбы»¹, — факт, который имеет место и проявляется в статическом состоянии общества, выступает, как правило, в качестве исходного начала, основы зарождения и утверждения фактов, характеризующих общество, находящееся в динамическом состоянии — в состоянии непрерывного развития и совершенствования.

Особое значение при этом имеют так называемые сложившиеся факты, которые возникают и проявляются не только в социальной, но и в других сферах жизни общества и государства. В частности, в политической сфере, а точнее, в сфере государственно-властного управления и подчинения одних слоев общества, управляемых другим слоем, или классом, стоящим у власти — управляющим (правлящим).

Указывая на теоретическую и практическую значимость «сложившегося факта» в жизни общества и государства, известный французский историк О. Кошен писал, в частности, что сила и влияние на общество, возникшего в послереволюционный период (конец XIII в.) во Франции нового (социализированного государства) заключалось «не в привлекательности разделяемой им доктрины», а «в давлении факта: подчинения остальных»². При этом, подчеркивал автор, призываемый «аргумент совершившегося факта», являющийся «по преимуществу общественным аргументом», который ссылается на общественное мнение, «обращается не к уму и не к сердцу, но только к пассивным силам, начиная со стадного чувства и кончая страхом». Ему подвластны только те, приходит к вполне резонному выводу ученый, кто подчиняется потому, что все подчиняются, или потому, что верит этому; и эту инертную массу он направляет и концентрирует, чтобы подавлять его отдельных упрямцев³.

Влияние «сложившегося факта», апеллирующего к «пассивным силам, начиная со стадного чувства и кончая страхом», имеет место в любом обществе и государстве, независимо от того, как они понимаются и официально представляются. Учет этого влияния является весьма важным звеном в процессе познания общества, исследуемого как в статическом, так и в динамическом состоянии, с учетом как материальных, так и всех иных фактов и факторов.

Общество как явление природы и культуры

Не менее важным в процессе познания общества является также, как было отмечено раньше, рассмотрение общества как явления во взаимосвязи и взаимодействии с другими социальными и иными, в частности природными, явлениями.

¹ Шериеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 91.

² Кошен О. Малый народ и революция: сб. статей об истоках французской революции. М., 2004. С. 258.

³ Там же.

Следует заметить, что вопрос о «природном» (естественном) характере общества и соотношении его с социальным характером является «вечным», во многом спорным и поныне до конца не решенным. Если тезис относительно того, что отдельный человек, люди, «активно преобразуя природу, не перестают принадлежать ей, быть ее органической частью»¹, не подлежит сомнению, то по-иному обстоит дело с происхождением этих людей — с обществом².

На протяжении всей истории развития человеческой цивилизации велись нескончаемые споры по поводу того, является ли общество «одним из проявлений органической жизни», как утверждали сторонники социал-дарвинизма, или же оно выступает исключительно в виде социальной материи — определенной сферы духа, порожденного человеческой средой интеллекта и духовной культуры, как трактовалось общество приверженцами неокантианства баденской школы.

В первом случае общество полностью отождествлялось с природой, и на него распространялись все законы существования и функционирования природы, включая законы борьбы за само существование (вытеснение соперников, уничтожение одних организмов другими и т. п.), и законы, касающиеся естественного отбора, как фактора биологической и социальной эволюции, а также выживания тех видов, которые наиболее приспособлены к изменившимся условиям жизни и условиям конкурентной борьбы.

Подвергая резкой, но вполне оправданной критике подобный взгляд на общество, Г. Ф. Шершеневич обращал особое внимание на злободневное и поныне обстоятельство, согласно которому «защитники полной свободы экономических отношений и государственного невмешательства», не будучи в состоянии отразить те обвинения в безнравственности и несправедливости, «какими сопровождается экономическая конкуренция», воспользовались «законом борьбы за существование для оправдания экономических преимуществ буржуазии»³.

Для них, отмечал автор, «борьба за существование, видом которой является свободная конкуренция, есть естественный закон, против которого человек бессилён и перед которым приходится смириться даже тем, кто считает своим долгом восставать против несправедливых человеческих законов». С таким же основанием, подытоживал ученый, социал-дарвинисты «стремились использовать закон естественного отбора для оправдания исторических привилегий» так называемой аристократии⁴, а ныне политической и экономической «элиты», напрямую ассоциирующейся в сознании народных масс постсоветской России с беспрецедентным по своим масштабам злодейством, перманентным

¹ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова М., 2009. С. 543.

² См.: Барулин В. С. Социальная философия. Ч. 2. М., 1993; Ковалев А. М. Человек продукт природы и основа социума. Т. 3. М., 2000; др.

³ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 104.

⁴ Там же. С. 104—105.

казнокрадством, цинизмом по отношению к обществу и государству и изощренным шулерством.

Во втором случае, когда общество сводилось лишь к сфере духовной жизни и культуры, оно полностью отрывалось от природы. Создавалось впечатление, что общество существует в живом, окружающем его мире само по себе, а природа в ее органическом, биологическом и ином проявлении — сама по себе.

Подобного рода представление складывалось и усиливалось особенно тогда, когда общество представлялось исключительно в виде некоего договорного или иного, искусственно созданного людьми института.

В качестве одного из примеров, подтверждающих сказанное, можно сослаться на размышления Эд. Бёрка относительно того, что «общество — это действительно договор, но договор высшего порядка»¹. И хотя философ при этом оговаривался по поводу того, что данный договор «нельзя рассматривать как коммерческое соглашение о продаже перца, кофе и табака или любой подобный контракт» и что этот «общественный договор заключается не только между ныне живущими, но и между нынешним, прошлым и будущим поколениями»², тем не менее такое представление об обществе как о «чисто» договорном, заключенном если не на базаре, то в другом, более респектабельном месте, акте грешит явной односторонностью, искусственностью и полной оторванностью от природы человека и порождаемого им общества.

Рассматривая сложившиеся об обществе данные представления, согласно которым оно в одних случаях полностью отождествляется с природой и на него распространяются все законы, действующие в природной среде, а в других оно рассматривается изолированно, в полном отрыве от природы, нельзя не видеть того, что в обоих случаях имеют место недопустимые с точки зрения адекватности познания общества и его отношения с природой крайности.

Истина, по-видимому, находится, как это обычно бывает в подобных ситуациях, где-то на золотой середине, где общество, с одной стороны, не отождествляется с природой, а с другой — не изолируется от нее, а тем более не противопоставляется ей.

Несомненно, что в любом обществе наряду с разнообразными социальными, экономическими, политическими, культурными, духовными и иными им подобными факторами имеют место и активно проявляются также биологические, психические, антропологические и иные «природные» факторы.

Аналогично этому наряду с социальными законами, опосредующими отношения между людьми и создаваемыми ими государственными и негосударственными институтами, в каждом традиционном и гражданском обществе широко используются и «природные» законы. По справедливому замечанию исследователей, «изменять, переделывать

¹ Бёрк Эд. Размышления о революции во Франции. Вып.: История политических и правовых учений: хрестоматия / сост. В. В. Ячевский. Воронеж, 2000. С. 525.

² Там же.

природу в желаемом направлении люди могут, только руководствуясь законами природы, используя естественные силы и процессы»¹.

Уровень и характер использования «природных» законов, в особенности биологических законов, в значительной степени зависит от уровня развития самого общества — от его цивилизованности и организованности.

Доказывая, что «биологические законы сохраняют свою применимость и в социальной среде, т. е. внутри общества», Г. Шершеневич оговаривался, что степень их применимости напрямую связана и обусловлена степенью (уровнем) организованности того или иного общества. «Действие биологических законов в социальной среде, — замечал автор, — задерживается общественной организацией», и чем дальше «пойдет процесс организации, тем меньше остается места для применения этих законов»². И в заключение: отрицать действие этих законов в настоящее время «совершенно невозможно. Следует только иметь в виду, что они действуют не потому, что неотвратимы, а потому, что неотвращены»³.

Другие проявления общества и основные теории

1. Наряду с познанием общества под углом зрения его соотношения с природой или другими связанными с ним явлениями, а также рассмотрение его в статическом и динамическом состоянии важное значение в плане дальнейшего углубленного изучения общества имеет рассмотрение его: а) в институциональном — с точки зрения составляющих его семейных, групповых и иных институтов — и в функциональном — в плане основных направлений деятельности, обусловленных интересами общества и стоящими перед ним задачами; б) в системном разрезе и с использованием комплексного подхода; в) с четким выделением устоявшихся положений и принципиально важных для глубокого и всестороннего понимания общества нерешенных вопросов.

Среди устоявшихся, общепризнанных положений — «моментов», касающихся понятия и содержания общества, в научной литературе выделяются такие, как совокупность индивидов, формирующей общество; наличие у них общего интереса; взаимосвязь и взаимодействие членов общества, их сотрудничество; наличие организационных признаков в структуре и содержании общества, наличие организации⁴.

В числе нерешенных, но весьма значимых для формирования адекватного представления об обществе вопросов следует назвать такие, которые касаются целостности общества как системы (холизм) и его как простой совокупности индивидов (психологизм); соотношения про-

¹ Философский словарь. С. 543.

² Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 106.

³ Там же. С. 107.

⁴ См.: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 90; Еллинек Г. Указ. соч. С. 67—73; Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 173—190; др.

цессов развития общества с процессами его повседневного социального изменения; влияние процессов глобализации и регионализации на общество; характера соотношений, «исходящих от общества духовных факторов», с факторами, порождаемыми государством¹, и др.

В зависимости от того, какие общепризнанные положения (признаки) берутся за основу или исходное при определении понятия общества и на каких нерешенных проблемах концентрируется внимание исследователей, в политологической и социологической литературе формируется не только общее представление об обществе, но и дается классификация различных социумов.

Выделяются, в частности, такие виды или разновидности общественных образований, как: а) примитивные общества, «характеризующиеся отсутствием письменности». Это «нецивилизованные общества»; б) патриархальные и матриархальные общественные объединения, во главе которых стоит соответственно мужчина или женщина; в) индустриальные и постиндустриальные общества, возникающие и функционирующие в век индустриализации и в более поздний период; г) общества, существующие в различных общественно-экономических формациях (рабовладельческое, феодальное, капиталистическое и социалистическое); д) эксплуататорские общества, в основе которых, согласно марксистской теории, лежит олигархическая и ей подобная собственность, формируемая и поддерживаемая эксплуатацией человека человеком, и неэксплуататорские общества; е) закрытые общества, которые по мнению Г. Понпера, «сходны со стадом или племенем в том, что представляют собой полуорганическое единство, члены которого объединены полубиологическими связями — родством, общей жизнью, участием в общих делах, одинаковыми опасностями, общими удовольствиями и бедами»²; ж) открытые или «абстрактные», «обезличенные» общества, которые «функционируют в основном при помощи абстрактных отношений, таких как обмен и кооперация» и «в которых индивидуумы вынуждены принимать личные решения»³; и др. Рассматривая различные виды общественных образований, нетрудно заметить, что хотя в процессе их классификации авторы использовали далеко не одинаковые критерии, но тем не менее в целом большинство их них, как это следует из их суждений и намерений, руководствовалось широко известным принципом, сформулированным еще в конце XIX в. Э. Дюркгеймом. Суть этого принципа, согласно взглядам основателя французской социологической школы, заключается в том, что классификацию обществ изначально следует проводить в зависимости от «степени сложности их состава, беря в качестве основы совершенно простое общество с единственным сегментом». А затем «внутри этих классов»

¹ *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. С. 73.

² *Понпер К.* Указ. соч. С. 218; *Dictionary of Sociology and Related Sciences.* Totowa, New Jersey. 1998. P. 300—301.

³ *Понпер К.* Указ. соч. С. 218, 220.

выделять их разновидности в зависимости от того, «происходит или нет полное слияние исходных сегментов»¹.

2. Данный принцип — своего рода универсальный критерий классификации обществ на всем теоретическом пути их эволюции, от самых примитивных до самых развитых — лежит также в основе разработки и развития, отражающих их на различных этапах человеческой цивилизации идей и теорий.

Вполне естественно и понятно, что социальные идеи и теории, адекватно отражающие те или иные исторические, национальные и прочие особенности общества, не возникают и не развиваются сами по себе в отрыве от общества, вместе с ним они порождаются и под его влиянием они развиваются и совершенствуются².

Разумеется, что по мере развития и усложнения общества эти идеи и теории эволюционируют как в количественном, так и в качественном плане, становятся более сложными и более разнообразными.

Среди наиболее распространенных в новой и новейшей истории идей и теорий, а также представлений об обществе, предшествовавших возникновению и развитию целостного представления о «социалистическом» и «развитом социалистическом обществе» в XX в. на Востоке — в соцстранах и о «гражданском обществе» в этот же период на Западе — в капстранах, следует назвать такие, как «механическое» представление, согласно которому общество рассматривается как «искусственное произведение сознательной воли людей, согласившихся объединиться ради лучшего обеспечения свободы и порядка»; органическая теория, приравнивающая общество к живому организму и объясняющая его сущность «и строение из функций организма»; биологический взгляд на общество, рассматривающий общество как некую биологическую среду, «в которой индивиды как организмы борются за свое существование»; материалистическая теория общества, представляющая его в виде образования, созданного человеком ради «удовлетворения им своих потребностей посредством материальных благ»; психологическое представление об обществе, рассматривающее его как «сумму психических взаимодействий» людей, как «процесс психического взаимодействия, составляющих его индивидов»; и др.³

Наличие множественности данных и иных им подобных представлений об обществе, отражающих его различные стороны и аспекты, свидетельствует, с одной стороны, о сложности и многогранности исследуемой материи, а с другой, имея в виду процесс развития и совершенствования идей и теорий, касающихся общества, об их перманентной эволюции и определенной преемственности.

¹ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. С. 104.

² См.: Еллинек Г. Общее учение о государстве. С. 61—73; Коэндрж, Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 544—556; др.

³ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 96—114; Еллинек Г. Указ. соч. С. 58—75; др.

В любом обществе, замечал по этому поводу Э. Дюркгейм, «существует некоторое множество общих идей и чувств, которые передаются от поколения к поколению и обеспечивают одновременно единство и преемственность коллективной жизни»¹.

Разумеется, весьма опрометчиво было бы говорить о полной преемственности идей и теорий традиционного раннего общества и идей и теорий современного общества, поскольку они зарождаются и развиваются в разных экономических, социально-политических и иных условиях и соответственно отражают далеко не одинаковые по своей сути и содержанию человеческие сообщества. Однако элементы определенной преемственности в каждом обществе, а также в его теории и идеологии, как показывают исследования, тем не менее существуют и оказывают определенное влияние на процесс его развития и совершенствования.

От теории традиционного общества к теории гражданского общества. Основные черты и особенности гражданского общества

1. Социальное явление, именуемое гражданским обществом, так же как и отражающая его теория, не возникает из ничего, на пустом месте, вне связи и вне взаимозависимости с другими соотносящимися с ним явлениями и теориями.

Элементарная логика подсказывает, что гражданское общество как явление формируется и развивается на базе традиционного, классического, общества, а его теория в силу этого наследует (приемлет) определенные, представляемые в идеализированном виде положения (признаки и черты) классической, сформировавшейся в пределах и на основе традиционного общества соответствующей теории.

Гражданское общество, будучи именно обществом, а, скажем, не государством или иным социальным образованием, содержит в себе, наряду со своими, свойственными только ему или приписываемыми ему специфическими признаками и чертами также все те общеродовые признаки и черты, которые присущи любому предшествовавшему ему обществу. При этом независимо от того, каким это общество было или является в реальной действительности — таким, какими являются, по словам К. Поппера, «открытые общества Запада», весьма «далекие от совершенства» и от обществ, «основанных в первую очередь на любви и братстве»², или же это общества, основанные и функционирующие на принципах гуманизма, справедливости и подлинного равноправия граждан.

Разумеется, при решении вопроса о преемственности общеродовых признаков и черт гражданским обществам, идеализируемым на современном этапе развития человеческой цивилизации социумом, предпочтение отдается по вполне понятным причинам более совершенным по своим основным параметрам традиционным обществам.

¹ Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 190.

² Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М., 1992. С. 15.

Именно они нередко, несмотря на явные недостатки, представляются рядом западных исследователей в виде буржуазного общества и при этом *a priori* даже отождествляются с гражданским обществом.

Рассматривая как «естественную данность» такого рода отождествление и при этом явно выдавая желаемое за действительное, западные авторы, в отличие от отечественных ученых, обстоятельно рассуждают не о формировании гражданского общества на базе более совершенного традиционного общества и разработке его соответствующей теории, а о «реконструкции» гражданского общества и соотносящейся с ним социально-политической категории.

Категория «гражданское общество» сегодня, замечают по этому поводу исследователи, «может пригодиться только в случае ее реконструкции»¹, под которой несколько замысловато понимается «такое расчленение теории с последующим составлением из нее нового целого, которое обеспечивало бы максимальное приближение к ею самой поставленной цели». При этом поясняется и одновременно оправдывается «реконструкторский» подход к теории гражданского общества, равно как и к любой иной подобной теории, которая «во многих отношениях нуждается в ревизии», хотя еще «ее интеллектуальный потенциал не исчерпан»².

Как бы подытоживая «реконструкторские» рассуждения по отношению к гражданскому обществу и его теории, западные исследователи не без оснований заявляют, что «сейчас мы нуждаемся в такой концепции гражданского общества, которая давала бы возможность анализировать новые формы коллективной идентичности и на их основе формировать положения, способные содействовать созданию более свободных и более демократических обществ»³.

Однако, независимо от того, идет ли речь о «реконструкции» гражданского общества и его теории, позиции, которой придерживаются многие западные авторы, фактически отождествляющие со ссылкой на Гегеля, Грамши или Парсонса, буржуазное общество с гражданским обществом, или же речь идет лишь о формировании гражданского общества и разработке его теории в будущем, в качестве исходного в рассуждениях авторов неизменно выступает явление, именуемое традиционным, или классическим, обществом.

В первом случае это общество представляется одновременно в виде традиционного и гражданского общества, а во втором — традиционное общество рассматривается в виде своего рода предтечи, одной из важнейших ступеней, наконец, основы, на которой формируется и развивается гражданское общество.

Нетрудно заметить, что, несмотря на значительное различие в понимании сути и содержания гражданского общества и его соотношения с традиционным обществом, последнее имеет ключевое значение для

¹ Козндж; Арато Э. Указ. соч. С. 545.

² Habertas J. Communication and the Evolution of Society. Boston. 1979. P. 95.

³ Козндж; Арато Э. Указ. соч. С. 544.

глубокого и всестороннего познания первого. Аналогично обстоит дело также и с соответствующими, отражающими их понятиями и разработанными на их основе теориями, имея в виду, что теория гражданского общества в силу общности предмета и объекта по определению не может быть не связана с теорией традиционного общества.

В силу этого для того, чтобы глубоко и всестороннее познать гражданское общество и соответственно разработать адекватную ему теорию, с неизбежностью следует обратиться к традиционному обществу и к сформулированным на его основе на протяжении всей истории существования человеческой цивилизации многочисленным теориям.

2. Обладая наряду с традиционным обществом общеродовыми признаками и чертами, гражданское общество между тем имеет, согласно многочисленным теоретическим разработкам, и свои особенности.

Как характеризуется и каковым представляется гражданское общество отечественными и зарубежными исследователями в современных условиях — в условиях нарастающей интернационализации и *глобализации мира*?

Отвечая на данный вопрос, следует прежде всего заметить, что разработкой проблем гражданского общества на региональном и глобальном уровнях занимаются, судя по научным публикациям¹, в основном западные ученые. Региональная и глобальная интерпретация гражданского общества — это тема отдельного исследования.

Что же касается гражданского общества *национального уровня*, то изучением его как в общетеоретическом, так и в прикладном плане, в особенности применительно к постсоветской России по вполне понятным причинам, связанным с образовавшимся в 1990-х гг., после «демократической революции», теоретическим и идеологическим вакуумом, занимаются преимущественно отечественные ученые.

Анализ частично реализуемых идей гражданского общества в разных странах и накопленного отечественными и зарубежными авторами опыта исследования данного феномена позволяют выделить следующие его особенности — основные характеристики.

Во-первых, высокий уровень материальной обеспеченности всех без исключения членов общества и неразрывно связанный с ним высокий уровень их общей и правовой культуры, а также соответствующий им уровень правового сознания.

Между этими исходными и в то же время ключевыми требованиями — характеристиками гражданского общества — нет прямой иерархической взаимозависимости, но наличие между ними вполне определенной связи, как показывает, в частности, печальный опыт постсоветской России, налицо.

¹ См., напр.: *Meyer J., Boli J., Ramirez F.* World Society and Nation State // *American Journal of Sociology.* 1997. Vol. 103. P. 144—181; *Harding A.* Global Doctrine and local Knowledge: Law in South East Asia. *International and Comparative Law Quarterly.* 2002. Vol. 51. Part 1. P. 35—54; *Wet E.* The International Constitutional Order // *International and Comparative Law Quarterly.* 2006. Part 1. Vol. 55. P. 53—65; etc.

Резкое падение общей культуры населения страны в 1990-е гг., понимаемой как система исторически сложившихся «общечеловеческих духовно-нравственных ценностей, в соответствии с которыми формируется образ жизни и осуществляется социальная регуляция отношений между людьми»¹, а вместе с общей культурой — резкое снижение правовой культуры, выступающей в качестве составной части общей культуры² и правового сознания подавляющей части общества, в первую очередь было обусловлено катастрофическим падением жизненного уровня людей и всего того, что именуется материальной культурой.

Главной заботой основной части населения страны, доведенной в этот период власть имущими до уровня биовыживания, вполне естественно было удовлетворение элементарных потребностей «в хлебе насущном», но отнюдь не стремление к повышению уровня своей общей и правовой культуры, а тем более к формированию нового правового сознания, в основе которого лежало несправедное «президентское право», с чьей помощью весьма циничные государственные деятели проводили в этот период не менее циничную приватизацию.

Разумеется, падение общей и правовой культуры — неотъемлемых атрибутов гражданского общества, а вместе с тем и правового сознания населения вовсе не означало полного отсутствия последнего как такового вообще.

Ибо, как отмечал в свое время И. А. Ильин, «человеку невозможно не иметь правосознания; его имеет каждый, кто сознает, что кроме него на свете есть другие люди»³.

И даже в тех случаях, подчеркивал автор, когда содержание закона, в основе которого формируется правосознание, «определяется своекорыстным интересом сильного, когда право является несправедливым или “дурным” правом, — в основании его лежит все то же непосредственное убеждение в необходимости и возможности отличить “верное” и “допустимое” поведение от “неверного” и “недопустимого”... В этом обнаруживается своеобразная трагикомедия правовой жизни: уродливое, извращенное правосознание останется правосознанием, но извращает свое содержание»⁴.

Гражданское общество как *идеал социальной общности в современном его понимании*, естественно, предполагает вовсе не «уродливое» или «извращенное» правосознание, а совершенно другой его характер и неизмеримо более высокий уровень его развития, равно как и аналогичный уровень развития общей, материальной и правовой культуры.

Во-вторых, высокая степень самоорганизации и самоуправления социальной общности, именуемой гражданским обществом.

¹ Право и культура / отв. ред. Н. С. Соколова. М., 2002. С. 385.

² См.: *Бондарев А. С.* Правовая антикультура в правовом пространстве общества. Пермь. 2006. С. 14–21.

³ *Ильин И. А.* Теория права и государства / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2003. С. 163.

⁴ Там же.

Самоорганизация как явление и процесс присуща любой социальной общности. Больше того, в философской литературе, как известно, ее рассматривают в виде общей, «господствующей тенденции», противостоящей «деструктивности» не только в обществе, но и в природе. При этом подчеркивается, что «самоорганизация в обществе и природе подчиняется определенным законам. Она осуществляется на основе достигнутого, носит ступенчатый характер, усложняясь и ускоряя свой ход от ступени к ступени, и может происходить лишь во взаимодействии с определенными условиями и опираясь на них»¹.

Таковыми условиями возникновения и существования самоорганизации гражданского общества, так же как и его самоуправления, помимо высокого уровня самосознания членов общества и понимания ими необходимости и важности такого самоорганизованного и самоуправляемого союза, как гражданское общество, должны непременно быть их полное согласие относительно целей такого объединения и широкий социальный компромисс².

М. Вебер считал, например, «общее согласие» и социальный компромисс основой для формирования самого «рационального идеального типа объединения» — «целевого союза»³. При этом для «длительного», а не «эфемерного» существования такого союза, указывал знаменитый социолог, который существовал бы, «несмотря на смену лиц, участвующих в общественных действиях союза», между его членами должны быть «однозначно выговорены» положения — «условия» типа: а) «какие и в каких формах осуществляемые действия должны считаться действиями союза и какой смысл, т. е. какие последствия, это будет иметь для объединенных в союз лиц»; б) какие «материальные блага и достижения доступны использованию в общих целях — целях союза»; в) что члены этого объединения «должны делать во имя целей союза»; г) «какие преимущества они получают от своего участия в деятельности союза» и др.⁴

Представляется, что данные положения могут быть в полной мере отнесены к гражданскому обществу как условия, предопределяющие его высокий уровень самоорганизации и самоуправления, независимо от того, является ли оно национальным, региональным или глобальным союзом.

В-третьих, относительная самостоятельность и самодостаточность гражданского общества.

В отечественной юридической литературе довольно много внимания традиционно уделяется исследованию относительной самостоятельности и отчужденности государства⁵ от общества и явно недостаточно рассма-

¹ Ковалев А. М. Общество — развивающийся организм. Т. 4. Идеи, размышления, гипотезы. М., 2000. С. 13.

² См.: Гражданское общество: истоки и современность / отв. ред. И. И. Кальной. СПб., 2000. С. 174—175.

³ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 515.

⁴ Там же. С. 516, 517.

⁵ См.: Гулиев В. Е., Колесников А. В. Отчужденное государство. М., 1998.

тривается обратная сторона данного вопроса. А именно относительная самостоятельность самого общества как по отношению к государству, так и по отношению к различным межгосударственным и надгосударственным институтам.

Свое конкретное выражение относительная самостоятельность, а вместе с ней и самодостаточность гражданского общества находит в самых различных формах и проявлениях: в возможности общества иметь свои собственные (совокупные) интересы и способности защищать их при необходимости; в способности быть относительно независимым от государственных и иных структур при решении вопросов, касающихся общества в целом и его отдельных институтов; в обусловленности характера и уровня развития государства соответствующим характером и уровнем развития гражданского, равно как и любого иного общества.

По поводу обусловленности государственного механизма общественным строем К. Маркс писал: «Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов — словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества»¹.

Данные, многократно подтвержденные самой жизнью положения, остаются актуальными и поныне. Выделяя относительную самостоятельность и самодостаточность гражданского общества как взаимосвязанные и взаимозависимые его характеристики и парные категории, необходимо обратить внимание также на их предопределенность друг другом. В практическом плане это означает, что уровень относительной самостоятельности гражданского общества находится в полной зависимости и обуславливается уровнем его самодостаточности, т. е. его способности самостоятельно, без какой-либо помощи, а тем более давления извне — со стороны государственных, межгосударственных или надгосударственных институтов — решать свои задачи и проблемы, и наоборот.

В-четвертых, построение и функционирование гражданского общества на основе таких демократических принципов, как равноправие всех членов гражданского общества во всех сферах жизни общества и равенство в области политики, права и ряда других областей; реальная и всесторонняя гарантированность прав и свобод граждан; формирование материальных и всех иных условий, необходимых для развития науки, образования, здравоохранения, культуры и воспитания граждан, формирующих их как «свободных, культурных, нравственно чистых и социально активных, ответственных перед законом членов общества»²; принцип политического и идеологического плюрализма, позволяющий гражданам не только разделять любые взгляды и придерживаться любого мировоззрения, но и свободно создавать политические партии и движе-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 135.

² Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Указ. соч. С. 703.

ния, а также объединяться в профсоюзные, кооперативные, молодежные и другие общественные организации.

Теоретически предполагается, что данные и иные им подобные принципы должны лежать в основе построения и функционирования гражданского общества в любой цивилизованной стране и, разумеется, прежде всего в США и других странах Запада. Однако, как свидетельствует практика принятия в ряде этих стран таких трудно квалифицируемых в качестве демократических законов, как закон, позволяющий правительству США вести контроль учета характера книг, выдаваемых читателям в библиотеках (*Foreign Intelligence Surveillance Act — FISA*), закон, разрешающий полиции Австралии перлюстрировать корреспонденцию, и других им подобных актов, речь идет отнюдь не о соблюдении названных и иных аналогичных им принципов, а скорее наоборот. Принятие и реализация подобного рода актов в индустриально развитых странах указывает, по мнению французского социолога Д. Дюкло, на то, что в них идет процесс «неуклонного разрушения» устаревшей «модели гражданского общества»¹.

В-пятых, опора гражданского общества в первоначальном его варианте на идеи либерализма, а в современном его понимании — на идеи неолиберализма.

Неолиберальный вариант социально-политической и экономической мысли господствовал в западной политологии и социологии на протяжении ряда последних десятилетий XX в. и служил философской основой модернизированной конструкции гражданского общества.

Однако в конце XX — начале XXI в., как свидетельствуют исследователи, кризисы последних лет (вначале финансовый кризис 1997—1999 гг., а потом экономический кризис 2001—2003 гг.) «нанесли сильнейший удар по неолиберальной теории и практике. Эти кризисы “просуммировали результаты длительного засилья неолиберализма и возвестили о его начавшемся закате”»².

Подобно тому как на более ранних стадиях развития капитализма потерпевший крах классический либерализм повлек за собой радикальный пересмотр всех базирующихся на нем как на философской основе государственно-правовых и социальных концепций, включая доктрину гражданского общества, так и кризис неолиберализма, особенно в его экономическом и финансовом «приложении», неизбежно повлечет за собой радикальные его модификации в различных сферах, а вместе с тем вызовет необходимость внесения корректировок и в современное представление о гражданском обществе.

Судя по все более четко проявляющейся тенденции упования в западном мире на «протекционизм» государственных, а на уровне регионов и в глобальном масштабе — межгосударственных и надгосударственных

¹ Дюкло Д. Капитализм страха. Бизнес вместо свободы // *Время новостей*. 2006. 19 янв. С. 6.

² Коллонтай В. М. Закат экономического неолиберализма // *Философия хозяйства*. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. 2004. № 4 (34). С. 119.

институтов, эти корректировки будут направлены в русло более активного присутствия этих институтов как в экономико-финансовой, так и в общественной сферах.

Сторонники идеи усиления и расширения сферы активности данных институтов, в частности многие американские и английские авторы, связывают крах бывшей Британской империи и возможную утрату США своего ведущего положения в современном мире именно с ослаблением влияния государственных структур на экономико-финансовую и общественные сферы, обусловленное «чрезмерной привязанностью» этих стран к политике *laisser-faire*, основанной на принципе «все должно идти своим чередом, не нарушая естественный ход вещей, без вмешательства государства», являющегося центральным звеном либерализма.

Политической доктриной, «в которую продолжали верить долгое время после того, как она утратила связь с реальностью» и следование которой привело в конечном счете к краху Британской империи, была доктрина либерализма, пишет в своей работе «Падение Британии» английский историк К. Барнетт. Это был именно «либерализм, критиковавший и в конце концов уничтоживший традиционное представление о национальном государстве как о коллективном организме, сообществе, предложивший взамен приоритет личности» и в конечном счете оказавший (через базирующуюся на его постулатах доктрину свободной торговли) весьма «продолжительное и угнетающее воздействие» на британскую экономику¹.

Великобритания, вторит англичанину К. Барнетту американец Т. Бьюкенен, «так и не оправилась от пятидесятилетней приверженности свободе торговли». И предрекает: «Сегодня мы идем по ее стопам. Республиканская партия (партия власти в год издания настоящей работы автора. — *Прим. авт.*), чей линкольновский протекционизм помог создать могущественное промышленное государство на планете, ныне высказывает приверженность той же роковой догме: для Америки лучше всего то, что оказывается наиболее дешевым для потребителя»².

В результате этого США как «наиболее мощная на свете индустриальная держава утратила свое могущество. Промышленная база США подорвана. На протяжении семи десятилетий, до 1970 г., американцы производили 96 процентов товаров, которые приобретали. Сегодня мы покупаем за рубежом четверть нашей стали, треть автомобилей, половину станков, две трети одежды и почти всю обувь, аудио- и видеотехнику, телефоны и велосипеды»³.

Разумеется, в настоящее время на Западе наряду с подобного рода критическим настроем в отношении либерализма и неолиберализма в значительной степени сохраняют свои позиции и сторонники данного

¹ См.: Бьюкенен Патрик Дж. Правые и не-правые. Как неоконсерваторы заставили нас забыть о рейгановской революции и повлияли на президента Буша. М., 2006. С. 219, 220.

² Там же. С. 220.

³ Там же. С. 222.

философского и общественно-политического течения, лежащего в основе ряда прежних государственно-правовых теорий и общественных доктрин, включая различные варианты концепции гражданского общества.

Что касается постсоветской России, то, отрекшись от марксизма и восприняв в полуискаженном («на макроуровне») виде некоторые постулаты либерализма, касающиеся, в частности, отношений государства и экономики, с одной стороны, а также государства и общества — с другой, отечественная общественно-политическая мысль тем не менее ищет свой собственный, третий путь развития, свою собственную национальную идею.

Весьма неутешительные последствия всего этого политико-идеологического действия, так же как и «историческое развитие российского менталитета», по мнению исследователей, с которыми трудно не согласиться, демонстрируют «бесконечные метания между противоположными полюсами, взаимоисключающими крайностями, устремление то к истокам нашего прошлого, то к новым, нередко суррогатным рецептам современности, преклонение то перед высокой духовностью, то перед абсолютным цинизмом и бездуховностью»¹. Страна мечется, справедливо замечают авторы, «между имперской державностью и самостийностью, патернализмом и низвержением авторитетов, восхвалением своего и подобострастием перед иностранным, между патриотизмом и универсализмом, вселенской общечеловечностью и верой в исключительность самобытного российского пути»².

Естественно, все это не может способствовать нормальному, устойчивому и вполне предсказуемому развитию современной, пореформенной России и формированию в ней гражданского общества.

3. Наряду с названными характеристиками — особенностями гражданского общества, отличающими его от обычного общества, в научной литературе указывается также на главную цель его формирования и функционирования — удовлетворение материальных и духовных потребностей человека, создание условий для его свободного всестороннего развития; обращается внимание на его основные функции, в качестве каковых называются функция социализации членов общества, социальной интеграции, снятия напряжений, возникающих между государством и различными социальными группами и индивидами, и др.; указывается на сложное, многоярусное внутреннее содержание гражданского общества, состоящее из системы экономических, социокультурных и иных отношений; выделяется «правовой характер гражданского общества, его соответствие высшим требованиям справедливости и свободы»; представляется характеристика гражданского общества «как типа» правовой культуры и правового поведения.

В плане глубокого и всестороннего изучения гражданского общества как явления и социально-политической категории каждая из этих и других его характеристик требует своего особого рассмотрения.

¹ Право и культура. С. 403.

² Там же.

ЛЕКЦИЯ 8. ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

- Естественные и социальные различия между людьми.
- Основные компоненты социального неравенства.
- Социальная мобильность: сущность, механизмы, разновидности.
- Особенности социальной стратификации в современном российском обществе.

Естественные и социальные различия между людьми

В любом обществе, несмотря на видимую схожесть, все люди различаются по полу, возрасту, темпераменту, росту, цвету волос, уровню интеллекта. Эти различия, обусловленные физическими и психическими особенностями людей, называются естественными.

Естественные различия могут стать основой для возникновения неравных отношений между индивидами. Появляются сильные и слабые, красивые и некрасивые, здоровые и больные, хитрые и простаки и т. д. Неравенство существовало даже в самых примитивных обществах, где немного различалось положение мужчин и женщин, молодых и старых. В более сложных обществах неравенство проявляется все сильнее. Естественные различия усиливаются неравномерным распределением ресурсов материального и духовного потребления, т. е. социальными различиями.

Вследствие социальных различий, названных Г. Спенсером «социальной дифференциацией», появляется социальное неравенство.

Для описания социального неравенства в социологии широко используют понятие «социальная стратификация».

Термин «страта» (лат. *stratum* — пласт) заимствован из геологии. Социальная страта — это слой общества, социальное образование, выделяемое по различным критериям. Социальная стратификация — деление общества на слои. Предполагается, что определенные социальные различия приобретают характер иерархического ранжирования («выше» — «ниже»).

Все социологи признают, что неравенство широко распространено в обществе, но по-разному определяют его сущность и причины. Э. Дюркгейм в работе «О разделении общественного труда» сделал вывод, что во всех обществах одни виды деятельности считаются более важными, чем другие, а также то, что одни люди одарены больше, чем другие. Все функции, реализуемые членами общества, могут образовывать иерархию в соответствии с тем, насколько высоко они ценятся.

Согласно К. Марксу, способ производства и отношения, складывающиеся между людьми в системе производства, определяют устройство общества. Главным источником социального расслоения он определил различие больших групп людей (классов) по отношению к собственности на средства производства.

Основные компоненты социального неравенства

М. Вебер выделил три основных компонента неравенства: 1) имущественное неравенство (богатство); 2) неодинаковый престиж (группы людей в разной мере пользуются почетом и уважением); 3) неравный доступ к власти.

Американский социолог У. Ллойд Уорнер предложил концепцию стратификации как «репутационную» теорию. Он определял классовую принадлежность людей исходя из оценки их статуса другими членами общества, т. е. их репутации.

Т. Парсонс рассматривал социальную иерархию как необходимый фактор функционирования общества, поддерживающий господствующую систему ценностей. В его понимании расположение социальных слоев может меняться по мере изменения самой системы ценностей.

История разных обществ показывает, что социальное неравенство организовывалось различными способами. Несмотря на разнообразие вариантов и социокультурных особенностей стран, выделяются три основных типа организации социального неравенства:

— кастовая организация, предполагавшая жесткое иерархическое разделение членов общества на несколько слоев-каст. Между кастами устанавливались практически непреодолимые барьеры (Индия — классический пример кастовой организации общества);

— сословная организация, распространенная в традиционных обществах. Здесь имеет место деление на сословия, обладающие в соответствии с традициями или законом неравными правами или обязанностями. Принадлежность к сословию переходила по наследству, переход из одного сословия в другое не исключался, хотя и был крайне редким (страны феодальной Европы, Россия);

— классовая организация отличается отсутствием жестких преград между различными слоями. Она подвижна, достигаема. Принадлежность к классам не зависит от законодательных или религиозных установок. В современном обществе наиболее распространена именно такая организация неравенства. Здесь социальные слои не обладают закрепленными в законе привилегиями и имеют одинаковые политические права. Формально каждый человек может изменить свое социальное положение. Но достичь этого непросто.

Типы организации социального неравенства называют также моделями, или типами, стратификационных систем. Исследователи проблем стратификации выделяют и другие типы (естественная, рабовладельческая, социально-профессиональная, культурно-символическая, культурно-нормативная). Безусловно, в реальном обществе стратификационные типы переплетаются, дополняют друг друга. Так, например, социально-профессиональная иерархия в виде официально закрепленного разделения труда не только играет самостоятельную роль, но существенно влияет на структуру практически любой другой стратификационной системы.

Стратификации присущи несколько свойств. Из них первое — социальность стратификации, подразумевающая, что биологические признаки (пол, возраст, здоровье и т. д.) сами по себе еще не ведут к расслоению людей в обществе. Эти признаки могут сказаться на статусе человека только после включения в систему социальных отношений. Например, физически слабый и старый владелец предприятия доминирует над сильным и молодым рабочим.

Второе свойство стратификации — традиционность и универсальность. Оно сохраняется на протяжении всей истории цивилизации, хотя формы проявления социального неравенства в разных обществах и на разных этапах исторического развития различаются.

Процессы социальной стратификации, т. е. образования социальных слоев, выполняют функции по организации и перераспределению материальных и духовных ресурсов общества. Стратификация способствует организованному и мотивированному включению людей в систему социальных позиций, которые не одинаковы. Социальные позиции различаются по значимости для общества и по характеру требуемых для их реализации усилий, талантов и способностей. Некоторые социальные позиции по природе своей более приятны, чем другие. И, что очень важно, все социальные позиции нужны, выполнять их нужно с усердием и прилежанием, поэтому для поддержания упорядоченного своего существования общество должно располагать:

- во-первых, стимулами, какими-то видами выгод;
- во-вторых, способами неравномерного распределения этих выгод в зависимости от занимаемых позиций.

Распределение благ в любом обществе основано на нормах или общепринятых правилах. Большинство членов общества соглашаются с этими правилами, хотя они могут находиться на нижних ступенях социальной иерархии и обладать минимумом социальных и материальных благ.

Вознаграждение и его распределение становится частью социального устройства, что и является причиной возникновения стратификации.

Наиболее влиятельной точкой зрения на процесс формирования социальных страт считается теория К. Дэвиса и У. Мура, которая уже столетия служит источником дискуссий. Их точка зрения строится на следующих положениях:

- некоторые позиции в обществе более важны, чем другие;
- только небольшое число людей в любом обществе способно выполнять ответственные роли;
- чтобы побудить талантливых людей выполнять более ответственные функции, общество вознаграждает их особо;
- неравный доступ к благам приводит к тому, что разные страты пользуются неодинаковым престижем.

Это, по мнению К. Дэвиса и У. Мура, создает упорядоченное, институционализированное неравенство, т. е. стратификацию¹.

С помощью права государство регламентирует положение граждан, упорядочивает поведение людей и организаций, регулирует взаимоотношения личности и государства, осуществляет меры в случае посягательств на государственный строй и на права и свободы граждан. В различных странах мира государство и право играют центральную роль в закреплении и преодолении социального неравенства. С одной стороны, функционирование социальных институтов собственности, наследования, рынка, денег способствует неравному положению членов общества. С другой — осуществление государственной поддержки различным группам населения с целью нейтрализации последствий влияния рынка на возможности удовлетворения потребностей людей, обеспечение социальных гарантий в сфере образования, здравоохранения, трудовых отношений, а также уменьшение рисков, которые встречаются людям на протяжении их жизни в связи с болезнью, инвалидностью, потерей работы, старостью.

Системы социальной помощи неодинаковы в разных странах, но чаще всего они включают сферу образования, здравоохранение, жилищные условия, помощь людям с низкими доходами, пособия по инвалидности и безработице, а также пенсии. В некоторых странах существуют развитые системы государственной поддержки, составляющие значительную часть национального бюджета. Например, в Швеции эти расходы составляют почти 50% валового внутреннего продукта страны.

В современных условиях во многих странах требуется пересмотр роли государства в уменьшении социального неравенства. Права и обязанности людей приобретают новое значение. Актуализируются задачи не только в создании условий для бедных слоев, чтобы они сами могли помочь себе, но и для богатых, которые не должны уклоняться от выполнения своих гражданских, социальных и финансовых обязанностей.

В современной социологии доминирует признание неизбежности стратификации. Но это не означает бессилия и безразличия по отношению к судьбам людей, отсутствия возможности влиять на пути развития общества. Существует представление о возможности приближения к идеальной модели стратификации. Такая модель предполагает, что в обществе многочисленны социальные слои, социальные дистанция между ними невелика, уровень мобильности высок, низшие слои составляют меньшинство, быстрый технологический рост постоянно повышает планку содержания труда, обеспечена социальная защищенность слабых, а также есть гарантии защищенности и условия реализации потенциальных возможностей всех членов общества.

Конечно, большинство современных обществ далеко от таких моделей. Им присущи: 1) концентрация собственности, власти и образо-

¹ См.: *Davis K., Moore W. Principles of Stratification // Amer. Sociol. Rev. 1945. Vol. 10. № 4. P. 242—249.*

вания у небольшой элиты и чрезмерная дистанция между нею и большинством членов общества; 2) немногочисленность среднего класса; 3) многочисленность низшего слоя и отсутствие действенных механизмов достижения высокого социального эффекта в обществе.

Для изучения стратификации общества ученые используют такие единицы анализа, как класс, слой, группа. Социальные классы — это большие группы людей, различающиеся, как считал К. Маркс, по их месту в системе общественного производства и образу жизни. М. Вебер видел это различие в наличии или отсутствии собственности, Р. Дарендорф — в отношении к власти.

Понятие класса характеризует крупный элемент общественной структуры, что не позволяет более глубоко исследовать расслоение в современном обществе, поэтому и было введено понятие «социальная страта». Страта включает множество людей с каким-то общим статусным признаком своего положения в обществе. Основанием для выделения страты выступает не любой признак, а лишь статусный, т. е. тот, который объективно приобретает в данном обществе ранговый характер «выше — ниже». В исследованиях стратификации выделяют три (высший, средний, низший) или более слоев общества.

Важнейшими признаками выделения страт выступают:

- экономические (собственность, доход);
- профессионально-образовательные (характер и сфера труда, профессия, образование);
- властные (участие в политике, управлении, должностное положение);
- престижные (авторитет, принадлежность к элитным группам).

Наряду с этими базовыми признаками, которые напрямую влияют на расслоение, существует целый ряд дополнительных признаков, выступающих в скрытой форме либо проявляющихся в определенных случаях. Это половозрастные характеристики людей, этнонациональные качества, религиозная принадлежность, родственные связи, место проживания¹. Существуют признаки, определяющие потребление благ и образ жизни. Есть также ряд особых признаков (маргинальное положение, противоправное поведение), позволяющих выделять группы безработных, бездомных, эмигрантов, контингент исправительно-трудовых учреждений и т. д.

Социальные страты можно выделять по одному признаку. Однако в действительности положение каждого человека определяется множеством признаков и является результирующей целого ряда фактов и условий жизни. Вот поэтому социологи используют многомерный подход к анализу расслоения, комбинируя взаимозависимые признаки, определяющие статус человека или группы. Совокупность таких значимых признаков называется индексом социальной позиции.

¹ См. подроб.: Социология: учебник / отв. ред. Г. В. Осипов, Г. В. Москвичев и др. М.: Наука, 1995. Гл. 6.

Социальная мобильность: сущность, механизмы, разновидности

Социальная стратификация общества является динамичным образованием. Она подвержена изменениям, которые особенно интенсивны в современном обществе. Процессы и результаты перемещения социальных субъектов с одних позиций, статусов на другие называются социальной мобильностью. Это понятие впервые введено в социологию П. А. Сорокиным (1927)¹. В сорокинской теории социальной мобильности выделено несколько ее видов:

- 1) по направленности перемещения:
 - горизонтальная социальная мобильность, или перемещение, — переход индивида или социального объекта в рамках одного слоя;
 - вертикальная мобильность — перемещение из одного слоя в другой с повышением или понижением социального статуса;
- 2) по характеру субъекта социальной мобильности:
 - индивидуальная (перемещение одного человека);
 - групповая (перемещение группы);
- 3) по причинам перемещений:
 - добровольные;
 - вынужденные;
- 4) по виду стратификационной системы, в рамках которой рассматривается мобильность: экономическая, политическая, профессиональная и т. д.

При определенных условиях в обществе усиливается социальная мобильность. Основными факторами групповой социальной мобильности является изменение самой системы стратификации в результате индустриализации, социальных революций, войн, военных переворотов, смены политических режимов, замены конституций.

Каналами индивидуальной социальной мобильности являются профессиональная карьера, политическая карьера, обогащение, брак с партнером из более высоких слоев, образование.

Социальная мобильность становится важнейшим фактором стабильности современного индустриального общества. Позволяя способным и честолюбивым выходцам из низших слоев добиться более высоких социальных позиций, социальная мобильность уменьшает вероятность революционных коллективных действий.

В обществе существуют институциональные механизмы как закрепления социального неравенства, так и выравнивания статусных позиций. Например, институты собственности и наследования увеличивают неравенство, институт образования способствует его уменьшению.

Остановимся подробнее на одной из разновидностей социальной мобильности — профессиональной, которую можно определить как перемещение индивида или профессиональной группы в социально-профессиональной структуре общества с изменением или без изменения социального статуса. К профессиональной мобильности применимо сорокинское разделение мобильности на вертикальную

¹ См.: Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

(восходящую и нисходящую) и горизонтальную. Горизонтальная профессиональная мобильность отражает смену профессии для расширения возможностей индивида, но сохраняет его принадлежность к социальному слою.

Профессиональная мобильность представляет собой карьерный лифт, который движется и снизу вверх, и сверху вниз, предоставляя множество вариаций для самореализации. Наиболее интенсивному профессиональному перемещению профессиональных групп и отдельного индивида способствуют различные факторы и каналы профессиональной мобильности: факторами групповой профессиональной мобильности являются социальные реформы, революции, войны, научно-технический прогресс, развитие информационных технологий, структурные и институциональные изменения в экономике, система профессионального образования. Так, исходным фактором групповой профессиональной мобильности в начале 1990-х гг. стали кардинальные политические изменения и экономические преобразования в российском обществе. Распад политических и экономических структур, появление новых разновидностей деловых организаций привели к утрате прежних профессиональных статусов и стали импульсом для обретения индивидами новых профессий. В обществе резко обострилась востребованность специалистов экономического и юридического профиля, что способствовало вертикальной восходящей мобильности соответствующих профессиональных групп, к росту престижа профессий экономиста и юриста.

В современном обществе возрастает интенсивность профессиональной мобильности, усиливается ее индивидуализированный характер.

Каналами индивидуальной профессиональной мобильности являются профессиональное образование (среднее, высшее, переподготовка, повышение квалификации, самообразование), эффективное использование результатов образования, опыт и результаты профессиональной деятельности, личностный потенциал, семья, личные связи. На профессиональной мобильности человека сказывается, во-первых, сформированность его личности, развитость его способностей и социальных качеств, необходимых в профессиональной деятельности, во-вторых, непосредственная профессиональная подготовка, уровень полученной квалификации. В то же время человек может не иметь работы по полученной специальности, но обрести высокий профессиональный статус в другой сфере деятельности. В этом случае огромное значение имеет личностный потенциал человека, его способность реализовывать знания, умения, навыки в различных видах деятельности, овладевать новыми профессиональными компетенциями.

Высшую профессиональную мобильность проявляют работники, обладающие гибкостью и способностью адаптироваться к изменениям в тех или иных сферах трудовой деятельности, самостоятельно получить необходимые знания, развивать творческое мышление и мотивацию к постоянному профессиональному самосовершенствованию.

Важнейшим каналом профессиональной мобильности является образование. Высокое образование усиливает позиции работника на рынке труда. Прослеживается закономерность, имеющая практически универсальный характер: чем выше образовательный потенциал, тем выше экономическая активность, больше занятость, ниже безработица. Так, среди россиян отмечены наивысшая доля занятых (около 80%) и наименьшая — безработных (около 4%) у людей с высшим профессиональным образованием, и наоборот, у малообразованных (не выше начального образования) — низкая занятость (около 12%) и высокая безработица (более 11%)¹.

Профессиональной мобильности молодежи способствует соответствие реализуемого в обществе профессионального образования структуре потребностей рынка труда, а также эффективное взаимодействие образовательных учреждений с работодателями, гибкость в определении содержания образования с учетом внешних факторов.

По результатам социологического исследования установок выпускников вузов и ожиданий работодателей выявлено, что на момент окончания высшего учебного заведения почти все выпускники в той или иной мере осознают и оценивают свою профессиональную и социальную подготовку². Им свойственна уверенность в теоретическом знании изученных в вузе дисциплин, они обладают высокой компьютерной грамотностью, рассчитывают на собственные личностные качества. Однако их психоэмоциональное состояние характеризуется тревогой по поводу предстоящего трудоустройства, чувством неуверенности в будущем и отсутствия стабильности, так как нет четкого видения собственной карьерной траектории. У выпускников преобладают прагматические ценности, их материальные притязания необоснованно завышены, слабо выражена потребность в профессиональной самореализации. Для опрошенных работодателей более ценны в молодых специалистах поведенческие (трудолюбие, дисциплинированность, упорство, коммуникабельность, мобильность, работа в команде) и личностные компетенции (способность к обучению, адаптивность). Профессиональные качества оказались вторичны. По мнению работодателей, выпускники выходят из вузов слабо подготовленными и лучше принять на работу специалиста с опытом³.

Анализ профессиональной мобильности выпускников вузов, основанный на данных Росстата⁴, показал, что около 60% выпускников работают по профессиям специалистов высшего уровня квалификации, но только чуть более трети от всех обладателей дипломов о высшем об-

¹ Шитов С. Б. Университетские комплексы как средство формирования человеческого капитала и общества знаний в России // Социология образования. 2009. № 2. С. 43—45.

² Черныш М. Ф. Социальная мобильность // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 2003. С. 457—458.

³ См.: Яшков А. Б. Установки выпускников и ожидания работодателей // Образовательные технологии. 2010. № 4. С. 61—71.

⁴ Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. Вектор профессии: чему учились и где пригодились? // Профессиональное образование. 2009. № 8. С. 19—21.

разовании остается в той профессии, по которой шло обучение в вузе. 16% дипломированных специалистов занимают те или иные руководящие должности, т. е., условно, постигают вертикальную восходящую профессиональную мобильность. Почти две трети выпускников работают не по специальности, но остаются «на уровне», перемещаясь по горизонтали в профессиональном статусе, освоив другую профессию. Каждый четвертый выпускник вуза занимается работой, не требующей высшего образования. Это пример нисходящей профессиональной мобильности, которая может совмещаться с восходящей экономической мобильностью, не снижать социальный статус индивида или даже способствовать его повышению по материально-имущественным показателям. Особо распространено снижение профессионального статуса среди выпускников средних специальных учебных заведений (каждый второй из них).

Особенности социальной стратификации в современном российском обществе

С начала 90-х гг. XX в. в России произошли существенные изменения социальной структуры, вызванные кардинальными переменами в российском политическом устройстве. Качественный сдвиг в социальном составе населения сопровождался появлением новых социальных групп, среди которых следует прежде всего назвать буржуазию и новую бюрократию, а также многочисленный слой частных собственников, маргиналов и др.

Интенсивные процессы социального расслоения привели к неравенству не только по имущественным признакам, но и к социальной поляризации по региональной, отраслевой и профессиональной принадлежности.

В российских исследованиях стратификации общества в настоящее время преобладает многомерный подход. В качестве критериев измерения расслоения используются такие, как имущественное положение и доход, образование, позиция во властной структуре, социальный статус и самоидентификация, т. е. комбинация объективных и субъективных критериев.

По данным социологических исследований конца 1990-х гг., стратификационная модель российского общества выглядела следующим образом: элита — правящая политическая и экономическая — до 0,5%; верхний слой — крупные и средние предприниматели, директора крупных и средних приватизированных предприятий, другие субэлитные группы — 6,5%; средний слой — представители мелкого бизнеса, квалифицированные профессионалы, среднее звено управления, офицеры — 20%; базовый слой — рядовые специалисты, помощники специалистов, рабочие, крестьяне, работники торговли и сервиса — 60%; нижний слой — малоквалифицированные и неквалифицированные работники, временно безработные — 7%, социальное дно — до 5%¹.

¹ Заславская Т. И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5—23.

Основные тенденции трансформации социальной структуры современного российского общества — это углубление социального неравенства по всем показателям (экономическим, политическим, социальным) и маргинализация значительной части населения.

Углублялось неравенство между регионами. Различия в доходах на душу населения по различным регионам достигают 1:10 (если в Москве доход составляет 400% по отношению к среднероссийскому, в Тюменской области — 230%, то в Дагестане — 40%). Велика разница в доходах между Москвой (центром) и регионами.

Наблюдались рост и углубление неравенства в величине оплаты труда по отраслям народного хозяйства, достигая значений 1:9.

По данным общероссийских исследований, проведенных Институтом социологии РАН, к 2008 г. в обществе сложились минимум 10 социальных слоев (страт), уровень и качество жизни которых принципиально различны¹. В рамках выявленной модели стратификации выделяются первые нижние две страты, объединившие 16% россиян, которые по своему реальному уровню жизни находятся за чертой бедности. Третья страта — это нуждающиеся (16%). Четвертая страта охватывает малообеспеченных, среди которых более четверти населения страны (27%). Для данной страты характерен «срединный», или модальный, т. е. наиболее типичный, уровень жизни. Страты с пятой по восьмую, объединяющие не менее трети населения, представляют средние слои: при том что они заметно различаются между собой, они могут рассматриваться как относительно благополучные на общероссийском фоне. Представители девятой и десятой страт по меркам общественного мнения могут называться богатыми, хотя объективно они принадлежат к верхним слоям среднего класса (6—8%). В совокупности представители с пятой по десятую страту (41%) составляют благополучное население страны.

В российском обществе происходит дальнейшее углубление социальной дифференциации. Все пространство социальной стратификации определяется практически одним показателем, а именно материальным (капитал, доход, собственность) при редком снижении компенсаторных функций других критериев социальной дифференциации. Вот почему идущие ныне стратификационные процессы способствуют не интеграции общества, не усилению солидарности, а увеличению поляризации и социального неравенства, аномии.

Существенная трансформация социальной структуры требует системного преобразования институтов собственности и власти, а для этого необходимо значительное время.

Сейчас наблюдается размывание прежних (советского периода) границ классов, групп, слоев в результате практически полного исчезновения зависимости между трудом и его оплатой, когда не важно, КТО и КАК работает, главное, ГДЕ. Личные доходы, таким образом, больше не обусловлены результатами труда и объективными показателями эко-

¹ Горшков М. К. Российское общество в социологическом измерении // URL: isprtas.ru>pics/File/Gorshkov.pdf

номического роста. Идет перераспределение собственности, капитала, труда в более перспективные, т. е. денежные, сектора экономики: одни выигрывают, другие проигрывают.

По результатам международного сравнительного исследования (международный проект ISSP «Национальная идентичность — 1995—1996»), охватившего 25 стран, получены данные о субъективной социальной стратификации¹. Измерение социального положения осуществлялось по самооценке индивидами своего места на условной лестнице статусов.

Обратимся к данным исследования по ряду стран, представленным в табл. 1.

Безусловно, по субъективным оценкам трудно судить о реальной картине стратификации. Но и здесь очевидно отставание стран бывшего социалистического блока по развитости среднего класса. За прошедшие годы ситуация несколько изменилась, тем не менее перемены идут очень медленно, рынок труда продолжает испытывать напряжение, число безработных велико. Меры в области социальной политики не дают ожидаемого в обществе результата. На фоне мирового финансово-экономического кризиса нарастает напряжение в обществе, разочарование в результатах реформ и критическое отношение к новым инициативам власти.

Таблица 1

**Субъективная социальная стратификация
(в процентах к числу опрошенных в каждой стране; ранжировано
по четвертой позиции)**

Страна	Социальная стратификация					
	1	2	3	4	5	6
Австрия	4	—	16	66	13	1
Западная Германия	2	—	18	61	18	1
Восточная Германия	10	—	37	49	8	—
Польша	8	44	—	42	5	2
Чехия*	4	29	22	37	7	1
Россия*	15	35	17	29	3	1
Венгрия*	13	36	26	23	1	—

*Страны со средним классом менее 40%; 1 — низший слой; 2 — рабочие; 3 — низшая часть среднего слоя; 4 — средний слой; 5 — средняя часть среднего слоя; 6 — высший слой

Прочерк означает, что в национальном исследовании отсутствует данная классификационная категория, в анкете применена другая позиционная разработка — с меньшим числом позиций.

¹ См.: Гудков Л. Россия в ряду других стран: к проблеме национальной идентичности // Мониторинг общественного мнения: экон. и социальн. перемены. 1999. № 1. С. 39—47.

ЛЕКЦИЯ 9. ГОСУДАРСТВО КАК ЯВЛЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ

- Понятие государства: социологический аспект.
- Разнообразии теорий происхождения государства: основные причины.
- Государство как явление природы и культуры.
- Системное познание и системный характер государства.

Понятие государства: социологический аспект

1. Государство, так же как и любое иное сложное и многогранное явление, в научной литературе рассматривается с разных сторон и подходов, в соответствии с которыми разрабатываются его далеко не всегда совпадающие друг с другом понятия.

В юридической литературе, как свидетельствуют источники, наиболее распространенным наряду с юридическим является дополняющий его, углубляющий государственно-правовое исследование социологический подход¹.

Юридический подход и соответственно «юридическое познание государства», писал еще в начале XX в. Г. Еллинек, стремится к тому, «чтобы сделать государство юридически мыслимым, т. е. найти понятие, в котором без внутренних противоречий немислимы все юридические государства». Познание «реального бытия государства», пояснял автор, «должно быть положено в основу этого понятия, но не должно быть с ним отождествляемо»².

Выделяя три «возможные юридические конструкции» государства, где оно выступает либо в виде объекта права, либо в виде субъекта права (юридического лица), либо в виде правоотношения, Г. Еллинек исходит из того, что государство с юридической точки зрения есть не что иное, как обладающая первичной верховной властью корпорация населяющего определенную территорию народа» или, иными словами, «обладающая первичной властью территориальная корпорация»³.

Юридические конструкции, разрабатываемые и широко применяемые в отечественной и зарубежной литературе в процессе познания государственно-правовой материи, несомненно, являются весьма важными в определении понятия государства.

Однако сами по себе они, будучи построенными на основе юридических фикций, теоретических допущений, правовых постулатов и укоренившихся юридических догм, не дают и не могут по определению дать полного представления ни о понятии, ни о других сторонах жизнедеятельности государства.

Касааясь данного вопроса, Г. Шершеневич не без оснований замечал, что «юридическое определение не только неспособно объяснить реального существа того, что мы называет государством, но оно кроет

¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: учеб. пособие (по изд. 1910—1912 гг.) Т. 1. Вступ. ст. М. Н. Марченко. М., 1995. С. 178—181.

² Еллинек Г. Общее учение о государстве. Спб., 1908. С. 118.

³ Еллинек Г. Указ. соч. С. 133.

в себе опасность затемнить перед нами истинную сущность явлений, происходящих в государстве»¹.

Для формирования адекватного представления о государстве и определения его понятия с необходимостью следует, как представляется, шире, чем это имеет место в настоящее время, использовать в дополнение к юридическому также социологический подход, рассматривать государство не только как чисто юридическое или политическое, а точнее, политико-юридическое образование, но и как социальный феномен.

2. В чем заключается и как проявляется социальный характер государства, обуславливающий необходимость применения в процессе определения его понятия и выявления его сущности и содержания социологический подход?

Отвечая на этот и другие подобные вопросы, необходимо иметь в виду, как представляется, три следующих проливающих свет на социальный характер государства и на социологический аспект его понятия, обстоятельства.

Во-первых, следует признать тот очевидный факт, что государство возникает не иначе как на базе общества и в рамках общества. Оно изначально порождается обществом и в основе своей обуславливается социальной средой, обществом.

Государство, совершенно справедливо полагал Ф. Энгельс в своей фундаментальной работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса Моргана», «есть продукт общества на известной ступени развития». Государство, доказывал мыслитель, есть признание того, что «общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно», а чтобы эти противоположности, именуемые классами с противоречивыми экономическими интересами, пояснил автор, «не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе», для этого стало необходимой силой, «происходящая из общества, но ставшая себя над ним и все более и более отчуждающая себя от него», под названием «государство»².

Следует заметить, что подобного рода положения, подчеркивающие социальный характер и природу государства, многократно констатировались также многими другими авторами.

Одним из них был И. Ильин, акцентировавший внимание при рассмотрении государства как «публично-правовой, территориальной корпорации» прежде всего на том, что оно возникает на базе общества и покоится на таких основах, как народ. Для появления существования государства, писал ученый в работе «Теория права и государства», «должен быть налицо народ, т. е. множество лиц; народ должен населять определенную и ограниченную территорию; должен быть подчинен

¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 182.

² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса Моргана. В кн.: История политических и правовых учений: хрестоматия / сост. В. В. Ячевский. Воронеж, 2000. С. 718.

единой правовой власти». Если нет «одной из этих основ, — заключал автор, — то нет и государства»¹.

Во-вторых, необходимо иметь в виду исходя из обусловленности государства социальной средой, что оно не только возникает на базе общества, но и развивается вместе с обществом и под влиянием общества. По общему правилу уровень развития и состояние общества в решающей степени определяют уровень развития и состояние государства. Со значительной долей вероятности можно сказать, что, каково общество на том или ином историческом отрезке времени или в той или иной стране, таковым будет и государство — его форма, социально-классовая сущность и содержание.

Разумеется, при этом нельзя не учитывать, что наряду с социальными имеют место и другие, неразрывно связанные с ними экономические, религиозные, идеологические и иные факторы, которые оказывают воздействие на процесс развития и функционирования государства.

Однако, как свидетельствует исторический опыт, только социальные факторы вместе с экономическими в системе «внешних по отношению к организации внутренней жизни и деятельности государства факторов играют решающую роль. Все иные, “производные” по своей природе и характеру факторы, за редким исключением, как это было, например, с религиозным фактором в Западной Европе в период инквизиции, играют второстепенную, “подсобную”, роль».

Аналогичную роль выполняют в процессе развития государства и так называемые внутренние факторы — факторы саморазвития государства как органического образования, порожденные его относительной самостоятельностью и определенной самодостаточностью по отношению к обществу и возникающим на его основе институтам.

В силу того что исторически по истечении определенного времени с момента образования государство фактически становилось над обществом и «все более и более отчуждало себя от него», у ряда исследователей государственно-правовой жизни формировалось иллюзорное («тоталитарное», согласно современному лексикону) представление о доминирующей роли внутренних факторов в развитии государственного механизма, о первичности государства по отношению к обществу, а не наоборот.

Как следствие такого представления, когда государство рассматривалось едва ли полностью независимым от общества или же стоящим над обществом, в исследовательской литературе с древности до наших дней зачастую государству уделяется гораздо больше внимания, нежели обществу.

При этом нередко проблемы, явления или события, уходящие своими корнями в общество, представляются в виде проблем, явлений или событий, возникающих исключительно на уровне и в рамках государства. Тем самым в процессе исследования государственно-правовой

¹ Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова М., 2003. С. 128—129.

материи допускается искусственный разрыв между обществом и государством, в результате которого, помимо всего прочего, утрачивается социальный аспект последнего. Кроме того, происходит неправомерная подмена проблем, изначально возникающих и коренящихся в обществе, проблемами государства, и наоборот.

Например, периодически происходящие на всем историческом пути развития государств революции, государственные перевороты и другие им подобные явления в виде радикальных реформ, приводящих к смене государственных режимов, как это имело место, например, в России в 90-е гг. XX в., на первый взгляд представляются явлениями чисто государственного плана. А на самом деле это последствия тех происходящих в самом обществе процессов, связанных, в частности, применительно к России с тем, что в нем за последние до развала СССР десятилетия фактически произошел раскол в силу того, что образовался определенный, весьма зажиточный по советским меркам слой людей («демократов», как они себя именовали), в том числе из приближенных к власти спекулянтов — «рыночников» (ныне «бизнесменов»), фарцовщиков, партийных и государственных бюрократов и пр., которых уже не устраивала прежняя экономическая и политическая система, поскольку не позволяла свободно реализовывать появившиеся у них материальные, финансовые и другие сверхвозможности.

Внешне и публично проводившиеся в стране «революционные» преобразования представлялись в виде борьбы неких «демократических» сил против существующего государственного режима, за права и свободы все граждан, за демократию «всех и для всех», а по сути преследовались корыстные экономические, финансовые и иные интересы одной, весьма незначительной части общества за счет интересов другой, основной части общества.

В данном, равно как в других аналогичных случаях, речь шла в первую очередь собственно не о проблемах государства, как таковых — они вторичны, а о проблемах общества, точнее, незначительной части общества, использовавшего в своих целях путем демагогии и прямого обмана всю остальную часть общества. Иными словами, «использовала, — прямо по Конфуцию, — народ в соответствующее время»¹.

В-третьих, важно учитывать в процессе формирования представления о понятии и социальном характере государства то обстоятельство, что вся государственная, а шире — государственно-правовая материя, будучи весьма многогранным и многоаспектным феноменом, в основе своей является социальной материей.

И хотя государство, как верно отмечал И. Ильин, в повседневной жизнедеятельности выступает как «правовой союз, которому дана правовая власть для того, чтобы поддержать право и служить праву», тем не менее не следует забывать его социальную суть и природу. Имея в виду тот факт, что государство «организуется людьми», что оно

¹ *Конфуций*. Луньюй. Гл. 1-я «Сюэ Эр». В кн.: История политических и правовых учений: хрестоматия / сост. В. В. Ячевский. Воронеж, 2000. С. 56.

«не есть ни физическая вещь (например, территория), ни простое множество людей, но представляет собою множество людей, связанное единым правом, единой властью и единой территорией в союз: государство есть множество в виде единства»¹.

Социальный характер государству, его сущности, формам и содержанию придает изначально то обстоятельство, что оно независимо от его особенностей является результатом деятельности людей, порождением их воли и сознания, их отношения друг к другу и к образуемому ими социуму.

Любое государство в этом смысле не только можно, но и нужно рассматривать с точки зрения его волевого характера, под углом зрения особенностей отношения к нему формирующих его людей.

Несомненно, прав был Г. Еллинек, когда писал, что для того «чтобы выяснить социальное понятие государства, мы должны вернуться к конечным, могущим быть доказанными фактическим составным элементам государственной жизни», каковыми «представляется сумма определенных, проявляющихся в действиях, социальных отношений между людьми»².

Разумеется, возникающие и развивающиеся в рамках государства-суверена и носителя верховной власти отношения по определению в основе своей не могут не быть государственными волевыми отношениями, отношениями властвования. Об этом свидетельствуют, в частности, отношения, возникающие в условиях монархического строя, между монархом и подданными или в условиях республиканского строя — между представительными органами государства и гражданами.

Без отношений властвования немыслимо никакое государство. Это аксиома, касающаяся как ранее существовавших, так и ныне функционирующих государственных образований. Осуществлять такого рода отношения, иными словами, властвовать, рассуждал Г. Еллинек, «значит обладать способностью принуждать другие воли к безусловному исполнению своей воли, безусловно осуществлять эту свою волю вопреки воле других». Эту силу «безусловного осуществления собственной воли вопреки воле других, — заключал автор, — имеет только государство»³.

Однако отношения властвования, будучи волевыми по своему характеру, отнюдь не заменяют собой весь массив волевых отношений, возникающих и существующих в пределах государственного механизма, «не исчерпывают собой все существо государства»⁴.

Имея социальный по своей природе и волевой по своему содержанию характер, эти отношения дополняются другими аналогичными им по природе и характеру социальными (волевыми) отношениями — отношениями, возникающими между людьми не только по поводу госу-

¹ Ильин И. А. Теория права и государства. С. 127.

² Еллинек Г. Общее учение о государстве. С. 126.

³ Еллинек Г. Указ. соч. С. 130.

⁴ Там же.

дарственной власти, но и в связи с участием государства в самых различных сферах жизнедеятельности общества.

Наличие такого рода отношений, наряду с властными отношениями, придает государству не только юридический, но и социальный характер.

Разнообразие теорий происхождения государства: основные причины

К настоящему времени в научной литературе сложилось множество самых различных — социологических (точнее, социальных), политических, теологических, юридических и иных теорий, каждая из которых по-своему объясняет процесс возникновения, становления и развития государства. Это, в частности, такие широко известные теории, как органическая, договорная, расовая теория, теория насилия, психологическая теория и др.

Существование этих и других подобного рода теорий представляется вполне естественным и понятным, ибо каждая из них отражает или взгляды и суждения различных групп, слоев, классов, наций и других социальных общностей на данный процесс, или взгляды и суждения одной и той же социальной общности на разные аспекты данного процесса. В основе этих взглядов и суждений всегда находились экономические, финансовые, политические и иные интересы.

Речь идет не только о классовых интересах и связанных с ними противоречиях, как это длительное время утверждалось в отечественной и отчасти в зарубежной литературе. Вопрос ставится гораздо шире. Имеется в виду весь спектр существующих в обществе интересов и противоречий, оказывающих прямое или косвенное влияние на процесс возникновения, становления и развития государства, а вместе с ним и права.

Однако, несмотря на существование многочисленных теорий и доктрин, а также бесчисленных высказываний и суждений по поводу государственной материи, споры о природе государства, об истоках и условиях его возникновения и развития продолжают и по сей день.

Причины этих споров и порождаемых ими многочисленных теорий заключаются в следующем. Во-первых, в сложности и многосторонности самого процесса происхождения государства и права и объективно существующих при этом трудностях его адекватного восприятия. Во-вторых, в неизбежности различного субъективного восприятия данного процесса со стороны исследователей, обусловленного их несопадающими, а порою противоречивыми экономическими, политическими и иными взглядами и интересами. В-третьих, в преднамеренном искажении процесса первоначального или последующего (на основе ранее существовавших государства и права) возникновения государственно-правовой системы в силу конъюнктурных или иных соображений. И, в-четвертых, в преднамеренном или непреднамеренном смещении в ряде случаев процесса возникновения государства и права с другими, сопредельными, соотносящимися с ними процессами.

Обращая внимание на последнее обстоятельство, Г. Ф. Шершеневич не без оснований сетовал, в частности, по поводу того, что вопрос

о происхождении государства часто смешивается с вопросом «об обосновании государства». Конечно, рассуждал он, логически эти два вопроса совершенно различны, но «психологически они сходятся общими корнями». Вопрос о том, почему нужно повиноваться государственной власти, в подобном представлении логически связывается с вопросом, каково ее происхождение.

Таким образом, в строго теоретическую проблему о происхождении государства вносится чисто политический момент. «Не то важно, каково было в действительности государство, а как найти такое происхождение, которое способно было бы оправдать заранее предвзятый вывод»¹. В этом, по мнению автора, заключается основная цель смешения названных явлений и отражающих их понятий. В этом одна из причин множественности и неоднозначности произрастающих на данной основе теорий.

Различного рода теории возникают в связи с неправомерным смешением процесса возникновения государства и с другими взаимосвязанными с ним процессами. Аналогичная картина наблюдается, например, и в отношении процесса зарождения и становления права, его первоначального возникновения. При этом происхождение права нередко неправомерно смешивается с его развитием.

Поскольку вопрос о происхождении государства и права всегда оставался весьма запутанным и нерешенным и, как отмечал Н. М. Коркунов, не могло быть объяснено их «естественное происхождение», в них начали усматривать «божественное установление». Государство и право получают, таким образом, в глазах людей значение некоего объективного порядка, «не зависящего от человеческой воли, стоящего выше человеческого произвола»².

И это действительно так. Как показывает опыт рассмотрения проблем происхождения государства и права, особая роль в их решении на протяжении всей истории развития человечества отводилась религии. Еще в Древнем Египте, Вавилоне и Иудее выдвигались идеи божественного происхождения государства и права. «Закон дал нам Моисей, наследие обществу Иакова», — читаем мы в Библии.

Но особенно широкое распространение данные идеи получили на стадии перехода народов к феодализму и в феодальный период. На рубеже XII—XIII вв. в Западной Европе развивается, например, теория «двух мечей». Она исходит из того, что основатели церкви имели два меча. Один они вложили в ножны и оставили при себе. Ибо не пристало церкви самой использовать меч. А второй они вручили государям для того, чтобы те могли вершить земные дела. Государь, по мнению богословов, наделяется церковью правом повелевать людьми и является слугой церкви. Основной смысл этой теории в том, чтобы утвердить приоритет духовной организации (церкви) над светской (государством) и доказать, что нет государства и власти «не от Бога».

¹ *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права: учеб. пособие (по изд. 1910—1912 гг.). Т. 1. М., 1995. С. 213.

² Лекции по общей теории права. СПб., 1898. С. 115.

Примерно в тот же период появляется и развивается учение широко известного в просвещенном мире ученого-богослова Фомы Аквинского. Он утверждал, что процесс возникновения и развития государства и права аналогичен процессу сотворения Богом мира. Сам Божественный разум, согласно учению Фомы Аквинского, управляет всем миром. Он лежит в основе всей природы, общества, мирового порядка, каждого отдельного государства.

Автор выступал за активное проникновение богословской идеологии в науку и философию, за неразрывную взаимосвязь светских и религиозных институтов. Религия, по логике Ф. Аквинского, должна обосновывать необходимость возникновения и существования государства. В свою очередь, последнее обязано защищать религию.

Призывая светские власти беспощадно бороться с еретиками, Ф. Аквинский писал, что «извращать религию, от которой зависит жизнь вечная, гораздо более тяжкое преступление, чем подделывать монету, которая служит для удовлетворения потребностей временной жизни. Следовательно, если фальшивомонетчиков, как и других злодеев, светские государи справедливо наказывают смертью, еще справедливее казнить еретиков...».

Религиозные учения о происхождении государства, а вместе с ним и права имеют хождение и поныне. Наряду с ними продолжают существовать идеи, высказанные еще в Древнем Риме, о том, что на возникновение и развитие государства и права, а также на закат отдельных государств и правовых систем решающее влияние оказали человеческие слабости и страсти. Среди них жажда денег и власти, алчность, честолюбие, высокомерие, жестокость и другие отрицательные человеческие черты и страсти. «Что послужило главной причиной упадка Римского государства?» — спрашивал, например, римский историк I в. до н. э. Гай Саллюстий Крисп в своей известной работе «Заговор Каталины». И тут же отвечал: «Упадки нравов, стяжательство, страсть к распутству, обжорству и прочим излишствам».

После того, пишет Саллюстий, когда «трудом и справедливостью» возросло Римское государство, когда силой оружия были укрощены великие цари и смирились дикие племена, когда исчез с лица земли Карфаген — соперник Римской державы и «все моря, все земли открылись перед нами, судьба начала свирепствовать и все перевернула вверх дном». Римляне, которые с легкостью и достоинством переносили лишения, опасности и трудности, не выдержали испытания догугом и богатством.

«Сперва, — подмечает Саллюстий, — развилась жажда денег, за нею — жажда власти, и обе стали как бы общим корнем всех бедствий». Так случилось потому, что корыстолюбие погубило верность, честность и остальные добрые качества. Вместо них «оно выучило высокомерию и жестокости, выучило презирать богов и все полагать продажным». Честолюбие многих сделало лжецами. Заставило «в сердце таить одно», а вслух говорить другое. Дружбу и вражду оценивать «не

по сути вещей, а в согласии с выгодой. О пристойной наружности заботиться больше, чем о внутреннем достоинстве».

Начиналось все с малого, продолжает Саллюстий. Иногда встречало отпор. Но затем «зараза распозалась точно чума, народ переменялся в целом, и римская власть из самой справедливой и самой лучшей превратилась в жестокую и нестерпимую».

С той поры, заключает историк, как богатство стало вызывать почтение, как спутниками его сделались слава, власть, могущество, так с этой самой поры и начала вянуть доблесть, бедность считаться позором и бескорыстие — недоброжелательством.

Особенно сильно падение нравов отразилось на молодежи. Ее легко было подтолкнуть на преступление, лжесвидетельство и мошенничество. В ней легко было воспитать презрение к верности. По вине богатства «на юность напала роскошь и алчность, а с ними и наглость: хватают, расточают, свое не ставят ни во что, жаждут чужого, стыд и скромность, человеческое и божественное — все нипочем, их ничто не смутит и ничто не остановит».

Сказанное о падении нравов населения окончательно подорвало моральные основы Римского государства, и оно было обречено. Так может случиться с любым государством, в том числе и с постсоветским. Нравы положительные и отрицательные, добрые и злые, несомненно, играли и играют значительную роль в процессе возникновения и развития государства и права. Значительную, но не решающую. Они являются скорее следствием, а не первопричиной. Хотя и выступают иногда, как в случае с Римской империей, на первый план.

Исторический опыт показывает, что главные причины возникновения и развития государства и права лежат вовсе не в сфере морали или религии. Они коренятся в области экономики и социальной сфере жизни людей.

Научные исследования и выводы свидетельствуют о том, что государственная организация приходит на смену родоплеменной организации. Право — на смену обычаям. И происходит это не в силу изменения общественных нравов, религиозных воззрений и взглядов, а в силу коренных изменений в экономической сфере и самом первобытном обществе. Именно они привели к разложению первобытнообщинного строя и утрате способности первобытными обычаями регулировать общественные отношения в новых условиях.

Известные во всемирной истории крупнейшие разделения труда, связанные с отделением скотоводства от земледелия, ремесла от земледелия и с появлением торговли и обмена, привели к быстрому росту производительных сил, к способности человека производить больше средств к существованию, чем это было нужно для поддержания жизни. Становится экономически выгодным использовать чужой труд. Военнопленных, которых раньше убивали или принимали на равных в свой род, стали превращать в рабов, заставляли работать на себя. Производимый ими остаточный (сверх необходимого для прокормления) продукт присваивали.

В обществе сначала наметилось, а затем по мере разделения труда быстро усилилось имущественное расслоение. Появились богатые и бедные. Для получения остаточного продукта стал широко использоваться не только труд военнопленных, но и труд своих сородичей. Имущественное неравенство повлекло за собой социальное неравенство. Общество постепенно, в течение многих тысячелетий расслаивалось на различные со своими собственными интересами и своим собственным, далеко не одинаковым статусом устойчивые группы, классы, социальные прослойки.

Во всей Галлии, писал по этому поводу еще в глубокой древности Гай Юлий Цезарь, «существуют вообще только два класса людей, которые пользуются известным значением и почетом, ибо простой народ там держат на положении рабов: сам по себе он ни на что не решается и не допускается ни на какое собрание. Большинство, страдая от долгов, больших налогов и обид со стороны сильных, добровольно отдается в рабство знатным, которые имели над ними все права господ над рабами».

Об аналогичной ситуации, складывающейся между различными классами и слоями населения в связи с имущественным неравенством, во все последующие столетия писали многие авторы. Но особое значение данному фактору, оказавшему огромное влияние на процесс возникновения государства и права, уделялось в период становления капитализма и последовавшие за этим годы. Так, в частности, всемирно известный английский экономист Д. Рикардо, живший в XVIII в., обращал внимание на то, что «продукт земли — все, что получается с ее поверхности путем соединенного приложения труда, машины и капитала, — делится между тремя классами общества, а именно: землевладельцами, собственниками денег или капитала, необходимого для ее обработки, и рабочими, трудом которых он обрабатывается»¹.

К. Маркс и Ф. Энгельс исходили из того, что с возникновением и существованием классов неразрывно связано возникновение и существование государства и права. Государство, писал Ф. Энгельс, существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, «которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью»².

В. И. Ленин рассматривал государство как «продукт и появление непримиримости классовых противоречий». «Государство, — писал он в работе “Государство и революция”, — возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены»³.

В отличие от многих буржуазных авторов, считавших, что государство и право существуют на всех стадиях развития человеческого общества,

¹ Рикардо Д. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1908. С. 2.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 173.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 7.

пролетарские ученые и идеологи придерживались иного мнения. С их точки зрения государство и право имманентны лишь классовому обществу. Что же касается доклассового, первобытного общества, то в нем существуют только зачатки государства и права. «Доклассовое общество без государства и классовое общество с государством»¹, — заключал Ленин.

При первобытном строе начавшееся расслоение общества первоначально ведет к тому, что из общей массы членов рода выделяется знать — обособленная группа вождей, военачальников, жрецов. Используя свое общественное положение, эти люди присваивали себе большую часть военной добычи, лучшие участки земли, приобретали огромное количество скота, ремесленных изделий, орудий труда. Свою власть, ставшую со временем наследственной, они использовали для защиты не столько общественных интересов, сколько личных, для удержания в повиновении рабов и неимущих соплеменников. Появились и другие признаки разложения первобытнообщинного строя и соответствующей ему родоплеменной организации, которая постепенно стала вытесняться государственной организацией.

В новых общественно-экономических условиях прежняя система организации власти — родоплеменная организация, рассчитанная на управление обществом, не знавшим имущественного разделения и социального неравенства, оказалась бессильной перед растущими изменениями в сфере экономики и социальной жизни, усиливающимися противоречиями в общественном развитии, перед углубляющимся неравенством. «Родовой строй, — писал Ф. Энгельс в работе “Происхождение семьи, частной собственности и государства”, — отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы. Он был заменен государством»². Государственные органы и организации появились частично в результате преобразования органов и организаций, сложившихся в рамках первобытнообщинного строя, частично в результате полного вытеснения последних.

О появлении признаков государства в любой стране свидетельствует прежде всего выделение из общества особого слоя людей, не производящих материальных или духовных благ, а занятых лишь управленческими делами. Это же подтверждают наделение данного слоя людей особыми правами и властными полномочиями; введение различных налогов и всевозможных податей, займов; подразделение членов общества не по кровнородственному признаку, как это было при первобытнообщинном строе, а по административно-территориальному признаку; создание на постоянной основе особых отрядов вооруженных людей, дружин, призванных, с одной стороны, защищать территорию и общество от нападения извне, а с другой — самим вести территориальные завоевания.

О появлении признаков государственной организации общества и вытеснении ею первобытнообщинной организации свидетельствуют и другие

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 310.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 169.

факторы. Помимо всего прочего они указывают на то, что государство не навязывается обществу извне. Оно возникает на его основе естественным путем. Вместе с ним оно развивается и совершенствуется. «Все древнейшие государственные организации, — писал в середине XIX в. немецкий историк Г. Ландау, — возникли не из человеческого произвола, не благодаря организационным эдиктам... Как раз наоборот. Они выросли, словно растение из зерна, брошенного в землю, в силу объективной необходимости, в силу неизменных, самой природой данных законов»¹.

Аналогично другим признакам государства обстоит дело и с государственной (или публичной) властью, являющейся также признаком государства.

В силу тех же причин, что и государство, зарождается право, и под воздействием тех же экономических, социальных и политических процессов оно изменяется.

Государство как явление природы и культуры

1. Несмотря на ярко выраженный социальный характер государства, обусловленный, в частности, тем, что оно возникает на базе общества и развивается вместе с обществом, в научной литературе испокон веков высказывались различные мнения и суждения относительно того, следует ли рассматривать государство как явление природы или же как феномен человеческой интеллектуальной, материальной и иной культуры.

Разумеется, речь при этом не идет о современных или ранее существовавших государствах, возникших в результате революций, государственных переворотов или «радикальных» реформ на базе других государств. Имеются в виду исторически первые, первородные государственные образования, возникшие на переходе от догосударственного к государственному состоянию человеческого сообщества, от стихийного сообщества к государственно-организованному обществу.

В отношении этих государственных образований в одних случаях высказывались мнения об их естественной, не всегда и не во всем зависящем от человека, природе. В этом плане весьма характерны положения относительного того, что «первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас» и что, «очевидно, *государство существует по природе* и по природе предшествует каждому человеку»².

Подобного рода идеи, хотя и весьма в измененном виде, в более поздний период развивались и другими исследователями государственно-правовой материи, в частности, уподоблявших государственный механизм человеческому организму и считавших, что «правительства

¹ Landay G. Territorien. Berlin, 1854. S. 110—111.

² Аристотель. Политика. В кн.: История политических и правовых учений: хрестоматия. С. 146.

существует для того, чтобы заставить людей, живущих в обществе, выполнять обязанности, предписываемые моралью»¹.

В других случаях, а их подавляющее большинство, государство рассматривается не как природное явление, а как *человеческое творение*, как результат развития интеллекта человека и человеческой культуры в целом.

В научной литературе в связи с этим верно подмечалось, что «появление государства знаменовало собой качественный скачок в развитии сознания. Осознание угрозы физической гибели, элементарный страх заставлял племена мобилизовать свои умственные и нравственные силы»².

Размышляя над процессом образования государства в результате развития человеческой культуры, исследователи по-разному толкуют этот процесс, впрочем, как и само государство.

Для одних авторов государство как явление культуры «есть отвлеченное и не сводимое к чему-либо видимому понятие», которое «не сводится к отдельным личностям, а есть их постоянное взаимоотношение, производимое непрерывным и изученным трудом отдельных личностей, как они существуют в пространстве»³.

Для других исследователей государство, порожденное развитием культуры, есть не что иное, как «реальное единство» множества людей, «воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим»⁴.

Для третьей же группы авторов государство как явление культуры и ее порождение представляется в виде «власти политически организованных людей»⁵.

Наряду с названными точками зрения в научной литературе существует целый ряд и других суждений, касающихся процесса формирования государства и его понятия как явления культуры.

В подтверждение сказанного можно сослаться на суждение Гегеля относительно того, что государство является порождением человеческой культуры и «духа народа». Поскольку, рассуждал философ, «дух действителен лишь в качестве того, чем он себя знает, и государство в качестве духа народа есть вместе с тем проникающий все его отношения закон, нравы и сознание индивидов, то государственное устройство определенного народа вообще зависит от характера и развитости его самосознания; в этом заключается его субъективная свобода, а следовательно, и действительность государственного устройства»⁶.

¹ Гольбах П. Естественная политика, или Беседы об истинных принципах управления. Т. I. В кн.: История политических и правовых учений: хрестоматия. С. 442.

² Жуков В. Н. Государство как ценность // Государство и право. 2009. № 9. С. 18.

³ Фихте И. Основные черты современной эпохи. В кн.: История политических и правовых учений: хрестоматия. С. 601.

⁴ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, формы и власть государства церковного и гражданского. В кн.: История политических и правовых учений: хрестоматия. С. 373.

⁵ Webster's New Universal Anabridjed Dictionary. N.Y., 2009. P. 1776.

⁶ Гегель Г. В. Ф. Философия права. В кн.: История политических и правовых учений: хрестоматия. С. 590.

С этой же целью в подтверждение того, что существует помимо названных мнений еще целый ряд аналогичных по своему характеру суждений, можно сослаться также на принципиально важное положение Ф. Энгельса о том, что «государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов», что оно появилось «в самих столкновениях этих классов» и что «по общему праву» оно является не государством «всех и для всех», как это утверждает идеологами капиталистического строя, а «государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса»¹.

В отечественной и зарубежной литературе содержится целый ряд других, в той или иной степени отличающихся друг от друга мнений относительно характера государства, его понятия и происхождения. Однако все они в данном случае сводятся к тому, что государство порождается не природой, а людьми, что оно «существует не от природы, а организуется людьми»² и развивается в соответствии с уровнем развития их самосознания и культуры.

2. Что же касается разночтений и споров по вопросу о «генеологии» государства, по вопросу о том, выступает ли оно, согласно своему происхождению, как явление природы или культуры, то они зачастую возникают, как представляется, в силу смешения двух сходных, но не идентичных явлений, отражающих их понятий. А именно естественной необходимости и потребности в образовании государства, с одной стороны, и самого процесса формирования и развития государства — с другой.

Потребность общества «в организации находящейся в его распоряжении естественной, принудительной власти, — писал Р. Иеринг в своей работе “Цель в праве”, — принадлежит к одной из самых ранних и неотразимых; при удовлетворении этой потребности общество достигает двух задач: одной — внешней, другой — внутренней»³. Первая задача, поясняет автор, заключается «в установлении внешнего принудительного аппарата, и таким аппаратом служит государство». А вторая, «внутренняя задача имеет своей целью установление основных правил, положений для применения принудительной силы». «Совокупность этих правил, — пояснял ученый, — называется правом», выступающим в виде «системы социальных целей, гарантируемых принуждением»⁴.

Природная, естественная потребность в государстве, равно как и в праве — в их образовании и развитии, — обуславливается многи-

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса Моргана. В кн.: История политических и правовых учений. Хрестоматия. С. 719—720.

² Подробнее об этом см.: Ильин И. А. Теория права и государства. С. 127—136.

³ Иеринг Р. Цель в праве.

⁴ Там же.

ми «природными» причинами, в том числе необходимостью совместной деятельности, защиты от местных врагов и сородичей, поддержания внутреннего порядка в сообществе и т. д.

Утверждая, что «весь мир — зло и среди тысячи едва ли найдешь одного истинного христианина», известный немецкий теолог, вдохновитель и лидер Реформации М. Лютер не без оснований замечал, что без светской власти и права, сдерживающих «нехристиан и злых, заставляющих их, хотя бы против воли, сохранять внешний мир и спокойствие», «люди пожирали бы друг друга, и некому бы было защищать женщин и детей»¹.

Будучи обусловленными «природными» причинами, естественная необходимость и потребность в создании «естественной принудительной власти» в лице государства выступает, в свою очередь, в виде побудительных мотивов и причин процесса его формирования и последующего развития в созревающем для его реализации в социуме.

3. Таким образом, отвечая на вопрос о том, выступает ли государство в своем первородном облике в виде явления природы или культуры, можно с полной уверенностью сказать, что естественная необходимость и потребность его создания порождается самой природой, но создается оно только людьми.

Первоначально на государство возлагаются относительно простые задачи и соответствующие цели, сводящиеся в основном к поддержанию внутреннего порядка и защите социума в форме рода, племени, фратрии, союза племен и тому подобному извне. Государственная власть, верно замечает в связи с этим И. Ильин, «слагается тем быстрее и прочнее, чем скорее и вернее ей удастся обеспечить порядок внутри союза и безопасность от внешних нападений»².

Однако по мере развития человеческой цивилизации на государство возлагается все более сложные и разнообразные задачи, не ограничивающиеся водворением внутреннего порядка и обеспечением внешней безопасности.

В зависимости от типа государства его задачи и основные цели государственной деятельности, хотя и в разной степени, касаются практически всех наиболее важных сторон жизнедеятельности общества: экономики, науки, культуры, политики, идеологии, образования и др.

Оценивая социально-политическую значимость развивающейся в конце XIX — начале XX в. теории относительных целей государства и придерживаясь мнения, что «государство не может создавать ничего такого, что относится исключительно к области внутренней жизни человека», Г. Еллинек вполне оправданно считал, что с этой точки зрения «конечной целью всякой деятельности государства является прежде всего участие в труде на пользу прогрессивного развития входящих в состав его индивидов не только настоящего, но и будущего поколений, а затем,

¹ Лютер М. О светской власти. В кн.: История политических и правовых учений. С. 290.

² Ильин И. А. Теория права и государства. С. 141.

так как сознание народами их солидарности все более выходит за пределы государства, и содействие прогрессивному развитию человечества»¹.

Наличием и успешным решением стоящих перед государством на том или ином историческом отрезке времени задач оправдывается и обосновывается жизненная необходимость для общества его существования и функционирования. Данное положение в отношении государства как волевого явления, обусловленного природной необходимостью и потребностью, распространяется на все без исключения типы и формы государств, независимо от того, с каких мировоззренческих позиций они трактуются и под каким углом зрения они рассматриваются.

В данном случае не имеет никакого значения, исследуется ли государство как волевое явление с социологических позиций в виде совокупности социальных фактов, под которыми понимается «всякий способ действий, устоявшийся или нет, но способный оказывать на индивида внешнее принуждение»². Или же оно рассматривается в политико-юридическом плане как совокупность институтов, в виде своеобразной корпорации, выступающей как «организация, обладающая одновременно суверенитетом власти, конституционным устройством этой власти с определенными статусами и юридической автономией»³.

Не играет особой роли и то обстоятельство, что государство в некоторых случаях представляется не иначе, как в процессуальном плане в виде совокупности формирующих его и происходящих в нем процессов или же в функциональном разрезе, где государство, по мнению Г. Еллинека, «ни в каком направлении не представляется субстанцией, а исключительно функцией», основной субстанцией которой «являются и всегда остаются только люди»⁴.

Разумеется, говоря об обосновании и оправдании самого факта существования и функционирования государства как волевого образования успешным выполнением стоящих перед ним на том или ином историческом отрезке развития человеческой цивилизации целей и задач, следует иметь в виду, что, как свидетельствует многовековой опыт деятельности государства, речь далеко не всегда идет о целях и задачах, отвечающих интересам всего общества, но всегда отражающих интересы стоящих у власти социальных слоев, классов, групп, кланов, «семей», как это имело место в постсоветской России, и т. п.

Системное познание и системный характер государства

1. В стремлении глубокого и разностороннего познания государства как социального, политического, правового и иного явления исследователи на протяжении многих веков применяли самые различные методы и подходы.

¹ Еллинек Г. Общее учение о государстве. Спб., 1908. С. 191.

² Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 139.

³ Ориу М. Основы публичного права. М., 1929. С. 116.

⁴ Еллинек Г. Указ. соч. С. 126.

Одним из наиболее распространенных и эффективных в XX в. был и остается, по свидетельству исследователей, *системный метод*, а шире — *подход*¹.

В общеметодологическом плане применительно к любому социальному или иному явлению системный подход (или анализ), по замечанию известного отечественного ученого Б. М. Кедрова, представляет собой такой способ рассмотрения той или иной системы, «при котором состояние, свойства и особенности ее могут быть выведены из состояния свойств и особенностей ее элементов и закона связи между ними, причем элементы и закон связи считаются известными»².

В отношении государства, рассматриваемого в системном плане, такого рода познание позволяет в зависимости от исходного представления о его элементах, об их свойствах и особенностях формировать общее представление о государстве в целом или же о его отдельных сторонах. Рассматривая, например, в качестве элементов государственной организации субъекты федерации, по их свойствам и особенностям напрямую можно судить в целом о свойствах и особенностях всей федерации, иными словами, всей государственной организации. Взяв же за исходное в качестве элементов, скажем, государственные органы или учреждения, по их свойствам и особенностям напрямую, непосредственно можно судить только о соответствующих свойствах и особенностях лишь одной части государства — государственного аппарата, или государственного механизма, и опосредованно всего государства в целом.

Уделяя особое внимание системному анализу государственно-правовых и социально-политических структур, отечественные и зарубежные авторы не без оснований акцентируют внимание на том, что он позволяет, умозрительно охватив собой всю государственную и непосредственно связанную с ней социальную материю, исследовать ее с самых разных сторон в виде целостного явления, состоящего из множества разнообразных, взаимосвязанных между собой и взаимодействующих друг с другом составных частей. Причем как в статике, так и в динамике, как в историческом плане, так и в современном разрезе.

Наряду с этим системный подход к познанию государства, так же как и к исследованию других системных явлений и структур, таких, в частности, как политическая система, дает возможность, по справедливому замечанию авторов, «поставить ряд ключевых вопросов, ответы на которые помогли бы сделать более насыщенной конкретным содержанием»³

¹ См.: *Аверьянов А. Н.* Система: философская категория и реальность. М., 1976; *Аверьянов А. Н.* Системное познание мира. Методологические проблемы. М., 1985; *Синельников Е. М., Горшков В. А., Свечников В. П.* Системный подход в научном познании. М., 1999; *Bertalanffy L.* General Systems Theory. Foundations. Development. Applications. N.Y. 1968; др.

² *Кедров Б. М.* Принцип историзма в его приложениях к системному анализу развития науки // Системные исследования. Ежегодник. М., 1974. С. 5—6.

³ *Истон Д.* Категории системного анализа политики // История политических и правовых учений: хрестоматия. Ч. I. / сост. В. В. Ячевский. Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2000. С. 968.

традиционную модель государства, зачастую представляемую в научной и учебной литературе в виде перечня и краткого анализа тех или иных существенных ему признаков.

Среди этих вопросов главным всегда был и остается вечный и весьма насущный для каждой эпохи и для каждого поколения исследователей вопрос об истинной сути и о назначении государства как организации и официального представителя всего общества. Вопрос о том, является ли тот или иной тип или конкретное государство «благом» для «своего», соотносящегося с ним, общества, как об этом обычно утверждают его апологеты, или же в нем всегда содержится определенная доля «зла» по отношению к «своему» народу, как об этом заявляют его критики.

Так, например, первые, идеализируя капитализм и одновременно флиртуя с социализмом, утверждают, что «теоретически сформулированная и практически реализованная концепция “социального государства”, “государства всеобщего благоденствия” — главный и наиболее позитивный из всех реализованных общественных проектов XX века». Ибо он «пропитан идеей социальной ответственности государства и социального прогресса, воплощает эволюцию капитализма, постепенное мирное проникновение в ткань капиталистической экономики социалистических принципов — равенства, справедливости, социального мира»¹.

Вторые же, наоборот, усматривают в государстве не только и даже не столько добро по отношению к большей части общества, а в исключительных случаях, как это имеет место в теории «международного анархизма», ко всему обществу, сколько зло.

Поскольку «удовлетворение народной страсти и народных требований для классов имущих и управляющих решительно невозможно», писал в своей известной работе «Государственность и анархия» один из теоретиков анархизма М. А. Бакунин, то «поэтому остается одно средство — государственное насилие, одним словом, государство, потому что государство именно и значит насилие, господство посредством насилия, замаскированного, если можно, а в крайнем случае — бесцеремонного и откровенного»². Если существует государство, то там «непреренно есть господство, — заключал автор, — следовательно, и рабство; государство без рабства, открытого или маскированного, немислимо, — вот почему мы враги государства»³.

Очевидно, что ответить на главный вопрос, что есть государство, в чем его суть, каковы его содержание и назначение, чему, а точнее, кому оно служит, а кому прислуживает, можно лишь комплексно и системно, с учетом всех сторон процесса его образования, становления и функционирования.

Только с использованием системного метода можно с определенной долей условности определить также уровень полезности того или ино-

¹ Лужков Ю. Развитие капитализма в России. 100 лет спустя. М., 2005. С. 70.

² Бакунин М. А. Государственность и анархия // Антология политической мысли: в 5 т. Т. IV. Политическая мысль в России. Вторая половина XIX—XX в. М., 1997. С. 29.

³ Бакунин М. А. Указ. соч. С. 31.

го конкретного государства для большей части или для всего общества и его эффективности; установить степень и соотношение «заложенных» в нем относительно интересов и ценностей всего общества, а также стоящих у власти кланов, социальных слоев или классов, добра и зла; попытаться разработать и предложить современному обществу, в особенности такому, стоящему на перепутье от «развитого социалистического общества» к «благостно-демократическому» капиталистическому обществу, как нынешнее российское общество, наиболее адекватную его интересам и ценностям и наиболее приемлемую для него модель государства¹.

Ибо современная модель правового государства в России, где, по наблюдению ученых-специалистов в области конституционного права, все рычаги политической и государственной власти находятся «в руках блока», состоящего из прежней номенклатуры; слоя чиновников, «получивших и захвативших дискреционные полномочия по принятию решений (прежде всего по переделу собственности)»; «новой буржуазии» — «новых русских», выросших в основном из среды мафиозных группировок и из среды «красных директоров»; а также из региональной номенклатуры, «сумевшей вырвать себе привилегии у центральной власти»², — эта модель «правового», псевдodemократического государства с точки зрения интересов подавляющего большинства полунищих российских граждан, проживающих в одной из богатейшей по своим природным и иным условиям стран мира, страдает явной ущербностью и отчужденностью.

Системный характер исследования государства, равно как и права или любых иных явлений, институтов и учреждений, не является произвольным, а в решающей степени зависит от характера самого предмета системного познания — от характера внутригосударственных связей и взаимодействий различных государственных органов и организаций, от характера их взаимоотношений с властными структурами и с обществом, от особенностей форм правления, форм государственного устройства и государственного, а шире — политического режима.

Иными словами, характер и особенности методологии системного познания государства в преобладающей степени обуславливаются характером и особенностями предмета этого познания — государства. Каково с точки зрения уровня системности состояние государства, таковыми будут и особенности его системного познания, а вместе с тем и результат этого познания.

Разумеется, речь в данном случае идет об адекватности отражения через механизм системного познания реально существующей государственной действительности, а не о виртуальной абстрактности, именуемой в силу разных причин демократическим, правовым, цивилизованным или иным государством.

¹ См.: Черненко А. К. Теоретико-методологические проблемы формирования правовой системы общества. Новосибирск. 2004. С. 274—279.

² Чиркин В. Е. Конституционное право в Российской Федерации. М., 2002. С. 62.

2. Рассматривая государство — официального представителя всего общества в системном плане с выделением его различных элементов, следует обратить внимание прежде всего на такой его признак, как *целостность, в решающей степени зависящую от целостности общества*, — окружающей государству социальной среды.

В теоретико-методологическом и практическом плане целостность государства понимается как наиболее высокая форма его внутренней организованности, разносторонней связанности, упорядоченности и взаимной дополняемости составляющих его частей¹.

Категория целостности, отмечается в научной литературе, выражает «качественную автономию, самодостаточность предмета, меру интегрированности в рамках сущности его внутренних и внешних условий, меру-способность предмета к самовывдвижению и саморазвитию». Кроме того, целостность рассматривается также как «мера противостояния предмета силам энтропии, разложения, принципом которых выступает бесконечная раздробленность»².

Целостность государства имеет *различные уровни* и проявляется в самых разных сферах и формах. Представляется вполне допустимым рассматривать целостность государства в институциональном, функциональном, информационном и других планах. Причем уровни их целостности, особенно в процессе становления и первоначального развития государства, в силу как объективных, так и субъективных причин не всегда совпадают. Это может проявляться, например, тогда, когда в процессе формирования государственного механизма, состоящего из различных институтов в виде разнообразных органов, учреждений и государственных организаций, имеют место функциональные сбои в их повседневной деятельности, допускаются подмены, дублирование и т. д.

Однако несовпадение разных уровней целостности отдельных составных частей государственного механизма или их отсутствие у некоторых из них вовсе не означает отсутствия данного свойства у государства как такового. Ибо целостность последнего не является простой суммой целостных свойств составляющих его структурных элементов и иных его составных частей. Это *интегративное*, или, как его обычно называют исследователи, *системное качество*, возникающее у государства не в результате механического сложения соответствующих свойств его элементов или частей, а в результате их повседневной взаимосвязи и взаимодействия, направленных на достижение общих целей, стоящих перед государством, и на решение возникающих на каждом этапе развития общества общих для всех его составных элементов и частей задач.

3. Говоря о целостности государства как об одном из весьма важных его системных признаков, следует заметить, что проблема определения, а главное, формирования и сохранения данного свойства государственной организации во все времена существования и функционирования государственного механизма стояла в центре внимания философов,

¹ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 128—131.

² Краткий философский словарь / под ред. А. П. Алексеева. М., 2000. С. 356—357.

историков, политических и государственных деятелей, а также юристов — теоретиков и практиков.

Еще в глубокой древности китайский философ и политический деятель Мо-Цзы (479—400 гг. до н. э.), обращаясь к проблеме установления и поддержания в стране порядка и целостности государства, писал, что «ныне в Поднебесной служилые и благородные великие люди — ваны и гуны, если только они желают сделать богатой свою страну, умножить ее население, упорядочить управление и наказания, утвердить свой престол, должны почитать единство»¹. Связывая целостность государства и единство страны с благополучием общества и порядком как самоценностью, автор философски рассуждал: «Чтобы навести порядок в стране, нужно знать причину беспорядков. Если знаешь причину беспорядков, то, устранив эту причину, приведешь страну к процветанию и спокойствию; если не знаешь причины беспорядков, то невозможно навести порядок в стране»².

Проблема целостности и органического единства государства рассматривалась философами и политическими мыслителями разных стран и в более поздние периоды развития общества.

Известно, например, что Т. Гоббс в начале XVII в. определял государство как «единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты»³.

Ф. Гегель рассматривал в конце XVIII — первой половине XIX в. целостность и единство государства фактически в виде «власти государя, в которой различные власти объединены в индивидуальное единство, и которая, следовательно, есть вершина и начало целого — конституционной монархии». Монарх — один, рассуждал философ, в правительственной власти выступает несколько человек, а в законодательной власти — вообще множество. Но подобные «чисто количественные различия, — заключал автор, — лишь поверхностны и не сообщают понятия предмета»⁴.

Немецкий юрист Г. Еллинек, исследуя в начале XX в. различные формы проявления и уровни целостности государства, определял его как «обладающее первичной господствующей властью союзное единство оседлых людей»⁵.

Сходные по своей целевой установке и направленности определения целостности государства, исходящие в своей основе из того, что от уровня развития данного свойства государства и от степени единства

¹ *Мо-Цзы*. Почитание единства. Ч. II // История политических и правовых учений: хрестоматия. Ч. I / сост. В. В. Ячевский. Изд-во Воронежского ун-та, 2000. С. 74.

² *Мо-Цзы*. Указ. соч. С. 75.

³ *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Ч. II. О государстве // История политических и правовых учений: хрестоматия. Ч. I. С. 374.

⁴ *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. М., 1990. С. 185.

⁵ *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. Спб., 1908. С. 131.

его составных частей¹ во многом зависит эффективность государства, содержались также в работах других многочисленных авторов-философов, политических и государственных деятелей, а также юристов.

Исключение из этого общего правила составляет, пожалуй, позиция Аристотеля, высказанная и обоснованная им в его известном сочинении под названием «Политика». Государство, писал мыслитель по поводу целостности и единства данного образования, «при постоянно усиливающемся единстве перестает быть государством». Ведь по своей природе, рассуждал автор, «государство представляется неким множеством. Если же оно стремится к единству, то в таком случае из государства образуется семья, а из семьи — отдельный человек: семья, как всякий согласится, отличается большим единством, нежели государство, а один человек — нежели семья». Таким образом, подытоживал философ, «если бы кто-нибудь и оказался в состоянии осуществить это, то все же этого не следовало бы делать, так как он тогда бы уничтожил государство»². Ибо оно «не может быть по своей природе до такой степени единым, как того требуют некоторые; и то, что для государств выставляется как высшее благо, ведет к их уничтожению, хотя благо, присущее каждой вещи, служит к ее сохранению»³.

Следует заметить, что к такого рода необычному выводу мыслитель пришел, рассматривая государство как не особую, обладающую властными полномочиями организацию всего общества, а как само общество. «Общество, состоящее из нескольких селений, — писал автор, — есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни». Отсюда следует, делал вывод мыслитель, что «всякое государство — продукт естественного возникновения, как и первичные община: оно является завершением их»⁴.

4. Выделяя целостность государства как один из его системных признаков, теоретически и практически важным представляется иметь в виду, что данный признак органически связан и взаимно дополняется другими его системными признаками, которые свойственны не только государству как системе, но и всем иным явлениям, институтам и учреждениям, рассматриваемым в системном плане.

Речь идет о таких традиционных для любой системы признаках, как наличие структурных элементов, существование системообразующих связей между ними, наличие разнообразной окружающей среды, формирование у явлений, институтов и учреждений проявляющихся в виде системы интегративных (системных) свойств и качеств, выделяющих их среди других, несистемных феноменов.

¹ См. об этом: *Еллинек Г.* Указ. соч. С. 127—131.

² *Аристотель.* Политика. Кн. 2 // История политических и правовых учений: хрестоматия. Ч. I. С. 151.

³ *Аристотель.* Указ. соч. С. 152.

⁴ *Аристотель.* Указ. соч. С. 146.

Вполне естественно и понятно исходя из институциональных, функциональных и иных особенностей рассматриваемых в системном плане явлений, институтов и учреждений, что у каждого из них системные признаки с точки зрения их формы и содержания проявляются далеко не одинаково. Однако, несмотря на специфику их формирования и проявления, все они создают в каждом отдельном случае общее представление как о предмете, так и об объекте системного исследования.

Применительно к государству как к системе, так же как и в отношении к другим объектам и предметам системного познания, специфика системных признаков данного феномена обуславливается специфическим характером самой исследуемой материи в целом, равно как и ее отдельных составных частей. В силу этого, например, при системном исследовании институционального механизма государственной организации в качестве структурных элементов данной, частной по своему характеру, системы будут выступать ее отдельные институты. При рассмотрении государства в функциональном плане в качестве структурных элементов данной частной системы, выступающей по отношению к государству в целом в виде подсистемы, будут выделяться и рассматриваться его отдельные направления деятельности — функции.

В процессе системного познания государства в теоретико-идеологическом отношении в качестве структурных элементов данной подсистемы будут вступать формирующие ее теории и идеи.

Аналогично обстоит дело со спецификой форм выражения и содержания структурных элементов также и других сторон и аспектов государственного механизма, рассматриваемого в системном плане. Будучи органически связанными между собой и взаимодействующими друг с другом, данные и им подобные элементы оказывают прямое влияние не только друг на друга, но и на состояние государственного механизма в целом.

Это обусловлено прежде всего тем, что как в теоретическом, так и в практическом плане государство, будучи целостным, системным образованием, выступает по отношению к формирующим его институциональным, функциональным и иным частным системам в виде вбирающей их в себя *общей системы*, или, как такого рода системы именуются в научной литературе, в виде мета- или мегасистемы.

Структурными элементами государства, рассматриваемого в системном плане и представляемого в виде общей системы, теоретически и практически будут считаться *частные системы*. От уровня развития и состояния последних как частных систем в прямой зависимости находится уровень развития и состояние их общей системы-государства. Чем выше уровень их развития и чем устойчивее их состояние, тем стабильнее и самодостаточнее будет государство. И наоборот.

В тех случаях, когда в силу различных объективных или субъективных причин нарушается деятельность какой-либо частной системы, данное явление, в зависимости от его силы и значимости, может иметь как преимущественно локальный, ограничиваясь пределами этой частной системы, так и широкомасштабный, глобальный характер, распространяясь на другие частные системы и на весь государственный механизм

в целом. Если такого рода негативные явления, возникшие в пределах одной или нескольких частных систем, существенно сказываются, а тем более парализуют деятельность других частных систем и всего государства как общей системы в целом, то это рассматривается и именуется *системным кризисом*. Примером подобного явления может служить кризис российской государственности начала и конца 90-х гг. XX в. В первом случае паралич власти и государства был связан с государственным переворотом в стране, осуществленным определенными кругами во главе с бывшим первым секретарем Свердловского обкома КПСС Б. Ельциным и с последующим за этим захватом («приватизацией») этим же кругом лиц основных отраслей бывшей государственной («общенародной») собственности.

Во втором случае кризис и без того «парализованного государства», по выражению нынешних высокопоставленных лиц¹, был связан с наступившим в 1998 г. нашу страну дефолтом, явившимся в конечном счете прямым следствием проводившихся в предшествующие годы и в данный период в стране «демократических» реформ.

5. Целостность государства как один из его системных признаков неразрывно связана и зависит не только от уровня взаимодействия его различных структурных элементов, но и *от характера возникающих в его пределах разнообразных связей*.

Применительно к системному анализу государства речь идет в первую очередь о таких жизненно важных для его нормального существования и функционирования в виде целостного образования связях, как *системообразующие*, стягивающие все его структурные элементы в единое целое, и *системоразрушающие связи*, подрывающие, а в некоторых случаях даже разрушающие целостность государства.

Рассматривая процесс образования и развития последних внутри государственного механизма и других политических организаций, вызванных расхождениями между формирующими их институтами, известный отечественный философ и экономист А. А. Богданов писал в своем основном сочинении под названием «Всеобщая организационная наука»: «Интересно наблюдать расколы политических организаций. Приходилось иногда видеть, что в момент самого разрыва различия едва уловимы, самими деятелями формулируются весьма неясно и сбивчиво, причем даже одна сторона приписывает другой те самые отрицательные черты, какие та приписывает ей. Но после раскола уже через короткое время обнаруживаются значительные расхождения — тактические, программные, теоретические; они явно возрастают; и все более возрастает необходимая величина тех воздействий, которые могли бы вновь спаять разорванное»².

Целостность государства как общей системы, равно как и любых иных мегасистем, сохраняется во всех тех случаях, когда поддерживается определенный *баланс сил и возможностей формирующих ее частных*

¹ Аргументы и факты. 2009. № 38. С. 4.

² Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Кн. 2. М., 1989. С. 11.

систем, когда центростремительные силы и порождаемые ими системообразующие связи уравниваются или превышают центробежные силы и продуцируемые ими системоразрушающие связи. При этом уровень и характер целостности государства-системы находится в прямой зависимости от уровня и характера соотносящихся друг с другом частных систем и соответственно порождаемых в процессе их взаимосвязи и взаимодействия системообразующих и системоразрушающих связей.

Аналогично обстоит дело с целостностью государства как общей системы не только в плане соотношения его с частными системами и с возникающими внутри него системообразующими и системоразрушающими связями, но и в плане соотношения данной целостности с окружающей социальной средой.

В связи с этим нельзя не вспомнить заслуживающие внимания слова А. А. Богданова, занимавшегося проблемами «сохранения» государственных и иных систем, о том, что «сохранение», означающее нормальное существование и функционирование системы, которое «никогда не бывает абсолютным, а всегда лишь приблизительным», является результатом «подвижного равновесия систем с ее средой»¹. Такое «сохранение», рассуждал автор, образуется и поддерживается «двумя потоками активностей — ассимиляцией, поглощением и усвоением активностей извне, и дезассимиляцией, разусвоением активностей, их потерей, переходом их во внешнюю среду»².

Последняя как один из важнейших атрибутов любой системы, включая государство, представляет собой весьма сложное и многогранное явление. В структурном и функциональном плане *внешняя среда* логически подразделяется, в зависимости от природы и характера своих составных компонентов, на две основные части. А именно — на так называемую интрасоциетальную и экстрасоциетальную среду³.

По отношению к государству первая выступает в виде тех негосударственных систем, а также «множества типов поведения, отношений, идей, теорий, межличностных и иных связей, которые возникают вместе с государством на основе и в рамках одного и того же общества и которые являются вместе с ним фрагментами этого общества»⁴.

Что же касается второй, экстрасоциетальной части окружающей государство как систему среды, то она включает все внешние как по отношению к государству, так и по отношению к «его» обществу системные и иные явления, оказывающие на него непосредственное и опосредованное (через интрасоциетальную часть среды) влияние.

¹ Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Кн. 2. М., 1989. С. 13.

² Богданов А. А. Указ. соч. С. 13.

³ См.: Истон Д. Категории системного анализа политики // История политических и правовых учений: хрестоматия. Ч. I / сост. В. В. Ячевский. Изд-во Воронежского ун-та, 2000. С. 969—971.

⁴ Истон Д. Указ. соч. С. 969.

Естественно, что влияние может быть как позитивным, способствующим дальнейшему укреплению и развитию государства, так и негативным, сдерживающим его развитие.

В зависимости от характера воздействия на государство-систему со стороны окружающей его среды и способности государства создавать механизмы приспособления его к изменяющимся условиям в полной мере предопределяется такое его качество, как адаптивность, а вместе с тем его возможность и способность адекватно своим интересам отвечать на вызовы времени.

В тех же случаях, когда государства-системы не могут в одиночку справиться с нарастающими негативными, «возмущающими» их экономическими, социальными, политическими или иными воздействиями — вызовами среды, они объединяются для защиты и продвижения общих интересов в соответствующие союзы. Одним из наиболее ярких примеров такого объединения может служить объединение в 1992 г. европейских государств в Евросоюз с целью сохранения самих себя и всей Европы, культурный и цивилизационный закат которой был предсказан О. Шпенглером еще в начале XX в.¹

Создавая новые системные образования в виде союзов, равно как и укрепляя свою собственную целостность, государства тем самым порождают новые и усиливают уже существующие у них интегративные качества, проявляющиеся в виде значительного повышения их роли в современном мире, их социально-политической и иной значимости и эффективности.

Известный философ явно ошибался, характеризуя государство как «застывшую историю», а историю как «текущее государство» и заявляя при этом, что «только выдуманное теоретиками государство представляет собой систему».

Государство, как свидетельствует тысячелетний опыт его существования и функционирования, это не «застывшая история», а весьма динамичное, постоянно развивающееся и совершенствующееся системное явление, которое играет трудно переоценимую и все более возрастающую в жизни общества роль по мере усиления его целостности и других системно-интегративных качеств.

При этом государство как социальное в самом широком смысле явление развивается и совершенствуется не только и даже не столько в силу его внутренних, сколько внешних по отношению к нему факторов, обусловленных процессами развития и совершенствования общества.

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М., 1999.

ЛЕКЦИЯ 10. ПРАВО КАК ЯВЛЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

- Многогранный характер права как явления природы и культуры.
- Дескриптивный подход к пониманию права. Основные признаки права.
- Системный характер права.
- Институциональное и функциональное содержание права.

Многогранный характер права как явление природы и культуры

1. Среди различных социальных, социально-политических и иных явлений, институтов и учреждений право наряду с государством и обществом отличается своей сложностью, многогранностью, а нередко и внутренней противоречивостью.

В силу этого глубокое и разностороннее познание права с неизбежностью требует рассмотрения его под разными углами зрения с позиции различных дисциплин, включая социологию, и в разных аспектах.

Процесс познания права, так же как и многих других сложных явлений, органически связан с решением возникающих при этом проблем, касающихся понятия права как такового вообще и формирования представления о нем — правопонимания в частности; генетики — природы права; его функционального и социального назначения; процесса правотворчества, гарантий права и его применения; характера отношений права с государством и обществом; регулятивной и иной роли права по отношению к окружающей его социальной среде и др.

Не имея возможности подробно останавливаться на рассмотрении данных и иных им подобных проблем, анализу которых в юридической литературе традиционно уделяется значительное внимание, остановимся на раскрытии лишь некоторых из них, дающих общее представление о генетической составляющей права и в целом о правопонимании.

2. Генетическая составляющая права в отличие от других его сторон и аспектов, касающихся, скажем, сущности, содержания, форм его проявления, социальной роли и назначения права, ориентирует исследователя на познание его изначальной природы, причин его возникновения и развития, характера связей правовой материи с обществом, государством и с окружающей ее социальной и природной средой¹.

В ранней, а отчасти и в современной юридической литературе бесконечные и порой бесплодные споры велись по вопросу о том, что в человеческом сообществе появилось раньше, а следовательно, что предшествовало чему: государство праву или, наоборот, — право государству.

Одни авторы, как известно, настаивали на том, что исторически и генетически государство первично, а право вторично. Другие исходили из первичности права, которое возникает раньше государства, «сдерживает и ограничивает его», и вторичности государства. Третьи же исследователи развивали идеи и приводили доказательства относительно одновременного возникновения и параллельного развития государства

¹ Подробнее об этом см.: *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права: учеб. пособие (по изд. 1910—1912 гг.). Т. 1. Вступит. статья М. Н. Марченко. М., 1995. С. 256—265.

и права. Данная точка зрения, отстаиваемая, в частности, Г. Еллинеком, появилась отчасти по причине фактической недосказанности ранее развивавшихся взглядов относительно первичности государства перед правом или права — перед государством. «Если понимать под государством политическое общение современных народов, — размышлял автор, — то право, без сомнения, существовало и до него, но если мыслить государство динамически и определять его как высший в данную эпоху основанный на власти союз, то ответ получится совершенной иной»¹.

Рассматривая сложившиеся точки зрения и сам вопрос о первичности государства по отношению к праву или права к государству, нельзя не заметить, что данный вопрос по своему существу и содержанию является составной частью другого, более общего и более глубинного вопроса, касающегося изначальной природы государства и права.

Речь при этом идет не только и даже не столько о соотношении государства и права, об их первичности и вторичности, сколько о характере связи их в момент своего возникновения и становления, взаимоотношения их с природой и социальной средой. Применительно к праву, так же как и к государству, вопрос ставится таким образом: является ли правовая материя порождением естественной природной или социальной среды? В связи с этим допустимо ли рассматривать право только как явление природы или как явление человеческой культуры (общества) или же одновременно как явление природы и культуры?

Ведь общеизвестно, что право, равно как и государство, является творением разума, воли и рук человеческих. Это аксиома. В этом смысле, несомненно, прав был мыслитель, когда, рассуждая о природе права и о его связи с государством, писал, что «конечно, жизнь человеку была дана гораздо раньше возникновения государства, но право на жизнь возникло только с образованием государства».

Разумеется, в данном случае *речь идет лишь о позитивном праве*, о праве, которое издается или санкционируется государством. Исходя из этого с полной уверенностью можно сказать, что позитивное право, как порождение и продукт волевой деятельности человека на современном этапе развития человеческой цивилизации выступает преимущественно как социальное, а не природное явление.

При этом имеется в виду уже сложившаяся цивилизация и укрепившееся в ее пределах государство, которое как суверен, носитель власти и официальный представитель своего народа постоянно продуцирует общеобязательные акты, имеющие волевой и соответственно сугубо социальный характер.

Но являлось ли таковым то, что именовалось правом на заре человеческой цивилизации, в период своего возникновения и первоначального развития, когда под вопросом стояло и стоит существование самого государства? Могло ли право быть в момент своего (безгосударственного?) зарождения и первоначального существования в виде различных обычаев и табу сугубо социальным явлением как в более поздние пе-

¹ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 266.

риоды развития человеческой цивилизации? Или наряду с социальными компонентами в его содержании значительное место занимали и природные компоненты?

К тому же, отвечая на данные и им подобные вопросы, не следует упускать из поля зрения тот общественный факт, что помимо позитивного (положительного) права, исходящего от государства в реальной действительности, в дополнение к позитивному праву или, наоборот, всегда существовало и существует порожаемое самим обществом естественное право. При этом также встает подобного рода вопрос о том, является ли естественное право сугубо социальным феноменом, имея в виду, что оно создается как и позитивное право лишь в рамках общества и на основе общества или же оно одновременно выступает и как природный феномен?

В научной литературе, посвященной рассмотрению проблем социального и природного в праве, традиционно сложилось два взаимосвязанных между собой общим предметом исследования, но тем не менее значительно отличающихся друг от друга подхода.

Первый из них, не исключая, а в некоторых случаях даже подчеркивая в своей основе социальный характер права, одновременно акцентирует внимание на его природных — биологических, психических и им подробных корнях¹.

Известно, что еще Цицерон (106—43 гг. до н. э.), рассуждая в своей работе «О государстве», на тему о соотношении социального и природного в праве писал, что «если право не будет корениться в природе, то все доблести уничтожатся». И в самом деле, вопрошал он, «где будет существовать благородство, любовь к отечеству, чувство долга, желание служить ближнему или проявить свою благодарность ему? Ведь все это рождается от того, что мы по природе своей склонны любить людей, а это и есть основа права». И далее: «Несомненно, что жить в согласии с природой — высшее благо; это значит вести жизнь умеренную и согласную с доблестью; но следовать природе и как бы жить по ее закону, т. е. (насколько это зависит от человека) не упускать ничего такого, что позволяет достигнуть того, чего требует природа»².

Много веков спустя, касаясь вопроса о соотношении социального и природного в праве, Ш. Монтескье (1689—1755) доказывал в своей работе «О духе законов», апеллируя к природе, что «законы в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей» и что всем социальным законам «предшествуют законы природы, названные так потому, что они вытекают единственно из устройства нашего существа». И чтобы «основательно ознакомиться с ними, надо рассмотреть человека во время, предшествовавшее обра-

¹ Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999; Ковлер А. И. Антропология права. М., 2002; Социальная антропология права современного общества / под ред. И. Л. Честнова. СПб., 2006; др.

² Цицерон Марк Тулий. О государстве: В кн.: История политических и правовых учений: хрестоматия. Белгород, 1999. С. 55.

зованию общества», поскольку «законы, по которым он жил в том состоянии, и будут законами природы»¹.

Следует заметить, что вопросы соотношения социального и природного в праве с упором на органическую (на «генетическом» уровне) связь права с природой человека и общества рассматриваются и активно обсуждаются в юридической отечественной и зарубежной литературе и в настоящее время². Особенно четко это прослеживается в антропологических концепциях государства и права.

Другой подход к рассмотрению проблем социального и природного в праве исходит из несомненного приоритета социального по отношению к природному.

Наиболее отчетливо данный подход проявляется в доктринах и учениях, относящихся к *этическому позитивизму*, который независимо от его моделей и проявления рассматривает право не иначе как «систему велений и предписаний государства, адресованных гражданам и их объединениям».

В своих крайних вариантах этитический позитивизм, как верно подмечается исследователями, «почти полностью растворяет сущность права в государстве, рассматривает право как нечто вторичное по отношению к государству, как функцию государства, его инструмент»³. Иными словами, крайний вариант этитического позитивизма лишает право какой бы то ни было самостоятельности и полностью подчиняет его государству.

В плане рассматриваемого вопроса о соотношении в праве социального и природного это означает, что социальное как волевое в праве, исходящее от государства — социального в широком смысле слова феномена, полностью вытесняет из его содержания природное.

Аналогично обстоит дело не только с крайними, но и с умеренными направлениями этического позитивизма. С той лишь разницей, что, если крайний позитивизм отдает все право на откуп государству, целиком и полностью подчиняет его государству, *умеренный позитивизм*, рассматривая право как «государственное средство регулирования общественных отношений, инструмент реформ и изменений, осуществляемых в обществе государственной властью», пытается связать через право государство с обществом, т. е. «решить ту же задачу, которую ставит перед собой социологический позитивизм»⁴.

При этом право, будучи органически связанным с государством и находящимся под контролем государства, рассматривается также сквозь призму интересов общества. Оно, по мнению авторов, исходя-

¹ *Монтескье Ш.* О духе законов. В кн.: История политических и правовых учений: хрестоматия. Воронеж, 2000. С. 401—402.

² *Шафиров В. М.* Правопонимание: человекоцентристский подход. В кн.: Теоретические и практические проблемы правопонимания. Матер. III Междунар. науч. конференция, сост. 22—29 апреля 2008 г. в Рос. акад. правосудия / под ред. В. М. Сырых и М. А. Заниной. М., 2010. С. 86—91.

³ *Мальцев Г. В.* Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 152.

⁴ *Мальцев Г. В.* Указ. соч. С. 152.

ших в прямой или косвенной форме из приоритета в содержании права социального компонента по отношению к природному, представляет собой «равнодействующую двух сил, из которых одна имеет своим источником интересы властвующих, а другая — интересы подвластных. Право, поддерживаемое государством, есть результат соотношения государственных и общественных сил»¹.

Если государственная власть «есть основанная на силе воля властвующих, — приходил к выводу вместе с другими авторами Г. Ф. Шершеневич, — то выдвигаемые ею нормы права должны прежде всего отражать интересы самих властвующих». И далее: «Те, в чьих руках власть, вводят поведение подвластных в те нормы, которые наиболее отвечают интересам властвующих. Нормами права поведение подвластных приспособляется к интересам властвующих»².

4. Анализируя подобного рода положения и идеи, касающиеся, по сути, доминирования в различных проявлениях (социально-классовые противоречия, социальная солидарность и т. п.) в содержании права социального компонента по отношению к природному и, в принципе, разделяя их, следует вместе с тем обратить внимание на недопустимость полного игнорирования природного элемента. И, наоборот, точно так же выдвигая на первый план в содержании права его природную составляющую, не следует упускать из поля зрения при этом и его социальную составляющую.

В праве, как и в других социальных явлениях, институтах и учреждениях, порожденных как государством, так и обществом, в их сути и содержании, в причинах их возникновения и развития, в стоящих перед ними целях и назначении, всегда содержался и содержится, хотя и в разной пропорции, и социальный, и природный элемент.

На основе антропологических и им подобных исследований можно предположить, что на ранних стадиях развития человеческой цивилизации, в условиях зарождающегося и формирующегося социума, в котором природное преобладало по отношению к социальному, в содержании возникающего на базе данного социума права, соответственно природное доминировало над социальным.

По мере развития человеческой цивилизации, совершенствования общества и государства соотношение между ними последовательно менялось в сторону увеличения в содержании права логического объема социального и соответственно уменьшения природного. В настоящее время можно со значительной долей уверенности сказать, что в современном позитивном праве, непосредственно исходящем от государства или санкционированным государством, социальное, несомненно, доминирует по отношению к природному. В реальной действительности позитивное право выступает преимущественно как социальное явление, которое возникает и развивается на базе сложившегося социума и вместе с тем обслуживает этот социум.

¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 261.

² Там же. С. 260.

Однако, как и во всех подобного рода случаях, когда речь идет о соотношении, а тем более о доминировании социального по отношению к природному, равно как и наоборот, данное состояние и соответствующее свойство права не следует абсолютизировать. «Преимущественное» преобладание социального в характере и содержании права вовсе не равнозначно его «исключительному», или «абсолютному», преобладанию. Ибо в праве, на каком бы этапе развития человеческой цивилизации оно ни проявлялось, всегда был и остается наряду с социальным определенный природный компонент.

Помимо всего прочего наличие его обусловлено прежде всего тем, что, формируя право, законодатель во избежание его низкой эффективности или же полной несостоятельности не может не учитывать, помимо возникающих в обществе экономических, политических, идеологических и иных проблем, на разрешение которых в системе соответствующих средств направлено право, также географические (Заполярье, Крайний Север и т. д.) условия окружающей среды, психологические, возрастные (пенсионер, несовершеннолетний и др.), половые и иные природные особенности людей, которым адресуется тот или иной издаваемый правовой акт, а вместе с ним и все законодательство в целом. Социальные и природные феномены, отражаясь в праве, не только наполняют его содержание, но в решающей степени предопределяют его роль в государственной и правовой жизни и его социальное назначение.

Дескриптивный подход к пониманию права. Основные признаки права

1. Несмотря на то что право в течение многих веков находится в поле зрения исследователей, в юридической науке до сих пор не выработано единого представления о нем¹, и в силу этого многие проблемы, касающиеся правопонимания, едва ли не стали вечными и неизменными². Об этом со всей очевидностью свидетельствует государственно-правовой опыт многих стран, а также многочисленные исследования, проводившиеся по данной тематике в течение ряда последних столетий в юридической науке.

Так, еще в конце XVIII столетия основоположник немецкой классической философии И. Кант в своей работе «Метафизика нравов» (1797) не без основания констатировал, что вопрос о том, что «такое право может смутить правоведа, если только он не хочет впасть в тавтологию или вместо общего решения сослаться на то, что утверждали когда-либо

¹ *Ершов В. В.* Теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения. В кн.: Теоретические и практические проблемы правопонимания / под ред. В. М. Сырых, М. А. Заниной. М., 2010. С. 14–30.

² См.: *Daries H., Holdcroft J.* Jurisprudence: Text and Commentary. L., 1991; *Harris J.* Legal Philosophies. N.Y., 1997; *Morrison W.* Jurisprudence, from the Greeks to cal Legal Theory. N.Y., 1998, etc.

законы какой-нибудь страны». И далее: «Что следует по праву (*quid sit iuris*), т. е. что говорят или говорили законы в том или ином месте, в то или другое время, он (правовед. — *Прим. авт.*) еще может указать; но право (*rectit*) ли то, чего они требуют, и каков всеобщий критерий, на основании которого можно вообще различать правовое и неправовое (*justit et iniustum*), — это остается для него тайной, если он хоть на время не оставляет указанные эмпирические принципы и не ищет источник этих суждений в одном лишь разуме...»¹

Столетие спустя, в конце XIX — начале XX в., другой немецкий ученый, известный юрист Р. Иеринг, касаясь проблем правопонимания, также акцентировал внимание на их нерешенности и недостаточной ясности в отношении того, что обычно именуется правом. Как известно, писал он в своей небольшой по объему, но весьма содержательной работе «Борьба за право» (1908), термин «право» является довольно неопределенным и обычно употребляется «в двух значениях: в объективном и в субъективном».

В первом смысле право означает «совокупность всех защищаемых государством правовых положений, законный порядок жизни». А во втором под правом понимают «конкретное проявление абстрактных правил в конкретном правомочии личности»².

Аналогичные суждения о неопределенности понятия права и отражаемого им явления, а также о нерешенности проблем правопонимания высказывались различными отечественными и зарубежными авторами и в более поздний период. В частности, в первой половине XX в. об этом многократно говорил один из крупнейших теоретиков права, австрийский юрист Г. Кельзен. В своей известной работе «Чистая теория права» (1934) он особо акцентировал внимание на том, что «теория права должна прежде всего определить понятие о своем предмете». Чтобы дать определение права, подчеркивал ученый, «следует начать со словоупотребления, т. е. установить, что означает слово “право” в немецком языке и его эквиваленты в других языках (*law, droit, diritto* и т. д.). Следует выяснить, имеют ли социальные явления, обозначаемые этим словом, сходные признаки, отличающие их от других сходных явлений, и достаточно ли значимы эти признаки для того, чтобы служить элементами понятия социальной науки». В результате такого исследования, заключал автор, «могло бы выясниться, что словом “право” и его иноязычными эквивалентами обозначаются столь различные предметы, что никакое общее понятие не может охватить их все»³.

Наконец, следует заметить, что вопросы, касающиеся неопределенности понятия права и нерешенности проблем правопонимания, вызывали бесконечные споры на протяжении всей второй половины

¹ Кант И. Метафизика нравов // История политических и правовых учений: хрестоматия / под ред. О. Э. Лейста. М., 2000. С. 251.

² Иеринг Р. Борьба за право. Спб., 1908. С. 5—6.

³ Кельзен Г. Чистое учение о праве // История политических и правовых учений: хрестоматия / под ред. О. Э. Лейста. М., 2000. С. 480—481.

XX в. и что они остаются спорными и вместе с тем весьма актуальными как в российской, так и в зарубежной юриспруденции и поныне.

Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные монографии, брошюры и статьи, опубликованные в данный период¹, а также проводившиеся по проблемам правопонимания дискуссии.

Одной из таких дискуссий, состоявшихся в рассматриваемый период, была дискуссия о понимании советского права. Она проводилась в конце 1970-х гг. под эгидой журнала «Советское государство и право» и получила весьма широкий резонанс не только среди советских, но и среди зарубежных исследователей права. Среди вопросов, предлагавшихся для обсуждения ее участниками, были, в частности, такие, как о различных подходах к пониманию права, о возможности и «принципиальной допустимости» существования одного или нескольких определений права, о соотношении права с другими элементами правовой надстройки и др.²

Анализируя характер поставленных вопросов и содержание выступлений участников данной дискуссии, нетрудно заметить, что исходным положением практически во всех выступлениях была констатация факта нерешенности проблем правопонимания и определения понятия права в отечественной и зарубежной юридической литературе, а основной целью их была попытка сделать если не прорыв, то хотя бы еще один шаг в решении проблем правопонимания.

Однако, несмотря на прилагаемые в данный и в более поздний период усилия юристов, традиционные проблемы, связанные с выработкой приемлемого для всех определения понятия права и проблемы правопонимания, так и остаются по сей день весьма острыми и нерешенными.

Совершенно прав был Г. В. Мальцев, когда констатировал, что «известное замечание Канта о том, что юристы все еще ищут определение права, остается справедливым и в наши дни»³. Юридическая мысль, от мечал автор, «судя по всему, обречена на бесконечный поиск определения права, побуждаемая к этому практической необходимостью построить правопорядок на фундаменте как можно более надежных, четких и полных знаний о его сущности, предмете правового регулирования». С одной стороны, постоянная неудовлетворенность достигнутым уровнем юридических знаний, вечно актуальное ощущение неполноты права, желание его усовершенствовать, а с другой — возрастающее вместе с опытом понимание относительности результатов, добываемых юридической мыслью, ограниченного и преходящего характера выводов, в «истинность которых люди уже успели поверить»⁴.

¹ См. об этом: *Lomen H. Evolution de's Rechts.* Wien, 1983; *Freeman M. Lloyd's Introduction to Jurisprudence.* N. Y., 1994; *McLeod I. Legal Theory.* L., 1999.

² См.: Советское государство и право. 1979. № 7. С. 56—74; № 8. С. 48—78.

³ *Мальцев Г. В.* Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 3.

⁴ Там же.

2. Говоря о проблемах правопонимания, необходимо отметить, что успешное решение их весьма важно не только само по себе как правовая самооценочность и самодостаточность, но и в связи с познанием других, неразрывно связанных с понятием права явлений и отражающих их категорий и понятий.

В попытках решения проблем правопонимания в юридической литературе в связи с этим используется целый ряд различных методов и подходов. Одним из них является дескриптивный подход.

Дескриптивный подход (*description* — описание) к правопониманию, независимо от того, о каком типе или разновидности идет речь, означает познание права путем выявления, изучения и описания его основных признаков и черт. В юридическую науку этот метод, именуемый в западной литературе концепцией, а в ряде случаев теорией, был привнесен из других областей научного знания, в частности, из «описательной лингвистики знания». Последняя рассматривается как одна из ее отраслей, характеризующаяся «описанием структуры существующих языков безотносительно их истории и вне сравнения с другими языками»¹.

В отечественной юридической литературе описательное правопонимание не получило столь широкого распространения, как на Западе, поскольку в силу сложившихся традиций отечественные авторы в подавляющем большинстве случаев предпочитают заниматься в процессе познания правовой материи, анализом ее содержания и выведением на этой основе очередных ее дефиниций, нежели рассмотрением анализов ее многочисленных и разнообразных проявлений в виде собственных ей признаков и черт.

Однако тем не менее описательное правопонимание, хотя и в незначительной мере, нашло свое отражение в системе отечественного правопонимания, где оно наряду с «генетическим понятием права» воспринимается как описание совокупности признаков, которые «присущи определенной социальной сфере, а именно правовой», без которых эта сфера существовать не может².

Применительно к правопониманию, ассоциирующемуся с правовой материей правового, равно как и любого иного современного государства, дескриптивный подход в полной мере применим как к позитивному, так и к естественному праву.

В сложившейся системе типов правопонимания описательное правопонимание с точки зрения сущного представления о праве занимает, как верно замечают авторы, «вторую, более конкретную логическую ступень понимания права и его характеристик» по сравнению с генетическим типом правопонимания. Смысл, содержание и значение последнего, утверждается в научной литературе, «состоят в определении

¹ Webster's New Universal Unabridged Dictionary. N.Y., 2003. P. 492.

² Черненко А. К. Правопонимание: Диалектический анализ. В кн.: Теоретические и практические проблемы правопонимания / под ред. В. М. Сырых, М. А. Заниной. М., 2010. С. 215.

и фиксации ведущего звена в общей системе правовой детерминации, в выявлении системообразующего фактора»¹.

Несмотря на универсальную применимость описательного правопонимания, т. е. допустимость и возможность его использования в процессе познания сути и содержания как позитивного, так и естественного права, тем не менее, как показывает практика, оно используется преимущественно в сфере позитивного права.

В этом смысле несомненно правы те исследователи, которые утверждают, что «позитивистский подход к праву характеризуется как “дескриптивный”, т. е. “описывающий” содержание права»², и что термин “описательное правопонимание” обычно употребляется тогда, “когда речь идет о позитивистском (нормативистском) подходе”³.

При этом презюмуется, что «классический» позитивизм исходит из таких «утверждений» — основных посылов, согласно которым: а) право есть не что иное, как «команды людей»; б) между правом и моралью не всегда существует прямая или косвенная связь; в) право выступает одновременно как сущее и как должное; г) моральное суждение в отличие от «правового заключения» не может быть подтверждено или доказано с помощью «рациональных аргументов», на основе тех или иных фактов; д) правовая система — это «закрытая логическая система», в рамках которой юридически выверенные решения логически могут приниматься на основе действующих норм безотносительно моральных, политических или иных стандартов и др.⁴

Исходя из тезиса о том, что право как таковое всегда нормативно, поскольку «оно указывает людям на то, что они должны, или что не должны делать», авторы, использующие дескриптивный подход к позитивному, равно как и к любому иному праву, «обслуживающему» правовое или доправовое государство, наряду с основными признаками и чертами права рассматривают одновременно также и его основные функции.

В их числе такие «весьма полезные, но не исчерпывающие» функции права, как «поддержание в сообществе мира и правопорядка; «сохранение (preservation) основных свобод»; «защита частной жизни человека»; «признание и регулирование частной собственности»; «действие благосостоянию общества и укрепления здоровой окружающей человека среды» и др.⁵

3. Как выглядит позитивное право по сравнению с естественным правом и правом как таковым вообще, а точнее, с общим представлением о праве с точки зрения дескриптивного подхода и описательного

¹ Черненко А. К. Указ. соч. С. 214, 215.

² Четвериков В. С. Современные концепции современного права. М., 1988. С. 13.

³ Черненко А. К. Указ. соч. С. 215.

⁴ Hart H. Positivism and the Separation of Law and Morals. In: Jurisprudence and Philosophy. L., 1983. P. 57—58.

⁵ McLeod I. Legal Theory. L., 1999. P. 13, 20.

типа понимания права? Иными словами, какие признаки и черты выделяют позитивное право среди других разновидностей права?

Отвечая на эти и иные им подобные вопросы, вполне резонно было бы воспользоваться советом Е. Н. Трубецкой, который писал, что, для того чтобы «так или иначе разрешить спорный в науке вопрос о существовании права, необходимо прежде всего остановиться на тех признаках определяемого понятия, которые не вызывают сомнения, а затем перейти к тем, которые представляются спорными»¹.

Проблема, однако, заключается в том, что среди существенных признаков, обозначаемых исследователями при позитивистском взгляде на право и дескриптивном подходе нему, с одной стороны, и естественно-правовой его трактовкой — с другой, лишь весьма незначительная часть их и к тому же не предопределяющая само существование права, является бесспорной. Большинство же основных признаков права, называемых авторами, придерживающимися различных точек зрения, вызывают споры и возражения соответственно то с одной, то с другой стороны.

Аналогично обстоит дело и с дефинициями позитивного права, пытающимися вобрать в себя и отразить соответствующие его признаки и черты. Такое, например, по выражению Р. Иеринга, «хотя бы определение права», разделяемое им, как «совокупность действующих в государстве принудительных норм», согласно которым государство рассматривается в качестве «единственного источника права»², подвергается систематической критике как позитивистское определение со стороны приверженцев естественно-правового подхода к праву. Одновременно естественно-правовые и иные непозитивистские определения и подходы к праву подвергаются такой же критике со стороны позитивистов. На это указывает многовековая государственно-правовая практика. Об этом же свидетельствуют многочисленные научные исследования и сами исследователи.

Даже определяя право с нейтральных по отношению к позитивному и естественно-правовому представлению о праве как о внешней свободе, «предоставленной и ограниченной нормой» или, что одно и то же, как «совокупности норм, с одной стороны, предоставляющих, а с другой стороны, ограничивающих внешнюю свободу лиц в их взаимных отношениях», Е. Н. Трубецкой не без оснований замечал, что данное представление о праве, как нетрудно предвидеть, встретит многочисленные возражения со стороны других авторов, поскольку «покажется прежде всего слишком широким»³. Оно, самокритично отмечал автор, «обнимает в себе многое такое, что большинством современных юристов и философов права принято относить не к праву, а к нравственности или к условным правилам общежития». Если держаться высказанного выше определения, заключал Е. Н. Трубецкой, «то придется признать за правовые многие такие нормы, которые не только не пользуются

¹ Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 110.

² Иеринг Р. Цель в праве. Спб., 1881. С. 238.

³ Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 16.

признанием со стороны государственной власти, но и вообще не опираются на санкцию того или другого общественного авторитета, т. е. ряд таких норм, которые господствующим воззрением не признаются за правовые»¹.

С учетом сказанного, а также господствующих в настоящее время воззрений о позитивном праве как регуляторе общественных отношений остановимся на рассмотрении следующих широко признанных его особенностей и черт.

Обратим внимание прежде всего на то, что позитивное право всегда есть *вполне определенные нормы или правила поведения*.

Несомненно, писал по этому поводу Е. Н. Трубецкой, что любое право «выражает собою правило поведения». В каком бы смысле мы ни употребляли слово «право», подмечал ученый, «мы всегда подразумеваем под ним что-то такое, против чего не следует посягать, чего не должно нарушать». С этим словом «в нашем уме всегда связывается то или другое поведение, предписание каких-либо положительных действий или воздержания от действий»².

Право всегда есть прежде всего совокупность, а точнее, система норм. Это не случайный набор случайных норм, а строго выверенная, упорядоченная система вполне определенных правил поведения.

Как и любая иная система, она складывается из однопорядковых, взаимосвязанных и взаимодействующих элементов. Таковыми являются нормы права или правила поведения. Система должна быть внутренне единой и непротиворечивой. Возникающие связи между ее структурными элементами (нормами), как и сами нормы, должны быть направлены на выполнение строго определенных, регулятивных и иных функций, на достижение единых целей. Чтобы стать действенным и эффективным, право должно сложиться как целостная, органическая система. Это одно из непрременных требований и одновременно один из признаков реального, действующего права.

В основе любой системы норм или правил поведения лежат как объективные, так и субъективные факторы. Из объективных факторов выделим однотипные экономические, политические, социальные, идеологические и иные условия, способствующие созданию и функционированию системы правовых норм в той или иной стране. Как конкретные нормы, так и их система в целом не создаются стихийно, произвольно, по желанию и усмотрению тех или иных лиц. Они отражают объективные потребности общества и государства и проецируются на реально существующие экономические, политические и иные отношения. В этом плане, несомненно, прав был К. Маркс, когда писал, подчеркивая объективно обусловленный процесс нормотворчества, что «законодательная власть не создает закона — она лишь открывает и формулирует его»³.

¹ Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 17.

² Там же. С. 11.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 285.

Попытки произвольного, умозрительного конструирования правовых норм или системы правовых норм неизбежно ведут к негативным или же к непредсказуемым последствиям.

Разумеется, процесс создания и функционирования системы норм не только не отрицает, а, наоборот, всячески предполагает существование субъективных факторов наряду с объективными. Речь при этом идет о разработке и осуществлении в той или иной стране научно обоснованной правовой политики, подготовке и реализации планов законодательных работ, об активном участии специалистов-юристов в процессе правотворчества, правоприменения, в правоохранительной деятельности государственных органов.

Говоря о системе норм права, иначе — нормативности права, как об одном из важнейших его признаков, следует отметить, что нормативность вовсе не означает, по мнению ряда авторов, ограниченности или замкнутости права одними только нормами — правилами поведения. Помимо норм и наряду с ними право должно включать, с их точки зрения, другие структурные элементы в виде правоотношений, правовых взглядов и идей, правосознания, субъективных прав граждан.

Спор между сторонниками строго нормативного понимания права, когда оно рассматривается лишь как система норм или правил поведения, и расширительного его толкования имеет длительную историю. Причем такого рода дискуссии распространяются не только на отечественное, но и на зарубежное государствоведение и правоведение. Однако при всей длительности и периодической обостренности споров каждая из сторон, участвующая в них, не только не отрицает, а заведомо предполагает существование системы норм как основного признака узко или широко понимаемого права. Более того, в некоторых случаях «нормативистское» понимание права чуть ли не возводится в абсолют. Г. Кельзен — основоположник нормативистской теории права — склонен, например, рассматривать сквозь призму норм не только само право, но и правовой порядок («правовой порядок представляет собой систему норм»), государство как «установившийся порядок», другие государственно-правовые явления¹.

Позитивное право — это не просто система норм, а *система норм, установленных или санкционированных государством*. В мире существует множество систем социальных норм. Но только система позитивных правовых норм исходит от государства. Все остальные создаются и развиваются негосударственными — общественными, партийными и иными — органами и организациями.

Создавая нормы права, государство действует непосредственно, через свои уполномоченные на то органы или же опосредованно, путем передачи отдельных своих полномочий на издание некоторых нормативно-правовых актов негосударственным органам или организациям. В последнем случае говорят о санкционировании, т. е. даче разрешения

¹ Kelsen H. General Theory of Law and State. L., 1961. P. 110—113, 182.

государством на осуществление ограниченной правотворческой деятельности этим негосударственным органам и организациям.

Означает ли факт издания или санкционирования государством системы норм их полную зависимость от государства и подчинение государству? Является ли право лишь средством в руках государства, одним из его признаков, атрибутов или же оно выступает по отношению к нему как относительно самостоятельный институт?

В отечественной и зарубежной юридической литературе имеется три группы различных мнений на этот счет, *три значительно отличающихся друг от друга суждения, подхода.*

Суть первого состоит в том, что нормы позитивного права рассматриваются, как подмечает Г. Ф. Шершеневич, в виде «требований государства». Государство при этом, считает он, «являясь источником права, очевидно, не может быть само обусловлено правом. Государственная власть оказывается над правом, а не под правом». Государство в свете такого суждения рассматривается как явление первичное, а право — вторичное¹.

Смысл второго, противоположного, подхода заключается в том, что само государство и государственная власть должны носить правовой характер. В основе государственной власти должен лежать «не факт, а право». Государство, хотя оно и издает правовые акты, не может быть источником права, «потому что оно само вытекает из права». Над государством находится право, а не наоборот. Правом сдерживается и ограничивается государство.

Наконец, *третий подход* к определению характера взаимоотношений государства и права состоит в том, что не следует вообще заострять внимание на данном вопросе², поскольку государство и «право настолько соответствуют друг другу, настолько едины», что вопрос о том, что из них первично, а что вторично, «порожден не столько реальной действительностью (и в этом смысле не является вопросом факта), сколько специфически априорным подходом к соотношению этих двух явлений. Этот априорный подход характеризуется либо подчеркиванием государственного волонтаризма, либо выделением абстрактной идеи права как самоцели».

Вывод, к которому приходит автор, венгерский правовед И. Сабо, заключается в том, что «обе эти крайние точки зрения игнорируют действительные взаимосвязи», что в действительности «государство и право находятся друг с другом в функциональном единстве: одно предполагает другое, одно является элементом другого»³.

И. Сабо и другие авторы, разделяющие подобные взгляды, несомненно, правы в том, что в теоретическом, а тем более в практическом плане в значительной мере бессмысленно вести спор о том, что из двух явлений — государство или право — исторически первично,

¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 1. С. 300.

² Сабо И. Основы теории права. М., 1974. С. 169—170.

³ Там же. С. 169.

а что вторично. Однако они не правы, когда речь идет об установлении характера взаимоотношений государства и права. Это уже далеко не бессмысленное занятие, определить, в каком соотношении находятся государство и право теоретически и практически, действует ли государственная власть в рамках закона и является ли она «законной властью» или же нарушает ею же установленные правовые требования и ставит себя, таким образом, в положение незаконной (нелегитимной) власти.

Вопрос о связанности государства правом, о правовых пределах деятельности государства находил живой отклик у многих поколений юристов и неизменно вызывал среди них горячие споры.

Признавая чрезвычайно важную роль государства в процессе создания и реализации норм права, многие юристы исходили и исходят тем не менее из того, что государственная власть не есть «воля», могущая делать что угодно и как угодно, «опираясь на силу», и что «важнейшим служением общему благу со стороны государственной власти является служение праву»¹.

Такой позиции наряду с российским профессором Л. Петражицким придерживался известный французский юрист, основатель теории солидаризма («синдикалистского государства») Л. Дюги. «Вполне возможно доказать, — писал он, — что помимо своего создания государством право имеет прочное основание, предшествует государству, возвышается над последним и как таковое обязательно для него». Государство, доказывал Дюги, должно быть «подчинено норме права», которое находит «свое первое проявление в совести людей, более полное выражение в обычае, в законе и свое осуществление в физическом принуждении государства, которое таким образом оказывается не чем иным, как силой, служащей праву»².

Идеи подчинения государства праву, самоограничения государства, в том числе и с помощью права разделял также видный немецкий социолог и правовед Г. Еллинек. Создавая теорию параллелизма, в соответствии с которой государство и право развиваются параллельно, «идут нога в ногу», и отождествляя государственный порядок с правовым порядком, автор в то же время исходил из того, что создаваемое государством право обязывает не только подвластных индивидов, но и само государство³.

Своеобразную позицию в вопросах соотношения государства и права занимал Л. Гумплович. Последовательно отстаивая мнение о том, что «с высшей исторической точки зрения право и правопорядок являются для государства лишь средством» решения стоящих перед ним задач, он в то же время считал, что «праву присуща тенденция все больше и больше эмансипироваться от своего творца, от государства, тенденция

¹ *Петражицкий Л.* Указ соч. С. 209.

² *Дюги Л.* Конституционное право. Спб., 1908. С. 3.

³ *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. С. 248—285.

освободиться от его влияний и выступать против него в виде самостоятельной силы, в виде правовой идеи».

Если такие отрасли права, как административное право, пояснял автор, «всецело находятся под влиянием государства», то такие институты («сферы») права, как право собственности, по мере развития общества все меньше становятся подверженными влиянию государства, «существуют отдельно и самостоятельно от него».

Окончательный вывод, к которому приходит Гумплович, заключается в следующем: «Природа отношения права к государству основывается на том, что государство силой своей определенной деятельности создает все новые и новые сферы нравственности, из которых вытекает право. Но это последнее стремится к самостоятельности и независимости от государства. И вот достигнув этого, данное стремление идет еще дальше. Оно направляется к господствованию над государством. Право хочет стать выше государства. Право не желает уже признавать своим творцом того, кому оно обязано своим существованием. Напротив, оно само старается занять отцовское по отношению к государству положение»¹.

Помимо вышеприведенных существуют и иные суждения о характере взаимоотношений государства и права. При всей их сложности, пестроте и противоречивости подавляющее большинство из них основывается на одном и том же исходном тезисе, согласно которому нормы права обуславливаются правотворческой деятельностью государства, издаются или санкционируются им.

Право всегда выражает государственную волю как его основу, которая, в свою очередь, согласно различным существующим в отечественной и зарубежной юридической науке концепциям, воплощает в себе волю класса, правящей группы, народа, общества или нации.

Само собой разумеется, если исходить из мирового опыта существования и функционирования государства и права, в праве выражается прежде всего воля властвующих. Вместе с тем неопровержимым фактом является и то, что последние, опасаясь социальных взрывов и утраты своего привилегированного положения, зачастую вынуждены считаться с волей и интересами подвластных.

Как соотносится воля тех и других? Как она отражается в государственной воле и в праве? Эти вопросы тоже издавна находились в поле зрения государствоведов и правоведов. Один из наиболее убедительных ответов на них дал еще в начале XX в. Г. Ф. Шершеневич, который, считая, что государственная воля — это бремя властвующих, так же как и действующее право, которое подавляет волю и интересы подвластных, делал вывод о том, что чем уже круг властвующих, «тем резче выступает противоположность интересов властвующих интересам остальной части государства. Чем шире этот круг, например, в республике, тем сильнее затушевывается это значение права»².

¹ Гумплович Л. Общее учение о государстве. С. 445—448.

² Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 260.

Воля и интересы властвующих групп, слоев или классов, однако, не являются безграничными. Их эгоизм, как справедливо подмечал Г. Ф. Шершеневич, должен подсказывать им «благоразумие и умеренность в правовом творчестве». Помимо использования силовых средств они могут охранять свои интересы также с помощью права, «тесно сплетая» свои интересы с интересами подвластных, «по возможности не доводя последних до сознания противоположности»¹.

Говоря о наличии государственной воли как основы и признака права, именуемой зачастую «общей волей», следует заметить, что как в отечественной, так и в зарубежной юридической литературе данный признак далеко не всегда и не всеми учеными-юристами воспринимался и воспринимается.

Широко известно, что многие из зарубежных авторов не без оснований считают, что «общая воля» в законе — это фикция, иллюзия, поскольку любой, в особенности конституционный, закон, будучи «социальным компромиссом», отражает в себе не общую волю народа и общества, а соотношение различных волей². Критическое отношение к тезису или концепции «общей воли» в праве многократно высказывалось и отечественными авторами. Справедливо отмечая неопределенность термина и понятия «общая воля», «коим некоторые теоретики думают определить право», Е. Н. Трубецкой писал, в частности, что «нет такой правовой нормы, которая бы действительно выражала общую волю всех членов данного народа, потому что среди всякого вообще народа найдутся такие члены (дети, слабоумные), которые своей воли относительно правовых норм и вовсе не имеют или выразить не могут»³.

Что же касается уловок и ухищрений, продолжал автор, к которым прибегают теоретики для того, чтобы «избежать этого затруднения», предлагая понимать под «общей волей» не заявления «всех членов данного общественного союза, например народа, а заявления каких-либо органов власти или лиц, компетентных говорить от имени союза, уполномоченных выражать его волю», то «общая воля» при таком толковании «обращается в чистейшую фикцию, и несостоятельность ее обнаруживается самым очевидным образом»⁴.

Право представляет собой систему норм или правил поведения, имеющих *общеобязательный характер*. Общеобязательность означает, что все члены общества непременно выполняют требования, содержащиеся в нормах права. Общеобязательность нормы права возникает вместе с ней. Вместе с ней развивается, изменяется и прекращается. Г. Кельзен вполне резонно считал, что «норма права представляет собой правило поведения, согласно которому то или иное лицо (группа лиц) должно

¹ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 310.

² См.: Jouvanel B. Powre. The Natural History of its Growth. N.Y., 1967. P. 195—270.

³ Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 22.

⁴ Там же.

действовать в каком-то определенном направлении, независимо от того, желает ли оно вести себя таким образом или нет»¹.

Общеобязательность как признак права распространяется не только на рядовых граждан, должностных лиц, различные негосударственные органы и организации, но и на само государство. Цивилизованное, правовое государство, если оно не на словах, а на деле является таковым, непременно самоограничивает, связывает само себя и все свои органы требованием общеобязательности норм права, организует всю свою деятельность строго в рамках закона и следует ему до тех пор, пока этот закон в установленном порядке не будет изменен или отменен.

Обязательность соблюдения правовых требований государством и его органами наряду со всеми иными субъектами права не подвергалась сомнению видными юристами ни в прошлом, ни в настоящем.

Общепризнан тезис, согласно которому норма права есть обязательное правило поведения для всех. Правило «должно быть соблюдаемо и самую властью, его устанавливающей, пока оно не будет заменено новым правилом. Если же власть, установившая правило, не считает нужным его соблюдать, а действует в каждом конкретном случае по своему усмотрению, то право сменяется произволом»².

Возникающие при этом споры касаются чаще всего лишь степени и характера «правового самоограничения» государства. Весь вопрос в том, резюмирует М. Ориу, такое самоограничение является добровольным или вынужденным актом?³ Ответы на данный вопрос предлагаются самые разнообразные: от утверждения о том, что государство добровольно ограничивает самое себя, до заявления, что оно вынуждено это делать под давлением со стороны гражданского общества.

Право охраняется и обеспечивается государством, а в случае нарушения требований, содержащихся в нормах права, применяется государственное принуждение. Государство не может безразлично относиться к нормам, издаваемым или санкционируемым им. Оно прилагает огромные усилия для их реализации, охраняет их от нарушений и гарантирует их соблюдение. Одним из широко используемых методов при этом является *государственное принуждение*. Оно должно применяться только уполномоченными на то органами, действующими строго в рамках закона, на основе закона, а также в соответствии с предусмотренными им процессуальными правилами.

В юридической литературе давно ведется спор по вопросу о месте и роли государственного принуждения в правовой жизни общества. Высказываются два противоположных мнения.

Согласно мнению одних авторов, государственное принуждение не является неотъемлемым признаком права. При этом оно или полностью отрицается, или же предлагается его заменить менее жестким

¹ Kelsen H. Op. cit. P. 35.

² Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 313; см. также: Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Спб., 1905. Т. II. С. 155—160.

³ Ориу М. Основы публичного права. С. 46.

и более широким понятием «государственная охрана». «Понятие государственного принуждения, — писали в связи с этим советские правоведы О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, — заменено нами понятием государственной охраны потому, что речь идет о формулировании общего определения, способного охватить все исторические типы права, между тем как понятие принуждения не предусматривает всех возможных мер охраны правовых норм. Оно не предусматривает, в частности, таких специфических мер, которыми обеспечивается соблюдение норм социалистического права»¹. Речь шла о том, что социалистическое право обеспечивается не только и даже не столько методами принуждения, сколько методами воспитательного характера, методами убеждения.

Противоположной точки зрения придерживаются другие авторы. Немецкий ученый Р. Иеринг полагал, например, что без принуждения нет даже смысла говорить о праве, ибо право есть не что иное, как «обеспечение жизненных условий общества в форме принуждения», «система социальных целей, гарантируемых принуждением».

Смысл «утверждаемой связи между нормами права и принуждением, — пояснял Л. Петражицкий, — сводится к тому, что не исполняющий добровольно своей юридической обязанности по праву может или же и должен быть подвергнут принудительным мерам»².

Л. Петражицкий, а вместе с ним и другие авторы особое внимание обращают на два вида государственного принуждения: физическое и психическое. Под физическим принуждением понимаются всякие предусматриваемые правом меры, состоящие в применении физической силы для поддержания правопорядка, в том числе репрессивные меры, например заключение в тюрьму, смертная казнь и т. п.³ Что же касается психического принуждения, то здесь на первом плане стоит страх «подвергнуться тем мерам, которые предусмотрены правом на случай неисполнения».

Именно страх психически принуждает «граждан соотносить свое поведение с требованиями права»⁴. Государственное принуждение активно применяется при нарушении норм права. Во всех остальных случаях постоянно сохраняется лишь потенциальная возможность его использования.

Говоря о государственном принуждении как о признаке права, некоторые авторы не без оснований обращают внимание на то, что государственное принуждение в правовом или доправовом государстве не может быть произвольным, не связанным рамками закона.

Защищая тезис о том, что «право принуждения составляет абсолютную монополию государства» и что только ему принадлежит «право наказания преступлений», а также «право принудительного удовлетворения гражданских притязаний», Р. Иеринг, в частности, неоднократно

¹ Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Указ. соч. С. 60.

² Петражицкий Л. Указ. соч. С. 260.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 269.

подчеркивал, что осуществление любого государственного принуждения неизменно узаконивается самим государством и реализуется в рамках права¹.

Аналогичной позиции о «правомерном принуждении» придерживался также Е. Н. Трубецкой. Он писал, что «не всякое вообще принуждение, физическое или психическое», признается теоретиками в качестве признака права, а только то, «которое не представляется актом произвола». Принуждение, пояснял автор, может быть правомерным, «если оно исходит из признанной правом власти, которая при этом не выходит из пределов предоставленных ей правом полномочий», но оно может быть и неправомерным, если оно применяется «непризванными к тому лицами, самозванными властями, или если власть, хотя бы установленная правом, нарушает пределы своих полномочий»².

Разумеется, что в качестве элемента права может рассматриваться только «правомерное принуждение», т. е. принуждение, которое применяется уполномоченными на то государственными органами только на основе закона и в пределах, указанных в законе.

Системный характер права

1. Прежде чем говорить о системном характере права, так же как государства и других сложных явлений, необходимо для более глубокого и разностороннего понимания исследуемой материи обратить внимание на теоретико-методологическую и практическую значимость системного подхода.

Применительно к процессу познания права эта значимость, как неоднократно отмечалось в научной литературе, заключается в том, что она: а) позволяет выявить «более широкую и в этом смысле более многофакторную правовую реальность» по сравнению с той, которая традиционно фиксируется в понятиях «система права», «система законодательства» и «правовая система государства». Речь, в частности, идет о такой «многофакторной правовой реальности», как «правовая система общества»³, а в современных условиях, кроме того, о правовой системе отдельных регионов, о правовых семьях, а также (пока в виртуальном варианте) о глобальной правовой системе; б) содержит в себе «новую, по сравнению с формально-структурным методом», дополнительную возможность и «схему объяснения сущностных и содержательных характеристик» правовой материи. Имеется в виду поиск «конкретных, в том числе конкретно-исторических, механизмов правовой целостности, обеспечивающих ее функционирование и развитие»⁴; в) дает широкую возможность исследования правовой материи как целостно-

¹ Иеринг Р. Указ. соч. С. 236.

² Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 18.

³ Черненко А. К. Теоретико-методологические проблемы формирования правовой системы общества. Новосибирск, 2004. С. 94.

⁴ Там же.

го, относительно самостоятельного явления не только самого по себе, но и в комплексе с другими аналогичными ему по своему характеру целостными, относительно самостоятельными экономическими, социально-политическим и иными явлениями; г) позволяет находить наиболее оптимальные решения возникающих в различных сферах жизни, не исключая правовую, теоретически и практически значимых проблем. В связи с этим вполне резонными представляются замечания о том, что «ныне отчетливо выявляется потребность внедрения системного подхода и метода не только в науку, но и в организацию и управление производством, социальной и духовной жизнедеятельностью общества, в том числе в сферу практической политики и правового регулирования общественных отношений»¹; д) помогает более точно и целенаправленно определять основные пути формирования вновь образуемых и дальнейшего совершенствования существующих правовых систем, обозначать круг задач, решение которых необходимо для такого формирования и совершенствования, «ориентировать законодателя на всесторонний учет связей, отношений и взаимообусловленностей компонентов правового объекта, его соотношения с внешней средой»².

Кроме того, системный подход к исследованию правовой материи позволяет удовлетворить все более возрастающую по мере развития общества потребность в интеграционном познании права и окружающей его экономической, социально-политической и иной среды как единого целого (системной целостности), взглянуть на правовую действительность не только как на статичное, но и как на динамичное явление, попытаться оценить его не только с точки зрения внутренней организации, но и под углом зрения его развития и саморазвития.

2. В научной литературе, как известно, сложилось значительное количество самых разнообразных определений понятия и представления о «системе», которые нередко противоречат друг другу, несомненно, затрудняют широкое и эффективное использование данной философской категории в процессе познания самых разнообразных, системных по своей природе объектов, включая право.

В силу этого представляется вполне логичным и оправданным в процессе рассмотрения системного характера права акцентировать основное внимание не на категории системы как таковой, а на тех устоявшихся фундаментальных и вместе с тем универсальных признаках и характеристиках, которые свойственны любой системе, не исключая, естественно, и системности права.

В числе универсальных признаков и характеристик системного характера права, не вызывающих серьезных возражений и нареканий со стороны исследователей, следует выделить следующие:

¹ Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2000. С. 242.

² Черненко А. К. Указ. соч. С. 95–96.

1) *Объективный характер существования и функционирования самых различных по своей природе, характеру и предназначению систем, включая правовую систему.*

В научной литературе считается общепризнанным, что системность, «подобно движению, пространству, времени и отражению», представляет собой обусловленное самой природой «всеобщее, неотъемлемое свойство материи, ее атрибут» и что, «будучи характерной чертой материальной действительности», она «фиксирует преобладание в мире организованности над хаотичными изменениями»¹.

Объективный характер системности, как свидетельствуют многочисленные научные исследования и общественная практика (опыт), присущи не только миру, Вселенной, представляющим собой «единство систем, находящихся на разном уровне развития», «систему систем»², но и обществу, представляющему собой в этом отношении «развивающуюся систему, проходящую в своем развитии отдельные стадии, ступени, характеризующиеся возрастанием взаимосвязи и взаимозависимости составляющих ее элементов и подсистем»³.

Соответственно вместе с обществом в целом системный характер распространяется и на его отдельные составные части, а также на возникающие в его недрах и на его основе различные правовые системы, отрасли права и институты⁴.

Исходя из этого можно с полной уверенностью утверждать, что *системность права исторически и генетически обуславливается системностью самого общества*, в рамках которого оно возникает и развивается, а точнее, *системным характером тех общественных отношений*, которые опосредуются правом и которые, таким образом, составляют предмет правового регулирования.

Это с одной стороны. А с другой — системность права обеспечивается усилиями юридически грамотного, высокопрофессионального законодателя, который в своей правотворческой деятельности в максимальной степени стремится отразить и «трансформировать» системность общества, в частности, регулируемых с помощью правовых норм общественных отношений, в системность принимаемых им актов и в конечном счете — в системность всего права.

Формируя право на национальном, региональном или же на глобальном уровне, законодатель по определению не может не стремиться к его системности не только в формально-юридическом, но и в социальном плане — в плане адекватного отражения и нормативного закрепления системы возникающих в рамках того или иного общества социальных и иных требований, вызовов времени и интересов. В противном случае неизбежно возникают риск и угроза снижения или пол-

¹ Алексеев П. В., Панин А. В. *Философия*. Изд. 2-е. М., 1998. С. 380.

² Аверьянов А. Н. *Системное познание мира*. С. 73, 101.

³ Там же. С. 86.

⁴ См.: Карташов В. Н. *Теория правовой системы общества: учеб. пособие*: в 2 т. Т. 1. Ярославль, 2005. С. 44—63.

ной утраты эффективности права, превращения его в неупорядоченное нагромождение оторванного от жизни и невостребованного обществом формально-юридического материала.

Нетрудно видеть, говоря о системности права, что она как объективное явление, для того чтобы быть реализованной и действенной, должна в обязательном порядке дополняться (сопровождаться) систематизацией права, которая в силу его осуществления законодательными или другими органами государства выступает как субъективное явление.

В свете сказанного следует согласиться с мнением Д. А. Керимова о том, что «если системность права носит объективный характер, не зависит от воли законодателя (кодификатора) и определяется в конечном счете предметом правового регулирования, то кодификация законодательства иногда может нарушать эту объективность и проводиться *на основании субъективно избранного законодателем (кодификатором) классификационного критерия*»¹.

Идеальной с точки зрения упорядоченности и соответственно эффективности права следует признать такую ситуацию, когда систематизация права в максимальной степени соответствует (совпадает) системности права.

2) *Универсальный характер системности как свойства материи*, охватывающей собой и «упорядочивающей» различные стороны не только внутренней жизни, но и ее внешней связи, т. е. связи одних системных объектов с другими.

Применительно к праву (правовой материи) это означает, с одной стороны, наличие системных связей и иных компонентов системы внутри него самого, которые необходимо выявлять и изучать, а с другой — наличие признаков системности в отношениях права как системного явления с другими аналогичными ему по своему характеру явлениями.

В первом случае имеется в виду тот факт, что системность в виде свойства присуща не только праву в целом как явлению, но и его отдельным составным частям, принципам², на основе которых создаются и функционируют те или иные упорядоченные правовые массивы, возникающим в обществе идеям и положениям, наполняющим содержание тех или иных правовых теорий, и т. д.

Вполне очевидным является то, что системность права реализуется и проявляется прежде всего в таких юридических феноменах, выступающих в виде его своеобразных форм, как *система права*, аккумулирующая в себе всю совокупность норм, издаваемых или санкционируемых тем или иным государством; *система законодательства*, представляющая собой иерархическую совокупность существующих в той или иной стране (система законодательства России, США и т. д.) законов и других нормативно-правовых актов; *правовая система общества*, выступающая

¹ Керимов Д. А. Указ. соч. С. 276.

² См. об этом: Захаров А. Л. Межотраслевые принципы права / под ред. В. М. Ведяхина. Самара, 2005; Проценко В. Л. Принципы уголовного процесса и критерии их систематизации. Краснодар, 2005; Ведяхин В. М., Суркова О. Е. Факторы формирования и реализации принципов права. Самара, 2005; и др.

в виде «единого комплекса органически взаимосвязанных между собой правовых явлений (права, правосознания, юридической практики и т. п.), с помощью которого осуществляется целенаправленное воздействие на поведение людей, их коллективов и организаций и юридическое обеспечение (обслуживание) разнообразных сфер общественной жизни»¹.

Следует заметить, что раньше об этих очевидных системных образованиях в отечественной и зарубежной юридической литературе говорилось в основном применительно к их национальному (внутригосударственному) уровню. В настоящее время в условиях глобализации и регионализации системный характер права рассматривается также на региональном и глобальном уровнях².

В менее очевидных, но от этого не менее реальных и действенных формах системности права проявляется не только на национальном, региональном и глобальном уровнях, но и на уровне отдельных отраслей права (например, общая и особенная часть уголовного или гражданского права), подотраслей, институтов, различных нормативно-правовых актов, а также на уровне отдельных правовых норм³.

Кроме того, как верно подмечается учеными-специалистами в области уголовного права, системный характер присущ также таким системным институтам, как «уголовный закон, принципы права, преступление, вина, множественность преступлений, соучастие, освобождение от уголовной ответственности и наказания»⁴.

Принципу системности, продолжают авторы, «должно отвечать расположение в тексте Кодекса разделов, глав и норм. Макросистемой является УК в целом. Микросистемой — норма, диспозиция которой описывает состав преступления, а санкция — вид и размер наказания»⁵.

К сказанному следует добавить, что кроме названных системных институтов в уголовном праве существует множество и других им подобных по своему характеру институтов, таких, в частности, как система ценностей (объектов), охраняемых уголовным законом; система наказаний по Уголовному кодексу; система мер по защите прав личности и обеспечению национальной безопасности и др.⁶ Это первое.

¹ Карташов В. Н. Указ. соч. С. 49.

² См.: Twining W. *Globalization and Legal Theory*. L., 2000; Snyder Fr. (ed.). *Europeanization of Law: The Legal Effects of European integration*. Oxford, 2000; Lenaerts K. and Desomer M. *Towards a Hierarchy of Legal Acts in the European Union? Simplification of Legal instruments and Procedures*. *European Law Journal*. 2005. N 6; etc.

³ См.: Керимов Д. А. Указ. соч. С. 253.

⁴ Курс уголовного права. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой, М., 2002. С. 9.

⁵ Там же.

⁶ См.: Галимов Р. И. Система наказаний по УК РФ. *Российская академия юридических наук* // Науч. тр. Вып. 5. Т. 3. М., 2005. С. 40—43; Кардашова И. Б. Системный подход к рассмотрению национальной безопасности. Там же. С. 79—81; Панченко П. Н. Система объектов, охраняемых уголовным законом, и направления ее совершенствования // Науч. тр. Вып. 6. Т. 3. М.: Российская Академия юридических наук, 2006. С. 502—505; др.

Второе — аналогичные по своей природе и характеру системные институты существуют не только в уголовном, но и во всех других отраслях права.

И третье — наряду с такого рода институтами, обладающими свойствами системности в пределах права, существует также целый ряд неправовых системных институтов, тесно связанных с правом и оказывающих прямое воздействие на право. В зарубежной литературе их именуют «системами, родственными праву», или «системами, связанными с правом» (*law — related Systems*)¹. К такого рода системным институтам относятся правотворческие, правоприменительные, правоохранительные и иные институты.

Предполагается, что они, так же как и право, обладают свойствами системности и что существующие между ними и правовыми институтами как системными объектами связи имеют также системный характер.

3) *Наличие у правовых, так же как и у любых иных, систем комплекса взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов.*

Последние в представлении философов суть «простейшие начала», «первичные частицы материи, из комбинаций которых складывается все многообразие предметов материального мира»². Важнейшее («критериальное») свойство элемента — «его необходимое непосредственное участие в создании системы: без него, т. е. без какого-либо одного элемента, система не существует»³.

Элементы каждой системы однотипны и взаимообусловлены. Это означает, что элементами правовой системы (систем) могут быть только соответствующие правовые, но не экономические, политические, технологические или какие-либо иные неправовые феномены.

В свою очередь, в рамках правовой системы (систем) в зависимости от целевого назначения, структурных и иных особенностей системных институтов в качестве их элементов могут выступать различные нормативно-правовые акты — в системе законодательства; отрасли, подотрасли, институты нормы права (первичные и вторичные элементы) — в системе права; разделы, главы, параграфы и статьи — в кодексах и других им подобных системных институтах; национальные правовые системы — в региональных правовых системах; региональные правовые системы, правовые семьи и система международного права — в глобальной правовой системе и т. д.

Каждый элемент находится в тесной связи и взаимодействии как со всеми другими элементами, так и с формируемой ими системой в це-

¹ См.: *LoPuckit L. The Systems Approach to Law. Cornell Law Review. 1997. N 3. P. 488—497.*

² *Философский словарь. М., 1988. С. 410; Философский энциклопедический словарь. М., 1993. С. 793.*

³ *Алексеев П. В., Панин А. В. Указ. соч. С. 385.*

лом¹. В правовой, равно как и в любой иной, системе, резонно отмечается в научной литературе, нет и не может быть не взаимосвязанных между собой и бездействующих элементов. «Мертвый» или «выпадающий» из системы элемент, «как правило, “останавливает” всю систему; в результате она, сохраняя простую целостность, лишается качества системности»² и снижает или полностью утрачивает свою эффективность.

Это становится более чем очевидным, если предположить, например, трудно предположимое, что из системы законодательства выпадает или перестает действовать конституционный закон, а из системы отраслей права выпадает или перестает функционировать гражданское, уголовное право или любая иная отрасль современного права. Это, несомненно, парализует действие не только других, в особенности близко «прилегающих» к ним отраслей права, но и правовой системы национального или любого иного уровня в целом.

К негативным последствиям может привести также смешение элементов одной системы с элементами другой, равно как и подмена одних элементов другими. Это, в частности, имеет место в тех случаях, когда уголовное или гражданское процессуальное право вторгается в соответствующую отрасль материального права³, т. е. когда элементы одного системного института смешиваются или подменяются элементами другого, аналогичного ему по своей системной природе, но не идентичного института⁴.

Эффективность и соответственно качество системы, таким образом, в значительной степени зависят от «чистоты» качества формирующих ее структурных элементов. Это с одной стороны. А с другой — от «качества», в смысле уровня и характера связей, существующих между отдельными элементами, а также между элементами системы в целом как таковой.

В научной литературе эти связи классифицируют по самым разным критериям (основаниям), выделяя, согласно им, например, связи внутри системы и внешние — связи одной системы с другой; системообразующие связи и системообразующие; закономерные — «существенные» и «малосущественные» и т. д.⁵

¹ См.: *Месарович М.* Основания общей теории систем // *Общая теория систем.* М., 1996; *Могилевский В. Д.* Методология систем. М., 1999; *Пирумов В. С.* Стратегия выживания социума // *Системный подход в исследовании проблем геополитики и безопасности.* М., 2003.

² *Керимов Д. А.* Указ. соч. С. 257.

³ См. об этом: *Божьев В. П.* К вопросу о соотношении норм Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации // *Государство и право.* 2002. № 9; *Наумов А.* Некоторые аспекты соотношения УК и УПК РФ // *Государство и право.* 2002. № 10; др.

⁴ См.: *Якубов А. Е.* Некоторые вопросы соотношения Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РФ // *Вест. МГУ. Сер. 11. Право.* 2003. № 2. С. 38—48.

⁵ См.: *Алексеев П. В., Панин А. В.* Указ. соч. С. 385—386; *Синельников Б. М., Горшков В. А., Свечников В. П.* Системный подход в научном познании. М., 1999. С. 30—37.

Уровень и характер внутрисистемных и межсистемных связей обуславливает помимо единства элементов системы и характера связей между системами также степень взаимодействия элементов и системы. В том обстоятельстве, писал по этому поводу еще Ф. Энгельс, что элементы («тела») находятся во взаимной связи, уже заключено то, что они воздействуют друг на друга, и это взаимное воздействие друг на друга «есть не что иное, как их “движение”, развитие»¹.

На это же обстоятельство обращается внимание и в современной литературе, где указывается, что «взаимодействие выступает как пульсирующая, динамическая система изменяющихся отношений между взаимосвязанными системами» и что «любая система является по существу комплексом взаимодействий, т. е. она взаимодействует с другими системами множеством своих свойств, граней, сторон»².

На уровне национальной правовой системы такие связи и взаимодействия легко прослеживаются, например, между различными отраслями, институтами и нормами права³. На региональном уровне, в частности на уровне Евросоюза, между различными национальными правовыми системами. На глобальном уровне между различными правовыми семьями, международно-правовыми институтами и национальными правовыми системами⁴.

4) *Целостный характер правовой и других систем*, проявляющийся в высоком уровне организованности, связанности и упорядоченности их структурных элементов.

Характеризуя целостность («целое») как один из важнейших признаков системы, Аристотель считал целым то, «у чего не отсутствует ни одна из тех частей, состоя из которых оно именуется целым от природы, а также то, что так объемлет объемлемые им вещи, что последние образуют нечто одно»⁵.

К настоящему времени сложилось множество различных представлений и определений понятия целого и целостности. Однако основной смысл и содержание их сводится в конечном счете к «структурно упорядоченному единству» элементов и системы, к их стабильности, взаимной интегрированности друг в друга и в систему, а также к их внутренней связанности и высокой организованности⁶.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 392.

² Аверьянов А. Н. Системное познание мира. С. 123.

³ См.: Мальшико Н. И. Экологическая правовая система. Общетеоретические основы. Киев, 2005. С. 18—20.

⁴ Danner R., Bernal M. Introduction to Foreign Legal Systems. N. Y., 1994. P. 52—58; Berman P. The Globalization of Jurisdiction. University of Pennsylvania Law Review, 2002. N 2. P. 544—547.

⁵ Аристотель. Сочинения: в 4 т. М., 1975. Т. 1. С. 174—175.

⁶ См.: Афанасьев В. Г. Проблема целостности философии и биологии. М., 1964; Блауберг И. В. Целостность и системность // Системные исследования. Ежегодник, 1977. М., 1977; Синельников Б. М., Горшков В. А., Свечников В. П. Указ. соч.; др.

Наличие данных свойств у правовой или иной системной материи является свидетельством и одновременно признаком ее стабильности и жизнеспособности. Кроме того, как верно подмечают исследователи, каждая отдельная система «обладает комплексом свойств, регулирующих ее поведение таким образом, чтобы в условиях динамичных изменений внешней среды и собственной внутренней структуры была бы обеспечена ее устойчивость и безопасность. Если этого нет, то система утрачивает свои системообразующие свойства, ее целостность нарушается»¹.

Однако, говоря о целостности правовой или иной системы, следует иметь в виду то обстоятельство, что данное свойство у разных систем имеет далеко не одинаковый уровень развития и характер. Будучи обусловленным уровнем взаимосвязи и взаимодействия элементов системы, ее целостность варьируется также в зависимости от различных ступеней и развития системы.

Например, вполне очевидным является то, что уровень целостности правовой системы переходного периода — периода ее становления и первоначального развития, каковой официально считается правовая система постсоветской России, *a priori* будет ниже уровня целостности этой системы на всех последующих этапах ее эволюции. Разумеется, при благоприятных экономических, политических и иных условиях, оказывающих непосредственное влияние на позитивное право.

Аналогичным образом обстоит дело и с другими «системными правовыми объектами», в частности с системой законодательства, уровень целостности которой на начальных этапах развития этой системы неизбежно будет гораздо ниже, чем уровень ее целостности на последующих этапах, а также уровень целостности каждого из формирующих ее элементов — нормативно-правовых актов.

Кроме того, говоря о целостности правовой или любой иной системы, не следует упускать из поля зрения тот факт, что целостность как свойство в значительной степени зависит не только от уровня развития системы, но и от ее типа, характера связей между элементами, а также от степени интегрированности элементов и системы.

Исследователи, занимающиеся изучением данной проблематики, констатируют, что максимальный уровень целостности имеет место на любом этапе развития у органических систем (например, у биоорганизмов), а также у сложившихся неорганических систем². В основе их образования и функционирования лежат внутренние связи и взаимозависимости элементов, их не формальные, а содержательные характеристики.

В качестве примера последних можно сослаться на систематизацию законодательства (процесс-систему) в форме кодификации и на ее конечный результат — кодифицированный акт, кодекс (неорганическую систему).

¹ Кардашова И. Б. Системный подход к рассмотрению национальной безопасности. С. 80.

² См.: Свидерский В. И. О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. М., 1962. С. 8—14; Аверьянов А. Н. Категория «система» в диалектическом материализме. М., 1974. С. 16—22; Алексеев П. В., Панин А. В. Указ. соч. С. 387—391.

Кодификация, как известно, заключается в сведении к единству соответствующего нормативно-правового материала путем качественной переработки его внутреннего содержания, с восполнением пробелов в праве, устранением противоречий, а также устаревших правовых норм. При проведении кодификации «основная ориентация исследователя, — не без оснований замечает А. К. Черненко, — использующего системную методологию, заключается в выяснении не столько формальных, сколько содержательных характеристик права и правовой системы, изучении их объективной и необходимой связи»¹.

Высокий уровень целостности неорганической системы в виде кодифицированного акта обуславливается, таким образом, не формальными, а содержательными характеристиками данного системного института и объясняется наличием глубоких внутренних связей и взаимозависимостей, возникающих между формирующими его элементами.

В отличие от кодификации другая форма процесса систематизации законодательства — инкорпорация — не обладает таким высоким уровнем целостности, каким обладают кодификация и другие органические и неорганические системы. Не имеют соответственно высокого уровня целостности и результаты инкорпорации — всякого рода сборники нормативно-правовых актов, которые, как известно, представляют собой простейшую форму упорядочения нормативного материала по тематическому, хронологическому или иному принципу.

В процессе инкорпорации за основу берутся не содержательные характеристики нормативно-правовых актов — элементов данной системы, а их формально-юридические особенности. Кроме того, между такого рода нормативно-правовыми актами — элементами данной системы — нет глубоких внутренних (содержательных) связей и взаимозависимостей, которые существуют между элементами системы процесса кодификации и системы кодифицированного акта.

Инкорпорация является одним из наиболее ярких примеров и иллюстраций так называемых суммативных систем.

В литературе их рассматривают в виде систем со слабо выраженной целостностью, значительной автономностью элементов «по отношению друг к другу и к самой системе», а также с возникновением между ними внешних, «несущественных связей»².

5) *Наличие иных свойств правовых и неправовых систем, обусловленных в значительной степени соответствующими признаками и свойствами образующих их структурных элементов.*

Особенность интегративных свойств системы заключается в том, что они порождаются и развиваются лишь в процессе взаимосвязи и взаимодействия ее структурных элементов и что они характеризуют правовую систему в целом³. Это не означает, разумеется, того, что данные свойства

¹ Черненко А. К. Указ. соч. С. 86.

² Алексеев П. В., Панин А. В. Указ. соч. С. 387.

³ См.: Керимов Д. А. Указ. соч. С. 256—258; Черненко А. К. Указ. соч. С. 92—95.

чужды составляющим систему элементам или же в той или иной степени не присущи этим элементам.

Как показывают исследования, интегративные свойства, характеризующая правовую систему в целом и свидетельствуя о том, что «правовая система как целостность способна конструировать качественно новые свойства, не присущие ее отдельным элементам», не являются в то же время чуждыми соответствующим свойствам отдельных элементов.

В качестве одного из примеров интегративных свойств, присущих целостным системным институтам, можно сослаться на способность любой системы законодательства более эффективно и более масштабно воздействовать на те или иные общественные отношения, нежели это делается на уровне формирующих ее элементов — отдельных законодательных актов.

Более широкие регулятивные возможности системы законодательства в целом, по сравнению с относительно ограниченными средствами воздействия на общественные отношения и поведение людей, ее отдельных элементов в данном случае могут рассматриваться как интегративное свойство этой системы. Нетрудно видеть, что оно не только не чуждо регулятивным свойствам отдельных элементов рассматриваемой системы, но даже формируется на их основе и функционирует, опираясь на них.

Аналогично обстоит дело и с интегративными свойствами других системных объектов права, таких, в частности, как система права, система принципов права, системность кодифицированных актов и т. д.

На примере последних можно видеть, что:

а) их интегративные свойства заключаются в фактически более высокой юридической силе по сравнению с юридической силой «интегрированных» в кодекс и «не интегрированных» в него соответствующих законов. В Гражданском кодексе по этому поводу особо подчеркивается, что «нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать настоящему Кодексу» (ст. 3 ГК РФ). Аналогичные положения содержатся и в других кодифицированных актах¹;

б) эти интегративные свойства не только не чужды и не противостоят соответствующим свойствам «интегрированных» в кодекс законов и других, нормативных правовых актов, а, наоборот, соотносятся с ними как с однопорядковыми, хотя и разными по своему «юридическому весу» явлениями.

б) *Существование, функционирование и развитие правовых и неправовых систем* в условиях и под воздействием окружающей их экономической, социальной и иной среды.

Каждая из систем, констатируется в научной литературе, «существует и функционирует в определенной внешней среде, которая определяет, оплодотворяет и развивает данные системы, детерминирует направленность их функционирования»².

¹ В Уголовном кодексе РФ в связи с этим указывается, что «новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс» (ст. 1 п. 1 УК РФ).

² Керимов Д. А. Указ. соч. С. 257.

Для каждой системы структура и содержание внешней среды могут быть далеко не одинаковыми, но всегда остается неизменным то, что:

а) между системой и средой существуют двусторонние — прямые и обратные — связи;

б) в функциональном плане внешняя среда, а вместе с ней и система всегда изменчивы, активны и никогда пассивны;

в) в структурном отношении среда весьма разноречива, поскольку состоит применительно к той или иной системе из однородных с ней и разнородных составных частей, из системных и несистемных, иерархичных и неиерархичных объектов;

г) существует диалектическое единство системы и среды, а вместе с тем возможность «взаимоперехода» системы в среду, и наоборот¹. То, что по отношению к одним системам является средой, по отношению к другим может оказаться системой или подсистемой, и наоборот.

Например, национальная (внутригосударственная) правовая система, выступая по отношению к таким системным институтам, как отрасль, институт и норма права, не только как всеобщая система (на национальном уровне метасистем), но и как окружающая их однородная (правовая, а не политическая, социальная или иная) среда, проявляется в то же время по отношению к правовой семье как системному объекту в качестве подсистемы.

Аналогичным образом обстоит дело и с другими системными объектами в сфере права, образующими на региональном уровне (например, на уровне Европейского союза) и национальном уровне своеобразную иерархию систем и подсистем. В национальном масштабе эта иерархия складывается таким образом, что ее верхнюю ступеньку занимает правовая система той или иной страны (всеобщая система); затем идет система права и система законодательства (общие системы). После общей системы (систем) следуют промежуточные системы в виде отраслей права и правовых институтов. И наконец, нижнюю ступеньку в данной иерархии занимает микросистема в виде норм права.

Разумеется, данная иерархия правовых систем является весьма условной и неполной. В ней недостает, например, таких системных объектов, какими являются публичное и частное право. Тем не менее она дает общее представление о системном характере права. А также о его системной теории и методологии исследования, неразрывной связи и обусловленности социальной и иной окружающей его средой.

Институциональное и функциональное содержание права

1. Будучи сложным и многогранным явлением, право по аналогии с государством и другими подобного рода явлениями в теории и на практике может рассматриваться не только в системном плане или

¹ См.: *Churchman C.* The Systems Approach. N. Y., 1979; *Bailey K.* Sociology and the New Systems Theory. L., 1994; *LoPuckit L.* The Systems Approach to Law // *Cornell Law Review*. 1997. N 1; etc.

в соответствии с природой и культурой, но и с других, порой не всегда видимых сторон. В частности, в статике право может рассматриваться как совокупность институтов и фактов или в динамике как совокупность функций и процессов.

В отечественной и зарубежной литературе право часто рассматривается с институциональной стороны, где в качестве правовых институтов представляются отдельные отрасли права, подотрасли права, простые и смешанные (междисциплинарные) институты права, а также отдельно взятые нормы права. Еще чаще право рассматривается, судя по публикациям, с функциональной стороны, под углом зрения основных направлений его воздействия на социальную и природную среду, обусловленных социально-классовой сущностью права, его содержания и назначения, а также стоящими перед ним целями и задачами на том или ином этапе развития общества и государства.

Теоретическая и практическая значимость институционального подхода к познанию правовой материи состоит в том, что он позволяет создать адекватную картину внутренней структуры права, выявить ее плюсы и минусы, выработать меры по ее дальнейшему развитию и совершенствованию.

В то же время рассмотрение права с функциональной стороны дает возможность глубже познать его в действии с точки зрения полноты и эффективности реализации заложенных в нем возможностей, разносторонне исследовать под углом зрения дальнейшего развития и совершенствования социальный и юридический механизм правового регулирования.

При рассмотрении правовой материи в институционно-функциональном плане и определении права как «системы обязательных правил поведения, которые устанавливаются государством и охраняются им от нарушений»¹, в научной литературе традиционно выделяются три основных функции права: регулятивная, охранительная и воспитательная.

Это довольно устоявшийся, но, разумеется, незакрытый их перечень, имея в виду, что кроме этих функций права по мере развития последнего, особенно в современных условиях — глобализации и регионализации — и проведения соответствующих исследований у права могут быть выявлены и другие социально значимые направления его воздействия на окружающий мир, новые его функции.

Кроме того, не следует, как представляется, при рассмотрении права с функциональной стороны упускать из виду тот факт, что в нормах права, в содержании права (особенно наглядно это просматривается в конституционном праве) отражаются и закрепляются не только сложившиеся на время принятия закона или иного нормативно-правового акты общественные отношения, но и резюмируется, какими они должны стать с точки зрения законодателя в обозримом будущем².

¹ Сырых В. М. Социология права: учебник. 4-е изд. М., 2012. С. 76.

² Матузов Н. И., Ушанова Н. В. Возможность и действительность в российской правовой системе. Саратов, 2010.

Исходя из этого, поскольку в содержании права имеет место не только «сущее» — адекватно отражаемое и закрепляемое в нем «настоящее», но и «должное» — желаемое «будущее», то с определенной долей условности можно говорить *не только о названных — регулятивной, охранительной и воспитательной функциях права, но и о его прогностической функции.*

Разумеется, право само по себе не определяет и не предрекает пути и направления развития социальной, равно как и любой иной системы или материи в будущем. Но оно закрепляет и тем самым юридически способствует обеспечению социальных, политических и иных прогнозов, исходящих от государственных, партийных или общественных институтов, на будущее. Это касается, в частности, многих конституционно закрепленных в тексте Конституции или в других конституционных законах положений, относящихся, например, к перспективам государственного и общественного строительства в России (правовое государство, социальное государство, гражданское общество и т. п.), всестороннего обеспечения в обозримом будущем прав и свобод граждан и др.

Исходя из данных и им подобных положений представляется вполне допустимым и оправданным в плане глубокого и всестороннего познания механизма действия права рассматривать в качестве одного из проявлений права «вовне» его прогностическую функцию.

В механизме правового воздействия на окружающую социальную и иную среду она существует и проявляется не изолированно от других функций, а в тесной связи и взаимодействии с ними, дополняя и полнее раскрывая их.

Естественно, исходя из природы и назначения права, стоящих перед ним непосредственных целей и задач, прогностическая функция вряд ли может претендовать на такую же по своей значимости роль, как и традиционные ее функции. Но тем не менее в процессе исследования функциональной составляющей правовой материи игнорирование прогностического аспекта права было бы явным упущением. Но в данном случае речь идет не только и даже не столько о рассматриваемом в литературе юридическом прогнозировании в целом, осуществляемом юридической наукой, сколько о прогностической стороне права как социального института и его отдельных составных частей¹.

2. Каковы особенности традиционных — регулятивной, охранительной и воспитательной — функций и каково их содержание? Какова выполняемая каждой из них роль и каково их социальное назначение?

В юридической, а отчасти и социологической литературе рассмотрению функций права как основных направлениях влияния права на окружающую его среду уделялось и уделяется достаточное внимание². В силу этого нет необходимости в подробном рассмотрении данных феноменов. Остановимся кратко на изложении основных положений, касающихся каждого из них.

¹ См.: Сырых В. М. Социология права. С. 447—466.

² См.: Яковлев А. М. Теоретические проблемы социологии права. М., 1970; Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М., 1986; Гайдарева И. Н., Жаде З. А. Социология права. Майкоп, 2004; др.

Регулятивная функция права занимает, без преувеличения, ведущее положение среди других его функций. О ее роли и назначении говорит уже само название — осуществлять регулятивную деятельность сложившихся в данном социуме общественных отношений — между отдельными людьми, группами людей, между различными государственными и общественными институтами, наконец, между людьми и создаваемыми ими объединениями.

В теоретическом плане регулятивная функция понимается и определяется как «действие права, характеризующееся предоставлением гражданам и иным лицам правомочий на материальные и духовные блага, гарантированных принудительной силой государства»¹.

В юридическом механизме правового регулирования, состоящем из норм права, правоотношений, факторов, способствующих или, наоборот, препятствующих реализации правовых норм и индивидуальных актов — актов правоприменения, регулятивная функция права осуществляется путем установления прав и обязанностей сторон — субъектов права, определения и государственного обеспечения правового статуса сторон — участников тех или иных правовых отношений.

Выступая в виде одного из направлений воздействия права на окружающую его социальную и иную среду, регулятивная функция права опирается не только на правовые нормы и сопутствующие им компоненты, но и на другие социальные нормы, в первую очередь на нормы морали. Это предопределяется тем, что, как известно, в реальной действительности нормы права, опосредуя сложившиеся общественные отношения, действуют, как правило, не сами по себе, в отрыве и изоляции от других социальных норм², а в системе, состоящей наряду с правовыми из этических, религиозных, «партийных» норм, содержащихся в актах, принимаемых политическими партиями, и других норм.

Реализация и эффективность осуществления регулятивной функции права обеспечивается как мерами общественного воздействия, так и государственными средствами, включая предусмотренные законом меры государственного принуждения. Право, его реализация, замечал по этому поводу Р. Иеринг, это всегда «неустанная работа, и работа не только государственной власти, но всего народа». Вся жизнь права «в общем и целом, — пояснял автор, — являет то же зрелище безостановочной борьбы и труда целого народа, какое представляет деятельность последнего в области экономического и умственного производства. Всякий, кому приходится настаивать на своем праве, вносит свою долю в эту национальную работу, свою крупницу в дело осуществления идеи права на земле»³.

¹ Сырых В. М. Указ. соч. С. 77.

² См.: Плахов В. Д. Социальные нормы. Философские основания общей теории. М., 1985; Гайворонская Я. В. К вопросу о понимании социальной нормы // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 3; Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007.

³ Иеринг Р. Борьба за право. СПб., 1908.

Наряду с регулятивной функцией права важное значение имеет его *охранительная функция*, смысл и содержание которой выражается в установлении и соблюдении запретов, нарушение которых влечет за собой применение мер государственного воздействия, предусмотренных законом.

Правовая система каждой страны, независимо от того, признается ли в ней известный либеральный принцип, согласно которому «разрешено то, что не запрещено законом» или не признается, содержит в себе целый ряд норм-табу, нарушение которых преследуется законом. Каждая из этих норм-табу, запретов «означает прежде всего, как верно отмечается учеными, необходимость (обязанность) подчиниться ему (запрету), соблудности, воздержаться от совершения запрещаемого действия»¹.

Охранительная функция права во взаимосвязи и взаимодействии с другими его функциями играет весьма важную роль в процессе поддержания и укрепления в стране правопорядка, законности и конституционности.

Немаловажную роль в этом процессе наряду с другими функциями права играет также его *воспитательная функция*. В научной литературе она понимается «как воздействие права на сознание граждан, иных лиц с целью выработки у них уважения к действующему праву и установок на правомерное поведение»².

На реализацию данной функции направлены прежде всего такие существующие в каждой правовой системе наряду с запретительными и иными нормами поощрительные нормы. С помощью их устанавливаются и законодательно закрепляются стимулирующие правомерное поведение людей разного рода государственные поощрения в виде премий, государственных знаков отличия, орденов, медалей, различных льгот и т. д.

В повседневной жизни воспитательная функция права осуществляется не только с помощью государственных средств, но и путем общественного воздействия: позитивного, морально поощрительного — на законопослушных граждан и негативного, предостудительного — на нарушителей действующего законодательства и существующего правопорядка.

¹ Матузов Н. И., Ушанова Н. В. Возможность и действительность в российской правовой системе. С. 45.

² Сырых В. М. Социология права. С. 78.

ЛЕКЦИЯ 11. СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРАВОПОНИМАНИЯ

Трудно подвергать сомнению тот логический факт, что всякое понятие, все соответствующие определения и в этом смысле и стоящие за ним социальные явления могут иметь и имеют свой точный (адекватный) смысл, верное значение и вообще социальное значение только «внутри», в рамках соответствующих, предваряющих их логических, интерпретирующих схем, неких исходных установок, предпосылок, не могут выдвигаться и осознаваться на основе так называемого чистого листа, в том числе на основе «объективных», беспристрастных наблюдений и наблюдений вообще. Другими словами обобщенно и упрощенно говоря, возможны только на основе некоей дедуктивной схемы, системы исходных координат, исходной точки отсчета, некоей безусловной объективной данности, критерия в каждом конкретном случае. «Теория какого-либо явления, — как отмечает американский социолог Дж. К. Хоманс, — есть его объяснение, показывающее, каким образом оно вытекает из основных положений определенной дедуктивной системы»¹. «Основная логическая схема всякого объяснения состоит из логического дедуктивного вывода, посылки которого состоят из теории и некоторых начальных условий, а заключением является объясняемое»². Поэтому с эпистемологической, философской и социологической точек зрения значимость и ценность представляют не просто и не только собственно соответствующее артикулируемые, объективируемые воззрения, идеи, утверждения и т. д., а именно как взятые в единстве со способом и логикой их получения, выдвижения, обоснования и выведения из соответствующих предпосылок, оснований и причин. Нечто аналогичное по сути присуще и всякому внешнему, «объективному», беспристрастному исследованию в том смысле, что любой исследователь так или иначе уже исходит из некоторых интеллектуальных, логических предпосылок, оснований. Как справедливо отмечает В. Лекторский, не только тот или иной ответ на философский вопрос, но и сама постановка проблемы в философии предполагает принятие тех или иных «метафизических» предпосылок; в философии нет такой проблемы, правомерность которой была бы очевидна вне представления о допустимых правилах и способах постановки проблем, методов рассуждения и анализа и т. д.³

Применительно к правовой проблематике, к проблематике правопонимания роль исходной, первичной, базовой и «неизбывной» дедуктивной шкалы, постоянной точки отсчета, обуславливающего критерия соответствующих восприятий, суждений, притязаний, ожиданий, утверждений, верований, предрасположенностей, метафизических допу-

¹ Хоманс Дж. К. Возвращение к человеку. В кн.: Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 46.

² Поннер К. Логика социальных наук. Цит. по кн.: Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М., 2000. С. 309.

³ Лекторский В. А. Философия и научный метод. В кн.: Философия в современном мире. М., 1972. С. 204—205.

щений и т. д. и т. п. так или иначе выполняют все исходные базовые особенности (в самом широком смысле — социальном, биологическом, антропологическом, когнитивном и т. д.) так называемого условного, совокупного (в том числе и каждого отдельного субъекта) субъекта правопонимания.

Логика всех последующих фактических проявлений феномена правопонимания позволяет нам условно называть эти особенности, свойства (конечно, учитывая и то, что они нестатичны, подвергнуты развитию, изменению) исходной, первичной, базисной макродедуктивной системой. Само собой разумеется, что макродедуктивная система применительно к совокупному субъекту правопонимания внутри себя потенциально и фактически содержательно плюралистична, что, однако, принципиально ничего не меняет в факте ее наличия как таковой, в ее онтологическом статусе и модусе. При этом важно подчеркнуть то, что содержательная плюралистичность проявлений социальных субъектов и избирательна и в то же время, в принципе, и ограничена (особый горизонт ограничений) теми же самыми особенностями, возможностями социального организма, как и всякого организма вообще, выполняющего функцию макродедуктивной системы, и в этом смысле она произвольна.

В эпистемологическом смысле это означает, что избежать изначальной рефлексивности, неконтролируемости «предпонятий», предрасположенностей, ожиданий, склонностей, притязаний, избирательного отношения к восприятию реальности невозможно по факту и не дано никому. Соответственно это означает также то, что всегда уже существует, не может не существовать некий минимум (пусть размытый, не вполне определенный), уже какой-то смысловой предустановленности, смысловой определенности. Эти факторы проявляют себя в том числе и как априорное знание (И. Кант); как результат эволюции в виде врожденного знания (К. Лоренц), как неявное знание (В. А. Лекторский), как ожидания и предрасположенности всякого организма (К. Поппер); эти проявления в более узком смысле могут называть естественным правом, его требованиями, как постоянной склонности социальных субъектов к определенному поведению (Ж. Маритэн).

Поэтому любая попытка осознания и познания так называемого права как специфического социального явления (как некоего «объекта») логически возможна только на основе предварительного уяснения того, что такое познание, и такое знание возможно только как отнесение (и соотнесение) к соответствующим предварительным проявлениям макродедуктивной шкалы. Эпистемологически правопонимание как социальный феномен возможно только как специфическое проявление и развитие исходных, дедуктивных оснований, начал, допущений. Только это делает возможным и познание, и оценку соответствующих социальных явлений, придает им постоянную социальную востребованность и значимость. Это означает, что и генетически, и постоянно непрерывно существовал и существует (пусть часто неявный, скрытый) логический аксиологизм проблематики правопонимания и соответственно

всей так называемой онтологии права, всех возможных экзистенциальных утверждений о праве. Предваряющие не только процесс познания, но и саму возможность наличия феномена права — совокупные ценностные ожидания и предрасположенности социальных субъектов не выводятся из предметного мира, а вводятся в него.

Генетически, как и логически, они первичны по отношению к особенностям всякой внешней среды, ее воздействию и всей поступающей информации. «Фотокамера и ее структура предшествует снимку, а организм (в том числе социальный. — *Добавлено авт.*) и его структура предшествует любой информации»¹, так или иначе задает смысл возможных результатов соответствующей реакции и соответствующих объективированных проявлений субъекта. Проявления базисных особенностей социальных субъектов по необходимости активны, избирательны, созидательны. С эволюционной точки зрения все возможные утверждения, убеждения, теории, верования, предположения и т. п. — это, с одной стороны, часть проявления постоянных попыток социальных субъектов адаптироваться к условиям окружающей среды (как социальной, так и природной), и с другой — это проявления их деятельностной, объективно неизбежной активности, это всегда попытка изменить среду и условия своего существования в соответствии с собственными потребностями, ожиданиями, убеждениями и т. д. и т. п. Соответственно все это, в том числе и развитые теоретические, интеллектуальные, философские и иные построения, в принципе, не могут быть некоей сводкой, обобщением, осмыслением чувственных данных, восприятий, результатов опыта, наблюдений и т. п. полученных извне. С поддерживаемых нами позиций при всей теоретической значимости соответствующего взаимодействия и возникающей взаимообусловленности проявлений все-таки важно подчеркнуть первичность ожиданий и предрасположенностей социального и биологического организма.

Будучи включенными в социальную и природную среду, являясь их составной частью, социальные субъекты всегда сталкиваются с необходимостью соответствующей реакции, тех или иных решений, стоящих перед ними социальных, практических проблем, объективно неизбежных, меняющихся по содержанию, но постоянно воспроизводимых в качестве таковых. Их фактическое наличие — это постоянный, непрерывный стимул человеческой активности, человеческой деятельности, так или иначе преобразующей реальность. При этом социальные проблемы возможны и существуют лишь постольку и только в том отношении и в том смысле, что нечто соотнесено с ожиданиями, притязаниями, потребностями, сущностными особенностями конкретных, реальных (историчных), социальных субъектов.

Потребности в решении различных практических проблем, попытки их решения не могут не вести к возникновению и развитию в связи с этим соответствующей интеллектуальной, психологической, ког-

¹ Поннер К. Эволюционная эпистемология. В кн.: Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М., 2000. С. 62.

нитивной рефлексии, к появлению осмысления, теоретических схем, интерпретаций, идей. В этом же контексте возникают и собственно теоретические, логические, философские проблемы. Теории, утверждения, верования и т. д. и т. п. генетически и по существу выступают как фактор социальной адаптации, как важнейшее средство того или иного решения практических и собственно теоретических, интеллектуальных проблем, как специфическое проявление, продолжение и развитие исходных макродедуктивных ожиданий соответствующего социального организма, субъекта.

В самом общем виде фактор осознания, ощущения, осмысления, предвосхищения реальности, особенностей ее проявления находит свое выражение и воплощение в глобальных и плюралистичных проявлениях морали, идеологии, правосознания, религиозного мировоззрения, мировоззрения в целом. В совокупности взятые данные социальные проявления условно можно назвать вторичной, производной макродедуктивной системой.

На основе этой шкалы координат, наиболее общих социальных критериев, ценностных предпочтений и ожиданий и в развитие их смысла возникают, постоянно воспроизводятся, меняются и развиваются, условно говоря, всякого рода микродедуктивные системы. Это конкретные, отдельные теории, доктрины, философские построения, верования, утверждения и т. п. По сути, это некая локализация, конкретизация, актуализация и соответствующее развитие предвещающих дедуктивных критериев и ожиданий.

Глубинный, сущностный смысл всякой теории, идеи, в том числе и в качестве «простого» утверждения, — это отклик на соответствующую социальную проблематику и ее потенциальная и фактическая возможность, способность некоторого решения, «снятия» человеческих проблем, тех или иных их проявлений. «Всякая идея вообще в некоторой степени... обладает властью, позволяющей ей достигать физических и психических результатов. Идеи суть нечто живое и их жизнь имеет порождающий характер»¹. Практическая социальная значимость смыслов, конечно, прежде всего очевидна и ощутима в контексте их воплощения в различных инструментах социальной регуляции, социальной ориентации и соответствующих ожидаемых, извлекаемых, вытекающих из этого тех или иных социальных последствий. Особенно это важно применительно к собственно правовой, юридической проблематике, ибо те или иные смысловые составляющие объективируются, выражаются в системе обязательных к исполнению (с точки зрения данного субъекта правопонимания как субъекта правотворчества и правоприменения) юридических актов и содержащихся в них правовых нормах, выполняющих функцию средства достижения тех или иных социально значимых целей. В связи с этим следует помнить и о предустановленной, объективной ограниченности целевыми, ценностными, аксиологическими факторами возможностей и роли собственно науки как попытки дать

¹ Пирс Ч. С. Принципы философии. Т. 1. СПб., 2001. С. 167.

некое беспристрастное, истинное, объективное описание и объяснение. Как подчеркивают Ю. Фримен и Г. Сколимовски, ссылаясь на труды и авторитет таких авторов, как Ч. Пирс и К. Поппер, наука — человеческое предприятие, которое, как и всякое исследование, чтобы быть осмысленным, должно преследовать человеческие цели и задачи; наука — не мир абстрактных сущностей, обитающих в вышине, за пределами мира людей, а сугубо человеческое предприятие, которое осуществляют человеческие существа для человеческих целей¹. Вопрос лишь в том, каких теорий и концепций нам нужно придерживаться, писал Ч. Пирс, а слово «нужно» не имеет смысла, кроме как по отношению к какой-то цели. Делать нужно то, что ведет к некоторой определенной цели; следовательно, исследование должно начинаться с поиска цели размышлений².

В частности, возможности правоведения как науки, ее социальная востребованность и большое значение имеют смысл только в пределах соответствующего (меняющегося и расширяющегося) «горизонта» ожиданий и предрасположенностей социальных субъектов, данного социального субъекта, проявляющие себя и как выдвижение гипотез, утверждений, предвосхищений, верований и т. д. При этом нельзя утверждать, что социальная востребованность правовых теорий и соответствующих практик основаны на каких-то исключительно научных, рациональных, «истинных», верифицируемых и тому подобных критериях и свойствах. Как минимум в историческом контексте все было принципиально иначе, логически сложнее и противоречивее. Собственно, интеллектуальные, рациональные, смысловые достоинства (впрочем, как и недостатки) теоретико-правовых построений, их человеческий характер означают всего лишь их принципиальную несамодостаточность как таковых, их, так сказать, сугубо технический характер, инструментальный характер по отношению к потребностям и ожиданиям социальных субъектов к социальной перспективе в целом.

¹ Фримен Ю., Сколимовский Г. Поиск объективности у Пирса и Поппера. В кн.: Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М., 2000. С. 272.

² См.: Там же.

ЛЕКЦИЯ 12. ГОСУДАРСТВО, ПРАВО, ОБЩЕСТВО: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

- Системный характер взаимосвязи и взаимодействия государства, права и общества.
- Механизм взаимосвязи и взаимодействия государства, права и общества.

Системный характер взаимосвязи и взаимодействия государства, права и общества

1. В работах отечественных и зарубежных авторов, посвященных исследованию политических государственно-правовых и иных проблем общества, основное внимание традиционно уделяется лишь вопросам соотношения государства и права¹. В то же время как теоретически и практически важные вопросы, касающиеся соотношения государства и права с обществом, остаются, как правило, вне поля зрения исследователей.

Необходимость рассмотрения такого рода вопросов обусловлена, во-первых, тем, что государство и право как политико-юридические явления с момента своего возникновения и последующего развития постоянно находятся в социальной среде, и не учитывать это обстоятельство в процессе их познания, несомненно, было бы упущением. А во-вторых, тем, что, будучи политическими и юридическими явлениями, государство и право тем не менее всегда были и остаются по своей изначальной природе и субстанции, а также по форме, внутреннему строению, сущности и содержанию социальными явлениями. Каждое из них, отражая собой определенный комплекс человеческих отношений, возникает на базе общества, развивается и изменяется вместе с обществом, уходит в небытие по общему правилу вместе с породившим его обществом.

В мире никогда не было, нет и не может быть ни государства без человеческого общества и индивида, формирующего его на определенном историческом отрезке времени, ни соотносящегося с ним права.

Исключение составляют лишь те фундаментальные правовые акты, именуемые правовыми памятниками, которые возникают на базе и в рамках определенного общества и продолжают оказывать своим «примером» и содержанием «духовное» воздействие на окружающую среду и другие правовые системы даже после ухода с мировой арены породивших их общества и государства.

Таковыми являются, например, Законы XII таблиц Древнего Рима и в целом римское право, оказавшее в течение длительного времени после разрушения Римской империи огромное влияние на развитие европейского права. «Три раза Рим диктовал миру законы, — писал по этому

¹ См.: *Аржанов М. А.* Государство и право в их соотношении. М., 1960; *Кузнецов Э. В.* О взаимной обусловленности государства и права // Правоведение. 1972. № 1; *Кененов А. А.* Социалистическое государство и право: некоторые вопросы из соотношения: Автореф. ... канд. дис. М., 1973; *Неновски Н.* Единство и взаимодействие государства и права. М., 1982; *Матузов Н. И.* Актуальные проблемы теории права. Саратов. 2003; др.

поводу Р. Иеринг в своей работе “Дух римского права на различных ступенях его развития”, — три раза приводил народы к единству: в первый раз, когда народ был еще в полной своей силе, — к единству государства; во второй раз после того, как этот народ уже исчез, — к единству церкви; в третий раз вследствие усвоения римского права в средние века — к единству права; в первый раз внешним принуждением — силою оружия, два другие раза — силою духа»¹.

2. Анализируя суть и содержание отношений, возникающих в процессе взаимосвязи и взаимодействия государства, права и общества, следует отметить, что они в силу своей природы и однопорядковости как сложные социальные феномены имеют не только органический, обусловленный объективно существующей окружающей средой, но и системный характер.

В теоретическом и политико-практическом плане это означает, что они не только возникают и развиваются в пределах определенной системы, но и сами играют в ней системообразующую роль.

В качестве институциональной и функциональной системы при этом неизменно выступает комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом государственных, правовых и общественных институтов, существующих и функционирующих в рамках отдельно взятого региона, такого, например, как Западная Европа, на базе которой сформирован Евросоюз, или же в пределах той или иной, отдельно взятой страны.

Будучи сами по себе по своей природе, характеру, внутреннему строению и содержанию системными образованиями, государство, право и общество, в свою очередь, в процессе постоянной взаимосвязи и взаимодействия друг с другом образуют объединяющую их воедино самостоятельную систему — своего рода систему систем, которую исходя из ее огромного логического объема можно с полной уверенностью именовать и рассматривать в виде мегасистемы.

Руководствуясь теорией системного анализа, в отношении последней можно сказать, что она, как и любая иная система, органически связана с такими явлениями и понятиями, как целостность, элемент, связи, структуры, окружающая среда и др. В наличии такого рода явлений и отражающих их понятий заключается общность рассматриваемой мегасистемы с обычными органическими и иными системами.

Что же касается ее особенностей, то они помимо свойственного понятию и содержанию мегасистемы, весьма значительного по сравнению с обычными системами логического объема заключаются также в том, что в качестве элементов данного образования выступают не как обычно простые «члены ряда» — институты², а весьма сложные, многосторонние общие системы.

Таковыми в рассматриваемой мегасистеме являются соответственно государство, право и общество как общие системы, состоящие,

¹ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Спб., 1875. С. 1.

² Подробнее об этом см.: Синельников Б. М., Гориков В. А., Свечников В. П. Системный подход в научном познании. М., 1999.

в свою очередь, из целого ряда других, менее общих, а точнее, частных по отношению к государству, праву и обществу систем, или подсистем.

Структурными элементами государства как общей системы являются, в частности, такие общие системы-подсистемы, как правотворческие, исполнительно-распорядительные, правоохранительные и иные органы; права как общей системы — различные отрасли и подотрасли права; и общества как общей системы — различные социальные институты.

С учетом того что каждый структурный элемент, выступающий в виде частной системы-подсистемы, распадается, в свою очередь, еще на целый ряд менее общих по своему объему частных систем-подсистем, можно сделать простой, но вполне определенный вывод о том, что в пределах мегасистемы, порожденной взаимосвязью и взаимодействием государства, права и общества, существует определенная иерархия разного уровня и порядка общих и частных систем-подсистем.

Каждая из последних обладает своей собственной спецификой, имеет свою особую сферу приложения, играет по отношению к «своей» общей системе, элементом которой она является и соответственно по отношению к мегасистеме определенную роль.

В силу органической взаимосвязи и взаимодействия различных — общих частных систем — элементов друг с другом и с мегасистемой в целом любые происходящие в каждом из них социально значимые изменения непосредственно, соответствующим образом сказываются на изменениях и других элементов, и мегасистемы в целом.

Разумеется, уровень и характер тех или иных изменений в решающей степени зависят от того, какое место занимает и какую роль играет искомый элемент в общей системе или мегасистеме. Вполне понятно и естественно, например, что изменения, происходящие в рамках отдельного государственного органа — структурного элемента государства — системы будут иметь значительно меньший резонанс, чем, скажем, изменения, происходящие в масштабе всего государства — в его форме, структуре, содержании и т. д.

Аналогично обстоит дело и с другими общими системами — обществом и правом, выступающими в качестве структурных элементов мегасистемы. Подобно государству, любые происходящие в них социально значимые изменения соответствующим образом отражаются на состоянии как их самих, так и органически связанного с ним государства, а вместе с тем и на формируемой ими мегасистеме в целом.

Среди многочисленных примеров влияния изменений, происходящих в обществе, на государство, право и образуемую этими общими системами мегасистему можно указать на формационно-типические изменения рабовладельческого, феодального и капиталистического общества, которые повлекли за собой соответствующие формационно-типические изменения государства и исходящего от него позитивного права. Следует заметить при этом, что, будучи обусловленным производственными отношениями, сложившимися на ранних этапах человеческой цивили-

зации и прогрессирующими на всех последующих этапах, общество, наряду с экономикой постоянно оказывало и продолжает оказывать решающее влияние на государство и право как в пределах отдельных общественно-экономических формаций, так и за их пределами, на переходных этапах от одной формации к другой. Каким является общество, таким будут в конечном счете государство и право.

Подчеркивая в связи с этим, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни общества», К. Маркс не без оснований замечал в предисловии «К критике политической экономии», что «правовые отношения, так же точно, как и формы государства, не могут быть понятны ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа». Наоборот, «они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет “гражданский обществом”»¹.

Другими весьма показательными примерами влияния изменений, происходящих в обществе, на государство и право могут служить изменения, которые происходят в связи с социальными или политическими революциями, радикальными реформами, проводимыми в обществе и его политической системе, изменением соотношения классовых сил в обществе, которое влечет за собой аналогичные по своему характеру изменения в государстве, а вместе с ним и в праве.

При этом в зависимости от характера изменений, которые происходят в обществе и отражаются в государстве и праве, уровень взаимосвязи и взаимодействия государства, права и общества как общих систем может изменяться в сторону повышения или, наоборот, в противоположную сторону — в сторону понижения. В зависимости от этого целостность, а точнее, уровень целостности мегасистемы будет усиливаться, достигая своего определенного предела, обусловленного особенностями той или иной формации, или же, наоборот, будет ослабляться, зачастую порождая, как свидетельствует социальный и политико-правовой опыт многих стран, в том числе и постсоветской России «эпохи Ельцина», хаос как в самих общих системах — в государстве, праве и обществе, так и в возникающей в процессе их взаимосвязи и взаимодействия мегасистеме.

Уровень взаимосвязи и взаимодействия государства, права и общества, а вместе с тем и уровень целостности мегасистемы в значительной мере обуславливается тем, в какой мере совпадают или, наоборот, в какой степени разнятся коренящиеся в обществе и отражающиеся в содержании и деятельности государства и в праве социальные, духовные и иные ценности и интересы.

Во всех тех случаях, когда ценности и интересы общества, выражаемые и защищаемые государством и правом, совпадают друг с другом, то целостность создаваемой ими мегасистемы может достигать весьма высокого уровня. Государство вместе с правом при этом, как отмечал

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6, 7.

еще Цицерон, выступает и рассматривается как «достояние народа», который, однако, представляет собой «не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом», а «соединение многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общностью интересов»¹. Для того чтобы такое государство — «достояние народа» было долговечным, доказывал это древнеримский государственный деятель — сторонник республиканского строя, оно должно управляться, «исходя прежде всего из той причины, которая породила гражданскую общину»².

Говоря о высоком уровне целостности мегасистемы, достигаемом в случаях совпадения ценностей и интересов общества с ценностями и интересами, адекватно воспринятыми и отраженными в государстве и праве, данное явление, связанное с совпадением интересов государства, права и общества, не следует, однако, преувеличивать, а тем более — абсолютизировать.

Не следует упускать из поля зрения, в частности, тот факт, что государство и право обладают по отношению друг к другу и к обществу определенным уровнем относительной самостоятельности, а в некоторых случаях, когда интересы государства вступают в противоречие с интересами общества, и отчужденности.

Естественно, что при наличии относительной самостоятельности государства, когда оно, помимо интересов общества, преследует еще и свои собственные, хотя и не противоречащие ценностям общества, интересы, а тем более в условиях отчужденности государства от общества, весьма трудно, если вообще возможно, говорить о высоком уровне взаимосвязи и взаимодействия рассматриваемых явлений в лице государства, права и общества общих систем, а вместе с тем и о высоком уровне целостности мегасистем.

В подобного рода случаях, в особенности тогда, когда в мегасистеме имеет место отчужденность от ценностей и интересов общества, государства и порождаемого им позитивного права, логичнее было бы говорить не о высоком уровне взаимосвязи и взаимодействия государства, права и общества или о позитивном развитии этого процесса, а, наоборот, о его постепенном ослаблении или даже о последовательном разрушении сложившихся связей между рассматриваемыми образованиями.

Последнее как крайность в отношениях между государством, правом и обществом может быть результатом самых различных процессов и изменений, происходящих в обществе. В том числе тех, которые связаны с возникновением и усилением в стране протестных движений, с развитием организованной или стихийной оппозиции, с издревле признанным в ряде стран, но не всеми исследователями, государственными и общественными деятелями разделяемым правом граждан на активное сопротивление не считающейся с интересами общества государственной власти.

¹ Цицерон Марк Тулий. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1994. С. 8.

² Там же.

Такое право признавалось, например, в ранний период становления и развития США Т. Джефферсоном, который считал, что если та или иная форма правительства не способна обеспечить «прирожденные и неотчуждаемые права» граждан или если «данная форма правительства становится гибельной для этой цели, то народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и с такой организацией власти, какие, по мнению этого народа, всего более могут способствовать его безопасности и счастью»¹.

Однако право на сопротивление народа «неправедной» государственной власти не признавалось в силу разных причин рядом других авторов как в ранние, так и более поздние периоды развития человеческой цивилизации.

В качестве примера можно сослаться на позицию Г. Гроция в данном вопросе, который, считая, что «не подлежит сомнению, что не следует повиноваться приказам власти, противным естественному праву и божественным заповедям», тем не менее полагал, что «если же по той или иной причине все же носителю верховной власти угодно причинить нам обиды, то это предпочтительнее перенести, чем противиться его воле»².

Основная причина, по которой Г. Гроций выступает против права народа на сопротивление власти, заключается в опасении автора, что в случае реализации этого права государство не сможет столь успешно выполнять возложенные на него задачи по «обеспечению общественного спокойствия». Государство, полагает ученый, «может наложить запрет на это всеобщее право сопротивления ради сохранения общественного мира и государственного порядка. А что государству угодно именно это, в том не может быть сомнения, так как иначе оно не может осуществлять свою цель. Ибо если сохранить такое всеобщее право сопротивления, то будет уже не государство, но беспорядочная толпа, как у циклопов»³.

Наряду с названными суждениями относительно права народа на сопротивление государственной власти, не считающейся с интересами отдельных граждан и всего общества, в научной литературе высказываются и другие, аналогичные им мнения. Однако не в них сейчас дело, а в том, что идея сопротивления «неправедной» государственной власти возникает не сама по себе, стихийно, а под влиянием фактов расхождения интересов, защищаемых государством и правом, с интересами общества, которое неизбежно приводит к ослаблению отношений между искомыми социальными системами и вместе с тем к понижению уровня целостности формируемой ими мегасистемы.

¹ См.: Американские просветители. Избр. произведения в 2 т. Т. 2. М., 1969. С. 48.

² Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1994. С. 76.

³ Там же.

3. Рассматривая вопрос о системном характере взаимосвязи и взаимодействия государства, права и общества, следует обратить внимание на факторы, оказывающие влияние на их взаимоотношения.

В зависимости от различных используемых в процессе классификации данных факторов их можно подразделять на факторы, способствующие или препятствующие усилению системных связей между государством, правом и обществом; на экономические, социальные, политические и иные факторы прямого или опосредованного воздействия на объективные и субъективные факторы и др.

Глубокое и разностороннее исследование их требует отдельного монографического рассмотрения. Не имея такой возможности, остановимся кратко на рассмотрении лишь некоторых из них.

В частности, обратим внимание на такой весьма важный в системном исследовании фактор, как целевой характер использования системного метода в процессе анализа взаимосвязи и взаимодействия государства, права и общества.

В данном факторе проступают два смысловых значения и аспекта. Первый из них ассоциируется с непосредственной целью применения системного метода, а второй — с возможностью, допустимостью и целесообразностью использования в том или ином случае именно системного, а не другого какого-либо метода.

Дело в том, что системный, так же как и любой иной, метод может быть полезен и эффективен далеко не всегда, а лишь в том случае, если он используется по назначению, т. е. применительно к таким объектам, как государство, право и общество, имеющих сами по себе системный характер, и если нет смешения одних явлений и отражающих их понятий с другими.

Теоретически и практически важным представляется учитывать это в процессе системного познания не только государства, права и общества, но и других системных объектов. Точно так же, как весьма важным при этом является иметь в виду то обстоятельство, что государство, право и общество как системы, подобно процессу системного познания, содержат в себе наряду с элементами, указывающими на объективный характер их существования и функционирования, также и субъективные элементы, указывающие на то, что они создаются, познаются и управляются не сами по себе, а сознательным, волевым образом — людьми. В силу этого субъективному фактору в организации и жизнедеятельности государства, права и общества, так же как и их познанию, на всех этапах развития человеческой цивилизации, как известно, всегда уделялось и уделяется повышенное внимание.

Известно в связи с этим, например, что еще в древнеиндийском политическом трактате под названием «Артхашастра, или Наука политики» (IV—II вв. до н. э.) авторы ставили довольно злободневные и поныне вопросы типа: что для государства хуже — «государь слепой (т. е. совершенно не знающий политической науки) или такой, который неправильно понимает ее?» И отвечали: государь, «лишенный совсем знаний в политике, что бы он ни предпринимал, будет упорствовать

(в своем неправильном образе действий) или зависеть от других», его «неправильные поступки» приведут к гибели государства. «Что же касается государя, не уверенного в методах политики, то, если он отступит от правильных методов, его можно наставить на правильный путь»¹.

В этом же трактате содержались весьма поучительные для каждого государства и общества рассуждения, подчеркивающие важность субъективного фактора в осуществлении государственной власти. «Когда государь деятельный, — подчеркивалось в одном из них, — то вслед за ним деятельны и его слуги. Если царь бездеятелен, то вслед за ним бездеятельны и его слуги, которые и уничтожают его дела, и он одолевается ненавидящими его. Поэтому пусть царь проявляет свою деятельность»².

Пожелания и требования к царям, государям и другим главам государств, олицетворяющим собой субъективную сторону государственного механизма, иногда сопровождалась угрозами религиозного или светского наказания за злоупотребление властью или же за не надлежащее исполнение своих обязанностей. Ярким примером могут служить Законы Ману (II в. до н. э. — II в. н. э.), где говорилось: «Царь, наказывающий не заслуживающих этого, а заслуживающих этого не наказывающий, принимает на себя великое бесчестие и идет в ад» (гл. VIII, ст. 128) или «царь, который по недоразумению беспечно мучает свою страну, немедленно лишается вместе с родственниками страны и жизни»³.

По мере развития человеческой цивилизации такого рода требования наказания для власть имущих все дальше уходили в прошлое, радикально корректировались и видоизменялись, постепенно приобретая «цивилизованные» юридические, политические и моральные формы. Но тем не менее, хотя и в сугубо декларированном, выхолащенном виде, они всегда оставались, свидетельствуя, помимо всего прочего, о важности для нормального существования и функционирования государства, а вместе с ним общества и права, не только его самодостаточной объективной, но и субъективной стороны. В силу этого во избежание односторонности в процессе системного познания государственного механизма необходимо уделять должное внимание исследованию государства как в объективном, так и в субъективном плане — государства как объекта и государства как субъекта. Аналогично обстоит дело и с обществом.

Помимо этого и наряду с этим в процессе системного анализа характера взаимосвязи государства, права и общества методологически важным представляется иметь в виду и учитывать также такие факторы, как характер связей государства-системы с другими, возникающими в рамках и на базе породившего его общества экономической, социальной, политической и иными системами. Памятуя при этом о том, что, как

¹ Артхашастра, или Наука политики. Восьмой отдел. О бедствиях в государстве // История политических и правовых учений: хрестоматия. Ч. I. С. 47.

² Там же. С. 43.

³ Законы Ману. Гл. VIII. Ст. 128; гл. VII. Ст. 111 // История политических и правовых учений: хрестоматия. Ч. I. С. 28, 31.

многократно отмечалось исследователями, в мире, где постоянно возникают новые государства и формируются новые политические системы, существует поистине множество примеров того, «когда меняющиеся экономика, культура или социальная структура могут оказывать влияние на политическую жизнь»¹, а вместе с тем на политическую систему общества, государство и право.

Наряду с отмеченными факторами, на которые следует обращать внимание и учитывать в процессе системного познания взаимосвязи и взаимодействия государства, права и общества, не менее важным представляется держать в поле зрения и учитывать также уровень относительной самостоятельности и возможной отчужденности государства по отношению к обществу и праву.

Наличие относительной институциональной, функциональной и иной самостоятельности государства к обществу и праву — явление естественное и вполне объяснимое, имея в виду прежде всего тот факт, что государство как организация общества и его официальный представитель наделяется им определенными властными полномочиями и тем самым наряду с другими особенностями выделяется из него на ранних стадиях развития человеческой цивилизации и относительно обособливается от него. Неестественным, однако, при этом является то, что, набирая силу по мере развития общества на более поздних этапах человеческой цивилизации, государство не только выделяется из него, но и с помощью принудительных и более гибких, демократических мер и средств, к числу каковых относятся выборы, становится над ним и фактически бесконтрольно распоряжается им, равно как и исходящим от него правом.

Отмечая это обстоятельство, Ф. Энгельс в своей известной работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» не без оснований заключал, что, «обладая публичной властью и правом взыскания налогов, чиновники становятся, как органы общества, над обществом. Свободного, добровольного уважения, с которым относились к органам родового общества, им уже недостаточно, даже если бы они могли завоевать его; носители отчуждающейся от общества власти, они должны добывать уважение к себе путем исключительных законов, в силу которых они приобретают особую святость и неприкосновенность». И далее: даже «самый могущественный монарх и крупнейший государственный деятель или полководец эпохи цивилизации мог бы позавидовать тому не из-под палки приобретенному и бесспорному уважению, которое оказывают самому незначительному родовому старейшине. Последний стоит внутри общества, тогда как первые вынуждены пытаться представлять собой нечто вне его и над ним»².

¹ Истон Д. Категория системного анализа политики. С. 969.

² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государство. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М., 1983. С. 132.

Относительная самостоятельность государства, доведенная до своего предела и превратившаяся в полную или почти полную самостоятельность, является неестественной, по общему правилу несовпадающей, а нередко противоречащей интересам и ценностям общества, чуждой ему.

Обладая относительной или выходящей за пределы относительной самостоятельности властью, государство, как известно, может воздействовать на общество в нескольких направлениях и с разным результатом. А именно государство может влиять на общество в направлении его поступательного развития и совершенствования, так, как это делают государства, уделяя особое внимание открытию свободного, без каких бы то ни было финансовых затрат, доступа всего населения к образованию, развитию медицинского обслуживания общества, недопущению в обществе нищеты, безработицы, бездомности и т. д.

Кроме того, государство может своими действиями оказывать на общество негативное воздействие: привести к снижению уровня его жизни, морали, демографическому спаду и т. д. Ярким примером этому может служить постсоветское «демократическое» государство 1990-х гг., которое, как отмечают исследователи, под влиянием зарубежных сил, выстраивающих «новый мировой порядок, применяя свои собственные ценности на всем мировом пространстве»¹, сделало очень многое в плане создания материальных и иных условий для «успешной» деградации российского общества, возникновения «демографической ямы» в стране и т. д.

Помимо названных направлений государство может воздействовать на развитие общества исключительно в каком-либо одном направлении, например в направлении милитаризации, как это имело место в довоенный период в фашистской Германии, Италии или Японии.

Данные, равно как и любые иные, факторы, касающиеся относительной самостоятельности государства и его различных направлений воздействия на общество, необходимо не только иметь в виду, но и учитывать в процессе системного или иного познания государства, а вместе с ним общества и права, поскольку они оттеняют весьма важный аспект институционального и функционального состояния данного образования.

Разумеется, не менее важно в методологическом плане при этом принимать во внимание и учитывать также и другие факторы, такие, в частности, как адаптивность государства и права по отношению к окружающей их среде, уровень открытости искомым системам по отношению к другим, тесно связанным с ними системам, способность государства и общества давать адекватные ответы на многочисленные вызовы времени и т. д.

Механизм взаимосвязи и взаимодействия государства, права и общества

1. Механизм взаимосвязи и взаимодействия государства, права и общества, выступающий в виде совокупности различных форм, методов, принципов взаимосвязи и основных направлений прямого и обратного

¹ Фроянов И. Погружение в бездну. М., 2001. С. 11.

воздействия рассматриваемых феноменов друг на друга представляет собой весьма сложное, многостороннее и зачастую довольно противоречивое явление.

В структурном отношении он складывается соответственно из механизмов, обеспечивающих, с одной стороны, взаимосвязь, и взаимодействие государства с правом и обществом, а с другой — общества с правом и государством.

С формально-юридической и фактической точки зрения каждый из них, будучи относительно самостоятельным и самодостаточным образованием, неразрывно связан друг с другом, дополняет друг друга и взаимодействует друг с другом. В силу этого уровень, характер и эффективность деятельности одного из них непосредственно, соответствующим образом сказывается на деятельности всех остальных механизмов взаимосвязи и взаимодействия рассматриваемых явлений и каждого из них.

Исходя из этого методологически оправданным и допустимым представляется рассматривать механизм взаимосвязи и взаимодействия государства, права и общества не вообще как целостного образования — мегасистемы, а дифференцированно, в плане отдельного рассмотрения механизмов взаимосвязи и взаимодействия государства и права, государства и общества, а также общества, государства и права. Это позволит более глубоко и всесторонне исследовать как отдельные составные части механизма взаимосвязи и взаимодействия государства, права и общества, так и механизм мегасистемы в целом. Не касаясь всех деталей механизмов взаимосвязи и взаимодействия составных частей мегасистемы в целом, остановимся на кратком рассмотрении каждого из них.

2. В силу специфики исследуемой материи, касающейся преимущественно государственно-правовой жизни, в юридической литературе, а отчасти и в других тесно связанных с юриспруденцией дисциплинах, не исключая социологии права, значительное внимание уделяется рассмотрению механизма взаимосвязи и взаимодействия государства и права.

При этом традиционно подчеркивается, что, несмотря на то что государство и право «имеют свое бытие, свои специфические функции» и относятся к разным, хотя и частично совпадающим «пластам социальной жизни», имея в виду, что государство непосредственно связано с социальным управлением, а право — с социальным регулированием, — несмотря на эти и многие другие социальные различия, государство и право неизменно находятся в органической взаимосвязи и взаимодействии друг с другом, характерным для которых является «глубокое единство».

Само бытие государства и права как специфических социальных явлений, резюмирует С. С. Алексеев, «обусловлено их глубоким, взаимопроникновением» и единством. В «общеобязательной нормативности и всеобщности права, в его формальной определенности и способности дать «гарантированный результат», — поясняет автор, — угадывается,

что зримо или незримо присутствует государственная власть, которая как бы пронизывает саму плоть права»¹.

Разумеется, что при этом речь идет лишь о позитивном, исходящем от государства, но отнюдь не о естественном, порождаемом самим обществом, праве.

Больше того, когда рассматривается характер и механизм взаимосвязи и взаимодействия государства и права, то имеется в виду не один какой-либо отдельно взятый уровень существования и функционирования государства, а вместе с ним и позитивного права, а разные уровни общественной организации, на которых присутствует государство и соотносящееся с ним право. Это, в частности, субстанциональный уровень (здесь субстанция — совокупность взаимосвязанных между собой и взаимодействующих друг с другом индивидов); атрибутивный уровень, где атрибутом социальной материи выступают межличностные, групповые и иные отношения, порождаемые процессом взаимодействия людей; и институциональный уровень, представляющий собой систему социальных норм и учреждений, опосредующих самые разнообразные виды социальной деятельности людей².

Исходя из того, что государство и право представляют собой весьма сложные и многогранные явления, проявляющиеся вовне, в том числе и в отношениях друг с другом, в самых различных ипостасях, механизм их взаимосвязи и взаимодействия с необходимостью должен рассматриваться не только на разных уровнях социальной организации, но и с самых разных сторон и в различных аспектах.

Несомненно, прав был болгарский ученый-юрист Н. Неновски, утверждая, что «соотношение между государством и правом должно раскрываться в различных и взаимно соответствующих их (государству и праву) аспектах и способах проявления, а не только в каком-то одном их этих аспектов или направлений»³.

При этом презюмируется, что на каждом уровне, в каждом направлении и аспекте должны проявляться и учитываться не только прямые связи и прямое воздействие государства на право, но и обратные связи и обратное воздействие права на государство.

Прямые связи и прямое воздействие государства на позитивное право проявляются, во-первых, в различных формах его правотворческой деятельности, в процессе которой государство через свои правотворческие органы непосредственно издает правовые акты или же санкционирует обычаи и иные неправовые акты, придавая им при этом юридический характер; во-вторых, в правоприменительной деятельности судебных и иных, уполномоченных на то государственных органов и должност-

¹ Алексеев С. С. Вступительная статья к кн.: *Неновски Н.* Единство и взаимодействие государства и права. М., 1982. С. 5—6.

² Подробнее об этом см.: *Мамут Л. С. Ф.* Энгельс о государстве и праве. М., 1970. С. 19—22.

³ *Неновски Н.* Единство и взаимодействие государства и права. М., 1982. С. 29.

ных лиц; и, в-третьих, в правоохранительной деятельности государства в лице его соответствующих органов и учреждений.

Подчеркивая неразрывную связь государства с правом и указывая на объективную обусловленность процесса его воздействия на право, И. А. Ильин заключал, что «самая сущность государства состоит во владении по праву, через право и ради права, и потому там, где чувство права и справедливости не развивалось, государственная власть делалась жертвой междоусобных столкновений и насильственных захватов»¹.

Подвергаясь прямому воздействию со стороны государства, право во всех своих формах и проявлениях оказывает, в свою очередь, обратное воздействие на государство. Наличие обратных связей и обратного воздействия правовой материи на государственный организм обусловлено, так же как и существование прямых связей и прямого воздействия государства на право, с одной стороны, целостностью государственно-правового феномена в каждой стране, «глубоким единством» государства и права, а с другой — их относительной самостоятельностью, предполагающей *a priori*, по определению не только их пассивную взаимосвязь, но и их активное взаимодействие.

Обратная связь и обратное воздействие права на государство проявляются в самых разных формах и направлениях. В частности, право закрепляет «форму правления, форму государственного устройства и политический режим, существующий в том или ином государстве; способствует организации внутренней жизни государства, закрепляет его внутреннюю структуру и государственно-правовой статус его законодательных, исполнительно-распорядительных, судебных и иных органов; опосредует выполняемые государством внутренние и внешние функции; закрепляет сложившиеся между различными государствами дипломатические, торговые, культурные, научные и иные отношения; регулирует отношения, возникающие между обществом и государством, между государственными и общественными организациями, между государственными органами и политическими партиями», и т. д.

Оказывая разностороннее воздействие на государство, право не только упорядочивает его внутреннюю жизнь и деятельность, но и устанавливает между тем определенные рамки его жизнедеятельности, создает на пути его властной активности известные пределы.

«Законом государственная власть, — замечал по этому поводу Р. Иеринг, — сама себе связывает руки». Но вопрос, однако, заключается в том, вопрошал автор, «до какой степени это необходимо и необходимо ли это раз навсегда и во всех случаях проявления этой власти?»²

Дело заключается в том, что если бы государство-правотворец связывало бы законом себе руки «всегда и во всем», то, как справедливо отметил Р. Иеринг, «государственная власть не могла бы повелевать или воспрещать что-либо», если бы это заранее не было бы предусмотрено

¹ Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2003. С. 141.

² Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1981.

законом. Там самым в конечном счете суверенное государство могло бы парализовать самоё себя, будучи всегда и во всем связанным им же созданным правом, «беспомощно взирая при этом «на требования жизни, которые не предусмотрены в законе»¹.

Во избежание подобных случаев Р. Иеринг советует придерживаться правила, по которому государственная власть «не должна законом ограничивать возможность самодеятельности более того, чем это требуется настоятельной необходимостью». «В этом отношении, — резюмирует автор, — лучше недоделать, чем переделать»².

3. Наряду с механизмом взаимосвязи и взаимодействия государства и права в системе взаимоотношений государства, права и общества важное значение имеет механизм взаимосвязи и взаимодействия государства и общества.

Во взаимоотношениях государства и общества, так же как и во взаимоотношениях государства и права, имеют место не только прямые, но и обратные связи, означающие в практическом плане, что не только государство воздействует на общество, но и общество оказывает постоянное обратное воздействие на государство, а вместе с ним и на право.

В основе взаимоотношений государства и общества в пределах той или иной страны, в основе существования между ними прямых и обратных связей лежат такие объединяющие факторы, как наличие общей материальной, правовой и моральной основы; окружающей их внешней среды, выступающей в виде других национальных, региональных и глобальной систем; существование у них общих и особенных целей и задач, по поводу которых в научной литературе на протяжении многих лет периодически возникают споры.

Государство, писал по этому поводу в конце XIX в. Р. Иеринг, «поглощает все цели общества... Все общепользные союзы тяготеют к государству, и вопрос о слиянии их с последним представляется только вопросом времени»³.

В отличие от Р. Иеринга, отдававшего государству на откуп все цели общества, М. Ориу акцентировал внимание на общих целях, которые порождаются средой, создаваемой в процессе взаимодействия общества и государства. «Гражданское общество, — писал он в начале XX в., — заключается в защитной оболочке политического института государства, и та среда, которую он здесь составляет, имеет целью зарождение и развитие цивилизованной личности»⁴.

В современной научной литературе вопрос о целях и задачах общества и государства, в значительной мере предопределяющих характер их взаимоотношений, по общему правилу решается дифференцированно. Наряду с их общими целями и задачами выделяется и их особые, специфические для каждого из них задачи, обусловленные, с одной стороны,

¹ *Иеринг Р.* Цель в праве. СПб., 1881.

² Там же.

³ Там же. С. 227.

⁴ *Ориу М.* Основы публичного права. М., 1929. С. 370.

их неразрывной взаимосвязью и тесным взаимодействием, а с другой — их самодостаточностью и относительной самостоятельностью.

Государство и общество, отмечает, в связи с этим М. Т. Баймаханов, «непосредственно решают разные, хотя и близкие друг к другу задачи. Если государство закрепляет в своих конституционных и законодательных актах правовой статус личности, то гражданское общество обеспечивает ей высокий социальный статус»¹.

Говоря о прямом действии государства на общество, необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства: а) на то, что государство может оказывать на общество не только положительное, но и негативное влияние. «Обособление государственной силы, — писал в связи с этим Г. Ф. Шершеневич, — дает возможность государственной власти оказывать дурное влияние на общество... Органы власти могут сознательно усиливать классовую, национальную и вероисповедную вражду, чтобы в борьбе одной части общества против другой истощались те силы, которые иначе могли бы в полном единстве направиться против них». Далее: «Органы государственной власти в состоянии ставить препятствия народному образованию, развитию общественности, подавлять личную инициативу, отбрасывать мужественные, стойкие единицы и вызывать самых злых духов на служение себе против общественных сил»²; б) вопреки широко распространенному мнению о «сужении сферы деятельности» государства и соответственно расширении «сферы ответственности» общества область и объем воздействия государства на общественную жизнь во многих направлениях не только не сужается, а, наоборот, еще больше расширяется и возрастает. Это связано, в частности, с тем, что нелиберальное государство вынуждено брать на себя все больше ответственности за осуществление ряда социальных программ (Welfare State, социальное государство и т. п.) с усложнением внешнеполитических, экономических и иных процессов, связанных с регионализацией и глобализацией; с изменением представления («идеологии») о частной собственности и расширением так называемого корпоративного, или менеджериального, капитализма (corporate or managerial capitalism), предполагающего усиление присутствия государства в экономической сфере, и т. д.³; в) в своих взаимоотношениях с обществом государство все чаще воздействует не только и даже не столько на весь социальный массив, сколько на его отдельные, обладающие определенной институциональной, функциональной и иной спецификой сегменты. В качестве одного из многочисленных примеров можно сослаться на установление весьма жесткого со стороны ряда государств демократического контроля над профсоюзами и на постоянную работу государственных органов

¹ Баймаханов М. Т. Избранные труды по теории государства и права. Алматы, 2003. С. 331.

² Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 200.

³ Kirby M. Reform of the Law. Melbourne, 1983. P. 28—35; Robertson M. Property and Ideology // Canadian Journal of Law and Jurisprudence. 1995. Vol. VIII. N 2. P. 275—296.

с этими институтами представителями общества¹; г) по мере развития человеческой цивилизации и усложнения взаимоотношений между государством и обществом неизбежно расширяются пути и конкретные формы воздействия первого на второе.

При этом государство не поглощает в прямом смысле слова общество, не стремится проникнуть во все поры общественной жизни, как это делало, например, тоталитарное государство фашистской Германии или Италии 30—40-х гг. XX столетия или как это делает «самое демократическое государство современности» США, пытаясь проникнуть путем прослушивания телефонных разговоров, вскрытия почтовых отправлений и контроля над характером читаемой литературы в сферу личной и духовной жизни своих граждан, а также в сферу сознания и умонастроения всего американского общества².

Современное государство, зачастую именуемое правовым, если оно является таковым на деле, а не на словах, рассчитанных на самого легковверного обывателя, не отказываясь от традиционных, свойственных любому государству принудительных средств, широко применяет также и другие — экономические, финансовые, организационные и им подобные — рычаги воздействия на общество.

Используя различные пути, формы и средства, государство, как писал еще в XVIII в. Д. Юм, «должно поддерживать» порядок в обществе; издавать «суровые законы против захватнических войн», ибо «обширные завоевания» могут явиться «причиной гибели любой свободной системы правления»; принимать меры против «религиозных исступлений или каких-либо других из ряда вон выходящих движений человеческого духа», которые могут довести людей до «пренебрежения всяким порядком и общественным благом»³.

Современное государство, подчеркивают исследователи, в отношении общества не только осуществляет регулятивные функции, создавая обязательные для всех правила поведения, но и поддерживает порядок, организует общество, спланирует его и защищает извне⁴.

Говоря об основных путях, конкретных формах и направлениях воздействия общества на государство, а вместе с ним и на исходящее от него позитивное право, следует исходить прежде всего из того «материального» и юридического факта, в соответствии с которым общество породило и изначально дало рост и силу государству, а не наоборот. Общество является основой и исторической колыбелью государства, без которого последнее никогда бы не появилось «на белый свет» и без которого оно никогда бы не состоялось. Это аксиома, общепризнанное

¹ См.: Tracey R. The Legal Approach to Democratic Control of Trade Unions // Melbourne University Law Review. 1985. N 2. P. 177—210.

² См.: Дюкло Д. Капитализм страха // Время новостей. 2006. 19 янв.

³ Юм Д. Малые произведения. Эссе. Естественная история религии. Диалоги о естественной религии. М., 1996. С. 170—171.

⁴ См.: Dahrendorf K. Effectiveness and Legitimacy: on the “governability” of Democratic. Political Quarterly. 1980. N 4. P. 393—409.

положение, которое за исключением ученых-богословов, рассматривающих государство и право, впрочем, как и само общество, как нечто «дарованное» и управляемое самим божественным Провидением, «сверху», прямо или косвенно разделялось всеми другими исследованиями сугубо социальной и государственно-правовой материи.

Чтобы убедиться в этом, достаточно, в частности, обратить внимание на то, что все когда-либо существовавшие или ныне существующие теории происхождения государства и права, равно как и иные концепции, касающиеся государственно-правовой материи, включая теорию насилия, договорную теорию происхождения государства и права, психологическую, материалистическую теорию, естественно-правовые и другие теории происхождения и сущности государства и права, — все эти и иные им подобные теории, несмотря на их своеобразие, в качестве исходного, первичного в своих постулатах материала рассматривают общество и индивида.

Историческая и природная первичность общества по отношению к государству может и должна, согласно элементарной логике и здравому смыслу, служить основанием, а вместе с тем социально-политическим, моральным и иным оправданием «повсеместного» во времени и пространстве и разностороннего воздействия общества на государство.

В силу своей природы и назначения общество является самодостаточным феноменом не только по отношению к природе и самому себе, но и по отношению к порождаемому им государству¹. Существование и функционирование последнего в социально-политическом, моральном и ином отношении оправдано только тем, что оно как важнейший институт общества, возникая и развиваясь на базе общества, служит (должно служить) не только и не столько самому себе, удовлетворяя и защищая интересы стоящего у власти «особого слоя людей», сколько интересам всего общества.

Этим же, и только этим, объясняется и оправдывается необходимость подчинения отдельных членов общества, как и самого общества в целом, воле государства и исходящим от него общеобязательным — нормативно-правовым и индивидуальным актам.

Государство как носитель власти и официальный представитель общества становится сувереном, обладающим полномочиями на принятие актов, имеющих общеобязательный характер не только по отношению к управляемому им «особому слою людей», т. е. по отношению к самому себе, но и по отношению к обществу не в силу своего относительно самостоятельного «я», а в силу передачи ему этих полномочий от источника власти — народа, составляющего в каждой стране подавляющую часть общества.

Нарушение принципа слежения государства обществу, забвение данного принципа неизбежно ведет к отчуждению государства от общества и, как об этом свидетельствует мировая история, к возникновению в об-

¹ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 337—339.

шестве очагов сопротивления. Это, как правило, происходит во всех тех случаях, когда государство, будучи носителем власти, в силу самых разных причин — консерватизма, отставания от развития общества, долгого пребывания одних и тех же лиц у власти и т. д. — начинает рассматривать себя одновременно и источником власти.

Такого рода подмена понятия «источник власти» «носителем власти» неизбежно ведет, как свидетельствует исторический опыт, если не к радикальным реформам, в корне меняющим государственный и общественный строй вместе с их ценностями и интересами, как это было в 1990-е г. в постсоветской России, то к революциям или к классическим государственным переворотам.

Наглядным примером последних могут служить революции, а по сути, государственные перевороты, совершенные за последние годы с помощью государств — членов НАТО в Ливии, Египте и других арабских государствах.

Если на ранних этапах человеческой цивилизации зарождающееся общество воздействовало на формирующееся государство эволюционным путем, то на всех последующих стадиях такое воздействие в значительной степени осуществлялось в отношении уходящего с мировой арены государства революционным, насильственным путем.

Во всех тех случаях, когда государство хотя бы в минимальной степени отвечало интересам большей части общества и защищало их, между государством и обществом как относительно самостоятельными образованиями сохранялся и поддерживался институционально-функциональный баланс, обеспечивающий их нормальное существование и эволюционное развитие¹. Во всех иных случаях, когда соотношение прогосударственных и антигосударственных сил в обществе резко изменялось в силу нарастающего отчуждения государства по отношению к значительной части общества или отдельным слоям правящего слоя (класса, клана, клики и т. п.), то изжившие себя в этом смысле государства сменялись новым государственным образованием насильственным путем.

Смена одного государственного образования другим таким же путем происходило также тогда, когда развитие государства отставало от развития новых экономических, точнее, производственных отношений и соответственно от развития общества. Наглядным примером в данном случае может служить смена революционным путем государства одного типа государством другого типа: рабовладельческого — феодальным, феодального — капиталистическим, капиталистического — социалистическим. Обратный переход последнего на капиталистический путь происходил, как было отмечено раньше, фактически путем государственного переворота с последующим проведением так называемых радикальных реформ, подорвавших устои традиционного российского общества и самого официально провозглашенного правовым постсоветского государства.

¹ Ору М. Основы публичного права. М., 1929. С. 724—727.

Такого рода последствия, как показывает многовековой государственно-правовой и общественно-политический опыт разных стран, свойственны всем без исключения государственным и общественным образованиям, пережившим революции или государственные перевороты.

Исследователи революционных технологий, приводящих под давлением различных общественных сил к смене государств и государственных режимов, не без оснований отмечают, что все революции происходят «как бы по одной схеме, словно одинаковые химические реакции или одна и та же болезнь у разных людей»¹, т. е. они начинаются с разрушения «старого порядка», «все участники испытывают восторг, льются прекрасные и длинные речи». А через некоторое время «страна лежит в развалинах, наступает полный хаос, власти, собственно, нет». С наступлением второго периода «власть, валяющаяся под ногами, подбирает самое радикальное меньшинство, способное на все» ради удержания и расширения «теперь уже своей власти». За редким исключением, «детей первого периода казнят, если они не успевают эмигрировать»².

Весьма характерным для революционной технологии, впрочем, как показывает опыт постсоветской пореформенной России, и для государственных переворотов является также «отрицание своего прошлого, признание лишь иностранных авторитетов»³.

Перед французской революцией, констатируют исследователи, идеологи просвещения трактовали «все французское прошлое как сплошной мрак, дикость, варварство, а истинный “свет просвещения” видели в Англии, особенно в ее политической системе». В преддверии революции 1848 г. в Германии немецкие младогегельянцы «с восхищением взирали на Францию»⁴. И так далее.

В постсоветской России «чикагские мальчики» и все иное «радикальное меньшинство», по воле случая попавшее во власть, подспудно презирая все отечественное, падают ниц перед всем иностранным, в особенности перед американским: американской демократией, зачастую мифическими в реальной жизни правами человека, субкультурой, образованием и др. В основе такого «очарования» неизменно лежал и продолжает лежать денежный знак под названием «доллар». Об этом свидетельствует не столько теория, сколько многолетняя практика.

4. При насильственно воздействию со стороны общества на государство, независимо от того, каким путем и в какой форме оно совершается — путем революции, государственного переворота или же путем радикальных реформ, происходит не только замена одного государственного строя другим, но и смена так называемых правящих элит, которые, особенно в эпоху демократии, массократии и толпокра-тии, для удержания власти стремятся, как отмечал французский историк

¹ Шафаревич И. Р. *Анатомии революции*. В кн.: Кошен О. *Малый народ и революция*. Сборник статей об истоках французской революции. М., 2004. С. 6.

² Шафаревич И. Р. *Указ. соч.* С. 6.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 16, 17.

О. Кошен, помимо всего прочего, добиваться общественной поддержки и признания. В тот период «только общественное мнение, — с некоторым преувеличением замечал автор, — создает чье-либо существование», ибо «реально то, что видят другие, верно то, что они говорят, хорошо то, что они одобряют»¹.

Добиваясь широкой общественной поддержки и признания, власть предрержащее меньшинство весьма активно использует в этих целях самые различные средства и приемы, и в первую очередь идеологию, именуемую О. Кошеном «философизмом», направленным на «завоевание непосвященной публики, ее общественного мнения»².

Официальная идеология — философизм, констатирует ученый, обладает такой огромной внушительной силой, что может «привести в движение ложное общественное мнение», которое по общему правилу внешне проявляется как «более шумное, единодушное всеобщее, нежели истинное общественное мнение, а поэтому, как заключает публика, более правильное».

Философизм, подытоживает автор, «действуя не сам, как демагогия, а за счет увлеченности и согласованности клаки, дешевых декораций и игры актеров... срывает аплодисменты за дурной спектакль». При этом «никакие доводы или соблазны не действуют на общественное мнение так, как его же собственный фантом», в соответствии с которым «каждый подчиняется тому, что считает одобренным всеми»³.

В пределах общества, как нетрудно заметить, в отношении к существующему государству и власти предрержащему меньшинству О. Кошен, а вместе с ним и другие авторы не без оснований выделяют два вида общественного мнения — ложное, формирующееся под влиянием официальной идеологии, где правящее меньшинство «имитирует размах и единство большого движения мысли, не теряя при этом спаянности и повадок шайки»⁴, и истинное общественное мнение.

Первое всегда создается правящей элитой и используется для моральной поддержки существующего политического режима и самого государства. Это суррогат общественного мнения. Второе — истинное общественное мнение, формируется нередко стихийно в недрах общества и направляется в тех случаях, когда в государственной политике отражаются интересы большинства членов общества, в поддержку существующего государства. В противном случае государство лишается моральной поддержки со стороны общества, а точнее, со стороны истинного общественного мнения и тем самым утрачивает свою легитимность.

Применительно к современному обществу в его отношении с относящимся с ним современным государством дело обстоит анало-

¹ Кошен О. Философы. Доклад, сделанный на Шатобрианских чтениях 15 мая 1912 г. В кн.: Кошен О. Малый народ и революция. С. 29.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 41, 42.

⁴ Там же. С. 42.

гичным образом, как и в отношениях раннего традиционного общества с соотносящимся с ним государством. Ведь до какой бы степени ни идеализировались современными идеологами данные образования, они тем не менее не теряют своих общеродовых и общевидовых признаков и свойств, не перестают быть соответственно обществом и государством¹.

Существенная разница при этом, однако, по сравнению с прежними общественными и государственными образованиями, должна заключаться в том, судя по логике вещей, что в отношениях современного общества и государства должно доминировать не только теоретически, но и практически не государство, как это было фактически на протяжении всей истории их существования и функционирования, а общество.

Именно современное, именуемое зачастую гражданским, общество должно выступать социальной основой и формировать современное государство, а не наоборот. Роль последнего в лице «особого слоя людей» заключается лишь в том, чтобы способствовать созданию необходимых условий как для самоутверждения своей идентичности в виде правового государства, так и для дальнейшего развития гражданского общества.

По аналогии с традиционным обществом и доправовым государством формирование и становление правового государства следует, как представляется, рассматривать в качестве основополагающего пути его воздействия на это государство.

Что же касается других путей воздействия гражданского общества на правовое государство, то они, так же как и в отношениях традиционного общества и доправового государства, прослеживаются не столько в процессе его формирования, сколько развития.

Следует заметить, что во многих современных странах пути, а вместе с ними и формы воздействия общества на государство не только провозглашаются, но и в конституционно-правовом порядке закрепляются.

Это можно видеть на примере конституционного законодательства Австрии, устанавливающего такой путь воздействия, как подача индивидуальных и коллективных петиций в государственные органы, которые могут исходить как от граждан, так и от «признанных законом корпораций и объединений»²; на примере Конституции Греции, закрепляющей такую форму воздействия со стороны общества на государство, как забастовки, которые объявляются правом и «проводятся созданными законным образом профсоюзными организациями с целью закрепления и расширения экономических и в целом трудовых интересов трудящихся»³; на примере

¹ См.: *Витюк В. В.* Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. М., 1995; *Калашиников С. В.* О формировании гражданского общества в Российской Федерации. В кн.: *Актуальные проблемы теории и истории государства и права.* Ижевск, 2008; *Грандонян К. А.* Противоречия гражданского общества: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011; др.

² Основной закон государства от 21 декабря 1867 года. Ст. 11. В кн.: *Конституции государств Европейского союза.* М., 1999. С. 94

³ Конституция Греции. Ст. 23. П. 2. В кн.: *Конституции государств Европейского союза.* С. 254.

Конституции России, предоставляющей всем гражданам «право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления¹; и др.

Кроме названных путей и форм воздействия общества на государство в конституционно-правовых актах разных стран закрепляются и иные средства его влияния на соответствующие государственные образования.

Имеются в виду, в частности, также пути и формы, как демонстрации, митинги, собрания, пикеты и тому подобные мероприятия, свидетельствующие, как особо отмечается в Конституции Португалии, о том, что прямое и активное участие граждан в политической жизни является условием и важным инструментом упрочения демократической жизни².

Широкое использование современным обществом всего того накопившегося и оправдавшего себя на протяжении многих веков инструментария его влияния на государственное образование, несомненно, будет способствовать укреплению и развитию как самого общества, так и государства, а вместе с ним и права.

¹ Конституция Российской Федерации. М., 2012. Ст. 33.

² Конституция Португальской Республики. Ст. 112. В кн.: Конституции государства Европейского союза. С. 550.

ЛЕКЦИЯ 13. ИНТЕГРАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА И ОБЩЕСТВА

- Понятие и виды интегративных функций.
- Краткая характеристика интегративных функций.

Понятие и виды интегративных функций

1. Будучи общими по своей природе и характеру системами, выступающими в качестве составных частей — элементов существующей в пределах каждой страны мегасистемы, или суперсистемы, как ее иногда называют¹, государство, право и общество выполняют наряду с присущими каждому из них своими функциями также и общие (интегрированные) функции, свойственные в целом мегасистеме.

Они возникают и осуществляются в результате органической взаимосвязи и активного взаимодействия государства, права и общества и имеют, как правило, весьма устойчивый, в решающей степени зависимый от состояния государства, права и общества, а также от уровня их взаимоотношений характер.

По аналогии с функциями государства, права и общества интегративные функции, по сути, функции мегасистемы (суперсистемы) следует рассматривать как основные направления ее деятельности, обусловленные характером, типом и содержанием формирующих ее элементов — государства, права и общества, а также стоящими перед ними целями и задачами.

Среди наиболее четко проявляющихся в теоретическом и практическом плане можно выделить такие основные направления активности мегасистемы — интегративные функции, *как функции стабилизации и воспроизводства системы, функции ее самосохранения и социально-политической, правовой и иной социализации, функции управления и социального контроля.*

Данные и им подобные базовые функции направлены, как это трудно заметить, на формирование и усиление внутреннего потенциала мегасистемы, на сохранение и укрепление ее самостоятельности по отношению к другим аналогичным системам и ее самодостаточности.

По сложившейся в научной литературе традиции классификации функций различных институтов, и прежде всего государства, на внутренние и внешние рассматриваемые функции, несомненно, следует отнести к внутренним функциям. Они предопределяют и заполняют собой весь процесс жизнедеятельности мегасистемы как внутри ее самой, так и вовне, в отношениях с мегасистемами других стран.

Что же касается внешних функций мегасистемы, то они требуют отдельного, не исключая в силу их сложности и большой емкости, касающегося их материала, монографического рассмотрения. Последнее тем более представляется востребованным в настоящее время, поскольку в западной, а отчасти и в отечественной литературе на гребне глобализа-

¹ Американский политолог Д. Истон рассматривает в качестве «суперсистемы» международную систему, элементами которой являются «конкретные общества». (Easton D. A Framework for Political Analysis. N.Y., 1955).

ции и регионализации все чаще ангажируются идеи о мировой государственной, правовой, судебной и иной системе, о мировом гражданском обществе и т. п.

2. Подобно функциям политической, социальной и иных систем, функции мегасистемы, обладая относительно самостоятельным характером, отнюдь не являются, как может показаться на первый взгляд, неким механическим сложением или же суммарным выражением соответствующих функций ее структурных элементов.

Интегративные функции — это порождение самой мегасистемы как относительно самостоятельного и самодостаточного явления, обладающего как общими со своими структурными элементами — государством, правом и обществом — качествами и свойствами, так и своими собственными, присущими только ей особенностями.

Разумеется, интегративные функции — функции мегасистемы, как и сама мегасистема, не могут возникать и осуществляться сами по себе, без активного участия ее элементов в виде государства, права и общества, каждый из которых в этом процессе играет свою определенную роль.

При этом *роль общества* заключается главным образом в том, что оно формирует основу, а точнее, выступает в качестве основы, на которой создаются все без исключения социальные институты, через которые оно, будучи одним из элементов мегасистемы, оказывает активное воздействие на ее различные стороны и происходящие в ней процессы, в том числе на процесс формирования и осуществления ее функций.

Роль права по отношению к мегасистеме в целом и к ее функциональной стороне сводится в основном к тому, что оно в данном случае проявляется не только и даже не столько как совокупность, система соответствующих норм — правил поведения, установленных и санкционированных государством, сколько как некий инструмент интеграции различных институтов и процессов. В связи с этим следует заметить, что для некоторых западных авторов проблема интеграции с помощью правовых и иных средств, проблема подчинения всех участников — сторон социально-политического взаимодействия общепринятым нормам и стандартам поведения буржуазного общества объявляется едва ли не центральной проблемой социологии. Такого мнения придерживается, например, один из ведущих представителей теоретической социологии Запада Т. Парсонс, который считает, что «именно интеграция социальных систем — основная проблема социологии». С его точки зрения, социология вообще «занимается лишь одним, преимущественно функциональным аспектом социальных систем, а именно изучает структуры и процессы, имеющие отношение к интеграции этих систем»¹, к проблеме упорядочения их социального взаимодействия в целях обеспечения процесса функционирования социальной системы, в рассматриваемом случае мегасистемы в целом.

Наконец, *роль государства* по отношению к мегасистеме и ее интегративным функциям заключается в том, что оно по аналогии с по-

¹ Американская социология. М., 1972. С. 27.

литической и другими системами, выступая в качестве ее главного звена — элемента, решает наиболее важные в социальном плане организационные, политические, идеологические и иные проблемы, возникающие в стране, и тем самым способствует, наряду с другими элементами, не только формированию, но и функционированию мегасистемы.

На протяжении многих столетий государство всегда играло и продолжает играть в структуре политической системы, мегасистемы и других социальных систем ведущую, трудно переоценимую роль. Причем в решении проблем, возникающих как внутри той или иной страны, так и за ее пределами.

И это вполне объективно и закономерно, имея в виду, что по сравнению с другими элементами мегасистемы и разнообразными институтами, возникающими на основе и в рамках общества, государство обладает несравнимо большими возможностями и средствами воздействия на окружающую его экономическую, политическую, социальную и иную среду, а также на мегасистему и на ее функциональную сторону, чем каждый из них в отдельности.

3. Что же конкретно выделяет государство среди других социальных институтов и в силу чего оно является *центральной звеном мегасистемы*? Чем это обусловлено?

Отвечая на эти и им подобные вопросы, необходимо обратить внимание на следующее.

Во-первых, на то, что государство в любой стране и на любом этапе развития общества выступает как самая массовая, самая широкая организация. Она объединяет или, по крайней мере, стремится объединить вокруг себя все слои населения независимо от их материального статуса и других особенностей.

В связи с этим еще в древности философ-материалистом Демокритом указывалось на то, что объединяющие всех «интересы государства должно ставить выше всего прочего и должно заботиться, чтобы оно хорошо управлялось». Чтобы «содействовать этому, — замечал философ, — не следует бороться против справедливости и для своей личной пользы применять насилие против общего блага. Ибо хорошо управляемое государство есть величайший оплот: в нем все заключается, когда оно сохраняется всецело, а погибает оно — с ним вместе, и все гибнет»¹.

В настоящее время в расчете на «всенародную» поддержку проводимой внутренней и внешней политики государство стремится закрепить в конституционных и других основополагающих актах созданный его же идеологами миф о том, что оно является непременно государством всего народа, государством всех и для всех. Об этом особенно ярко свидетельствуют конституции таких государств, как, например, США, Швеция, Японии др.

¹ Фрагменты Демокрита. Свидетельства о нем. В кн.: История политических и правовых учений: хрестоматия. Воронеж, 2000. С. 100.

В Конституции США, например, это стремление закрепляется в следующей формуле: «*Мы, народ Соединенных Штатов*, в целях образования более совершенного Союза, утверждения правосудия, охраны внутреннего спокойствия, организации современной обороны, содействия общему благосостоянию и обеспечения нам и нашему потомству благ свободы, учреждаем и вводим эту Конституцию для Соединенных Штатов Америки».

В Конституции Швеции содержится положение, согласно которому «вся государственная власть в Швеции *исходит от народа*. Правление шведского народа основывается на свободном формировании мнений и на всеобщем и равном избирательном праве. Правление осуществляется посредством государственного строя, основанного на представительной и парламентской системе, и посредством коммунального самоуправления» (§ 1).

Конституция Российской Федерации провозглашает, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее *многонациональный народ*» и что «*народ осуществляет свою власть непосредственно*, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» (ч. 1, 2 ст. 3).

В идеале каждое современное государство стремится к тому, чтобы его формальная социальная основа, каковую составляют все граждане или подданные государства, превратились бы в его реальную основу, которая складывается из его твердых сторонников, убежденных последователей внутренней и внешней политики.

Во-вторых, государство как официальный представитель всего общества является собственником, а в странах с централизованной экономикой — монополистом основных орудий и средств производства.

Так, государственная (общенародная) собственность считалась, согласно ст. 11 Конституции Союза ССР 1977 г., общим достоянием всего советского народа, основной формой социалистической собственности. Наряду с ней существовали и другие формы собственности, такие как колхозно-кооперативная и собственность различных общественных организаций, которая была им необходима для успешного выполнения стоящих перед ними уставных задач. Данные формы собственности играли значительную роль в развитии экономики и совершенствовании экономической системы советского общества в целом. Однако ведущая, главенствующая роль при этом неизменно принадлежала государственной собственности.

В настоящее время статус государственной собственности в нашей стране кардинально изменился. Согласно Конституции Российской Федерации 1993 г., она признается лишь как одна из равных в правовом отношении форм собственности наряду с частной, муниципальной и иными формами. Конституция закрепляет, что «земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории» и что «земля и другие природные ресурсы могут

находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности» (ст. 9).

Однако, несмотря на изменение статуса государственной собственности в России, она по-прежнему продолжает играть в жизнедеятельности государства значительную роль. Наличие такого рода собственности у государства, несомненно, выделяет его как структурный элемент в системе других составных элементов мегасистемы и создает широкую возможность для активного воздействия на экономическую и социально-политическую жизнь.

Утрата же экономического потенциала государством в результате фактического разворовывания госсобственности властными или околовластными фигурами, как это было в 1990-е гг. в России, или же в результате чрезмерного увлечения приватизацией в настоящее время неизбежно ведет к ослаблению государства как элемента мегасистемы и потере его влияния в экономической, политической, социальной и иной среде.

В-третьих, государство как особый структурный элемент мегасистемы располагает специальным аппаратом, представляющим собой совокупность разнообразных органов и организаций, взаимосвязанных едиными принципами образования и функционирования и объективно необходимых для выполнения стоящих перед государством на различных этапах развития общества целей и задач.

Разумеется, у политических партий и общественных организаций тоже есть свои хорошо слаженные и постоянно действующие аппараты. Без них невозможно было бы нормальное функционирование данных организаций. Однако в отличие от государственного аппарата они не имеют в своей структуре таких органов, как полиция, суд, прокуратура, органы государственной безопасности. Кроме того, партийные и общественные органы не обладают, как это имеет место у государственных органов, государственно-властными полномочиями.

В-четвертых, государство выделяется среди различных элементов мегасистемы тем, что располагает разветвленной системой юридических средств, дающих ему возможность управлять многими отраслями экономики и эффективно воздействовать на все общественные отношения. Обладая государственно-властными полномочиями, различные государственные органы не только издают в рамках своей компетенции соответствующие нормативно-правовые и индивидуальные акты, но и обеспечивают их реализацию. Это достигается разными способами: путем воспитания, поощрения и убеждения, осуществления постоянного контроля над точным соблюдением этих актов, применения в необходимых случаях мер государственного принуждения.

В-пятых, в структуре мегасистемы, состоящей из самого государства вместе с его органами и организациями, правовых институтов и общества со всеми возникающими и функционирующими на его базе негосударственными образованиями, государство выделяется тем, что обладает суверенитетом. Суверенность государственной власти выступает как один из признаков государства. Содержание этого признака заклю-

чается в верховенстве государственной власти по отношению ко всем гражданам и образуемым ими негосударственным объединениям внутри страны, в независимости (самостоятельности) государства вовне, в проведении внешней политики и в отношениях с другими государствами.

Названные особенности не исчерпывают всей специфики государства как главного организационного, «оперативного» и иного по своим качествам звена. Но они дают общее представление о нем как о главном структурном элементе мегасистемы, а также о факторах, предопределяющих данную его позицию и его возможности воздействия на мегасистему в целом и на порождаемые ею интегративные функции.

Краткая характеристика интегративных функций

1. Определяя понятие и давая краткую характеристику конкретных интегративных функций — функций мегасистемы, следует иметь в виду следующие обстоятельства.

Во-первых, в силу того что право (правовая система) рассматривается социологами, а отчасти юристами, и не без оснований, преимущественно в виде «средства» или инструмента интеграции элементов суперсистемы, или мегасистемы, то из этого следует, что основными субъектами, на базе которых в структуре мегасистемы формируются и осуществляются интегративные функции, являются государство и общество со всеми их институтами. Исходя из этого с определенными оговорками можно сказать, что функции мегасистемы возникают и развиваются при посредничестве права в процессе взаимосвязи и взаимодействия государства и общества.

Во-вторых, если в структуру политической, культурной, идеологической и других систем государство как их центральное звено вписывается лишь одной своей соответствующей — политической, идеологической и тому подобной стороной или аспектом, то в структуру мегасистемы оно входит целиком, со всеми его свойствами, сторонами и проявлениями. В силу этого государство оказывает не одностороннее политическое или иное, а всестороннее воздействие как на мегасистему в целом, так и на процесс формирования и реализации ее интегративных функций.

И, в-третьих, в силу органичной взаимосвязи и взаимодействия структурных элементов друг с другом и с мегасистемой в целом, процесс осуществления интегративных функций мегасистемы в равной степени отражается как на ней самой, так и на каждом ее структурном элементе. Это вполне естественно и закономерно, поскольку в соответствии с принципами системного анализа любые сколько-нибудь значимые процессы и изменения, происходящие в системе как целостном образовании, соответствующим образом сказываются на ее структурных элементах, и наоборот.

2. Данное положение касается всех без исключения функций любого системного образования, в том числе и мегасистемы, но наиболее ярко оно проявляется в таких ее функциях, как *функция самосохранения системы* и *функция ее воспроизводства*.

В чем суть и содержание данных, а вместе с тем и других, неразрывно связанных с ним интегративных функций? Каковы их роль и назначение?

Отвечая на эти и другие им подобные вопросы, *в отношении функции самосохранения* мегасистемы следует отметить, что ее суть, содержание и в конечном счете назначение сводится, во-первых, к обеспечению нормального, обусловленного социально-классовой природой и характером существования и функционирования мегасистемы и ее структурных элементов — государства, права и общества. А, во-вторых, к недопущению возникновения и развития в пределах мегасистемы и ее составных звеньев негативных явлений и факторов, направленных на их ослабление, а тем более на разрушение.

Первое достигается благодаря и за счет формирования и усиления позитивного экономического, политического, морального, идеологического и иного потенциала мегасистемы и ее структурных элементов. А второе — благодаря выявлению и устранению возникающих в мегасистеме в целом и в ее составных звеньях негативных моментов.

В особенности это касается ее главного структурного элемента — государства, от состояния которого в значительной степени зависит состояние других элементов — права и общества вместе с их многочисленными институтами, а также самой мегасистемы в целом.

Не случайно поэтому на протяжении всей истории существования государства его состоянию, а также предостережению его от возможных внешних и внутренних угроз и опасностей, его самосохранению фактически всегда уделялось особое внимание.

Государство, а вместе с ним общество еще с древности уберегали, например, от угрозы, исходящей от «внутренней и внешней смуты», которая, как говорилось в Артхашастре древнеиндийском (IV—III вв. до н. э.) политическом трактате, является главным бедствием для государя и государства. Особенно зловредной, пояснялось в трактате, является внутренняя смута, «так как при этом имеется опасность, подобная той, которая возникает при непосредственной близости змеи». Далее, назидательно в трактате, «смута, вызываемая особо приближенными чиновниками, опаснее всяких других внутренних смут»¹.

Вопросам обеспечения благосостояния и безопасности государства, его самосохранению как главного структурного звена мегасистемы, от которого в значительной мере зависит ее состояние и самосохранение, уделялось значительное внимание и во все последующие столетия.

Философы, государственные деятели, просветители постоянно указывали на самые различные внутренние и внешние опасности, которые подстерегали государство, а вместе с ним позитивное право и общество на каждом историческом этапе их существования и функционирования.

Французский просветитель, философ-материалист П. Гольбах (XVIII в.), например, обращал особое внимание на опасность возника-

¹ Артхашастра, или Наука политики. В кн.: История политических и правовых учений: хрестоматия. С. 47.

ющих или могущих возникнуть в обществе (нации) внутренних распрей. В беседе «О распаде государства» он констатировал, что, когда «нация находится в состоянии распри», к власти «относятся с презрением»; «анархия охватывает все сословия государства»; «граждане обособляют свои интересы от интересов родины и отмежевываются от нее»; «гражданские войны вооружают граждан друг против друга»; «с помощью насилия изменяют форму государства»; иноземные захватчики вторгаются в страну, чтобы расчленив ее и лишив независимости; «пружины государственного механизма ослабевают, и роскошь делает все умы равнодушными ко всему, что приносит пользу, внушая безразличие к общественному благу и презрение к добродетели»¹. Тогда, делал философ вывод, весьма прискорбный для любого общества и государства, оказавшихся в подобной ситуации, о том, что «у государства *нет больше граждан; оно заполнено порочными, оторванными от своей родины существами, которых воодушевляет лишь необузданная страсть к богатству, наслаждениям и легкомысленному образу жизни*»².

Вопросам безопасности, благосостояния и самосохранения государства, а вместе с ним общества и образуемой ими мегасистемы в целом в политико-правовой теории и на практике уделялось особое внимание также во все последующие столетия, вплоть до настоящего времени.

Наряду с функцией самосохранения мегасистемы в поле зрения исследователей постоянно находилась (под разными названиями) *функция воспроизводства* ее и формирующих ее звеньев, прежде всего государства.

Суть, содержание и назначение данной функции мегасистемы заключается в том, чтобы не только сохранить основные ее параметры в настоящем, но и обеспечить их повседневное существование и функционирование в обновленном виде, под влиянием и с учетом изменившихся обстоятельств и новых вызовов времени, в будущем.

Как свидетельствует мировой общественно-политический опыт, существующая в каждой стране и на каждом этапе развития человеческой цивилизации общая система, именуемая мегасистемой, имеет свои определенные *временные и пространственные* пределы. В этих отведенных для нее и формирующих ее элементов провидением пределах, она существует, развивается и в зависимости от заложенного в нем материального и духовного потенциала многократно воспроизводится, а исчерпав его, погибает.

Мегасистема каждой страны подобна «государственным организациям», о которых писал П. Гольбах, что они «носят зародыш и своей гибели»; как и люди, «они пользуются более или менее долговременным здоровьем», как и люди, они «подвержены острым заболеваниям и кризисам, которые уносят их жизнь очень быстро, или хроническим

¹ Гольбах П. Естественная политика, или Беседы об истинных принципах управления. Беседа девятая «О распаде государства». В кн. 6. История политических и правовых учений: хрестоматия. С. 442.

² Там же. С. 442—443.

болезням, которые подтачивают их постепенно, исподволь разрушая основы жизни»¹.

Возможности воспроизводства мегасистемы, пределы существования и функционирования ее вместе с образующими структурными элементами обуславливаются многочисленными объективными и субъективными факторами.

Одни из них — позитивные факторы — способствуют укреплению мегасистемы и расширению ее возможностей для адаптации к изменяющейся среде и к частичному или даже полному воспроизводству. Другие, негативные факторы, наоборот, препятствуют развитию и совершенствованию, а при изменившихся обстоятельствах и возникновении новых вызовов времени создают трудности на пути к ее адаптации и воспроизводству.

К числу *объективных положительных факторов*, способствующих укреплению мегасистемы и расширению ее возможностей к воспроизводству, следует отнести такие, как наличие у ее структурных элементов прочных экономических, социальных, политических и иных основ; построение и функционирование рассматриваемой системы на основе разделяемых большинством населения принципов; существование в обществе и государстве такого уровня развития и положения, когда, как писал И. А. Ильин, все граждане имеют, «помимо многих различных, противоположных или одинаковых интересов и целей, одну, единую цель и один общий интерес»²; и др.

Среди многочисленных объективных негативных факторов, тормозящих развитие мегасистемы и затрудняющих при радикальном изменении среды ее адаптацию и воспроизводство, следует выделить прежде всего периодически постигающие мегасистему вместе с государством, правом и обществом материальные и духовные кризисы.

Вся история «культурного развития человечества, констатировал в связи с этим И. А. Ильин, свидетельствует о том, что право и государство периодически вступают в состояние глубокого кризиса». Причина этих кризисов, заключал автор, «состоит в том, что человечество, строя правопорядок, теряет из вида единую, безусловную цель политического единения и превращает его в орудие для условных, малых заданий и частных вождельней; отсюда вырождение правовой и государственной жизни — безыдейности власти и умаление ее авторитета, отсутствие солидарности между гражданами и классами, гражданская война внутри государств и постоянные вспышки открытых войн между народами»³.

Вместе с кризисом государства и права неизбежно возникает также кризис всей мегасистемы. Причем по аналогии с государством и правом он возникает не только на поздних, завершающих стадиях существования, но и на ранних этапах ее становления и развития.

¹ Гольбах П. Указ. соч. С. 442.

² Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2003. С. 265.

³ Ильин И. А. Указ. соч. С. 388.

Одним из многочисленных примеров может служить «рукотворный» кризис, поразивший Советское государство, а вместе с ним и всю прежнюю мегасистему страны в конце 1980-х гг. А также аналогичный («рукотворный») кризис, постигший едва народившееся постсоветское государство и формирующуюся мегасистему страны в начале 90-х гг. прошлого столетия.

Применительно к государству М. Ориу называл такие кризисы «кризисами роста» и «кризисами зрелого возраста». С исторической точки зрения, рассуждал автор, следует различать две категории кризисов. А именно: «кризисы, возникающие в период роста и централизации тогда, когда еще молодое государство самоутверждается, укрепляет свою власть и само является ареной жестокой борьбы за завоевание власти, и кризисы, происходящие в период децентрализации, когда зрелое государство стремится осуществить внутри себя политическую свободу и, в то же самое время социальную справедливость»¹.

Данные категории кризисов, как свидетельствует мировая общественно-политическая и социальная практика, периодически возникают не только в государственных механизмах — центральных звеньях мегасистемы, но и в каждой мегасистеме в целом.

К разряду *субъективных факторов*, которые в зависимости от их характера могут оказывать и оказывают в действительности как позитивное, так и негативное влияние на пределы существования мегасистемы и на возможности ее воспроизводства, следует отнести профессиональные, духовные, этические и им подобные качества и черты правящих элит.

Наличие у власти людей умных, высокообразованных и высокопрофессиональных, с широким кругозором и бескорытием, ставящих общественные интересы выше личных, несомненно, оказывает благотворное влияние на настоящее и будущее мегасистемы в целом и ее составных частей. И наоборот.

Говоря о влиянии субъективного фактора на судьбу любой, в том числе российской, мегасистемы, трудно не согласиться с И. А. Ильиным о том, что власть «всегда должна осуществляться лучшими людьми, удовлетворяющими этическому и политическому цензу» и что «народ, принципиально отвергающий лучших или не умеющий его организовать и поддержать, является чернью, и демагоги суть его достойные вожди»². Люди становятся чернью тогда, разъяснял свой тезис автор, «когда они берутся за государственное дело, движимые не политическим правосознанием, но частною корыстью». К черни может принадлежать «всякий: и богатый, и бедный, и темный человек, и интеллигент», который отличается «корыстной волею и убогим правосознанием, а в революционные эпохи сверх того и политической притязательностью»³.

¹ Ориу М. Основы публичного права. М., 1929. С. 723—724.

² Ильин И. А. Указ. соч. С. 292.

³ Там же. С. 292, 293.

Подобного рода власть имущие, несомненно, оказывают самое негативное влияние на мегасистему и ее структурные элементы, искусственно создают, наряду с естественными, дополнительные проблемы на пути их развития и совершенствования, а при изменившихся обстоятельствах затрудняют процесс их адаптации и воспроизводства.

3. Помимо функций самосохранения и воспроизводства мегасистемы важное значение для ее повседневной жизнедеятельности имеют и другие интегративные функции.

Одной из них является функция стабилизации системы, суть, содержание и назначение которой заключается в установлении и поддержании баланса сил (интересов) и равновесия в отношениях между элементами системы, между институтами общества и государства.

Будучи связанной со всеми другими функциями мегасистемы, данная функция особенно тесно ассоциируется и в значительной степени предопределяет собой уровень реализации функций самосохранения и воспроизводства системы. Вполне понятным, не требующим доказательства является тот факт, что чем стабильнее система, чем выше ее материальный, духовный и иной потенциал, тем большими возможностями она *a priori* обладает для своего развития, совершенствования, обновления и воспроизводства. И наоборот.

В теории и на практике стабильность мегасистемы, как и любой иной сложной системы, весьма сходна, но не тождественна ее равновесию. По мнению Д. Истона, занимавшегося проблемами соотношения этих явлений и понятий, равновесие не обязательно должно соотноситься со стабильным состоянием обычной системы или же «суперсистемы». В реальной действительности, считает автор, существует по меньшей мере еще два таких вида равновесия, как «нестабильное» и «нейтральное»¹.

Наряду с функцией стабилизации и другими интегративными функциями мегасистемы значительное место среди них занимает и весьма важную роль в жизнедеятельности системы играет *функция социализации личности*.

В контексте функционального рассмотрения мегасистемы она заключается в деятельности этой системы и формирующих ее структурных элементов, направленной на усвоение членами общества и гражданами государства всей накопленной человечеством культуры с целью вовлечения их в активную общественно-политическую и иные сферы жизни общества и государства.

Применительно к мегасистеме речь идет прежде всего об общей социализации, складывающейся из целого ряда конкретных видов или отраслей социализации, включая, в частности, правовую, предметом которой, по справедливому замечанию В. М. Сырых, является «система правил поведения, используемых индивидом в процессе вступления его

¹ Easton D. Limits of the Equilibrium Model in Social Research in: Behavioral Science. 1959. N 1. P. 98—104.

в конкретные правоотношения, реализации своих субъективных прав и исполнения юридических обязанностей»¹.

Общая социализация, равно как и конкретные ее виды, осуществляется различными государственными и общественными институтами, в том числе средствами массовой информации, образовательными учреждениями, культурными заведениями и др., с использованием при этом самых разных форм, средств и методов.

Применительно, например, к правовой социализации в научной литературе выделяются и рассматриваются две такие ее формы, как целенаправленная (направленная) и стихийная. Целенаправленная форма правовой социализации осуществляется посредством правового воспитания, обучения, самообразования, юридического образования и т. д. Стихийная форма усвоения правовых знаний проявляется при осуществлении лицом тех или иных юридических действий, при чтении юридической литературы, при просмотре соответствующих телепрограмм и т. д.²

Аналогичные формы социализации свойственны не только правовой, но и другим ее видам, а также общей социализации, способствующей вовлечению человека в активную государственную и общественно-политическую жизнь³.

Интегративная функция социализации личности наряду с другими направлениями деятельности мегасистемы, связанными с ее самосохранением, воспроизводством и стабилизацией, дополняется также *функцией управления системой и функцией социального контроля*.

Основное назначение этих, тесно связанных между собой едиными целями и стоящими перед ними общими задачами, функций заключается в обеспечении упорядоченного и целенаправленного развития и совершенствования мегасистемы на основе принципов оптимальности организации механизма управления и эффективности его деятельности.

Непосредственными субъектами реализации функции управления мегасистемой и функции социального контроля выступают соответствующие институты государства и общества. Одна из особенностей данных, равно как и всех остальных интегративных функций, помимо других идентифицирующих их признаков и черт состоит в том, что они, будучи функциями мегасистемы, реализуются через и с помощью механизмов, создаваемых в пределах общих, формирующих ее систем, т. е. в рамках государства, правовой системы и общества.

Соответственно формы и методы их реализации обуславливаются спецификой имеющих прямое отношение к ним и «обслуживающих» их механизмов.

В силу того что государственная система занимает центральное место в образуемой ею вместе с правовой и социальной системой мегасистеме, вполне естественно, что в процессе реализации рассматриваемых

¹ Сырых В. М. Социология права. 4-е изд., доп. и перераб. М., 2012. С. 110.

² Сырых В. М. Указ. соч. С. 114—115.

³ См.: Право и культура / отв. ред. Н. С. Соколова М., 2002. С. 285—403.

и всех остальных интегративных функций механизм государства играет ведущую роль.

Однако из этого вовсе не следует, во-первых, что государство, обладающее монополией на применение в случае необходимости узаконенного принуждения, использует в процессе реализации функций управления и социального контроля исключительно силовые методы и средства. В научной литературе в связи с этим верно отмечалось, в частности, в отношении социального контроля, что центр его тяжести состоит не столько в негативном воздействии за уже совершенное отклонение от групповых норм и стандартов, сколько в склонении индивидов к социально значимым и ценным моделям поведения в обществе¹.

А во-вторых, что ведущая роль государства в процессе реализации интегративных функций, равно как и во многих других случаях, не всегда бывает равнозначной (тождественной) его «эффективной роли». Например, постсоветское государство (его система) с момента возникновения всегда занимало в мегасистеме центральное место и играло в нем, как и каждое государство в «своей» мегасистеме, ведущую роль. Но оно, как показывает практика, никогда не было эффективным прежде всего в силу расхождения его экономических, социальных и иных ключевых интересов с соответствующими интересами общества. Оно никогда не было эффективным ни в экономике (преимущественно сырьевой характер), ни в финансовой сфере (повторяющиеся кризисы), ни в социальной сфере (падение жизненного уровня населения у большинства), ни в демографии («демографическая яма» в результате «приватизации» 1990-х гг. и «демократических» реформ), ни в системе образования (падение уровня знаний у школьников и уровня подготовки выпускников вузов из-за введения ЕГЭ и разрушения многократно оправдавшей себя отечественной академической школы), ни в других жизненно важных сферах.

Для того чтобы государственный механизм был эффективен в управлении, в осуществлении контроля и в реализации других функций, он должен как минимум:

а) управляться квалифицированными людьми, ибо нельзя доверять управление государственными делами, как гласит древнекитайская мудрость, человеку, «который не может управлять даже сотней людей»²; б) пользоваться доверием со стороны большинства членов общества, быть легитимным и авторитетным среди населения. Все то, что составляет силу власти, замечал по этому поводу И. А. Ильин, а именно «авторитет, единство, правота цели, организованность и исполнительность понудительного аппарата — все это образует самую основу государственного бытия»³ и соответственно основу государственного механизма; в) выражать и защищать общие как для самого государства, так и для всего общества интересы, исходя из того, что «государственная власть

¹ Сырых В. М. Указ. соч. С. 17, 18.

² Древнекитайская философия: собрание текстов: в 2 т. М., 1972. Т. I. С. 170.

³ Ильин И. А. Указ. соч. С. 288.

имеет призвание утверждать естественное право, а естественное право совпадает именно с общим, духовным интересом народа и гражданина»¹; г) следовать в осуществлении власти и в управлении государственными и общественными делами принципам законности, конституционности и справедливости. Следование этим принципам означает, помимо всего прочего, что власть и «воля государства как разновидность человеческой воли не беспредметна и не развязана, но предметно связана этическим содержанием»², а также создаваемыми ею самой конституционно-правовыми актами; д) иметь в своем распоряжении и руководствоваться в повседневной деятельности программой краткосрочного и долгосрочного развития государства, права, общества и образуемой ими мегасистемы. Исследователями давно было замечено и многократно подтверждено общественно-политической практикой, что «невозможно управлять государством по очереди или по случаю»³, а также пытаться внедрять в различные сферы государственной и общественной жизни под флагом модернизации или иным предлогом, случайные, нередко заимствованные в чужие теории и идеи. Ибо, как верно подметил И. А. Ильин, «химические и утопические затеи не только подрывают в народе доверие к власти, веру в политическую организацию вообще и волю к государственному строительству, но просто разлагают и губят государство»⁴.

Помимо отмеченных требований, соблюдение которых является весьма важным для повышения эффективности государственного механизма при реализации интегративных функций мегасистемы и функций самого государства, в государственно-правовой практике выработаны и иные, им подобные требования. Многие из них касаются не только государственного, но также социального и правового механизмов.

¹ Там же. С. 294.

² Там же. С. 289.

³ Берк Эд. Размышления о революции во Франции. В кн.: История политических и правовых учений: хрестоматия. С. 521.

⁴ Ильин И. А. Указ. соч. С. 297.

Раздел IV

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО КАК ЯВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ И РЕГУЛЯТОРОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ

ЛЕКЦИЯ 14. ГОСУДАРСТВО, ПРАВО, ПАРТИИ

- Понятие и история партий, их функции и классификация.
- Партийно-государственный механизм и политические режимы.

Понятие и история партий, их функции и классификация

Важнейшим институтом политической системы выступает государство, но к политической системе относятся также негосударственные объединения, которые связаны с процессами формирования и функционирования государственной власти. Такими негосударственными структурами являются политические партии и группы давления, или лоббистские группы. В настоящее время политические партии функционируют в подавляющем числе стран мира.

Термин «партия» в переводе с латинского означает «часть» (*pars*) — часть какой-либо общности. Чтобы часть какой-то общности называлась политической партией, используем критерий «политического», предложенный известным немецким политологом М. Вебером. В работе «Политика как призвание и профессия» М. Вебер пишет: «Если о каком-то вопросе говорят: это “политический вопрос”... о некотором решении: оно политически обусловлено, то тем самым всегда подразумевается, что интересы распределения, сохранения, смещения власти являются определяющими для ответа на указанный вопрос»¹. Таким образом, нацеленность на завоевание, удержание и использование власти, влияние на власть характеризуют те или иные объединения, группировки и т. д. в качестве политических.

В истории становления политических партий можно выделить три этапа и три их качественно различных состояния. Но как бы ни назывались эти объединения на разных этапах, как бы ни были они развиты, с Древнего мира и до наших дней их объединяет вышеуказанный признак — «борьба за завоевание, удержание и использование власти». Партии так или иначе, лучше или хуже упорядочивают, институционализируют многие процессы, происходящие вокруг государственной власти и в связи с властью.

Первый, исторически самый длительный этап — это этап протопартий («прото» употребляется в смысле «примитивный, ранний»). Это были малочисленные, слабо организованные группировки вокруг того или иного популярного политика или лица, стремящегося к власти.

¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избр. произведения. М., 1990. С. 646.

В истории политической мысли можно найти немало упоминаний о такого рода политических группировках. Аристотель, например, пишет о раздорах группировок жителей разных территорий, рыбаков и земледельцев, горожан и равнинных жителей, группировках олигархов, демократов и аристократов. Н. Макиавелли, исследуя историю Флоренции, осуждает борьбу группировок, каждая из которых, захватив власть, стремится уничтожить другие партии, пренебрегая интересами государства.

Второй этап — этап зарождения современных партий. Хронологически этот этап охватывает период зарождения парламентов, расширения избирательного права, революционно-демократических движений в Европе (XVII — первая половина XIX в.). Современные партии, как отмечает известный теоретик партий М. Дюверже, начинают складываться в эпоху становления всеобщего избирательного права. Формами партийных объединений в этот период являлись ассоциации по регистрации избирателей, клубы депутатов, парламентские группировки (виги и тори в Великобритании), комитеты в поддержку кандидатов в институты власти (США) и т. п. Это были нерегулярные и, как правило, локальные политические союзы или клубы. И лишь в больших городах «постоянно имеются партийные союзы с умеренными членскими взносами, периодическими встречами и публичными собраниями для отчета депутатов. Оживление в их деятельности наступает лишь во время выборов»¹. Центром и импульсом активности таких партийных образований являлись парламентарии и парламентские группировки. В этом заключается главное отличие партийных образований этого этапа от тех, что существовали в период Древнего мира, Средневековья, Возрождения.

В этот период впервые появляются работы, в которых специальным предметом исследования выступают политические партии. В первых работах такие объединения не получают еще однозначного наименования. Их называют и фракциями, и партиями, и факциями. Первые работы, в которых анализируется роль партий, относятся к XVIII в. Это трактат английского писателя и политического деятеля Г. Болинброка «Рассуждение о партиях» (1735), статьи английского философа Д. Юма, получившие примечательные названия «О партиях вообще» и «О коалиции партий», размышления Ж. Ж. Руссо в трактате «Об общественном договоре» по поводу вредности ассоциаций, а также дискуссии о роли различных фракций в обществе, высказанные американскими авторами «Федералиста»², и др.

При анализе взглядов большинства первых исследователей обнаруживается негативная оценка партий. Партии, по их мнению, раскалывает общество и мешают законодательному процессу (Г. Болинброк, Д. Юм, Ж. Ж. Руссо). Так, Д. Юм в отмеченных выше статьях, призна-

¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия. С. 672—673.

² «Федералист» — закрепившееся название сборника политических эссе, опубликованных в 1787—1788 гг., отцами-основателями США А. Гамильтоном, Дж. Мэдисоном и Дж. Джеймсом.

вая естественный характер появления партий, выказывает резкое неприятие по отношению как к партиям в целом, так, в частности, и к различного рода фракциям. «В той же мере, — пишет он, — в какой люди должны почитать и уважать законодателей и основателей государств, им следует презирать и ненавидеть основателей сект и фракций, потому что влияние фракций прямо противоположно влиянию законов. Фракции подрывают систему правления, делают бессильными законы и порождают самую яростную вражду среди людей одной и той же нации. И что должно делать основателей партий еще более ненавистными, так это трудность устранения указанных сорняков, если они однажды пустили корни в каком-либо государстве. Они размножаются естественным путем в течение многих столетий, и дело редко кончается чем-либо иным, кроме полного распада той системы правления, при которой они были посеяны»¹.

Подобную же оценку различного рода объединений находим у Ж. Ж. Руссо. Французский автор выступает против «частичных ассоциаций», которые становятся между гражданином и властью и своей деятельностью мешают формированию общей воли. «Важно, следовательно, дабы получить выражение именно общей воли, чтобы в государстве не было ни одного частичного сообщества и чтобы каждый гражданин высказывал только свое собственно мнение»².

Третий этап — этап институционализации³ политических партий, превращение их в современную разновидность политических объединений. Этот этап охватывает последние полтора столетия. В этот период партии становятся составными элементами политических систем большинства стран мира. Их деятельность выходит за пределы локальных клубов, они становятся во многих странах массовыми общенациональными объединениями, представляющими интересы широких слоев населения. Они завоевывают свое место в системе отношений государства и гражданского общества. Их место и функции в политической системе начинают закрепляться либо в статьях конституций,

¹ Юм. Д. О партиях вообще // Малые произведения. М., 1996. С. 40—41.

² Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1998. С. 220.

³ Теоретики социологии знания П. Бергер и Т. Лукман подчеркивают, что «институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями различного рода... Институты уже благодаря самому факту их существования контролируют человеческое поведение, устанавливая предопределенные его образцы, которые придают поведению одно из многих, теоретически возможных направлений». В современной политологии институционализация выдвигается в качестве одного из важных критериев политической развитости общества. Как подчеркивает известный представитель американской политической науки С. Хантингтон «стабильность того или иного государства зависит от взаимоотношений между уровнем политического участия и уровнем политической институционализации». Таким образом, если исходить из того, что социальные институты — это относительно устойчивые, закрепившиеся модели поведения, то понятно, что институционализация тех или иных общественных явлений — это всегда исторический, протекающий некоторое время процесс, в котором можно выделить определенные этапы.

либо в специальных законах о партиях. Первые современные партии, которые, конечно, в период своего оформления отличались уровнем организации, — это Демократическая партия США (1828), Либеральная партия Великобритании (1832), Союз коммунистов (1847), Республиканская партия США (1854), Всеобщий немецкий рабочий союз (1863), Консервативная партия Великобритании, Социал-демократическая рабочая партия Германии (1869), Французская партия радикалов-социалистов (1869).

В партиях уже видят не только объединения, которые могут породить угрозу общественному порядку, но и организации, которые несут в себе положительное начало. Такие представления о партиях появились в конце XVIII в. и затем стали преобладающими в последующих исследованиях. Так, один из авторов известного «Федералиста» Дж. Медисон, называя сначала частичные объединения граждан крамолой, дает им следующее определение: «Под крамольным сообществом я разумею некое число граждан, независимо от того, составляет ли оно большую или меньшую часть целого, которые объединены и охвачены общим увлечением или интересом, противным правам других граждан или постоянным и совокупным интересам всего общества»¹. Далее, однако, Медисон показывает неизбежность существования различных интересов и тем самым гражданских объединений в любом обществе и подчеркивает, что «урегулирование этих многообразных и противостоящих интересов составляет главную задачу современного законодательства, неизбежно окрашивая партийным и групповым духом все необходимые и повседневные действия правительства»². Другой же автор этого сочинения А. Гамильтон подчеркивает, что «в законодательном органе стремительность принятия решений чаще зло, чем добро. Различие во мнениях и столкновение партий в этой ветви правительства, хотя иногда и препятствует полезным планам, тем не менее чаще способствует размышлениям и осмотрительности, пресечению крайностей большинства»³.

В дальнейшем эти амбивалентные представления о природе партий развивались в работах многих ученых. Так, немецкий политолог и социолог Р. Михельс в книге, вышедшей в Лейпциге в 1911 г., подчеркивает, что политические партии — необходимое средство защиты социальными движениями своих главных интересов. «Любой класс, предъявляющий обществу определенные требования... нуждается в политической организации в качестве единственного средства для осуществления совокупной воли»⁴.

Однако, как показывает Р. Михельс, политические партии, как и любые крупные организации, вынуждены вверять своим лидерам

¹ Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Медисона и Дж. Джея. М., 1994. С. 79.

² Там же. С. 81.

³ Там же. С. 462.

⁴ *Михельс Р.* Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 3. С. 55.

монопольную власть. Возвышение партийной олигархии над политическими партиями и социальными движениями есть следствие целого ряда факторов: некомпетентности масс, необходимости знаний и навыков политической работы, потребности в эффективном руководстве в условиях межпартийной борьбы. Партийная олигархия, искусно пользуясь разнообразными ресурсами, начинает существовать не для социальных движений, а за счет этих партий и движений.

В силу этого, как показал Р. Михельс, происходит вырождение внутрипартийной демократии. Этот процесс он сформулировал как «железный закон олигархизации»: «Во всех партиях, независимо от их типа, демократия ведет к олигархии». Суть этого закона заключается в том, что властные ресурсы в партиях используются не столько для защиты интересов партийных масс, сколько для реализации интересов партийных лидеров. Вместе с тем Р. Михельс отмечал, что без партий в современную эпоху невозможно добиться успехов в политической борьбе, в борьбе различных социальных слоев за распределение и перераспределение общественных ресурсов. Несмотря на то что борьба за демократию приобретает олигархические формы, все же межпартийная конкуренция, по мнению Р. Михельса, способствует отбору и продвижению к власти в государстве наиболее достойных.

Об амбивалентной природе партий много писал в своих работах второй половины XIX в. русский ученый Б. Н. Чичерин. Он показывал необходимость партий при представительном правлении. Однако в борьбе и господстве партий, которое имеет свои выгоды, «лежит величайшая опасность политической свободы... здесь разгораются страсти, нередко исчезает справедливость и употребляются средства, которые не могут быть оправданы нравственностью»¹.

Амбивалентная природа партий проявляется в деформациях функций политических партий. Деятельность партий в их наиболее развитой современной форме выявила целый ряд важных функций, выполняемых ими в обществе и его политической системе. Как известно, в понятии «функция» отражается роль, которую тот или иной социальный институт или процесс играет в общественной системе более высокого уровня, а также зависимость, которая наблюдается между различными социальными процессами². Функциональное измерение политических партий представляется необходимым элементом их научного исследования. Анализ партий с точки зрения реализации свойственных им функций позволяет делать выводы об их эффективности, типах, особенностях этого политического института в различных обществах. Функции многообразны и далеко не все из них выявлены и достаточно исследованы. В научной литературе, которая рассматривает функции партий, выделяются такие, как:

¹ Чичерин Б. Н. О народном представительстве // Антология мировой политической мысли. Т. 4. М., 1997. С. 137, 148.

² См.: Функция социальная // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 727; а также: Функция // Философская энциклопедия.

— функция политического представительства. Содержание этой функции сводится к политической репрезентации интересов общества в целом и различных его слоев. В том числе и тех, которые недовольны действующей властью и полагают, что при наличии этой власти их проблемы не будут решаться. Требования этих групп населения представляются, как правило, оппозиционными партиями;

— формирование и использование власти. Эта функция особенно четко проявляется в парламентских формах правления, в которых партия большинства в парламенте, самостоятельно или в коалиции, формирует правительство, а ее лидер становится главой кабинета;

— функция легитимации власти заключается в обосновании легитимности правящего режима. Партии осуществляют это через СМИ, систему партийного образования, воспитывая население в духе уважения к сложившемуся строю, действующему режиму и т. п. Легитимацию власти осуществляют даже оппозиционные партии. По мнению Ф. Гизо, исправляя ошибки власти, оппозиция поддерживает саму власть, против которой борется. Оппозиция «выполняет подлинную миссию, к которой призывает представительная система, и, исправляя, поддерживает саму власть, против которой борется»¹. Современные российские исследователи также отмечают, что «поиски компромиссов, введение представителей оппозиции в систему государственной власти в высшей степени содействует легитимации последней... Разумное отношение государственной власти к оппозиции расширяет социальную базу власти»². Оппозиция может выступать важным фактором стабилизации политической системы. Поскольку признание оппозиции в обществе есть признание разнообразия и противоречивости интересов, постольку признанная оппозиция легитимирует социальные конфликты и может быть важным средством их преодоления;

— формулировка целей общественного развития. Содержание этой функции заключается в разработке и предложении обществу альтернатив социально-политического и экономического развития, выхода из кризисных ситуаций. Партии выступают важным источником будущих социальных перемен и политических преобразований (поэтому эту функцию называют еще преобразовательной, или творческой), разрабатывают проекты развития общества, осуществляют коррекцию правительственных проектов. В демократических обществах программы, проекты, идеи правящих и оппозиционных партий свободно выносятся на суд общественности. Особенно активно этот процесс осуществляется в ходе избирательных кампаний. И если оппозиции удастся показать преимущества своих программ и способность их реализовать; то появляются возможности прихода к власти оппозиционных партий;

— аккумуляция и артикуляция (лат. *articulatio* — ясно произносить) интересов и требований различных социальных групп граждан. Партии объединяют (аккумулируют) близкие по своему характеру интересы отдельных граждан и социальных слоев населения и преобразуют

¹ Там же. С. 448.

² Чиркин В. Е. Основы государственной власти. М., 1996. С. 100.

(агрегируют) эти интересы в обобщенный интерес. И затем придают смутным чаяниям масс форму четких и обоснованных требований, предъявляемых к власти. Эти требования предъявляются посредством участия партий в законотворческом процессе, в структурах исполнительной власти, а также когда партии возглавляют оппозиционно настроенные слои населения. В этом процессе проявляется и коммуникативная функция, а также функция институционализации (канализации) социального недовольства;

— функция политической мобилизации проявляется в способности партий вовлекать граждан в различные формы политического участия: избирательные кампании и выборы, митинги и демонстрации, в обсуждение законопроектов и в контроль за их реализацией. Мобилизация и участие граждан может протекать как в легальных, так и нелегальных формах. Там, где оппозиционные партии дееспособны, они могут направлять массовое недовольство в русло цивилизованного решения, могут предотвратить такие формы мобилизованного участия, как борьба на баррикадах, забастовки, голодовки, теракты. Свободное обсуждение даже самых острых проблем может предотвратить силовые формы их разрешения. Вместе с тем следует отметить, что оппозиционные партии часто искусственно обостряют имеющиеся в обществе проблемы, что ведет к социальной нестабильности. В недемократических системах перед оппозицией, как правило, не остается иных путей, кроме нелегальных, чтобы донести до общества определенные требования;

— социализирующая функция политических партий заключается в том, что партии включают граждан в политическую жизнь, способствуют усвоению ими норм, ценностей и образцов поведения в политической сфере. Многие политические партии имеют в своих структурах молодежные фракции, посредством деятельности в которых у молодежи формируется политическая культура, вырабатываются нормы консенсусных отношений в условиях партийно-политического плюрализма;

— формирование, воспроизводство и ротация политических лидеров (или политическое рекрутирование). Партии являются важным источником формирования политических лидеров, выявления, подготовки и продвижения политиков на партийные и государственные должности. В рядах политических партий во многих странах формируются будущие президенты и вице-президенты, главы правительств и министры и т. д.

Эта функция проявляется и в деятельности оппозиционных партий, в их способности представить обществу авторитетный теневой кабинет. Теневым кабинетом называют группу влиятельных представителей оппозиции, являющихся кандидатами на министерские посты в случае прихода партии к власти. В функции теневого кабинета входит, как правило, осуществление постоянного мониторинга деятельности действующей власти, подготовка материалов для докладов от парламентской оппозиции, подготовка законопроектов и др. Неспособность сформировать теневой кабинет из компетентных и известных общественности политиков свидетельствует о слабости политической оппозиции;

— критическая функция. Критикуя официальный курс правительства в ходе законотворческого процесса, партии имеют возможность добиваться принципиальных уступок от находящейся у власти администрации и корректировать ее политику. Имеется широкий спектр вопросов, по которым партии могут контролировать и критиковать действующую власть. Это нарушение Конституции и норм текущего законодательства, это существенное расхождение между предвыборными обещаниями правящих сил и проводимой ими политикой и многое другое. «Оппозиция должна преследовать власть по пятам, достаточно часто встречаться на ее пути, выглядеть перед нею хорошо вооруженной, дабы заставить ту ощутить потребность не впадать в заблуждение, дабы оказывать на нее воздействие, хотя власть ее отвергает и даже одерживает над ней победы»¹;

— контролирующая функция. В демократическом обществе партии служат гарантом эффективного контроля работы правительства. Видный немецкий исследователь П. Ноак в книге «Что такое политика? Введение в науку о ней» определяет оппозиционные партии как орган, контролирующий правящую элиту. Он пишет: «В парламентских системах противостоят друг другу не правительство и парламент, но правительственные фракции плюс кабинет и оппозиционные партии как контролирующий орган»².

Глубокие исследования политических партий предполагают осуществлять тщательное измерение (анализ) функций политических партий, выявлять степень осуществления этих функций, причины функциональных деформаций и т. д.

Однако понимание места и роли политических партий в определенной стране требует осуществления и других важных измерений деятельности партий. К таковым основным измерениям политических партий помимо функционального относятся идеологическое, социальное, организационное и политическое. Каждое из них характеризует важную сторону феномена «партия».

Идеологическое (или доктринальное) измерение партий предполагает исследование идей, взглядов и программ политических партий. Здесь важно обращать внимание на то, в какой мере идеология интегрирует членов партии как общность, в какой мере доктрина партии привлекательна для общества или определенных социальных групп, в какой мере идеология отражает интересы этих групп. В период написания своей работы «Политические партии» — а это середина прошлого века — М. Дюверже отмечал, что «подавляющая часть исследований политических партий связана главным образом с анализом их доктрин»³. Программы играют особенно важную роль на этапе становления партий, но и в дальнейшем своем функционировании партии уделяют боль-

¹ Чиркин В. Е. Основы государственной власти. М., 1996. С. 447.

² Noack P. Was ist Politik? Eine Einföhrung in ihre Wissenschaft. Munchen, 1978. S. 206—207.

³ Дюверже М. Политические партии. М., 2000. С. 17.

шое внимание выдвигению и обоснованию определенных ценностей в качестве общественно значимых и воодушевляющих людей на их достижение. В качестве таких ценностей-идеалов различные партии выдвигают в своих программах такие, как справедливость, свобода, равенство, национальная независимость и др. Первые партийные клубы в Европе появились как раз в связи с идеологическими разногласиями (виги и тори в Англии). Значимость идеологического фактора проявляется в современной партийной борьбе в России. Борьба российских партий за власть и влияние проявляется в форме противоборства идей консервативного, либерального, коммунистического, великодержавного, националистического толка.

Очень важное значение для познания партий имеет социальное измерение. Это измерение политических партий связано с анализом их социальной базы. Важность этого измерения отмечалась многими исследователями. Так, известный итальянский теоретик и политический деятель А. Грамши писал: «...История партии не может не быть историей определенной социальной группы»¹. Разобренная масса избирателей, голосующих за или против власти, еще не представляет собой социальную базу партий. Если те или иные слои населения идентифицируют себя с определенной политической партией, привержены ценностям этой партии, от выборов к выборам голосуют за эту партию, хотя и не являются ее членами, можно сказать, эта партия имеет определенную социальную базу. Но социальная база партий не ограничивается их электоратом. Анализ социальной базы партий предполагает изучения и тех слоев населения, которые являются абсентеистами, апатичными, но среди них могут быть сочувствующие той или иной партии и в перспективе расширяющие ряды надежных сторонников партии. Партии без социальной базы, как правило, не имеют шансов в борьбе за власть.

Распространенной формой борьбы партий за расширение социальной базы является создание вокруг той или иной партии различного рода блоков (блок партийных и беспартийных), народных фронтов и т. д. Изменения в численности партий, массовость мероприятий, которые они проводят, результаты местных и общенациональных выборов, показатели социологических исследований позволяют осуществлять замеры в динамике социальной базы той или иной партии и в соответствии с этим вносить коррективы в тактику и стратегию партий. Исследование политических партий через анализ их классовой базы, социального и этнонационального состава особенно характерно для марксистских теоретиков.

Организационное измерение партий предполагает анализ их структуры, связей между основными ее элементами, роли этих элементов в деятельности партий. Организационное измерение политических партий характерно для исследований М. Острогорского, Р. Михельса, а также для исследовательского проекта М. Дюверже, реализованного им в книге «Политические партии». Согласно М. Дюверже, «в приро-

¹ Грамши А. Тюремные тетради. Т. 3. М., 1959. С. 138.

де организации современных политических партий их сущность раскрывается куда более полно, нежели в их программах или классовом составе. Партия есть общность на базе определенной специфической структуры»¹. Разрабатывая теорию партий, А. Грамши включал в их структуру следующие элементы: «социальная группа, партийная масса, партийная бюрократия и генеральный штаб партии»². В современной литературе используется в основном структура партий, предложенная М. Дюверже. Это лидер или руководство партии, партийный актив, рядовые члены партий, симпатизирующие данной партии (симпатизанты), избиратели данной партии³. При анализе некоторого типа партий к элементам этой структуры следует добавить их бюрократический аппарат.

Политическое измерение веса партии в обществе предполагает анализ властных ресурсов или ресурсов влияния той или иной партии. Важными индикаторами политического веса партии являются ее статус в институтах власти (правящая или оппозиционная); наличие и численность партийных фракций в общенациональных и региональных парламентах; количество и значимость министерских должностей, занимаемых той или иной партией в правительстве. Важным показателем политического веса партий в современной России выступает анализ партийного состава членов Совета Федерации, губернаторского корпуса, а также возможность той или иной партии использовать «административный ресурс». Политический вес оппозиционных партий проявляется и измеряется, кроме того, их возможностью влиять на принятие или непринятие решений.

Выявление основных измерений значимости партий — это не произвол исследователей. Идеология или доктрина, степень организованности партий, их социальная база, политический вес — все это выступает важнейшими признаками партии, что и позволяет дать следующее определение политической партии. Политические партии — это организованные группы единомышленников, представляющие интересы определенных слоев народа путем приобретения и использования государственной власти или участия в ее осуществлении. От всех других организованных объединений политические партии отличаются нацеленностью на приобретение и использование власти. Это есть важнейший признак политической партии.

Познание политических партий предполагает рассмотрение вопроса их типологии. Под типологией понимается метод поиска устойчивых сочетаний признаков изучаемых объектов, позволяющий распределить их по относительно однородным признакам. Как известно, типология (классификация) является одним из способов упорядочения теоретического и эмпирического материала. Вместе с тем типология выступает и как методология познания и в этой своей функции позволяет разграничить главные и второстепенные признаки изучаемых объектов,

¹ Дюверже М. Политические партии. М., 2000. С. 18.

² Грамши А. Указ. соч. С. 176.

³ Дюверже М. Указ. соч. С. 140—141.

разрабатывать и уточнять понятийный аппарат исследования, строить гипотезы, определять «белые пятна» исследуемых явлений и т. д.¹

Переходя к вопросу типологии политических партий, следует отметить, что основания их классификации достаточно многообразны.

Партии классифицируют:

— в соответствии с основными идеологиями, лежащим в основе их политических программ. На основе этого критерия М. Дюверже выделял консервативные, либеральные, социалистические, коммунистические, фашистские партии;

— в зависимости от социальной базы различают пролетарские, буржуазные, крестьянские партии. Партии, включающие представителей нескольких социальных групп и слоев, относят к смешанным. Всеохватные партии (партии «хватая всех») обращаются ко всем группам и слоям общества, обещают представлять и защищать интересы всех и каждого;

— в зависимости от оргструктуры, численности и характера членства М. Дюверже выделял кадровые и массовые партии. Первые — это немногочисленные объединения популярных личностей с целью продвижения влиятельного политика в органы власти. Их активность проявляется в период избирательных кампаний. Вторые — партии, характеризующиеся значительной численностью, работой не только в период выборов, но между выборами, наличием института членских взносов и партийных билетов и в целом более высокой организацией работы. В последние десятилетия в европейских массовых партиях проявляются кризисные тенденции, вызванные последствиями наступления постиндустриального общества;

— важным основанием классификации партий является их роль в политической системе. Партии, формирующие правительство, выступают в качестве правящих партий. Партии, потерпевшие поражение в избирательной борьбе, выполняют роль внепарламентской оппозиции, действуют в обществе, критикуют правительство, разрабатывают альтернативные программы;

— на основе такого критерия, как численность партийных фракций; парламентские партии делятся на мажоритарные, имеющие более половины мест в парламенте; доминантные, имеющие большинство в парламенте; миноритарные, имеющие небольшие фракции в парламенте;

— распространенной как в научных исследованиях, так и в публицистике является классификация партий по месту на шкале координат «слева направо». По этому критерию выделяют партии левые, правые и центристские.

К левым относят партии, отстаивающие идеи справедливости и социального равенства, отдающие предпочтение общественным (государственным) и коллективным формам собственности.

¹ См.: *Сморгунов Л. В.* Теория и методология измерения демократии. СПб., 1999. С. 21—24.

К правым партиям относят те, которые акцентируют внимание на идеях прав и свобод человека, плюрализма и конкуренции в различных сферах общества. В политике — это многопартийность и конкуренция на выборах, в экономике — многообразие и конкуренция различных форм собственности.

Центристские партии, классическим примером которых являются социал-демократические партии западноевропейских государств, в экономике выступают за многообразие форм собственности и социальную ответственность бизнеса, в политике — за плюрализм и социальное государство. Государство через дифференцированную систему налогообложения перераспределяет доходы в пользу таких общезначимых сфер, как здравоохранение, образование, экология, и в целом для сильной государственной социальной политики. Предвыборные лозунги и политика социал-демократических партий, как правило, формулируются так: «Рыночная экономика и социальное государство».

Партийно-государственный механизм и политические режимы

Типы взаимодействий партий и государства. Партии рассматриваются в политической науке как институты, посредством которых осуществляется взаимодействие и коммуникация гражданского общества и государства. Однако в системе отношений «государство — общество» партии играют существенно различную роль, что обусловлено совокупностью таких факторов, как политический режим, избирательная система, форма правления, политическая культура страны и др. Среди этих факторов наиболее важным является политический режим.

Понятие «политический режим» служит важной характеристикой всей системы власти и включает совокупность приемов и методов политического властвования, состояние прав и свобод граждан, уровень законности, степень политической активности граждан в данном обществе.

История знает демократические и недемократические (авторитарные и тоталитарные) политические режимы. Наиболее обобщающим критерием выделения этих режимов является уровень политической свободы в отношениях «государство — общество», «власть — личность». Эмпирические измерения позволяют фиксировать принципиально различный уровень свободы в этих отношениях в условиях тоталитаризма (минимум свободы), демократии (максимум свободы), авторитаризма (в одних сферах наличие свободы, в других сферах ее отсутствие). Таким образом, выделяя различные типы политических режимов, политология ставит в центр внимания проблему ограничения власти и объема политических свобод в обществе.

С учетом отмеченного понятно, что различные политические режимы характеризуются разными типами взаимодействия партий и государства. Если рассматривать механизмы взаимодействия политических режимов и партий, то существенное значение для функционирования партий приобретает уровень состязательности режима.

Демократия как политический режим обеспечивает свободу для функционирования и конкуренции партий в рамках конституционных правил. Политическая практика XX в. показала, что этот режим является необходимым условием деятельности множества партий, в том числе и оппозиционных, в любом демократическом государстве. В условиях конкуренции на выборах за голоса избирателей правящие партии вынуждены уступать свои позиции партиям оппозиционным. Очень часто эта смена партий оказывается непредсказуемой. Как отмечает современный исследователь А. Пшеворский, демократия — это определенность процедур при неопределенности результатов. «Демократия — это царство неопределенности»¹. Наличие нескольких конкурирующих и сменяющих друг друга у власти партий является одним из существенных признаков современных демократий.

Смена партий у власти происходит безболезненно, поскольку для демократических режимов нехарактерно срастание какой-либо партии с государством, для демократий естественно подчинение всего государственного механизма власти целям и задачам какой-либо единственной партии.

Важным индикатором того, что оппозиционные партии в той или иной стране конституировались как элементы демократического режима, заключается в повторившейся процедуре смены политических сил, формирующих правительство. Правящие партии на основе демократических процедур уступают власть оппозиционным партиям, и оппозиция, ставшая властью, также должна показать на практике свое признание демократических процедур, т. е. уступить власть тем, кто находится ей в оппозиции. Именно в этом контексте следует понимать утверждение известного немецкого философа К. Ясперса, который подчеркивает, что «наличие влиятельной оппозиции является обязательным признаком свободного общества»², а также вывод М. Дюверже о том, что «сущностной характеристикой западной демократии является наличие организованной оппозиции»³. Количество партий, меняющихся у власти, конституирует определенную партийную систему. Партийная система — это совокупность связей и отношений между партиями, осуществляющими власть в стране, это устойчивые модели взаимодействия между политическими партиями. На основе ситуации расклада партийных сил в парламенте или в правительстве в ходе лишь одной избирательной кампании еще нельзя сделать вывод о типе партийной системы в стране.

Если у власти в течение нескольких электоральных циклов меняются две партии, в стране сложилась двухпартийная система (США).

Если в ходе нескольких электоральных циклов в стране конкурируют с непредсказуемым результатом три-четыре и более партий и любая

¹ Пшеворский А. Переходы к демократии // Политология: хрестоматия / под ред. М. А. Василика. М., 1999. С. 688.

² Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 176.

³ Дюверже М. Политические партии. С. 497.

из них может победить и сформировать самостоятельно или в коалиции правительство, можно говорить о многопартийной системе.

Если в течение нескольких электоральных циклов в институтах власти имеется несколько самостоятельных партий, но преобладает одна из них, а другие не играют значительной роли, можно говорить о многопартийной системе с доминантной партией. Иногда эту систему называют полупартийной. Несколько десятилетий во второй половине XX в. Либерально-демократическая партия Японии занимала доминирующее положение в парламенте и правительстве.

Если в ходе нескольких электоральных циклов в парламент проходят несколько партий, среди них две большие, но ни одна из больших фракций не имеет большинства (50% + 1 голос), чтобы сформировать правительство, и вынуждена вступать в коалицию, как правило, с одной-двумя малыми фракциями, можно говорить о двухсполовинной партийной системе. Такая система сложилась в послевоенной ФРГ.

При всем многообразии двух и более партийных систем следует отметить, что эти системы в условиях укрепившейся демократии не позволяют никакой общественной группе, объединившись в партию и использовав ее ресурсы, захватить власть и превратить ее в своего рода собственность этой группы. Эти партийные системы в условиях демократического режима препятствуют срастанию партии и государства.

Следует подчеркнуть, что конкуренция партий за обладание государственной властью требует утверждения принципа политической нейтральности чиновников. Так, в законодательстве ФРГ закреплено следующее положение: «Чиновник служит всему народу, а не отдельной партии. Он выполняет свои обязанности добросовестно и вне связи с партийными интересами, при этом он обязан руководствоваться заботой об общих интересах и благе»¹. В США каждому государственному служащему законодательством вменяется «ставить приверженность высшим нравственным принципам своей страны выше лояльности по отношению к отдельному человеку, партии или государственному департаменту»². Служащий может проявлять политическую активность по вопросам, не связанным с той или иной партией, например в обсуждении конституционных поправок и т. п., но за активную политическую деятельность служащий может быть уволен с должности. Лишь около 5% особо важных должностей сменяются периодически в связи со сменой в Белом доме президента, представляющего Демократическую или Республиканскую партию.

Во Франции действует принцип лояльности чиновника по отношению к государству. Но эта лояльность понимается как верность нации и Конституции, а не партии или партийному правительству. Свобода политических взглядов чиновников вне службы ограничивается рекомендацией отказа от открытого выражения своих политических взглядов

¹ *Василенко И. А.* Административно-государственное управление в странах Запада. М., 2000. С. 135.

² Там же. С. 144, 149—150.

на службе. Вместе с тем есть небольшая группа высших политических чиновников, от которых требуется политический конформизм и необходимость отставки вместе с правительством.

В Великобритании по отношению к гражданской службе также действует принцип нейтральности. Гражданские служащие обязаны «добросовестно служить правительствам, придерживающимся различных политических убеждений». И только члены кабинета, состоящие из государственных служащих, уходят в отставку вместе с министром¹.

Совсем иной тип взаимодействия партий и государственно-го механизма устанавливается в условиях недемократических режимов. При недемократических режимах правящая партия исключает из общественной и политической жизни конкурирующие партии. Эти «...режимы испытывают ненависть к независимым организациям и стараются или подчинить их централизованному контролю, или же подавить с помощью силы»². После Октябрьской революции 1917 г. в России к концу 1920 г. были ликвидированы все партии, кроме большевистской, и сформирована однопартийная политическая система, означающая фактическое слияние большевистской партии и всего государственного механизма. В дальнейшем в Конституции СССР (1977) было законодательно закреплено монопольное положение одной партии, что не только по существу, но и юридически превратило ее в составную часть механизма государственной власти. Статья 6 Конституции СССР гласила: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза».

Такой же механизм интеграции партии и государства в единую партийно-государственную машину был реализован в нацистской Германии, фашистской Италии и многих авторитарно-тоталитарных режимах после Второй мировой войны. Вся государственная машина была пронизана партийным духом, партийные боссы снизу доверху замещали должности государственных служащих. Как отмечал Муссолини, «партия, полностью управляющая обществом, — факт в истории совершенно новый, для которого нет аналогий и параллелей»³. За такими политическими режимами закрепился термин «партократия».

При некоторых авторитарных режимах создавалась видимость демократии, существовало несколько партий, но они не имели самостоятельности, были зависимы от господствующей партии. И это не меняло существа дела, не меняло типа партийно-государственного механизма. Немецкий политолог О. Нидермайер характеризует политическую систему в Германской Демократической Республике как «гегемонистскую систему, т. е. как партийный ландшафт с одной руководящей

¹ *Василенко И. А.* Указ. соч. С. 165.

² *Пшеворский А.* Переходы к демократии // Политология: хрестоматия / под ред. М. А. Василика. М., 1999. С. 676.

³ *Муссолини Б.* Доктрина фашизма // Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 247.

партией — Социалистической единой партией Германии (СЕПГ) и четырьмя подчиненными партиям — это Христианский демократический союз (ХДС), Либерально-демократическая партия Германии (ЛДПГ), Национально-демократическая партия Германии (НДПГ) и Демократическая крестьянская партия Германии (ДКПГ), без свободного соревнования за получение благожелательности граждан»¹.

Механизм симбиоза единственной партии и государства существовал во всех социалистических странах независимо от того, была ли в стране лишь одна партия (как в СССР) или кроме господствующей партии имелось еще несколько зависимых. Этот симбиоз партийной бюрократии и государственного чиновничества («партийное государство»), опирающийся на распоряжение государственной собственностью, получил в исследованиях М. Джиласа наименование «новый класс». «Власть и собственность почти без остатка сосредоточена в его руках»². Отныне вся мощь государства может быть направлена на противников этой партии.

Следует отметить, что в ряде постсоветских стран за последние 20 лет сложился партийно-государственный механизм гэдэровского типа, сформировался неразрывный симбиоз государства и так называемых партий власти, представляющих чиновничество. Несмотря на то что в этих странах существуют и другие партии и что в их конституциях закреплен принцип многопартийности, в некоторых из них «партия власти» пропитывает весь государственный механизм духом унификации, безраздельного господства, монопартизма, нетерпимости к оппозиционным партиям. В этой системе партийно-государственного симбиоза власть становится нелегитимной и не только потому, что фальсифицируются выборы. Власть нелегитимна потому, что с самого начала с помощью административного ресурса организуются выборы без выбора. Исключаются неудобные кандидаты или партии, не предоставляются равные условия для конкуренции участвующим в выборах политических сил, в частности нет равного доступа к средствам массовой информации.

При исследовании политических систем, согласно Р. Арону, важным критерием, главной переменной величиной является партийный режим. Однопартийный режим исключает уважение к закону и дух компромисса из политической и общественной жизни. Многопартийные режимы также характеризуются такими несовершенствами, как несоблюдение законности (например, фальсификация результатов выборов) и т. п. Показывая несовершенство всех (конституционно-плюралистического и однопартийного) режимов, Р. Арон приходит к тому выводу, что «несовершенство конституционно-плюралистических режимов проявляется в каких-то частностях, что же касается режима с единовластной партией, то речь идет о сути». А суть заключается в том, что режим с еди-

¹ Нидермайер О. Роль партий в демократическом обществе и развитие партийной системы Германии // Партии и партийные системы. М., 2004. С. 143.

² Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 225.

новластной партией превращает правящую партию в составную часть государственного механизма власти, ведет к сращиванию партийного и государственного аппаратов. Однопартийные и псевдомногопартийные режимы ликвидируют каналы вертикальной мобильности, разрывается циркуляция политических элит, отсутствует институциональная система перехода власти при смене лидеров или партий, деформируются каналы обратной связи в системе «власть — общество». Все это создает предпосылки для силовых методов смены власти. События последних лет в Ливии, Египте, Сирии позволяют делать такие выводы при оценке недемократических режимов.

Роль права в институционализации партийного и государственного механизма. Правовое регулирование деятельности политических партий отличается большим разнообразием. В Конституциях ряда стран есть статьи, содержащие положения о партиях, в некоторых странах приняты законы о партиях, в некоторых регулируется лишь финансовая сторона деятельности партий.

Так, в Великобритании не требуется государственной регистрации партий, они считаются созданными в силу самопровозглашения. Долгое время там действовали лишь Акт 1967 г. и Акт 1984 г., устанавливающие общественный контроль финансирования партий. Но в 2000 г. был принят Закон «О политических партиях, выборах и референдумах», который регулирует и другие стороны деятельности партий.

Конституция США не содержит статей, касающихся политических партий. Регламентация деятельности партий связана лишь с их участием в выборах. На общенациональном уровне регулируется финансовая сторона участия партий в выборах. Другие аспекты их деятельности регулируются законодательством штатов.

Конституция Франции содержит положения, регулирующие деятельность партий. Статья 4 гласит: «Политические партии и группировки содействуют выражению мнений голосованием. Они создаются и осуществляют свою деятельность свободно. Они должны уважать принципы национального суверенитета и демократии». Деятельность партий определяется законом об ассоциациях, принятым более 100 лет назад. В 1988 г. был принят закон о финансовой гласности политической жизни, который закрепляет ряд требований к финансовой стороне деятельности партий.

Более детально регулируется деятельность партий в ФРГ. Статья 21 Конституция ФРГ содержит основные принципы функционирования партий: «1. Партии содействуют формированию политической воли народа. Они могут создаваться свободно. Их внутренняя организация должна соответствовать демократическим принципам. Они должны представлять публичный отчет об источниках и расходовании своих средств, а также о своем имуществе.

Партии, которые стремятся, судя по их целям или действиям их сторонников, причинить ущерб основам свободного демократического строя или устранить его либо угрожают существованию Федеративной Республики Германия, являются антиконституционными. Вопрос

об антиконституционности партий решает Федеральный конституционный суд». Как видно, эта статья требует соответствия внутренней организации партий демократическим принципам, а их деятельность должна соответствовать основам демократического строя. Недемократические партии могут признаваться антиконституционными. В 1967 г. в ФРГ был принят Закон «О политических партиях»¹, который более детально определяет конституционно-правовое положение и задачи партий, регулирует ряд вопросов внутреннего устройства и финансирования партий, принципы и размеры возмещения расходов на избирательные кампании, процедуры исполнения решения о запрете антиконституционной партии.

К настоящему времени законы о партиях приняты в большой группе стран (Португалия — 1974 г.; Австрия — 1975 г.; Испания 1978 г.; Тунис — 1988 г.; Венгрия — 1989 г.; Румыния — 1989 г.; Болгария — 1990 г.; Латвия — 1991 г.; Россия — 2001 г.). Партии превратились в один из важнейших институтов политической системы, один из цивилизованных инструментов перехода власти от одного лидера к другому, от одной политической силы к другой, поэтому вокруг законодательства о партиях и выборах разворачивается ожесточенная политическая борьба. Партии, находящиеся у власти, постоянно пытаются создать преимущества для себя и ужесточить требования для оппозиционных партий. Так, вышеупомянутые Акт 1967 г. и Акт 1984 г. в Великобритании устанавливают общественный контроль финансирования партий. Но в первом случае, т. е. Акт 1967 г., был принят при правлении лейбористов и ограничивал возможности финансирования для консерваторов. Акт 1984 г. был принят консерваторами и ограничивал возможности финансирования лейбористской партии. В России после принятия в 2001 г. Федерального закона «О политических партиях» в него постоянно вносятся изменения и дополнения. По подсчетам авторов одного из исследований, такая процедура с Законом происходила в 2002 г. — дважды, в 2003 г. — дважды, в 2004 г. — дважды, в 2005 г. — дважды, в 2006 г. — дважды, в 2007 г. — один раз, в 2008 г. — трижды, в 2009 г. — пять раз, в 2010 г. — трижды². И большинство изменений и дополнений было направлено не на совершенствование партийной системы Российской Федерации, а на ужесточение условий регистрации и дальнейшей деятельности оппозиционных партий.

Зарубежное и отечественное законодательство свидетельствует, что за партиями, как правило, закрепляются такие права, как право оказывать влияние на формирование общественного мнения; право вовлекать граждан в политическую жизнь; право выдвигать кандидатов на выборные должности; право критики правительства; право свободно распространять информацию о своей деятельности; право на свободу внутри-

¹ См.: О политических партиях. Закон Федеративной Республики Германии // Антология мировой политической мысли. Т. 5. М., 1997. С. 508—528.

² См.: Сулакшин С. С. и др. Партийная и политическая система России и государственное управление. М., 2012. С. 28.

партийной жизни; право на государственные дотации и компенсации в период избирательных кампаний; право на обладание имуществом.

За партиями закрепляется и целый ряд обязанностей. К наиболее важным относятся соблюдение требований Конституции, других нормативных актов, регламентирующих деятельность партий, признание легальности существующего строя.

Вместе с тем политические процессы в постсоциалистических странах свидетельствуют о том, что конституционное закрепление принципа многопартийности выступает важным (но недостаточным) правовым механизмом, предотвращающим сращивание той или иной партии с государством. Так, в Законе Российской Федерации в ст. 10 под названием «Государство и политические партии» закреплено следующее положение: «Лица, замещающие государственные или муниципальные должности, и лица, находящиеся на государственной или муниципальной службе, не вправе использовать преимущества своего должностного или служебного положения в интересах политической партии, членами которой они являются, либо в интересах любой иной политической партии. Указанные лица, за исключением депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, депутатов иных законодательных (представительных) органов государственной власти и депутатов представительных органов муниципальных образований, не могут быть связаны решениями политической партии при исполнении своих должностных или служебных обязанностей». Однако политическая практика свидетельствует о том, что масса российского чиновничества в период федеральных и региональных избирательных кампаний прилагает неимоверные усилия, направляет весь административный ресурс на победу «партии власти» и ее кандидатов. И это нарушение статьи Закона не находит должной оценки со стороны судебной системы Российской Федерации.

Таким образом, среди факторов, определяющих тип взаимосвязи партийной системы и государства, существенное значение имеют исторические традиции, состояние социальной структуры, уровень развития гражданского общества, уровень развития оппозиционных партий, независимость судебной системы, форма правления, форма государственного устройства.

ЛЕКЦИЯ 15. ПРАВО, МОРАЛЬ, ГОСУДАРСТВО

В литературе по теории, философии, социологии права мораль и право относят к наиболее важным элементам нормативной системы общества: их основное назначение заключается в регулировании общественных отношений. Вместе с тем право и мораль являются примерами форм оценочного мышления, которые позволяют лицам ориентироваться в социальных отношениях, выстраивать системы общественных координат и определять их приоритеты.

Социальные нормы — важная часть духовного мира, они являются конструкцией образа жизни общества. Они образуют не только систему регулирования в обществе, но и систему социальной ориентации, где каждая личность занимает определенное положение и формирует к этой системе собственное отношение: приспосабливается, желает в чем-то ее реформировать или изменить полностью¹.

Мораль — составляющая духовного и социального бытия человечества, необходимый регулятор поведения людей. Специалисты не раз отмечали двойственность природы человека: природа заложила в нас две способности для двух различных целей, а именно для человечества как животного рода и для него же как рода нравственного².

В XVII—XVIII вв. господствовали индивидуалистические теории, отрицавшие связь интересов отдельных личностей (право) с их нравственной оценкой. Объясняя общественные явления, эти теории исходили из представления об отдельном обособленном человеке, и все социальные отношения рассматривали как установления сознательной воли индивидов. С точки зрения индивидуализма требовалось только внешнее устранение вторжения в естественные свободы каждого лица.

В начале XVIII в. немецкий мыслитель Х. Томазий первым четко разграничил право и нравственность. Основной принцип права он определил правилом: «Не делай другим того, чего не хочешь, чтобы тебе делали»; т. е. к праву ученый отнес правила отрицательного характера. Нравственность, наоборот, по его мнению, характеризуется положительными формулами, определяющими обязанности по отношению не к другим лицам, а к самому себе, следовательно, основное правило нравственности гласит: «Делай другим то, что ты желаешь, чтобы тебе делали». Таким образом утверждалось различие правил нравственности и права по содержанию и по формам своего осуществления. Нравственные обязанности доводятся до человека в форме совета; правовые обязанности предписываются как веления, т. е. требования, несоблюдение которых влечет меры государственного воздействия. Государственная власть, обладающая аппаратом принуждения, заботится о надлежащем выполнении юридических обязанностей своими гражданами, однако в область нравственных обязанностей не должна вмешиваться.

¹ См. об этом, напр.: *Лейст О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 154.

² См.: *Кант И.* Предполагаемое начало человеческой истории. В кн.: *Кант И.* Соч. на нем. и рус. яз. Т. 1. Трактаты и статьи (1784—1796). М., 1994. С. 159—165, 173—175 и др.

Последующие мыслители XVIII в. развили данное противоположение морали и права.

И. Кант считал основным началом права требование, согласно которому каждый должен действовать так, чтобы его свобода совмещалась со свободой всех лиц и каждого отдельно. Юридические нормы предполагают принуждение и регулируют внешнюю сторону человеческих действий. В связи с этим право, по его теории, должно обеспечить совместный порядок существования многих личностей, упорядочив их отношения формальными правовыми принципами.

Для XVIII в. отстаивание свободы совести и других индивидуальных свобод вопреки тотальной правительственной опеки было прогрессивным. Отделение права от морали предполагало индифферентность права по отношению к сфере морали: право не должно регламентировать внутренний мир человека и стеснять индивидуальную свободу. Однако, несмотря на историко-прогрессивную роль этого разграничения, возникали теоретические вопросы противопоставления права и морали.

Если признать, что право безразлично к требованиям морали, это неизбежно приведет к тезису о вседозволенности и произволу в правовой области; четкая реализация правовых норм фактически может оказаться несправедливостью: *Summum jus, summa injuria* («Чрезмерно точное следование праву порождает высшую несправедливость»). В последующей политико-правовой мысли такие крайности разграничения права и морали постарались сблизить. Доказывалось, что право в реальной жизни не обособляется от морали: оно не ограничивается только лишь внешней стороной человеческих действий, а оценивает и внутренние стимулы поступков. Так, например, для установления договорных обязательств требовалось действительное согласие воль участников правоотношения, а не только (и не столько) их внешнее согласие¹. С другой стороны, мораль требует не только благих помыслов, но и конкретных добрых дел².

В конце XVIII — начале XIX в. к теоретическим проблемам соотношения права и морали обратились многие известные правоведы, что было предопределено двумя основными причинами: во-первых, необходимостью идейного обоснования зарождающихся отношений гражданского общества, становления законности, формирования правового государства (религиозные догматы и теория естественного права в классическом выражении в качестве идейных авторитетов были уже исчерпаны). Во-вторых, необходимостью решения проблем соотношения права и морали с точки зрения развития новых наук (антропологии, социологии, психологии).

¹ На этом положении Гегель выстраивал иерархию «неправды» в § 83 «Философии права»: 1. «непреднамеренное неправое»; 2. обман; 3. преступление (злой умысел); в зависимости от мотивации поведения к правонарушителям применялись различные виды юридической ответственности. См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 138—139.

² Выражение римского поэта *In magnis voluisse sat est* («В великом достаточно того, что хотят его») верно в том смысле, что «надо хотеть великого; но надо и уметь его совершать: в противном случае это веление ничтожно. Лавры одного лишь воления сухие листья, которые никогда не зеленели». См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 169.

Для XIX в. был очевиден факт общественной зависимости людей. С развитием капиталистических отношений ухудшилось положение основной части населения, что привело к критическим оценкам буржуазного общества за его эгоизм и антигуманное отношение к экономически незащищенным лицам. Целью права признали реализацию нравственных предписаний.

Особое место в исследовании проблематики социальной природы права и морали внес представитель критической философии Г. Радбрух. Согласно его подходу, право — это понятие культуры; нравственность относится к ценностным категориям. По мнению Г. Радбруха, подлежат сравнению два ценностных понятия — справедливость и нравственность, или два культурных — право и мораль¹.

Специалисты часто обращают внимание на внешний формальный характер права, отличающий его от внутреннего содержания морали.

Г. Радбрух выделял четыре различных значения этой характеристики права и морали.

Во-первых, право рассматривают как совокупность норм и принципов, регулирующих общественную жизнь. Однако нельзя утверждать, что право опосредует исключительно внешнее поведение (внутреннее поведение может вызывать юридические последствия, как это проявляется, например, в определении формы вины). Моральные оценки, вопреки распространенному мнению, не ограничиваются только лишь мотивацией поступков². Морально значима только проявившая себя вовне воля; воля отличается от влечения своей активностью; только действием подтверждается ее бытие и, следовательно, можно (и должно) в этом случае распространять область морали на поведение человека. Деятельность человека подлежит моральной оценке, как и внутреннее состояние индивида не исключает правовой. Различие предметов регулирования морали и права проявляется, согласно подходу Г. Радбруха, в различной направленности их интересов: внешнее поведение интересует мораль настолько, насколько оно подтверждает внутреннее поведение. Внутреннее душевное состояние попадает в область действия права только в той мере, в какой оно позволяет оценивать поведение субъекта права³.

¹ Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 49.

² Нет заслуги в «святых желаниях», которые не воплотились в конкретных поступках, или в «благих намерениях», которыми вымощена дорога в ад. См.: Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 50.

³ «Если образ мыслей лишь в качестве симптома будущих действий подлежит правовой оценке, то, с другой стороны, действия, если они рассматриваются лишь как симптомы образа мыслей, не регулируются правом. Отношения, выраженные в действиях, значимость которых определяется не по тому, каковы они есть на самом деле, а согласно тому, что они выявляют в душе преступника, должны оцениваться положительно с точки зрения морали. Так, например, в дружеских отношениях право отступает перед дружбой. В дружбе внешнее поведение вторично и не имеет самостоятельно значения. Значимо лишь то, что подтверждено образом мыслей как доказательство дружбы». Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 51.

Во-вторых, антитеза «внешнее — внутреннее» («форма — содержание») служит средством раскрытия целевого назначения права и морали. Правовая ценность характеризует действие как «хорошее» в отношении других лиц, с точки зрения морали оценивается поведение просто как «хорошее» (вне рамок общества). В правовой сфере имеются категории обязанности и долга; в моральной области — только долженствование. Не существует моральных обязательств по отношению к другим лицам в смысле притязаний к их исполнению¹.

В-третьих, различие и противопоставление понятий «внутреннее — внешнее» касается неодинаковой природы правовых и моральных обязательств: мораль требует выполнения человеком своих обязанностей только в силу долга, право допускает и другие побудительные мотивы для исполнения обязательств.

К различению категорий моральности и легальности ученые относились по-разному².

Категории моральности и легальности, по учению Г. Радбруха, означают, что только моральная норма обладает волевой природой, позволяющей индивиду свободно выбирать решение о своем долге; природа правовых норм — поведенческая. Кроме того, предметом воздействия морали является индивид с мотивацией своих поступков; с помощью права регулируются общественные отношения, действие правовых норм направлено преимущественно на внешнее поведение лиц (а не на внутренние побудительные мотивы поведения индивидов)³. Таким образом, понятие легальности — особенность не только права. Эта категория является признаком и логических, и эстетических ценностей, предметом которых не является индивид.

Согласно учению Г. Радбруха, изначально нормы права не имели нормативного характера, они состояли из оценочных, а не предписывающих должное поведение норм, и тем самым являлись критерием регулирования отношений лиц в обществе. Однако кроме оценочного назначения право имеет другую важную функцию: оно призвано направлять действия людей (стимулировать поощрениями или препятствовать запретами). Правовые нормы со временем стали ассоциироваться в основном с запретами и приказами (т. е. с велениями), в ценностной характеристике которых воля не принимает участия⁴.

¹ «Если тебя ударили по правой щеке, подставь левую, а если кто в споре потребует твое платье, отдай ему также пальто» — эта заповедь не наделяет правом на пощечину и на чужое пальто. Ее цель показать ничтожность, недействительность прав как с одной, так и с другой стороны. См.: *Радбрух Г. Философия права*. М., 2004. С. 52.

² Так, например, Г. Радбрух обращал внимание на противоречивый характер выражения «правовой долг». Согласно И. Канту, мораль требует нравственности. Право — законности. Различие верное. Неверно только толковать его как различие в способах обзывания. См.: *Радбрух Г. Философия права*. М., 2004. С. 53.

³ *Радбрух Г. Философия права*. М., 2004. С. 53.

⁴ Отличие между велением и нормой хорошо представлено Г. Радбрухом на примере выражения «Исполни свой долг!» Это веление (так как оно высказано и воздействует на волю человека) и норма (поскольку обладает значением, ценностью, долженствовани-

Норма как цель призывает к нравственности, веление требует легальности. Таким образом, суть правового веления проявляется не в действиях, а в том, чтобы побуждать к определенному поведению, т. е. в воздействии.

В-четвертых, формализм права и содержательность морали проявляется в разной ценности их источников. Право по своей природе гетерономно (подчинено внешним предписаниям); мораль автономна (самозаконна, каждый индивид налагает на себя предписания морали самостоятельно в соответствии с нравственной природой своей личности).

Ученые обращали внимание на противоречивость гетерономного обязательства: чужая воля навязывает должное, если этот процесс сопровождается каким-либо принуждением.

В праве одновременно проявляется и воля (тогда необходимо отказать от императивности в обязанностях права) и долженствование в смысле автономии (требование нравственной личности в области правового регулирования)¹. По содержанию предписаний нормы права и морали совпадают лишь частично; их связь проявляется в том, что мораль является целью права и, как следствие этого, функцией его обзывания.

При всем различии природы и содержания правовых и моральных предписаний тем не менее высказывается обоснованное положение, что только мораль может обосновывать правовые обязанности. Нормы права как веления воли, можно вывести из категории должного в силу необходимости. Однако из правового долженствования нельзя вывести понятия морального долга. Исходя из этого ученые делали вывод о частичном присоединении права к области морали: нормы права становятся специфической нормой морали². Такая «спецификация» правовой нормы в сфере морали имеет двойную ценность. Правовые обязанности в социальной этике рассматриваются как моральное благо. Наряду с тем как логические законы научной истины не принижают их самостоятельности и значения, а, наоборот, стремятся к общепризнанным понятиям, так и независимость правовых категорий сохраняется при оценке их с позиции «культурных обязанностей», т. е. с точки зрения морали³.

ем). Однако не всегда содержание нормы и веления связаны между собой. Норма — это возможность, которая стремится стать целью. Веление — только средство достижения цели. Норма требует должного поведения, веление направлено на поведение, мотивированное своим предписанием. См.: *Радбрух Г.* Философия права. М., 2004. С. 53.

¹ *Радбрух Г.* Философия права. М., 2004. С. 55—56.

² О правовых нормах, об обязанностях, о долге в правовом смысле, действии права можно говорить в том случае, если веления совести человека наделены обзывающей силой морали. См.: *Радбрух Г.* Философия права. М., 2004. С. 56.

³ «Кант вполне прав», — замечал Г. Радбрух, что «все обязанности лишь потому обязанности, что они принадлежат этике; но касающееся их законодательство не всегда поэтому содержится в этике; законодательство многих обязанностей находится за ее пределами». См.: *Кант И.* Основы метафизики нравственности. (1785). Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1963. С. 241. См. об этом: *Радбрух Г.* Философия права. М., 2004. С. 57.

Признание права частью морали возможно только потому, полагал Г. Радбрух, что целью права (при всем многообразии его содержания) является мораль. Право служит морали не посредством возложения правовых обязанностей (правовыми санкциями нельзя принудить к моральному поведению), а с помощью прав: позитивное право гарантирует лицам субъективные права с тем, чтобы эти права обеспечивали индивидам выполнение моральных обязательств¹.

Р. Иеринг определял «борьбу за право» как «обязанность морального самоутверждения». Идеальный тип борьбы за право предполагает защиту каждым человеком своего достоинства, выраженного в форме борьбы за общественные интересы². Однако в реальности право может выступать средством обеспечения человеческого достоинства без учета собственных интересов, но может мотивироваться эгоистическими интересами, лишенными моральной ценности. Таким образом, право является возможностью как морали, так и аморальности.

Этика как философская дисциплина, изучающая мораль в целом, включает деонтологию (науку о должном) и аксиологию (науку о ценностях).

В деонтологии изучаются предписания нравственности, обязанности, соотношения между должным и фактическим. Аксиология исследует понятия добра и зла, представления о справедливости, достоинстве личности, нравственные оценки поведения людей³. Моральные нормы строятся по принципам абсолютной деонтической логики, т. е. предписания морали сводятся к обязыванию или запрету, адресованному отдельным лицам. Правовые нормы выстраиваются по принципам относительной деонтической логики, выражающей предоставительно-обязывающий характер права.

Мораль — важнейшее духовное средство сплочения общества или какой-либо ее части.

Она, как и право, способствует созданию «замыренной» среды в социуме. Предписания морали адресуются человеку вообще; так называемая общечеловеческая мораль призывает людей к единению на основе признания достоинства каждой личности («человек есть мера всех вещей», «будь лицом и уважай других в качестве лица»).

Право и мораль обеспечивают социальный порядок, однако эта цель достигается ими различно.

¹ Первичную форму права теоретики и философы права видят по-разному. Теоретики права выстраивают логическую цепочку таким образом: объективное право, юридическая обязанность, субъективное право. В философии права логика понятий другая: во имя морального долга — субъективное право; ради субъективного права — объективное право и правовая обязанность. *Радбрух Г.* Философия права. С. 58.

² См.: *Иеринг Р.* Борьба за право. В кн.: *Иеринг Р.* Избр. труды: в 2 т. Т. 1. СПб., 2006. С. 24—36 и др.

³ Деонтологической этике в юриспруденции соответствует учение о правовой норме и ее структуре, о формальном характере норм права, о системности права и др. Эти вопросы предметно изучаются в рамках формально-догматической юриспруденции. См.: *Лейтм О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 177, 187 и др.

Правом регулируются действия и отношения, доказуемые в случае спора, исполнимость правовых отношений обеспечивается средствами юридического процесса. Предмет моральных оценок — это качества личности, выраженные в ее поведении.

Связь людей в праве выражается через правовые отношения (связь сторон через субъективные права и юридические обязанности); моральные отношения характеризуются взаимопомощью, солидарностью, милосердием.

Право современного общества содержится в основном в письменных источниках, подлежащих систематизации (инкорпорации, консолидации, кодификации). Мораль не имеет формальной определенности, не классифицирует факты и состояния, порождающие отношения людей, так как ситуации, в которых проявляются моральные качества личности, сложно поддаются типизации — эти обстоятельства индивидуализированы и непредсказуемы.

В правовых текстах возможны неточности, проблемы, противоречия, в связи с чем право часто порицается за несовершенство своей системы. Моральные оценки содержатся в общественном сознании и не подлежат критике за свое несовершенство.

Право, провозглашенное, но не реализованное государством (или им не соблюдаемое), вызывает недоверие к праву вообще и политическое отчуждение в обществе: государственная власть говорит одно, а делает другое. Моральные призывы и сентенции, не соблюдаемые в жизненных ситуациях, порождают разочарование в лицах, которые их провозглашают, т. е. в лицемерах, а не в нормах морали.

Право ориентировано на регулирование общественных отношений, которые подлежат формальной определенности; цель права — охрана и воспроизводство (или пресечение) определенных общественных отношений, т. е. создание и поддержание правопорядка. Цель морали заключается в формировании честной, порядочной, добродетельной личности.

В связи со сказанным можно утверждать, что нормы права выражают государственную волю, направленную на стабильный правовой порядок; в моральных нормах выражаются представления о добре, положительных качествах личности и об отношениях между людьми, характерных для данного времени и общества.

Деяние, противоречащее праву, называется правонарушением; лица, нарушившие запреты норм права или не выполнившие свои обязанности (или ненадлежащим образом выполнившие), — правонарушители. Человек, нарушивший требования морали, именуется порочным человеком.

Нормы права обязательны для всех членов общества и государственных органов; в морали вследствие субъективности оценок то, что для одних является нормой поведения, для других оказывается только лишь одним из возможных вариантов поведения¹.

¹ См.: *Лейст О. Э.* Сущность права. С. 166, 175—176.

Право оценивает действия людей и обращается к мотивации поступков только в тех случаях, когда эти мотивы влияют на квалификацию этих действий либо их последствий. Для моральных оценок мотивация поведения имеет принципиально важное значение: поступок (внешне нравственный) не будет соответствовать предписаниям морали, если его стимулами являются иные (аморальные) побуждения.

Право определяет и регулирует внешний порядок, с правом связаны социальные ожидания стабильности этого порядка. Определенные ожидания, связанные с моральной оценкой людей, основываются на нравственном облике человека и его моральной репутации (человек надежный, т. е. последовательный в своих поступках, выполняет данные им обещания, не отличается сиюминутными сменами настроений, влекущих изменения важных решений, и т. д.).

В эпохи войн, мятежей, революций, т. е. в периоды общественной нестабильности, мораль деформируется: она сводится к отстраненности от политических дел, призывает уйти во внутренний мир человека (стоики). Проблема заключается в том, что одновременно с этим мораль, по существу, не призывает к смирению и непротивлению злу: во все времена нравственный человек обязан помогать слабым, бедным, угнетенным членам общества.

Одной из основных причин противопоставления права и морали является формальная определенность права: право своей регламентацией может уравнивать жизненные обстоятельства, различные с точки зрения морали, или, наоборот, может по-разному оценивать ситуации, одинаковые с моральных позиций.

Для теоретического исследования природы права и морали как самостоятельных социальных явлений необходимо, как было показано, их разграничение. Вместе с тем не все ученые придерживались этого мнения, например, ряд правоведов конца XIX — начала XX в. полагали, что противоположность права и морали как возможного (право) и должного (мораль) снимается в высшем единстве¹.

Большую известность получило определение права как «минимума нравственности», хотя в это понятие вкладывалось разное содержание.

Г. Еллинек видел в праве этический минимум, т. е. совокупность нравственных требований, соблюдение которых на данном этапе общественного развития является безусловно необходимым. Право, по его мнению, — это только часть нравственности, составляющая необходимое условие общественного порядка. Рассуждая о действиях кредитора, государствовед писал: «Безжалостный заимодавец, отбирающий у бедного должника его последнее достояние, поступает безнравственно, но не противоправно. Это противоречие, однако, разрешается, если

¹ Подчинение права нравственности было высказано в учениях органической школы. Наряду с признанием материальных благ существуют блага формальные, т. е. право и нравственность. Нравственность регулирует мотивы и цели человеческой деятельности, право определяет зависящие от человеческой воли условия осуществления моральных целей. См. оценку органической теории немецкого философа права Г. Аренса у Н. М. Коркунова: *Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права*. СПб, 2003. С. 68.

понимать право с его этической стороны, как минимум нравственно необходимого. Хотя этот заимодавец действует и небезнравственно, выколачивая долг, но он действовал бы более нравственно, если бы отпустил его (долг. — *Прим. авт.*) должнику. При взгляде на право как низшую ступень нравственности устраняются все конфликты, которые возникают, если право и мораль представить двумя самостоятельными силами¹.

К сторонникам взгляда на право как на «минимум нравственности» относят В. С. Соловьева, однако в его философии содержание предписаний позитивного права не оправдывалось нравственными императивами. В. С. Соловьев справедливо полагал, что взаимное отношение между нравственностью и правом есть одно из основных вопросов практической философии. Он стремился отстоять «идеальную сущность права, обнаружить силу права против права силы»². Служить целям нравственного прогресса, помогать нравственному началу распространяться среди людей — вот та высшая задача права, которую подчеркивал В. С. Соловьев. Право он относил к условиям нравственного прогресса: «Тут недостаточно одного индивидуального совершенствования лиц: необходимы соответствующие изменения общественного строя». Правовые учреждения чрезвычайно важны для морального совершенствования, поскольку существование общества, полагал В. С. Соловьев, — зависит «не от совершенства некоторых, а от безопасности всех». Эта опасность не может охраняться одним нравственным законом, который остается недействительным для людей с преобладающими противообщественными инстинктами. По отношению к последним необходимы общественная организация и юридический закон³.

В. С. Соловьев постулировал право как нечто низшее по сравнению со сферой нравственности, поскольку нормы права обращены, по его мнению, лишь к неблагоприятным элементам общества. Однако субъект права — это не только лица криминального настроения. Подобное замечание часто высказывалось в адрес взглядов философа. Право, согласно идеям В. С. Соловьева, это «принудительное требование реализации определенного минимального добра либо порядка, не допускающего известных проявлений зла». Таким образом, объектом права могут быть только нарушаемые отношения («зло, имеющееся в обществе»); но куда следует отнести систему устройства и охраны общественных

¹ *Еллинек Г.* Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М., 1910. С. 61—62.

² «...Никакой человек ни при каких условиях и ни по какой причине не может рассматриваться как только средство для каких бы то ни было посторонних целей, он не может быть только средством или орудием ни для блага другого лица, ни для блага целого класса, ни, наконец, для так называемого общего блага, т. е. блага большинства людей». «Принцип человеческого достоинства, или безусловное значение каждого лица, в силу чего общество определяется как внутреннее, свободное согласие всех, — вот единственная нравственная норма». *Соловьев В. С.* Оправдание добра. Нравственная философия: соч. в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 345, 347.

³ Там же. С. 451.

отношений, финансовую систему, институты землепользования, наследственного, обязательственного права, цивилистику? Безусловно, уровень нравственности населения отражается на постановке правовых проблем и методах их разрешения, но оппоненты В. С. Соловьева справедливо считали необходимым признать за правом позитивные функции по обеспечению жизнедеятельности общества, которые с построением социально-правового государства только усиливаются¹. В. С. Соловьев критически оценивал определение Р. Иеринга (право — разграничение интересов, нравственность — их оценка), считая, что оно не раскрывает сущность данных категорий. Право определяется не фактами разграничения интересов, а общей и постоянной нормой такого разграничения. Различая «нормальные» разграничения интересов от «ненормальных» и относя к праву только первые, мы тем самым производим и их оценку. Поэтому, если нравственность определяется как оценка интересов, то право по содержанию входит в нравственность.

В. С. Соловьев различал право и мораль по следующим основаниям.

Во-первых, безусловно, нравственное требование (например, любовь к своим врагам) — это сфера идеала, безграничного понятия. Право по своей сути ограничено, оно требует низшей степени нравственного состояния, т. е. только фактической задержки проявлений безнравственной воли. Однако, рассуждал философ, это различие не является противоречием права и морали, поскольку с точки зрения права закон не отрицает высшего нравственного совершенства. «Право есть низший предел или определенный минимум нравственности»².

Во-вторых, исполнение нравственных требований «не обуславливается непременно» и не исчерпывается внешними проявлениями либо материальными действиями. Юридические законы предписывают определенные внешние действия. В этом положении В. С. Соловьев тоже не усматривал полярности в соотношении права и морали, так как нравственные требования не только не исключают, но и предполагают внешние поступки как доказательство своих помыслов (например, милосердие проявляется в благотворительных делах). В свою очередь, правовые предписания не отрицают внутренних состояний (хотя и не требуют их в обязательном порядке). И нравственные, и юридические законы относятся к внутреннему существу человека (к его воле), но нравственные нормы обращаются к ней непосредственно, а юридические — только по отношению к внешним фактам, с правовой точки зрения важно объективное выражение воли в совершении либо недопущении определенных деяний.

¹ В идее «совершенное правовое государство должно обнять всех граждан нормами идеального естественного права, и постепенное приближение к этому идеалу возможно именно потому, что есть такие нормы всепокоряющей справедливости... и в настоящем состоянии человечества... нормы права и морали обязательны для всех». *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 284.

² *Соловьев В. С.* Нравственность и право. Оправдание добра. Нравственная философия. В кн.: *Соловьев В. С.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 448.

В-третьих, требование нравственного совершенства предполагает свободное (добровольное) исполнение. Право допускает прямое или косвенное принуждение; так как его цель заключается в реализации какого-либо блага (например, общественной безопасности), то принудительный характер юридических законов оказывается необходимостью (только лишь словесными убеждениями нельзя прекратить убийства, мошенничества, терроризм и др.). «Право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра или порядка, не допускающего известных проявлений зла»¹. Нельзя ограничиваться одними разговорами о добре вместо того, чтобы деятельно помогать ближним в ограждении их от губительных «захватов зла».

У каждого члена общества должна быть личная свобода как условие его нравственного поведения. Существование такого общества зависит от общественной безопасности, которая должна поддерживаться принудительными законами; в связи с чем последние являются «необходимым условием нравственного совершенства».

Правовое принуждение не делает никого добродетельным: злобный человек может проявлять свою злобу в интригах, злословии, ссорах и т. д. Однако, когда злая воля лица грозит безопасности целого общества, тогда закон ограничивает эту «свободу зла»². Поэтому для юридической оценки важна не злая воля сама по себе и не результат деяния сам по себе, а только связь намерения лица с результатом либо со степенью реализации злой воли в деянии.

Взгляды В. С. Соловьева на соотношение права и морали были предметом многих дискуссий. Известный государствовед и историк политико-правовой мысли Б. Н. Чичерин не разделял данную позицию. Он отмечал, что соединение нравственных и правовых начал порождает насильственное вторжение власти в духовный мир человека, «идеологию принудительного братства, противоречащей достоинству человека и приводящей к его полному порабощению»³. Он справедливо полагал, что даже если только минимальная часть нравственности будет поддерживаться государственным принуждением, тем не менее все равно возникает закономерный вопрос: кто и каким образом будет определять границы этого вмешательства в область внутреннего мира человека? Он обращал внимание на опасность данного подхода к соотношению права и нравственности, который ссылками на прин-

¹ Соловьев В. С. Указ. соч. С. 450.

² «Право в интересе свободы дозволяет людям быть злыми, не вмешивается в их свободный выбор между добром и злом; оно только в интересе общего блага препятствует злему человеку стать злодеем, опасным для самого существования общества». Соловьев В. С. Указ. соч. С. 454.

³ См.: Чичерин Б. Н. Философия права. СПб., 1998. С. 155—156 и др. См. оценки связи права и нравственности в философии Соловьева и учении Чичерина см.: Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. В кн.: Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 223 и др.

ципы нравственности, идеи общего блага и воли народа мог привести к тотальному принуждению членов общества¹. В праве нельзя видеть только осуществление нравственности уже потому, что не все содержание права определяется нравственными началами (например, структура и порядок действия государственных органов, формы заключения договоров, нормы права, закрепляющие избирательную систему, регулирующие составление, утверждение, исполнение бюджета и многое другое). Нравственные установки у людей различны; представлений о справедливости много, они субъективны. Право едино, систематизировано, формально, оно признается и защищается от нарушений государством². Кроме того, в морали, в отличие от права, нет количественных измерений; с точки зрения нравственного должностования личность оценивается целиком³.

Последователь философии права В. С. Соловьева А. С. Яценко выступал в защиту теории права как минимума нравственности, критикуя при этом учения Б. Н. Чичерина, Г. Ф. Шершеневича, П. И. Новгородцева, кн. Е. Н. Трубецкого⁴. К числу приверженцев данной теории можно отнести Ф. В. Тарановского, который вслед за Г. Еллинеком полагал, что основу любого правопорядка составляет представление о со-

¹ См. об этом, напр.: *Лейст О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 185 и др.

² См.: *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права (по 9-му изд. СПб., 1914). СПб., 2003. С. 68—69.

³ Вопреки этому положению, право не только допускает, но и узаконивает денежное возмещение морального вреда: создаются схемы, диаграммы, системы исчисления причиненного морального вреда. Однако отношение к такого рода денежным выплатам неоднозначно. Категорический протест денежным компенсациям за моральный вред выражал теоретик права и цивилист Г. Ф. Шершеневич. Вознаграждение за нравственный вред есть само нравственный вред. Оно не только не восстанавливает нарушенного равновесия, но само его усиливает. Нравственный вред допускает только нравственное удовлетворение: приговор общественного мнения, приговор государственного или третейского суда. Законодательство, устанавливающее принцип денежной возмездности нравственного вреда, вызывает безнравственные мотивы в представлении своих граждан. Нужно проникнуться глубоким презрением к личности человека, чтобы внушать ему, что деньги способны дать удовлетворение всяким нравственным страданиям. Переложение морального вреда на деньги есть результат буржуазного духа, который оценивает все на деньги, который считает все проданным. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права: учеб. пособие (по изданию 1910—1912 гг.) Т. 2. М., 1995. С. 263.

⁴ «Право есть совокупность действующих в обществе, вследствие коллективно-психического переживания членами общества и принудительного осуществления органами власти, норм поведения, устанавливающих равновесие между интересами личной свободы и общественного блага». См.: *Яценко А. С.* Теория федерализма. С. 175. *Он же.* Синтетическая точка зрения в юридических теориях // Журнал Министерства юстиции. 1912. Янв. С. 13. Оценку теории А. С. Яценко и отличия интерпретации им теории этического минимума от учения Вл. Соловьева см.: *Прибыткова Е. А.* Несовременный современник: философия права В. С. Соловьева. М., 2011. С. 325—328.

циальном значении охраняемого блага и его необходимости для защиты и развития общества¹.

Интересный подход объединения основных положений теории этического минимума предложен Е. А. Прибытковой.

1. Теория этического минимума исходит из принципиального соответствия индивидуального и социального аспектов этики.

2. Существенным моментом учения об этическом минимуме в праве составляет положение о том, что основополагающие принципы правопорядка обусловлены моральными обязанностями субъектов и призваны охранять возможность реализации последних.

3. Концепция этического минимума в праве утверждает содержательное единство правовых и нравственных требований, которые меняются от эпохи к эпохе, но всегда соответствуют друг другу в данном социальном контексте.

4. Постулируется онтологический статус нравственного элемента в праве, соответствующий минимальным стандартам должного поведения, без которого общество не может существовать и развиваться.

5. В вопросе соотношения права и нравственности теория этического минимума занимает среднее положение между позициями, высказанными сторонниками юснатурализма и юридического позитивизма².

Как отмечалось, нормы морали исследуются абсолютной деонтической логикой, но для права этого изучения недостаточно: правовые нормы регулируют поведение людей не только с помощью обязывающих и запретительных норм, но и с помощью предоставительно-обязывающих норм, наделяющих участников правоотношения субъективными правами и обязанностями.

Данное различие между правом и моралью взял за основу своей теории Л. И. Петражицкий, относивший к праву все нормы, содержащие притязания («императивно-атрибутивные» эмоции), а к морали — только «императивные» эмоции, поскольку в этой области нет права притязания (например, нельзя требовать предоставления милостыни)³.

Его концепция соотношения права и морали разрабатывалась в острой дискуссии с представителями других теорий права. С критическими замечаниями на теорию Л. И. Петражицкого выступил ряд правоведов, в том числе Б. А. Кистяковский и П. И. Новгородцев. По мнению Кистяковского, понятие права в учении Петражицкого не-

¹ Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. С. 131. Ф. В. Тарановский поддерживал социально-этические функции норм права в учении Вл. Соловьева и подчеркивал «прямую объективность моральной задачи права». См.: Тарановский Ф. В. Учение об этическом минимуме в праве // Энциклопедия права. С. 120—127. Цит. по: Прибыткова Е. А. Несвоевременный современник: философия права В. С. Соловьева. М., 2011. С. 328.

² См.: Прибыткова Е. А. Несвоевременный современник: философия права В. С. Соловьева. М., 2011.

³ См.: Петражицкий Л. И. Очерки философии права (1900—1903). Он же. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии (1908). В кн.: Петражицкий Л. И. Теория и политика права. Избр. труды. СПб., 2010.

оправданно широко. Это не понятие права, а «понятие правовой психики». Л. И. Петражицкий, утверждал он, «отверг все, что дает современная юриспруденция, и захотел изучать не то право, которым занимаются профессиональные юристы. Вместо, однако, какого-то иного, подлинного права он обрел лишь правовую психику». При этом не признавал, что он «изучает другой предмет, а думает, что он создает лишь чисто научную теорию того же предмета, который интересует и юристов-практиков. Но, с другой стороны, психологическое понятие права Л. И. Петражицкого и чересчур узко. Оно неспособно объять, а тем более определить истинную природу объективного права¹. П. И. Новгородцев, сторонник нормативно-этической теории права, замечал, что в нравственной сфере, как и в правовой, нельзя найти чисто императивную норму. Идея нравственного достоинства и призвания личности уже содержит элемент притязания, поэтому нравственная норма также имеет императивно-атрибутивный характер². Однако П. И. Новгородцев несколько упрощал концепцию Л. И. Петражицкого о разграничении права и морали. То, что П. И. Новгородцев называл этически объективными нормами, Л. И. Петражицкий именовал этическими эмоциями, которые подразделяются на ассоциации представлений и эмоции долга. И те, и другие могут иметь характер нормативных актов (позитивные по содержанию нормы) и могут быть интуитивными (автономными этическими убеждениями). Действительно, императивные нормы, по Л. И. Петражицкому, — это нормы нравственности, а императивно-атрибутивные — нормы права, однако это видовое различие права и морали. Л. И. Петражицкий не признавал различие эмоций долга (существуют подвиды императивных норм). Императивно-атрибутивные эмоции имеют, согласно его взгляду, разные оттенки обязательности в зависимости от того, каков объект обязанности и объект права. (Существуют: положительное содеяние, воздержание (объект обязанности), претерпевание воздействия (объект долженствования)). Таким образом, Л. И. Петражицкий признавал подвиды императивно-атрибутивных норм; кроме того, связь права и морали, считал он, проявляется в том, что из понятия обязанности вытекает понятие права, следовательно, в его основе лежит не воля (П. И. Новгородцев), не интерес (Муромцев), а долг³. П. И. Новгородцев считал необходимым опыт Л. И. Петражицкого завершить до конца, т. е. провести психологическую теорию в область этики, создав отдельную, этическую теорию. Иначе представлял значение и судьбу учения

¹ См.: Кистяковский Б. А. *Философия и социология права*. СПб, 1998. С. 173.

² *Новгородцев П. И.* К вопросу о современных философских исканиях (ответ Л. И. Петражицкому). Отдельный оттиск из журнала «Вопросы философии и психологии». Кн. XVI. Б.м.г. С. 10.

³ *Петражицкий Л.И.* О мотивах человеческих поступков, в особенности об этических мотивах и их разновидностях. СПб, 1904, С. 23, 25, 26. *Он же.* Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб, 1908. В кн.: *Петражицкий Л. И.* Теория и политика права. Избр. Труды. СПб, 2010. С. 340—348 и др. *Он же.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб, 1909. Т. 1. С. 49—51, 57—62 и др.

П. И. Петражицкого Б. А. Кистяковский. По его мнению, «эта теория должна быть превращена из теории правовой психики действительно в психологическую теорию права». Соответственно этому и в определенные понятия права, данное П. И. Петражицким, должны быть введены такие признаки, при которых оно обнимало бы не всю обширную область правовой психики, а только само право как психическое явление. Только в этом случае, настаивал Б. А. Кистяковский, «психологическая теория права станет вполне приемлемой и для науки о праве, и для практической юриспруденции»¹.

Изложенные теоретические подходы к содержанию права и морали содержат важные аспекты их соотношения.

Во-первых, социальное значение права по созданию и охране правового порядка усиливается во времена падения общественной нравственности, когда возрастает потребность расширения сфер правового воздействия.

Во-вторых, хорошо известно, что высокоморальные лица практически не совершают правонарушений². Это проявляется в обыденном поведении людей и их отношениях между собой. Однако данный факт возможен только в случае непротиворечия права требованиям морали. Опыт законодательства научил законодателей не навязывать обществу правовых норм, противоречащих массовому сознанию (общественной морали), которые порождали бы всеобщий протест или в крайнем случае не настаивать на их соблюдении. При развитии законодательства необходимо учитывать критерии справедливости норм права, однако моральное сознание общества, оценивающее текст закона, не может определить содержание лучшего закона — моральных критериев для этого недостаточно³.

Каждый человек исходя из собственного жизненного опыта, правосознания, интеллекта может оценить закон, но редко кто способен стать хорошим законодателем: «Сила гения заключается в том, чтобы знать, в каких случаях нужно однообразии, а в каких уместны различия». Ш. Монтескье разъяснял, что не все политические пороки являются пороками нравственными, и наоборот, не все пороки нравственные являются пороками политическими. «Это всегда должны иметь в виду те, кто издает законы, противные общему духу»⁴. Вообще же законодатель должен следовать «духу народа», быть архитектором, который, прежде чем построить здание, учитывает множество необходимых для строительства факторов, а в данном случае оценивать моральное сознание членов общества.

¹ Кистяковский Б. А. *Философия и социология права*. СПб., 1998. С. 178.

² У Монтескье глава 11 «О духе законов» называется «О том, что если народ добродетелен, то не требуется много наказаний». *Монтескье Ш.* Избр. произв. М., 1955. С. 232.

³ Лейст О. Э. Указ. соч. С. 193—194.

⁴ Монтескье Ш. О духе законов. В кн.: *Монтескье Ш.* Избр. произв. М., 1955. С. 415.

Вопросам природы, содержания, соотношения права и морали наибольшее внимание уделялось в рамках естественно-правовых исследований. Этический момент в таких конструкциях заключался в том, что одновременно это и оценка настоящего с точки зрения нравственного должностования (а не только по закону причинно-следственных связей в истории). С позиции нормативно-этического направления нравственное начало — это абсолютная ценность: «Абсолютизм не факта, а идеи, не проявления, а сущности, не конкретного содержания, а отвлеченной формы, следовательно, не условных советов, а безусловных предписаний, как неизменное стремление к воплощению нравственного идеала»¹.

С позиции естественно-правовых учений соотношение права и нравственности проявляется в следующем. Во-первых, право и нравственность — это сфера идеального и должного, и она не может предполагать двойственность идеалов. Во-вторых, и нравственный, и юридический закон обращаются к внутреннему существу человека, к его воле. В-третьих, у права и нравственности единая конечная цель — воплощение идеи справедливости и добра. В-четвертых, эта цель должна осуществляться исходя из единого принципа личности.

Таким образом, с позиции естественного права нравственность и право представляют собой единый процесс отыскания совместного разумного сосуществования личности с обществом, равенства и свободы, имея общую цель (общее благо) при различии средств (внешнее принуждение — для права, внутреннее самосознание — для морали).

Этот подход качественным образом отличался от методологии юридического позитивизма, противопоставлявшему право и мораль по источнику, объекту, последствиям.

Различия естественно-правовой концепции и юридического позитивизма относятся к неодинаковому пониманию и назначению права: если естественно-правовой подход обращает внимание на критическую функцию права и на возможность правового восполнения, то нормы позитивного права свидетельствуют о современном состоянии права и его соответствии уровню морального сознания членов общества.

Философия и социология права рассматривает понятия «право», «справедливость», «государство» целостно, поскольку устанавливает между ними систематическую связь. Для уяснения связанности этих понятий О. Хеффе предложил следующую гипотезу. Если общество хочет иметь легитимный характер, то оно должно иметь нравственный характер; право должно обрести качество справедливости; справедливое право должно защищаться общественным правопорядком, а значит, принять облик справедливого государства. Данный тезис можно расположить и в обратной последовательности: государство обязано быть справедливым; политическая справедливость образует нормативно-критический

¹ Новгородцев П. И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. М., 1904. С. 95–96.

масштаб права; справедливое право является легитимной формой человеческого общежития¹.

Категория «справедливость» имеет важное значение для этики, философии, социологии права. В научной литературе справедливость определяют как нормативное понятие, которое является критерием различения справедливого и несправедливого. С точки зрения различных принципов справедливости понимания добродетели и порока выглядят по-разному, что вызывает многочисленные дискуссии². Считая нечто справедливым или несправедливым, люди руководствуются не только своими субъективными воззрениями, но и объективной оценкой. Предмет, которому дается оценка (справедливый/несправедливый, легитимный/нелегитимный), представляет собой практику человека в широком смысле: действия, субъекты, правила, регламентирующие действия, институты, в рамках которых разворачивается деятельность людей, и др. Все эти предметы прямо или косвенно зависят от воли человека, что качественно отличает их от явлений природы (например, фронт высокого давления, грозу, снегопад, шторм нельзя оценивать с точки зрения справедливости и несправедливости). Таким образом, оценка с позиции справедливости возможна только в тех случаях, когда речь идет о социально релевантных действиях и общественных отношениях. Социальные институты права и государства, как и межгосударственные отношения, подлежат таким оценкам (например, справедливым считается должностное лицо, действующее беспристрастно, справедливыми признаются законы, не ущемляющие интересы одних лиц в ущерб другим, и др.)³.

В политологии и социологии права кроме понятия социальной справедливости выделяется понятие социальной обязательности. Для определения ее характера необходимо разграничивать позитивную (конвенциональную) обязательность, т. е. реально действующую обязательность в пределах группы индивидов и социально-критическую обязательность как критерий оценки реальной обязательности с точки зрения ее справедливости / несправедливости, эффективности / неэффективности, полезности / бесполезности и т. д.⁴

¹ Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994. С. 11—12.

² Такой эмпирический подход встречает препятствие в виде большого разброса мнений относительно того, что считать справедливым. Спор ведется не только об оценке частных случаев, о правилах для их оценки, но и в отношении самих критериев оценок. Можно обнаружить расхождения во взглядах на уровне фундаментальных суждений и на уровне принципов справедливости. Например, экономический либерализм провозглашает «каждому по труду», правовое государство — «каждому гарантированное законом право», аристократии — «каждому по заслугам», социализм требует воздавать «каждому по потребностям». См.: Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994. С. 20.

³ См.: Хеффе О. Указ. соч. С. 25—26.

⁴ О различных типах практической легитимации см.: Хеффе О. Указ. соч. С. 26—27.

Нормативно-критические понятия обозначают, согласно теории О. Хеффе, не равноправные типы, а иерархически соподчиненные уровни обязательности (уровни оценки).

Выделяется три таких уровня.

1. На первом уровне обязательности оценке подлежат только средства и способы достижения цели; оценивая что-либо как «хорошее», здесь имеется в виду «хорошее в отношении чего-либо»¹.

2. На втором уровне обязательности оценке подлежат цели и задачи деятельности человека. В этом случае оценка «хорошо» фактически означает «хорошо для кого-либо» (полезно, выгодно и т. д.). Вследствие такой ориентации обязательность второго уровня (вслед за Кантом) называют прагматической (в зависимости от того, имеется ли в виду благо отдельного индивида или благо социальной группы, выделяют индивидуально-прагматическую и социально-прагматическую оценки).

3. На третьем уровне оценка обязательности выходит за пределы технико-прагматического измерения и называется моральной (нравственной).

Нормативная оценка, с позиции которой рассматриваются явления в области права и государства, понимается тройко. Правовые и государственные явления подлежат оценке как позитивные/негативные в техническом смысле, прагматическом и нравственном значениях². Справедливость не определяется только лишь понятием нравственной оценки: существует обязательность долга перед собой. К нормативным понятиям, с помощью которых оценивают личность и отношения между людьми, кроме справедливости можно отнести добродетельность, великодушие, сострадание, дружбу, солидарность и др. Однако если о доброжелательности или солидарности говорится только с точки зрения их желательности, то справедливое поведение требуется. Столкнувшись с несправедливостью, человек не просто разочаровывается, а возмущается и протестует. Следовательно, справедливость есть социальная обязательность, которую люди требуют друг от друга; понятие справедливости относится к области должного (требования), а проявляется оно в области сущего (в конкретных поступках человека и отношениях людей). Справедливость имеет приоритет в сфере общественной морали; что касается оценки деятельности государства, то справедливость представляет собой единственный критерий ее легитимности³.

¹ Например, законодательство об охране окружающей среды может считаться полезным или вредным с экономической точки зрения, так как оно или стимулирует экономический рост, или замедляет его. Подразумеваемая здесь обязательность имеет инструментальный (функциональный) характер. См.: Хеффе О. Указ. соч. С. 26—27.

² Хеффе О. Указ. соч. С. 28—29.

³ Отличительный признак справедливости от других требований морали состоит в том, что личная склонность не должна приниматься во внимание: симпатия и антипатия мешают оценке поведения человека отношение к нему должно быть беспристрастным. См.: Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994. С. 30.

В философии и социологии права различают «долг (обязанность) перед законом» (долженствование, на соблюдении которого может настаивать управомоченная сторона) и «долг перед добродетелью» (долженствование, на исполнении которого настаивать нельзя). При таком противопоставлении, замечал О. Хеффе, справедливость соответствует «долгу перед законом», а добропорядочность, солидарность и другие социально-этические требования — «долгу перед добродетелью». В случае «долга перед законом» моральному принципу соответствуют моральные требования и морально обоснованные субъективные права. На этом основании говорят о взаимодополняющем характере субъективных прав и юридических обязанностей¹.

В различных аспектах человеческого общежития выделяются личная область (мысли индивидов, их интересы, решения, мотивы поведения, принципы, жизненные установки и др.) и институциональная сфера (форма экономических отношений, право, государство, социальные институты и др.). В первом случае справедливость получает личный характер, во втором — характер институциональный. С помощью личной справедливости оцениваются отдельные действия (воздержание от них) людей. Если человек следует принципам справедливости систематически (и не из страха наказания), руководствуясь собственными убеждениями, то в этом случае оцениваются не только его конкретные поступки, но и человек в целом. Личная справедливость образует основу личности, и в этом случае она нравственная добродетель. Аналогично можно оценить единичное действие какой-либо социальной инстанции. В случае если действия власти носят положительно-стабильный характер, можно утверждать справедливый правовой порядок в социуме².

Понятийное различие личной и институциональной справедливости проявляется в следующем. Когда какое-либо отдельно взятое должностное лицо позволяет себе превышение своих полномочий, в этом случае оценивается конкретный поступок лица с точки зрения личной справедливости. Если речь идет о методическом нарушении законности со стороны какого-либо органа государства (например, если взятка — характерное явление для данного сообщества), то оценке подлежит не только конкретное должностное лицо государственного органа, но и весь государственно-правовой порядок, попустительствующий несправедливости и даже являющийся ее источником³. На этом основании различается понятие законности в узком (конкретное должностное лицо или государственный орган) и в широком смысле (социально-правовой порядок). Соотношение личной и институциональной справедливости

¹ См.: Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. С. 30.

² «Там, где действия власти справедливы не лишь в отдельных случаях, не благодаря счастливому стечению обстоятельств, но где они справедливы постоянно, по самой своей сути, можно говорить... о справедливом характере политических инстанций и институтов и даже о справедливом правовом и государственном устройстве». Хеффе О. Указ. соч. С. 32.

³ Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. С. 32—33.

может проявляться по-разному; политические условия могут способствовать или препятствовать развитию личной справедливости.

Многообразные отношения между правом и моралью характеризуются сложностью и напряженностью. Изначально право чуждо, а возможно, и противоположно природе морали, как средство по отношению к своей цели. Однако, рассматривая соотношения права и морали в понятийном и познавательном ряду как культурные ценности, очевидно, что право является средством реализации моральных ценностей. Право относится к области морали, но должно сохранить при этом свою собственную природу и содержание¹.

Большой вклад в исследование вопроса соотношения права и морали внес И. Кант, отстаивавший ценность человеческой личности. Общественные связи лиц и нравственная необходимость согласовывать свои действия с поведением и интересами других членов общества выражается в первой формуле его категорического императива: «Поступай только согласно такой максиме (правилу поведения. — *Прим. авт.*), руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом... Поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли, должна была стать всеобщим законом природы»². Немецкий мыслитель утверждал, что учение о нравственности традиционно именуется учением об обязанностях; это происходит в силу того, что моральный закон предписывает должное поведение (обязанность), исходя из которого выводится понятие о правах³. И. Кант полагал, что нравственная оценка независима от научно-детерминистского познания: научные представления о законах развития общества и вероятные гипотезы о будущем не имеют никакого отношения к источнику нравственных обязанностей — моральный долг может заставить личность идти против вероятного или очевидного естественного хода событий.

На вопрос, каким образом этические обязанности могут стать юридическими, классический ответ дает учение о праве и морали И. Канта. В его теории различается понятие «моральности» (долг ради долга) и «легальности» (учитываются мотивы поведения). С точки зрения философии Канта все законы моральны, однако законы разума имеют чисто внутренний характер, а законы юридические содержат внешнюю мотивацию и соответственно обладают внешним характером. Общим у моральных и юридических законов являются источник (разум человека) и идея обязанности. Этические предписания касаются как внешних,

¹ Право может только стимулировать мораль, но не в состоянии добиваться ее силой, так как моральный поступок по своей природе есть всегда акт свободы. См.: *Радбрух Г.* Указ. соч. С. 58—59.

² *Кант И.* Сочинения: в 6 т., Т. 4. Ч. 1. М., 1963. С. 260, 261.

³ *Кант И.* Указ. соч. Т. 4. Ч. 1. С. 149. На это различие обращали внимание многие юристы. Известный государствовед и социолог права Н. М. Коркунов писал: «Из нравственных норм выводится только безусловный нравственный долг, из юридических обусловленные друг другом право и обязанность». *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права и государства (по 9-му изд. СПб., 1914). СПб., 2003. С. 61.

так и внутренних обязанностей, как те, так и другие могут выполняться по идее чистого долга. Следовательно, этические законы включают более широкий круг предписаний, чем юридические: кроме собственно этических они предписывают и юридические императивы.

Внешние юридические обязанности приравниваются к нравственным, поскольку они могут выполняться, помимо принуждения, из одного уважения к закону. И. Кант проводил деление этических обязанностей на прямые и косвенные (например, договор и акты благожелательства). Однако, если всякая обязанность независимо от источника своего происхождения может стать предметом этических велений, это противоречит идее автономии воли как коренному условию нравственности. Возникал вопрос: каким образом нравственность может брать под свою охрану предписания, имеющие происхождение исключительно в законодательном произволе? Ответом был следующий тезис: во внешних результатах право и мораль могут совпадать; они различаются только мотивами обязательности (нравственность предполагает чистый долг, право — внешний принудительный мотив).

Высшим требованием морали является нравственная автономия. Основной принцип права — свобода личности. И. Кант и его школа ставили задачу определения нравственной основы права. Но каким образом необходимо было трактовать понятие свободы? Как подвести под этику конкретные юридические правомочия — это различные сферы разума. И. Кант признавал, что практический разум не запрещает таких проявлений; таким образом, в его учении устанавливался дозволительный для разума закон, содержащий в себе только отрицательные определения. Тем не менее возникали другие теоретические вопросы: в чем выражается моральная основа права? Где уверенность в том, что правовая свобода имеет нравственное предназначение — служить преддверием к моральному совершенствованию?

Целью учения И. Канта было формальное определение нравственной воли и понятия права; содержательного разграничения права и морали он не производил, полагая, что право вообще — это «возможность принуждения». Немецкий мыслитель следовал методу нормативного формализма¹. Согласно нормативному характеру морали, оценка должного поведения проистекает из самой нормы и не зависит от чьей-либо воли (своей или внешней). В связи с этим основой морального поведения личности этика считает совесть, чувство долга и ответственности перед собой, другими лицами, обществом в целом.

¹ Кантовский автономный субъект противостоит сущему, сознает должное, стремится подчинить действительность идее, которой мир неадекватен, почему и подлежит вечному совершенствованию. Однако конкретного идеала И. Кант не дает. Гегелевский объективный дух поглощает личность; гармония целого превышает всего; все, что нарушает всеобщность, неправомерно, недействительно. Подлинная моральность — это творимая «духом народа» конкретно-историческая совокупность нравов и законов. Действительное разумно, идеал действителен и конкретен; понять мир значит примириться с ним и жить в гармонии со «средой», осознавая свое место. Всякий правовой идеал должен быть конкретным и национальным.

Неокантианцы стремились наполнить понятия права и морали содержанием, поэтому в их учениях возникали проблемы соотношения «общественного» (понятие теоретического разума) и «идеала» (понятие практического разума), их возможного воплощения в реальной действительности.

Ценностное понимание личности (самодостаточность), с одной стороны, и связанность членов общества — с другой, проявились во второй формуле категорического императива И. Канта: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»¹. Часто в литературе подчеркивается аксиологический характер системы И. Канта ссылкой на это положение его философии, но остается в стороне мысль о необходимости достойного поведения самого лица: веди себя так, чтобы в тебе могли видеть эту «цель».

В основе поведения личности лежит свободная воля, позволяющая человеку делать необходимый выбор. Все люди разные, и уважение к проявлениям индивидуальности каждого лица предопределило формальный характер выражений категорического императива. И. Кант настаивал, что никто (ни другие лица, ни государство) не может принуждать человека быть счастливым по какому-либо известному им образцу. В этом требовании немецкого мыслителя заключается понимание свободы в условиях правового государства². Каждый человек вправе искать счастье на том пути, который он для себя выбрал (благодаря своей свободной воле) с единственным ограничением, если только он не наносит этим ущерб свободе других лиц. Поэтому «отеческое правление», при котором подданные, как дети, не способны решать, что для них хорошо, что плохо и принуждаются к пассивному состоянию ожидания от главы государства рецепта надлежащего для них поведения, есть «величайший деспотизм». При этом режиме правитель должен разъяснить своим подвластным, как именно надлежит им быть счастливыми, — этим уничтожается всякая свобода и права граждан.

Одной из задач этики И. Канта было показать долженствование в чистой форме, т. е. отделить поведение от субъективных предположений о желаниях других лиц, от собственных интересов, сиюминутных настроений и т. п. Человек должен поступать нравственно независимо ни от каких причин, руководствуясь только принципом долга. В этом состоит суть нравственного долженствования как мотива морального поведения.

Последователи его философии считали необходимым приблизить такой формальный подход к действительной жизни. Поиск всеобщего закона неизбежно приводит к выделению одной только формы волеия. В этом отношении «формализм» неустраим и вполне оправдан.

¹ Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 270.

² Свобода члена общества как человека состоит в том, что «никто не может принудить меня быть счастливым так, как он хочет (так, как он представляет себе благополучие других людей)». Кант И. О поговорке: «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики». В кн.: Кант И. Сочинения на нем. и рус. языках. М., 1994. С. 285.

Но, как объясняли неокантианцы, И. Кант ошибочно превратил теоретическую формулу категорического императива в единственно нравственный мотив. Г. Еллинек в работе «Социально-этическое значение права, неправды и наказания» замечал: «То, чего должна прежде всего требовать от человека общественная мораль, — это определенный способ внешнего отношения к другим людям, индивид должен выразить самого себя вовне». Он развивал категорический императив Канта и создал теорию социальной этики: «Если ты желаешь существования общества и его развития, ты должен поступать так, чтобы твой образ действий способствовал сохранению и благосостоянию общества». Это гипотетическое положение может быть обращено в категорическое предписание, которое гласит: «Действуй так, чтобы твой образ действий поддерживал общество и содействовал ему». Г. Еллинек стремился показать материальную сторону этической области (что именно является нравственным), при этом он исследовал проявления воли индивида во внешнем мире. Отсюда обоснование им теории социальной этики и права как «этического минимума»¹.

Р. Штаммлер, известный философ права марбургской школы неокантианства, выделял понятия нравственного и социального воления. Сущность права, по его убеждению, подчинена закономерностям человеческого воления, т. е. одинаковому способу оценки содержания целей. Право он относил не к сфере причинно-следственных отношений, а к закономерности целей (как единому, конечному, безусловно, возможному методу для суждения и определения человеческого воления). Р. Штаммлер считал, что должна быть идея свободного по содержанию воления — это и есть закономерность целей. Нравственное воление — внутренняя жизнь отдельного человека сама по себе. Социальное воление — упорядоченный строй, связующий множество людей в общем преследовании социальной цели. И нравственное, и социальное воление должны быть объективно справедливыми. Отсюда, по учению Р. Штаммлера, возникает необходимость поиска справедливого права и концепция естественного права с изменяющимся содержанием².

Осознание внутреннего морального закона — это основа индивидуализма, который, по мнению теоретиков неокантианства, затрудняет переход к «объективной» этике, к общению людей друг с другом. Идея самозаконности личности, по И. Канту, не дает полноценного представления о действительной связи людей в обществе, связи, учитывающей их различия и способы общения в интересах целого. Последнее у И. Канта подразумевается и требуется категорическим императивом, но не достаточно обоснованно. Мораль должна стать осуществляющимся законом жизни, поэтому основной метод «восполнения» учения И. Канта — это осуществление должного перехода от формальной эти-

¹ О социальной этике и требованиях общественной морали см.: *Еллинек Г.* Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М., 1910. С. 2—32, 48—63 и др.

² См.: *Штаммлер Р.* Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 54—57, 85—90 и др.

ки к теории права и государства и социологии права, раскрытие связи между обществом и личностью.

Самостоятельным вопросом в социологии права явилось различение морального закона и законов природы. Представитель марбургской школы В. А. Савальский предложил следующее решение этой проблемы. Основываясь на учении Г. Когена, ученый отличал право и нравственность от естественных законов и от природы вообще по следующим основаниям. Нормы не являются суждениями, поскольку последние имеют характер описаний процессов природы. Во-первых, право не описывает отношения и учреждения. Право — это совокупность требований, которые влекут за собой юридические последствия. Во-вторых, нормы не обуславливают законы природы. Юридическая норма упорядочивает общественные отношения — этот процесс качественным образом отличается от отношения по правилам причинности. В праве отношения выстраиваются не в соответствии с правилами причинности, а в зависимости от правил субъекта, поэтому необходимость правила юридической нормы имеет значение всеобщности. Сущность правовой нормы состоит в том, что ее содержание охватывает все единичные случаи. Из этого проистекает основоположение права: «Закон не знает пробелов» (что и означает всеобщее значение нормы права). В-третьих, закон причинности ничего не теряет в своем содержании, если он приложим только к отдельному случаю; юридические нормы носят общий характер¹. В-четвертых, законы природы касаются определения условий для обусловленного явления и, следовательно, всегда констатируют отношения прошлого; правовая норма как совокупность требований, направленных на действия людей, которые только еще должны совершиться, всегда обращены в будущее. В. А. Савальский различал этический и юридический субъект. Для соотношения этих категорий он предложил выделить в критической философии три способа, с помощью которых возможно рассматривать отличия этики и юриспруденции.

Отношение морали и права выражается следующим образом.

1. Трансцендентное (если рассматривает мораль и право вне зависимости и влияния друг от друга: где одно, там нет другого; мораль и право не имеют никаких точек соприкосновения и даже исключают друг друга)².

¹ В римском праве считалось пороком наличие закона на специальный случай. Специальный и на один случай закон искажает правовой характер закона, обнаруживая его тенденциозность. См.: *Савальский В. А.* Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др. Т. 1. М., 1909. С. 306.

² С этих позиций следует доказать, что реформы в праве и государстве имеют только технический характер, а не моральное значение, что нельзя говорить о нравственном и безнравственном праве, что идея естественного права вообще *non sens*. Особенностью этого подхода является то, что к нему примыкают не только те, кто, основываясь на эмпиризме и позитивизме, отрицает возможность научной этики, но и те, кто отмечает высоту моральных требований: этическая жизнь протекает вне правового общения. См.: *Савальский В. А.* Указ. соч. С. 321.

2. Имманентное (если происходит отождествление права и морали: право становится нравственностью, этика переходит в юриспруденцию, высшим критерием морали является положительный закон).

3. Трансцендентальное (если юридический субъект является субъектом правового общения в рамках юридического позитивизма, т. е. реализованным субъектом; этический субъект предстает как идея, как конечная цель, следовательно, он не реализован. При этом юридический субъект (правовое общение) относится к реализации не естественного процесса природы, а к области этики, поэтому возможны естественное право как идея, критика положительного права, правовое государство и др.).

С точки зрения научного идеализма таким образом выглядит соотношение этики и юриспруденции. В. А. Савальский (следуя Г. Когену) разделяет трансцендентальный способ сопоставления права и морали¹. При этом он подразумевает под правом не только официальное право, но и конвенциональные нормы, содержащиеся в нравах, в общении людей (нормы обычая, правила приличия, этикета и др.).

Большое внимание в социологии и философии права уделялось идее безусловного, которая рассматривалась в теоретическом и практическом значениях. Сторонники критической философии доказывали, что идея безусловного важна не только в умозрении, но и для эмпирической области, особенно для практической сферы. Один из основоположников марбургской школы неокантианства П. Наторп отмечал, что, если в теоретической области идея безусловного имеет только критическое значение, то в практической сфере она обнаруживает притязание на положительную ценность: нравственно доброе мыслится как безусловно должствующее быть². С точки зрения критического идеализма утверждалось, что любая истина должна и может быть обоснована исключительно в присущих самому познанию понятиях. Следовательно, чисто теоретическое значение эмпирических (опытных) законов и практическое значение идеи безусловного должны обосновываться исходя из последнего закона познающего сознания. Этим же законом снимается противоречие между обоими родами познания (теоретическим и практическим разумом), так как практический закон выходит за пределы ограниченного человеческого опыта.

Таким образом, критическое обоснование практической философии (этики) представляет собой необходимое дополнение к критической теории познания.

¹ Выступая за трансцендентальность, В. А. Савальский критикует терминологию П. И. Новгородцева, который признает дуализм государства и личности, понимая под личностью этическое значение (совокупность нравственных требований, стоящих над правом и государством, даже «вне права и вне юридического анализа»). Одновременно П. И. Новгородцев утверждает, что государство призвано охранять «живую человеческую личность», «беречь в каждом отдельном лице человека и гражданина». Получается, справедливо замечал В. А. Савальский, что личность уже не трансцендентна, а имманентна праву и государству, так как государством создается. См.: *Савальский В. А. Указ. соч. С. 74, 75, 320—322, 410, 527, 528, 535.*

² *Наторп П. Философская пропедевтика. Общее введение в философию и основные начала логики, этики и психологии. В кн.: Наторп Пауль Е. Избр. работы. М., 2006. С. 83.*

Этика как теория нравственности включает «чистую» и «конкретную» разделы. Нравственность представляет собой закономерность волевых поступков, с точки зрения которой мы оцениваем, что является безусловно хорошим (то, что безусловно должно быть), и, наоборот, чего безусловно не должно быть¹. Нравственное имеет ценность само по себе, независимо от какой-либо другой, даже самой благой, цели (И. Кант). Поэтому познавать нравственность возможно не в эмпирическом мире, а только практическим разумом — закон добра не может основываться на принуждении внешней по отношению к воле власти (гетерономной воле), но должен иметь источник в собственном внутреннем законе (автономной воле).

Спор о принципах в области этики сводится к противоречиям этического позитивизма и идеализма.

Позитивизм в этической области опирается на непосредственные факты, которые определяют волю и интересы человека. Согласно этическому позитивизму, нравственные нормы проявляются через многообразные и борющиеся между собой интересы, действующие на уровне отдельных индивидов и проявляющиеся в социуме.

Нравственные нормы, следовательно, являются общественным продуктом: они возникают в силу того, что общие интересы (в представлении большинства членов общества) принимают форму заповедей и укрепляются благодаря системе воспитания, общественного мнения, законодательства и таким образом не только определяют внешнее поведение людей, но и делаются их собственными убеждениями².

Представители этического идеализма придерживаются концептуально иного мнения: добро является добром само по себе и остается неизменным по своему существу независимо от внешних факторов и обстоятельств (именно так понимается этический идеализм в системе И. Канта). Идею добра, по учению И. Канта, нельзя получить из какого-либо эмпирического факта: чистое добро мыслится как нечто, имеющее значение само по себе, независимо от внешнего ограничения или условия, т. е. как неизменное добро. Только с точки зрения нравственного закона можно определить, в чем заключается истинное благо человека.

Таким образом, основания должного следует искать в воле человека (в ее внутреннем законе); внешнее поведение человека является только результатом этого внутреннего закона воли. Основные положения чистой этики И. Канта заключаются в следующих положениях³.

1. Только добрая воля является безусловным (без каких-либо ограничений) добром.

2. Нравственно добрым называется только то действие, которое совершается из чистого сознания долга (без иных мотиваций, например, симпатии, жалости, сопереживания и др.).

¹ См. об этом подробнее: *Наторп П.* Философская пропедевтика. С. 85.

² См.: *Наторп П.* Указ. соч. С. 86.

³ См.: *Кант И.* Основы метафизики нравственности (1785) С. 89—100; *Он же.* Критика практического разума (1788). С. 169—175. *Он же.* Раздел «Введение в метафизику нравов» (1797) С. 268—283. В кн.: *Кант И.* Критика практического разума. Изд. 3-е. (по изд.: *Кант И.* Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1963—1966. Т. 4. Ч. 1, 2. СПб., 2007.

3. Воля всегда проявляет себя вовне, т. е. обладает материей и подлечит в качестве цели осуществлению. Кроме этого, нравственная воля содержит в себе формальный фактор в виде всеобщей законности (а не какой-либо отдельной материи).

4. Формула категорического императива (безусловного повеления) нравственности основывается на всеобщем формальном характере предписаний.

5. Конечной целью и содержанием нравственного закона является нравственная воля личности. Воля человека определяется нравственным законом, она подчиняется только своему собственному внутреннему закону, т. е. является автономной¹.

В части конкретной этики различается нравственность индивидуума и нравственность социума.

Человек распоряжается своими силами с целью осуществления нравственной (или не нравственной) цели и обладает волей, которая направляет его поступки. Индивид свободно самоопределяется в выборе своих целей. Однако самосознание и все способности человека развиваются через человеческое общение. Конечная цель нравственной воли проявляется не в изолированном индивидууме, а в обществе («царство целей» по И. Канту), в котором интересы отдельного человека не только не уничтожаются, но, наоборот, только в социальных отношениях личность может себя проявить как нравственный индивид². Отсюда следует двойное значение нравственности: индивидуальное и социальное.

Общественная деятельность требует определенного регулирования, которое проявляется прежде всего в правовой организации. Социальная организация как форма общественной воли со временем проникается, по мнению П. Наторпа, нравственными нормами. Одновременно жизнь

¹ На этом положении основывается достоинство нравственной личности, которое делает личность объектом нравственной воли и запрещает рассматривать ее только как средство, требуя, чтобы она оценивалась всегда только как цель. «...Разумное существо было предназначено уже своей собственной природой как цель сама по себе и именно поэтому как законодательствующее в царстве целей, как свободное по отношению ко всем законам природы, повинующееся только тем законам, которые оно само себе дает и на основе которых его максимы могут принадлежать ко всеобщему законодательству (которому оно само так же подчиняется). В самом деле все имеет только ту ценность, какую определяет закон. Само же законодательство, определяющее всякую ценность, именно поэтому должно обладать достоинством, т. е. безусловной, несравнимой ценностью. Единственно подходящее выражение для той оценки, которую разумное существо должно дать этому достоинству, это слово "уважение". Автономия есть, таким образом, основание достоинства человека...» См. раздел «Автономия воли как высший принцип нравственности» в «Основах метафизики нравственности» И. Канта в кн.: *Кант И. Критика практического разума*. СПб., 2007. С. 96. См. об этом также: *Наторп П.* Указ. соч. С. 87—88.

² «В самом деле, все разумные существа подчинены закону, по которому каждое из них должно обращаться с самим собой и со всеми другими *не только как со средством*, но также *как с целью самой по себе*. ...Отсюда возникает систематическая связь разумных существ через общие им объективные законы, т. е. царство, которое, благодаря тому, что эти законы имеют в виду как раз отношение этих существ друг к другу как целей и средств, может быть названо царством целей...» См.: *Кант И.* Основы метафизики нравственности. В кн.: *Кант И.* Критика практического разума. СПб., 2007. С. 94.

этой организации предполагает совместный труд членов общества¹. Труд, воля, нравственный закон — все эти три элемента в неразрывном единстве присутствуют как в индивидуальной, так и в социальной жизни, однако в определенное время в области социальной деятельности может возобладать какой-либо из этих элементов: хозяйственной (экономическая деятельность), управленческой (правовые структуры) и образовательной. Правящая деятельность подчиняет труд установленному общему плану действий, направленных на общую цель. Социальная организация необходима для любой общественной деятельности, однако ярче всего социальное воздействие проявляется в правовых функциях. Исследование таких воздействий — предмет социологии права.

П. Наторп выделяет несколько добродетелей общественной жизни, которые подобны индивидуальным добродетелям. Во-первых, добродетель правды, которая означает господство разума в создании общественного порядка. Во-вторых, добродетель мужества, заключающаяся, с одной стороны, в отстаивании общественной воли против каких-либо общественных притеснений, с другой — в строгом подчинении самого общества требованиям нравственности и стремлению к ее осуществлению (Отсюда вытекает требование равного участия всех членов общества во всех социальных функциях). В-третьих, разумно устроенная организация социальной работы осуществляется с помощью системы управления. В-четвертых, вся организация общественной жизни, основу которой создают требования нравственного закона, направлена на благо всех членов общества «без исключения и без партийного предпочтения»; каждому предоставляется возможность участия «во всех основных функциях социальной жизни исключительно в меру способности, а не какого-либо внешнего преимущества (класса или состояния)»².

П. Наторп ставил перед собой цель доказать, что все построения теоретического предметного познания («опыты») можно соотнести с практическим познанием воли и нравственного закона. И теоретический, и практический разум (И. Кант) как два рода познания связаны между собой конечной объективной закономерностью и в субъективном сознании личности. Таким образом, ступени практического сознания идут параллельно ступеням теоретического познания (воля индивида проявляет себя во внешнем мире)³.

¹ Работа человека подчинена законам техники. С помощью техники господство человеческой воли и, следовательно, нравственности, распространяется на основания всего человеческого существования; этим обуславливается возможность конкретной постановки нравственных задач. См. подробнее: *Наторп П.* Указ. соч. С. 96.

² *Наторп П.* Указ. соч. С. 99—100.

³ С теоретической точки зрения функция разума проявляется в установлении «регулятивных принципов», с практической точки зрения она заключается в постановке положительных целей, т. е. функция разума предполагает критическое обсуждение всего материала, доступного человеческому разуму и упорядочивает материал (классификации, типологии явлений соответственно предметам наук). См.: *Наторп П.* Указ. соч. С. 116—118.

ЛЕКЦИЯ 16. РЕЛИГИЯ, ПРАВО, ГОСУДАРСТВО

- Религия и ее социальные связи в социологическом измерении.
- Формообразования в религиях по государственно-правовым моделям.
- Воздействие религии на государственно-правовые системы.
- Принцип свободы мысли, совести, религии и убеждений.

Религия и ее социальные связи в социологическом измерении

Поскольку вопрос «религия, право, государство» рассматривается в социологическом ключе, его решение правомерно проводить на стыке отраслевых социологических дисциплин — социологии права и социологии религии. О социологии права уже шла речь в предыдущем изложении, в данном контексте кратко обозначим социологические характеристики религии, которые имеют прямое отношение к теме.

Расчленение исторически первого типа освоения человеком мира. Исторически первым типом освоением человеком мира был первобытно-синкретический тип с соответствующими институтами первобытного общества. Его духовную сферу образовывала мифология, которая объединяла знания и умения, нормы и образцы, верования и ритуалы, мимесис, орнамент, песне-пляску и т. д. В первобытном обществе социальное нормирование представляло собой синкретическое образование, традиционно возникавшее и складывавшееся в процессе становления форм сообщения, содействия, соподчинения. Властеотношения находили выражение в институтах племенного вождя, тайных союзов и прочем. Социальное нормирование представало, прежде всего в виде табу (палинезийское — «запретное», «неприкосновенное»), которое налагало жесткие запреты (пищевые, половые, возрастные и др.) на определенные действия. Табуирование определенных действий в то же время не запрещало иные действия, направленные на удовлетворение жизненных потребностей.

В ходе дифференциации первобытно-синкретического типа культуры постепенно вычлениются и относительно отделяются друг от друга различные области духовной культуры — искусство, мораль, религия, философия, политика, наука и т. д. Социальное нормирование и властеотношения в первобытном обществе содержали предпосылки становления права и государства.

Религиозный комплекс. Религия представляет собой способ практически духовного освоения мира, одну из областей духовной жизни общества, общностей, групп, индивидов и личностей. В социологии религия рассматривается прежде всего в качестве общественной подсистемы, которая имеет определенное строение и включает соответствующие элементы и их связи. Элементы и взаимосвязи образуют религиозный комплекс (лат. *complexio* — «связывание», «соединение») — некоторое устойчивое и упорядоченное целое, в котором качества комплекса — связанность и соединенность — присущи и этому единому целому, и его компонентам. Комплекс не может быть сведен к какому-либо одному элементу и не может рассматриваться вне взаимосвязи этих элементов. Религиозный комплекс развитых религий составляют религиозное со-

знание, религиозная деятельность, религиозные отношения, религиозные организации.

Религиозное сознание. Во всех областях духовной жизни систематизирующим выступает соответствующий вид сознания; именно определенный вид сознания прочерчивает относительную границу каждой из этих областей. Сказанное полностью относится и к религии. Интегрирующим признаком религиозного сознания является религиозная вера — особое состояние психологии религиозных индивида, групп, общностей (верующих субъектов), выражающееся в феноменах уверенности, почитания, исповедания соответствующих взглядов. Она есть вера: а) в гипостазированные (греч. ὑπόστασις — подставка, основание, сущность) существа, атрибутизированные (лат. *attribuo* — уделю, наделю, даю) свойства и связи, а также в образуемый этими существами, свойствами, связями мир; б) в возможность общения с гипостазированными существами, воздействия на них и получения от них помощи; в) в истинность соответствующих представлений, понятий, суждений, взглядов, догматов, текстов и т. д.; г) в действительное совершение каких-то событий, о которых рассказывают тексты, в их повторяемость, наступление ожидаемого события, причастность к ним; д) в религиозные авторитеты — отцов, учителей, святых, пророков, харизматиков, гуру, бодхисатв, архатов, церковных иерархов, служителей культа. Религиозная вера оживотворяет весь религиозный комплекс.

Социология рассматривает религиозное сознание в контексте объективации; оно объективируется и опредмечивается в религиозной деятельности, отношениях, организациях. В них религиозное сознание предстает в специфических видах, такими видами являются религиозные потребности и интересы, религиозные ценности и ценностные ориентации, религиозные идеалы и цели, религиозные установки, религиозные символические посредники, религиозные нормы, религиозные социальные стереотипы, религиозные мотивы.

Религиозные потребности — состояние нужды индивида, группы, института в движении и воспроизводстве религиозных сознания, деятельности, поведения, отношений, общения, организаций; они удовлетворяются в процессе выполнения соответствующих функций. Религиозные потребности складываются и изменяются в ходе эволюции религии, различны в разных религиях и конфессиях, зависят от типа религиозного объединения, типа религиозности. Всякая религиозная потребность прямо или опосредованно связана с религиозной верой; в структуре религиозных потребностей центральное место занимает потребность в общении с предметом религиозной веры. С этой потребностью явно или неявно, непосредственно или опосредованно связаны другие религиозные потребности.

В религии могут находить удовлетворение и нерелигиозные потребности. В этом случае последние могут приобретать форму религиозных потребностей. Материальные потребности (в пище, жилище) могут удовлетворяться в ходе экономической, благотворительной деятельности

церкви, познавательные — обучением в религиозных школах, эстетические — с помощью храмового искусства, потребность в общении — путем установления многообразных межличностных связей в религиозной группе и т. д.

Религиозные потребности актуализируются в религиозных интересах. Последние представляют собой направленность религиозных людей на различные объекты, являющиеся предметом религиозных потребностей. Религиозные интересы суть осознанные религиозные потребности. Содержание, структура, объем и развитие религиозных интересов соответствуют содержанию, структуре, объему и развитию религиозных потребностей. Религиозные потребности и интересы служат источником религиозной (и иной) активности индивида, группы, института, побуждают к деятельности и отношениям, направленным на удовлетворение этих потребностей и интересов. Стимулом такой деятельности и отношений могут стать также и нерелигиозные потребности и интересы, находящие выражение в религиозной форме.

Религиозные духовные ценности содержат в себе смыслы, значимые для жизнедеятельности религиозных индивидов и групп. Религиозные ценности образуют комплекс духовных детерминант, носят должный характер. На их основе формируются стандарты религиозно-культурных оценок; эти ценности служат эталоном оценивания, в соответствии с которым одни явления принимаются, другие отвергаются. Система ценностей, их иерархия различны в разных религиях. Однако следует иметь в виду, что в разных религиях имеются и сравнимые, подобные ценности.

На базе присвоенных религиозных ценностей формируются религиозные ценностные ориентации. Последние представляют собой более или менее устойчивую направленность индивида или группы на исповедование той или иной религии и конфессии, на получение определенной религиозной информации, на контакт с единоверцами, на участие в разноплановой жизнедеятельности религиозного сообщества, на выполнение религиозных предписаний в повседневной жизни.

Религиозные ценности коррелируют с *религиозным идеалом* (*idéa* — вид, образ, идея); идеал выступает или в качестве образца для подражания, или в форме представления о завершающем движение состоянии, полагаемом вероучением. Идеал задает цель стремлений религиозных субъектов и прежде всего цель всех целей.

Религиозные установки представляют собой устойчивую склонность воспринимать те или иные явления, события, процессы в природе, обществе, в человеке (в теле и психике) под углом зрения сформированных религиозных представлений, а также готовность к определенным соответствующим этим представлениям действиям. Религиозные установки содержат три компонента: когнитивный (та или иная степень религиозного осознания события), аффективный (религиозно-эмоциональное переживание симпатии или антипатии), поведенческий (готовность к повторяющемуся религиозному действию). Религиозные установки могут быть положительными по отношению к политическим,

правовым, государственным, моральным, художественным, религиозным и иным феноменам и событиям, соответствующим критериям «своей» религии, и отрицательными по отношению к проявлениям «не своей» религии, к не отвечающим критериям проявлениям в секулярной сфере.

Символические посредники представляют собой совокупность религиозных символов, которые презентуют значения и смыслы во взаимодействии религиозных индивидов и групп, включают и тех и других в религиозно-культурный контекст. Они обеспечивают религиозную идентичность (от ср.-лат. *identicus* — «одинаковый») индивидов и групп с данной религией, конфессией, презентуют связь «я» — «мы», отличие «я — мы» от «они», «онные», «другие», самоидентичность «я» и «я — мы» в соотнесенности с «ты» и «они — другие». В качестве символических посредников могут выступать знаковые религиозные личности, вещные религиозные символы, религиозные образы и др.

Религиозные нормы (лат. *norma* — норма, мерило, правило, закон) — совокупность правил поведения в религиозной и во внерелигиозных сферах; они предписывают обязательства и соответствующие ожидания возмозных действий партнеров общения. Нормы определяют совокупность позиций и ролей в религиозной группе и служат средством обеспечения социального контроля. Нормы церковного права, устава, религиозной морали, правила совершения ритуала составляют так называемую формальную нормативную систему; кроме нее существует и неформальные предписания, определяемые традицией и обычаем.

Религиозные социальные стереотипы (греч. *στερεός* — твердый, жесткий и *τύπος* — отпечаток, знак, форма, образ) представляют собой связанные с определенными положениями вероучения устойчивые, застывшие, упрощенные представления, мнения, суждения о каких-либо индивидах, группах (этнических, гендерных, возрастных, территориальных, мировоззренческих и др.) и т. д., в частности, о других религиях, конфессиях, об их организациях, их представителях о других, «не своих» религиозных группах и их представителях, об институтах (государственных, правовых учреждениях, общественных организациях). Религиозные стереотипы формируются в условиях религиозной среды, превращаются в привычные клише, на основе которых приписываются определенные свойства «не своим» религиям и религиозным группам, их представителям, а также нерелигиозным индивидам, группам, организациям. Это приписывание имеет положительную или негативную направленность.

Религиозные мотивы (лат. *motus* — движение, возбуждение, побуждение, влечение) представляют собой внутренне психологические побуждение религиозных субъектов — индивидов и групп — к определенному действию (религиозному или нерелигиозному). В качестве таких мотивов выступают религиозные вера, потребности, интересы, установки и ориентации, идеалы и цели и пр.; в зависимости от содержания и предметов названных побудителей, их различной значимости, степени религиозности субъектов те или иные религиозные мотивы могут быть

более или менее сильными, устойчивыми или ситуативными, могут вступать в конфликт или действовать синергически.

Охарактеризованные виды религиозного сознания в контексте объективации — прежде всего именно они — позволяют ему включиться в сеть повседневных социальных связей, в том числе правовых и государственных.

Религиозная деятельность. При рассмотрении религиозной деятельности следует сначала различить нерелигиозную и религиозную деятельность религиозных индивидов, групп, институтов и организаций. Первая осуществляется во внецерковных областях: экономической, производственной, профессиональной, политической, правовой, государственной, художественной, научной. Такая деятельность бывает религиозно окрашена, в качестве одного из ее мотивов может выступать религиозный мотив. Но по объективному содержанию, предмету и результатам она внецерковна.

Существует два основных вида религиозной деятельности: внецерковная и церковная. Внецерковная реализуется в духовной и практической сферах. Духовную внецерковную деятельность образуют разработка религиозных идей, систематизация и интерпретация догматов теологии, положений вероучения, норм религиозного и канонического права, сочинение богословских произведений и т. д. Практическая внецерковная деятельность включает: производство средств религиозного культа; миссионерство; участие в работе соборов; преподавание богословских дисциплин; управленческую деятельность в религиозных организациях и институтах; пропаганду религиозных взглядов через печать, радио, телевидение и т. д. Как правило, во внецерковную деятельность в большей или меньшей мере проникают и элементы культа.

Важнейшим видом религиозной деятельности является церковная деятельность, культ (лат. *cultus* — почитание, уход). Его содержание определяется соответствующими религиозными представлениями, идеями, догматами. Религиозное сознание предстает в культе прежде всего в виде культового текста, к которому относятся Священное Писание, Священное Предание, тексты молитв, псалмов, медитации, песнопений и т. п. Воспроизведение этих текстов во время отправления культа актуализирует в сознании участников религиозные образы и сюжеты. С точки зрения содержания культ можно охарактеризовать как драматизацию религиозного текста. В искусстве (например, театре) воспроизведение художественного текста, каким бы точным и мастерским оно ни было, не устраняет условность действия. А драматизация текста в религиозном культе связана с верой в реальность и повторяемость описываемых событий, в присутствие персонажей повествований, в получение ответа от признаваемых объективными существ и агентов, в партиципацию и идентификацию с ними.

Религиозные отношения. Религиозные отношения представляют собой вид отношений в духовной сфере общества. Они складываются в соответствии с религиозным сознанием, существуют и реализуются посредством религиозной деятельности, их носителями могут быть ин-

дивиды, группы, институты, организации. Они имеют субъективный план, план сознания, которое полагает определенные отношения людей к гипостазированным существам и атрибутизированным свойствам и связям, а также верующих друг с другом. Первое отношение с необходимостью проявляется в человеческих связях, например «мирянин — священнослужитель». Контакты среди верующих имеют отнесенность к указанным существам, свойствам, связям.

Следует различать внекультовые и культовые религиозные отношения. Внекультовые актуализируются посредством внекультовой религиозной деятельности. В них преимущественное значение приобретают отношения между религиозными индивидами, группами, организациями. Например, занимаясь духовным производством, теологи обмениваются информацией, проводят богословские собеседования. Религиозный педагогический процесс предполагает наличие связей «учитель — ученик», «ректор — педагогический коллектив», определенных взаимоотношений между слушателями. Пропаганда, миссионерство, религиозное воспитание в семье осуществляются посредством информационных отношений, механизмов наставления, сообщения, адаптации. В религиозной организации складываются связи координации (взаимодействия по горизонтали) и субординации (соподчинения по вертикали), действуют отношения властвования.

Культовые отношения формируются в процессе культовой деятельности. Последняя акцентирует внимание на отношении к гипостазированным существам, атрибутизированным свойствам и связям. Эти отношения обнаруживаются и в связях между людьми. Во время отправления культа складываются отношения евхаристического единения, исповедальности, обрядовости, проповедничества и т. д. Ведущий богослужение или обряд играет специфическую роль, которая обуславливает своеобразие его взаимосвязей с рядовыми участниками и отношений рядовых участников друг с другом. Православное венчание, например, включает жениха и невесту во взаимные отношения, предписываемые нормами церковного брака; крещение устанавливает связь крестного сына или дочери с крестными родителями.

Носителями религиозных отношений в зависимости от степени влияния религии могли быть семья, профессиональная группа, сословие, страт, класс, государство, этнос или их части, т. е. такие социальные и политические объединения, представители которых относят себя к одному общему вероисповеданию. Особенно большую роль в сохранении и воспроизводстве религиозных отношений играли социальные группы, выделявшиеся по религиозному признаку: варна брахманов в древнеиндийском обществе, общественная группа жрецов в древних рабовладельческих государствах, сословие духовенства в средневековых феодальных монархиях и т. д. По мере образования специальных религиозных общностей, общин, объединений, институтов, субгрупп, субинститутов к ним переходит приоритет актуализации, несения и трансляции религиозных отношений.

Религиозные отношения могут иметь разный характер: солидарности, терпимости и нейтралитета, конкуренции, конфликта и борьбы, —

нередко с сильной тенденцией религиозного фанатизма. Однако даже при мирном сосуществовании, как правило, наличествует представление о превосходстве данного объединения, конфессии, направления, религии. Религиозные отношения с характером солидарности способствуют развитию социального согласия, а конфликтное религиозное отношение препятствует этому развитию. Религиозные конфликты нередко соединяются с межэтническими (в этом случае образуются этнорелигиозные конфликты), с межклассовыми, межстратовыми, межтерриториальными, межгосударственными.

Религиозные организации. Религиозные организации выступают в качестве упорядочивающих деятельность и отношения инстанций. Для работы во внерелигиозных областях создаются экономические институты (например, банки), политические партии (христианские, исламские, буддийские и др.), профсоюзы, женские, молодежные и прочие формирования.

Складываются учреждения и в религии — внекультовые и культовые. К внекультовым относятся звенья управления внекультовой религиозной деятельностью (отделы образования, департаменты прессы, ректораты духовных учебных заведений и пр.), а культовые образуют институты, обеспечивающие культовые деятельности и отношения.

Последователи определенного вероисповедания составляют религиозную общность. В ее рамках на основе различных видов деятельности — культовой и внекультовой — выделяется целая система религиозных субгрупп и их отношений. Существование и функционирование общности как единого целого обеспечиваются организацией.

В социологии выделяют ряд функций религии: мировоззренческая, компенсаторная, коммуникативная, регулятивная, интегрирующе-дезинтегрирующая, культуротранслирующая, легитимирующе-разлегитимирующая.

Мировоззренческая функция реализуется благодаря прежде всего наличию в религии определенного типа взглядов на человека, общество, природу. Религия включает миропонимание (объяснение мира в целом и отдельных явлений и процессов в нем), мирозерцание (отражение мира в ощущении и восприятии), мирочувствование (эмоциональное принятие или отвержение), мироотношение (оценку) и т. п. Религиозное мировоззрение задает «предельные» критерии, Абсолюты, с точки зрения которых понимаются человек, мир, общество, обеспечивается целеполагание и смыслополагание. Придание смысла наличному бытию предоставляет возможность тому, кто верует, вырваться за пределы ограниченности, поддерживает надежду на достижение светлого будущего, блаженства, на избавление от страданий, несчастий, одиночества, морального падения.

Компенсаторная функция восполняет ограниченность, зависимость, бессилие людей как в плане перестройки сознания, так и в изменении объективных условий существования. Реальное угнетение преодолевается свободой в духе; социальное расслоение оборачивается равенством в греховности, страдании; церковная благотворительность, милосердие,

призрение, перераспределение доходов смягчают бедствия обездоленных; разобщенность и изоляция заменяются братством в общине; безличные, вещные связи равнодушных друг к другу индивидов возмещаются личностным богообщением и отношениями в религиозной группе и т. д. Важное значение имеет психологический аспект компенсации — снятие стресса, утешение, катарсис, духовное наслаждение.

Коммуникативная функция обеспечивает общение. Оно складывается как в нерелигиозной, так и в религиозной деятельности и отношениях, включает процессы обмена информацией, взаимодействия, восприятия человека человеком. Религиозное сознание предписывает два плана общения: верующих друг с другом; верующих с гипостазированными существами (Богом, ангелами, душами умерших, святыми и т. д.), которые выступают в качестве идеальных медиаторов, посредников в общении между людьми при богослужении, молитве, медитации, тайнознании.

Регулятивная функция состоит в том, чтобы с помощью определенных идей, ценностей, установок, стереотипов, мнений, традиций, обычаев, институтов осуществлять управление деятельностью и отношениями, сознанием и поведением индивидов, групп, общин. Особенно большое значение имеет система норм (религиозного права, морали и т. п.), образов (многочисленных примеров для подражания), контроля (слежения за реализацией предписаний), поощрений и наказаний (воздаяний при жизни и обещаемых в посмертном существовании).

Интегрирующе-дизинтегрирующая функция, с одной стороны, объединяет, а с другой — разъединяет индивидов, группы, институты. Интеграция способствует сохранению, дезинтеграция — ослаблению стабильности, устойчивости личности, отдельных социальных групп, учреждений и общества в целом. Интегрирующая функция выполняется в тех пределах, в которых признается более или менее единое, общее вероисповедание. Если же в религиозном сознании и поведении личности обнаруживаются не согласующиеся друг с другом тенденции, а в социальных группах и обществе имеются различные противостоящие друг другу конфессии, функция религии становится дезинтегрирующей.

Культуротранслирующая функция реализуется в разных аспектах. Одни феномены культуры религия отторгала, другие принимала и поддерживала. Она способствовала развитию определенных слоев культуры — письменности, книгопечатания, храмостроительства, искусства и др.; формирует и развивает религиозную культуру; обеспечивает сохранение принимаемого культурного наследия и передачу его от поколения к поколению; распространяет ценности культуры среди живущих.

Легитимирующе-разлегитимирующая функция утверждает некоторые общественные порядки, институты, отношения, нормы, образцы как должные или, наоборот, признает несоответствующими должному каких-то из них. Религия выдвигает высшие ценности, требования и на основе этого оценивает явления, формируя определенное отношение к ним. Этим требованием придается обязательный и непреложный характер.

В соответствии со спецификой социологического подхода к рассмотрению социальных явлений рассмотрим теперь социальные взаимосвязи религии, права и государства и те формообразования, которые возникали и функционируют в контексте этих взаимосвязей и взаимовлияния.

Формообразования в религиях по государственно-правовым моделям

Сформировавшись, государство заняло центральное место в политической системе, стало главным субъектом политической власти. Обладая орудиями применения силы (войско, армия, полиция и пр.), оно всегда предоставляло возможность обеспечения своих велений, своих правовых установлений, причем не только в рамках политической системы, но и в других сферах жизнедеятельности общества, групп, индивидов, в том числе в области религии.

Государственные, властные отношения находят выражение в религиозном сознании, деятельности, отношениях, организациях.

В религиозном сознании эти отношения нашли отражения, например, в формировании и развитии представлений о богах. Наиболее ранним представлением о боге является образ племенного бога, возникший в условиях позднеродового строя, складывания и развития племенных этносов. Племенной бог спланивал представителей данного племени, выражал отделение последнего от других племен, был ограничен по «радиусу действия» рамками данной этнической группы, за пределами которой правили другие боги. Он «заведовал» всеми процессами, в которых проявлялась жизнедеятельность и с которыми имело дело племя, но, главное, он был богом-воителем, защитником своего племени, вдохновлял на борьбу с другими племенами и их богами. В период образования государства, складывания союзов племен или городов-государств вокруг наиболее сильного племени или города-государства бог этих последних становился межплеменным или общегосударственным, превращался в главу пантеона, в который на правах подчиненных включались боги других племен и городов-государств. Образовывалась система политеизма (греч. πολλοί — много, θεός — бог, буквально многобожие). По мере, с одной стороны, дальнейшего разделения труда, дифференциации общества, с другой — под влиянием интеграционных процессов, формирования народностей, царской власти у некоторых народов складывался монотеизм (греч. ἕνας — один, θεός — бог, буквально единобожие). Исследователи отмечают, что представление и понятие о единственном и едином боге, контролирующем все многообразные природные и общественные явления, возникли в том числе как отражение строения монархических деспотий во главе с единым царем.

Правовые и государственные феномены воспроизводятся в религиозных отношениях. Религиозное сознание, отражая и выражая действительные отношения, по их образу и подобию конструирует схемы религиозных отношений. Эти схемы моделируют отношения господства

подчинения (по типу «Господь и раб Господень»), государственно-правовые структуры («Царство Божие», Бог — «Царь Небесный», митрополит — «владыка», Папа — «монарх»), связи судопроизводства («суд над Христом, Бог — «судья», грешники — «судимые», «Судный день» и т. д.), семейные отношения («Бог-Отец», «Бог-Сын», «брат», «сестра»). В православии и католицизме имеется каноническое, церковное право, предписывающее нормы строения церквей, взаимоотношений внутри духовенства, духовенства и мирян, нормы церковного судопроизводства и пр. Система права — ал-фикх — действует в исламе. В исламе сформировались и активно функционируют религиозно-правовые школы: мазхабы (араб. — путь, направление, образ действия) — ханбалитский, ханафитский, шафиитский, маликитский (в суннизме), джафаритский (имамитский), зайдитский, исмаилитский (в шиизме). Государственно-правовые «секторы» широко представлены и в других религиях и конфессиях. Государственные и правовые отношения находят отражение в структуре религиозных организаций. Стрoение религиозной организации предписывается определенными нормами, церковным правом или уставом, апостольскими правилами, конституциями и т. д. Организационные принципы определяют ее составные части, совокупность позиций и ролей, правила субординации и координации деятельности индивидов и отдельных звеньев, узлы деятельности и соответственно группы деятелей, призванные обеспечить единство объединения. В зависимости от условий возникновения и существования религиозные организации принимают «монархический» (в католицизме, православии), «парламентско-королевский» (англиканство), «республиканско-демократический» (кальвинизм, баптизм) и иной вид. Первичной ячейкой объединения является религиозная община, над общинами надстраивается комплекс звеньев вплоть до высшего звена — центра объединения. В объединении существует и целый ряд других составных элементов, имеющих специфические организационные связи, но в то же время включенных в общую структуру (например, «духовенство», «монашество»). Отдельные составные части имеют собственную инфраструктуру. Все звенья становятся взаимосвязанными орудиями, органами целого.

Организация католической и православной церковью формировалась и сформировалась по моделям соответственного римского и византийского права, Римской и Византийской империй. И та, и другая церкви строятся по иерархическому и авторитарным принципам.

Католицизм¹ имеет единую централизованную церковную организацию. Первичной ячейкой католической церкви является приход (парафия), управляемый священником и его заместителем — викарием. Десять приходов образуют деканат, возглавляемый деканом. Деканаты объединены в диоцезы, во главе которых стоят ординарные епископы. В диоцезе существует курия, ведающая делами диоцеза. Несколько диоцезов составляют митрополию или архиепископство. Иерархия включает

¹ Подробно см.: *Овсиенко Ф. Г.* Католицизм // Энциклопедия религий под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян, М., 2008. С. 639—640.

три степени — епископство, пресвитерство, диаконство; над ними надстроены кардиналы и примасы. Главой католической церкви является Папа Римский. Католическая церковь включает ряд монашеских орденов.

В православии, как и в католицизме, члены делятся на клир (духовенство) и мирян. Духовенство включает священнослужителей и церковных служителей; священнослужители посвящены через таинство священства. Они разделены на степени: низшую степень образует диаконат, среднюю — пресвитериат, высшую — епископат; среди диаконов православие выделяет диакона, протодиакона, архидиакона; среди пресвитеров — пресвитера, протопресвитера; среди епископов — епископа, архиепископа, митрополита, патриарха. К церковным служителям относятся пономари, певцы, чтецы и пр. Миряне, хотя и не включены в церковную иерархию, связаны определенным субординационными связями; среди них имеются группы, которые авторитетны в приходской общине, оказывают влияние как внутри церкви, так и вне ее: миряне-богословы, члены церковных советов, хористы, функционеры внецерковных православных или светских организаций и пр.

Воздействие религии на государственно-правовые системы

Исторически верования и обрядово-культурная практика старше права и государства. Это подтверждают исследования в области лингвистики. Как свидетельствует известный французский лингвист Э. Бенвенист (1902—1976), латинское слово *rex* (от глагола *rego* — правлю, направляю; этому латинскому глаголу соответствует греческий ῥέγω — простираю, «протягиваю»), переводимое как «царь», исконно означало скорее жреца, чем царя в современном понимании, т. е. лицо, обладающее властью очертить расположение будущего города или определить черты правопорядка. Понятие *rex* — более религиозное, чем политическое. Обязанность *rex* не повелевать и не вершить государственную власть, а устанавливать правила и определять то, что относится к «порядку». Аналогично греческий термин βασιλεύς (в переводе — царь) первоначально означал лицо, осуществлявшее магико-религиозные функции. Соответствующие аналоги есть и в санскрите. Эти значения связаны с общим индоевропейским наследием, в котором сохранилась память об архаическом обществе, структура и иерархия которого имела трехчленное строение — жрец, воин, земледелец. Лишь в результате длительного развития социальных отношений термин «царь» приобрел собственно государственно-правовой смысл, стал обозначать обладателя политической власти, самодержца. Религиозная власть осталась прерогативой жрецов¹.

Испытывая влияние государственно-правовой системы, религия, в свою очередь, воздействует по разным направлениям на нее. Она легитимизирует или разлегитимизирует те или иные правовые системы, те или

¹ См.: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М. 1995. С. 249, 252, 258—260, 287.

иные государства (государственные устройства). Она может определенным государственно-правовым системам придавать «орел святости» или, наоборот, объявлять их «нечестивыми», «отпавшими», «погрязшими во зло». Она выдвигает высшее требование-максиму (лат. *taxima* — высший принцип), в соответствии с которым производится оценивание государственно-правовых институтов. Максиме придается обязательный и непреложный характер. Религиозная легитимация-разлегитимация носит предельный характер, обеспечивается с позиций Абсолюта, возвышается над всеми другими видами легитимирования-разлегитимирования.

Как уже отмечено, культ племенного вождя религиозно подготовил процесс освящения формировавшихся государств и их самодержцев. Постепенно происходит сакрализация данного государства и его главы, отношений властвования. Царь, император выводились за рамки естественного родства, утверждались родственные связи их с неземными силами, провозглашалась богоустановленность власти. В древнеиндийской религии царь есть великое божество в человеческом облике. Конфуцианство чтит китайского императора как Сына Неба (Небо — верховное божество), синтоизм считает богиню Солнца Аматерасу прародительницей японских императоров. В Древнем Риме насаждался религиозный культ императора. Первый император римской империи Гай Юлий Цезарь Октавиан получил от сената титул Августа (лат. *augustus* — священный, величественный, обладатель дара прорицания), утверждалось его родство с богом Аполлоном. Процедуру консекрации (лат. *consecratio* — объявление священным, посвящение божеству) сенат совершал и по отношению к последующим римским императорам. Христианство заявляло: «Нет власти не от Бога», «всякая власть от Бога установлена», «Царь — помазанник Божий». Ислам считает халифов преемниками пророка Мухаммеда.

Институты родоплеменных, народностно-национальных, мировых религий на определенных этапах истории, во многих случаях и в настоящее время включались и включаются в систему государственного аппарата, а соответствующие религии являлись и являются государственными. В этом случае складывались системы религиозного государства — буддийское государство при царе Ашоке, ламаитское Тибетское государство (возникло в XVII в.), христианская «Священная Римская Империя», мусульманский Арабский халифат и др. В таких государствах происходила идентификация подданства государству с соответствующей религиозной принадлежностью.

Исторически складывались различные взаимоотношения между государственно-правовой и религиозной властью — папоцезаризм, цезарепапизм, сепаратность. Эти типы взаимоотношений выделены на основе изучения истории христианства. Однако подобные образования появлялись и в других религиях. Папоцезаризм (лат. *papa* от греч. *πάππλος* — папа, отец и лат. *caesar* — царь) — это религиозно-государственно-правовая система, при которой религиозная власть ставится выше политической. При этом иногда глава или один из лидеров религиозной организации становится и главой государства. Крайнее выражение такая система на-

ходит в теократии (греч. θεός — бог, κράτος — сила, власть; буквально боговластие), при которой религиозный лидер сосредоточивает в своих руках и государственную власть, функционары религиозной организации оказываются чиновниками государственного аппарата. Теократической была власть жрецов в Древнем Египте, Древней Иудее, высших лам — в средневековом Тибете, халифов — в Халифате. В VIII в. вокруг Рима было создано папское теократическое государство, просуществовавшее до 1870 г. С 1929 г. существует теократическое Государство Град Ватикан¹, главой которого является Папа Римский; полный титул Папы: Наместник Иисуса Христа, Преемник князя апостолов Петра, Верховный Понтифик Вселенской Церкви, Патриарх Запада, Примас Италии, Архиепископ и Митрополит Римской провинции, Суверен Государства Града Ватикан, раб рабов Божиих. Абсолютный монарх — Папа — объединяет высшую законодательную, исполнительную и судебную власти. Систему органов управления образует Римская курия, главным учреждением которой является государственный секретариат. В состав курии входят канцелярии, трибуналы, Папские советы, Папские службы, Папские комиссии и комитеты, Папские академии и некоторые другие органы.

Цезарепапизм (лат. *caesar* — царь и лат. *papa* от греч. *πάππος* — папа, отец) — государственно-право-религиозная система, при которой религиозная власть подчинена политической, а глава государства часто становится и главой религиозной организации. Формы государства при такой системе были различны: абсолютная или конституционная монархия, империя, королевство и др. Цезарепапизм сложился, например, в Византийской империи. Король является главой англиканской церкви, возникшей в период Реформации в XVI в., он назначает епископов, значительная часть которых являются членами палаты лордов. В Российской империи император Павел I своим законом от 5 апреля 1797 г. объявил императора главой Российской православной церкви.

Сепаратность (лат. *separatus* — отдельный, особый) означает отделение религиозной и политической властей, религиозных организаций и государственно-правовых учреждений друг от друга. Такой порядок складывается в условиях дифференцированной институциональной системы общества. Следует заметить, что эти власти неравновесны; государственно-правовая имеет орудия и механизмы преобладания над религиозной.

В процессе секуляризации в ряде стран религиозные организации были отделены от государства, но продолжают оказывать влияние на определенные области функционирования государственно-правовых систем. Во многих странах религия и ныне обладает государственным статусом. В большинстве стран Ближнего и Среднего Востока, Северной Африке государственной религией является ислам; формы устройства в них различны — королевство (Саудовская Аравия и др.), республика (Исламская Республика Пакистан, Исламская Республика Иран и пр.) и т. д.

¹ О Государстве Граде Ватикан см.: *Факчинский И.* Ватикан // Католическая энциклопедия Т. 1. М., 2002; *Задворский В.* Римская курия // Католическая энциклопедия Т. 5. М., 2011.

В странах Европейского союза сложились разные типы государственно-церковных отношений. Во Франции (за исключением трех восточных департаментов), в Нидерландах реализуется идея строгого отделения церкви от государства. В других странах представлены иные типы.

В ряде стран определенные церкви имеют государственный статус. В Греции господствующей религией является религия восточно-православной церкви; Православная Греческая церковь неразрывно связана в своих догматах с Константинопольской церковью. Она является автокефальной и управляется Священным Синодом.

В Англии Церковь Англии является государственной, ее главой признается король (королева) (система цезарепапизма). В Дании государственной является евангелически-лютеранская церковь («Народная церковь»).

В некоторых странах отделение церкви от государства соединено с признанием множества общих задач, в выполнении которых церковь и государство связаны друг с другом. Иногда такое «отделение» называют «шатающимся» или говорят о «договорной системе» государственно-церковных отношений.

В Бельгии¹ отношения государства и церкви представляют собой систему, «благоприятствующую религии», скорее систему взаимной независимости, нежели отделением в строгом смысле слова. Хотя все религии провозглашаются имеющими одинаковые права, существуют важные юридические различия между признанными и непризнанными религиозными группами. Практика показывает, что католическая религия есть *primus inter pares* среди признанных религий.

Подобный тип государственно-церковных отношений представлен также в Германии. В системе государственно-церковных отношений Германия занимает среднюю позицию между государственной церковью и строгим отделением церкви от государства. Основной Закон обеспечивает систему, в которой существует отделение церкви от государства и в то же время конституционно допускается сотрудничество между обоими институтами². В соответствии со ст. 140 Основного Закона Германии государственной церкви не существует. В то же время религиозное обучение в публичных школах, за исключением неконфессиональных школ, является обязательным предметом и производится в соответствии с принципами религиозных общин. Уроки в контексте религиозного обучения не могут быть факультативными или дополнительными. Во многих государственных университетах имеются теологические факультеты. Профессора теологических факультетов государственных университетов являются государственными служащими, причем на католических факультетах они должны иметь специальное разрешение от Католической

¹ См.: Шанда Б. Государство и церковь в Бельгии // Роберт Герхард (сост.). Государство и религии в Европейском союзе (опыт государственно-конфессиональных отношений). М., 2009.

² Роберт Г. Государство и церковь в Германии // Роберт Герхард (сост.). Государство и религии в Европейском союзе (опыт государственно-конфессиональных отношений). М., 2009.

церкви. Государственными налоговыми службами взимается церковный налог для больших церквей на основе соглашения с государством. Размер церковного налога составляется 8—9% индивидуального размера подоходного налога. Функционирует институт военных капелланов, которые направляются в вооруженные силы на определенное время; на период своей работы они получают статус государственных служащих. Частью государственной администрации является Служба Евангелической церкви в вооруженных силах (для протестантских капелланов) и Католическая военная служба (для католических капелланов). Их обязанности рассматриваются как часть обеих администраций — и государственной, и церковной. В церковных вопросах они подчиняются своему военному епископу, а в вопросах государственных — федеральному министру обороны.

В Швеции¹ традиционно государственной церковью была евангелическо-лютеранская. Но с середины XX в. неоднократно принимались парламентские и правительственные документы, одни из которых предусматривали устранение системы государственной церкви, другие — сохранение (или восстановление). С 1995 г. прорабатывались вопросы упорядочивания системы отношений государства и церкви, было принято несколько актов, в том числе поправки к Конституции, одобренные Синодом и Парламентом. В январе 2000 г. новая система отношений государства и церкви вступила в действие. Согласно Акту о Церкви Швеции Церковь Швеции перестала быть государственной, однако существует система договоров между государством и Церковью Швеции, согласно которым продолжают существовать их тесные связи. Образование в государственных школах признается светским, но изучение религии обязательно как в начальной, так и в средней школе. Государственные университеты светские, но в них представлена теология. Церковь Швеции имеет свои самостоятельные образовательные учреждения для духовенства и служителей церкви; эти учреждения получают финансовую поддержку государства. Обучение в них организовано по принципу народного университета, который является «нордической» формой высшего образования, управляемого религиозными, политическими и другими идеологическими организациями. Церковь Швеции получила право использовать государственную систему налогообложения. Она обеспечивает попечительство в вооруженных силах; Главный военный капеллан назначается на должность руководством вооруженных сил по согласованию с Церковью Швеции; он является членом штаба главнокомандующего вооруженными силами.

Принцип свободы мысли, совести, религии и убеждений

Тот или иной вид связи политической и религиозной властей, государства и религиозных организаций обуславливал своеобразие поста-

¹ См.: Фриднер Л. Государство и церковь в Швеции // Роберт Герхард (сост.). Государство и религии в Европейском союзе (опыт государственно-конфессиональных отношений). М., 2009.

новки вопроса о свободе в аспекте религиозных отношений. Понимание (и требование) свободы в аспекте религиозных отношений в разных исторических ситуациях наполнялось разным содержанием. В условиях соединения государственной и церковной власти, подчинения церкви государству (цезарепапизм) или государства церкви (папоцезаризм) возникали идеи независимости церкви от государства, невмешательства государственной власти в религиозные дела или же независимости государства от церкви. Господство какого-то религиозного направления и стеснение инаковерия обуславливало оформление идей веротерпимости, религиозной свободы, свободы религиозной совести. Складывавшийся религиозный плюрализм приводил к мысли о необходимости признания свободы и равенства религий и вероисповеданий. По мере становления и развития правовых государств формулировалось (и юридически оформлялось) равенство политических и гражданских прав независимо от вероисповедания. Развитие парадигм мышления, науки, других областей культуры и связанное с ним расширение процесса секуляризации способствовали появлению представлений о свободе мысли, совести, осознанию прав не только на исповедание, но и на неисповедание религии, утверждению светского государственного образования.

В XX в. в международных правовых документах (Всеобщая декларация прав человека ООН от 10 декабря 1948 г.; Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.; Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г., Парижская хартия для новой Европы от 21 ноября 1990 г. и др.) был сформулирован принцип свободы мысли, совести, религии и убеждений, выражающий одно из фундаментальных прав человека в духовной области. Эти и другие права человека вытекают из достоинства, присущего человеческой личности, и являются существенными для ее свободного и полного развития.

Свобода мысли включает право на инакомыслие, предполагает свободу научных исследований, дискуссий и творческой деятельности, право каждого на образование, на участие в культурной жизни, пользование результатами культурного, в том числе и научного прогресса.

Свобода совести означает возможность личности (объективную и субъективную) самостоятельно совершать мировоззренческий выбор в пользу религиозного или нерелигиозного мировоззрения в разных их видах, формировать мотивы соответствующего действия и определять сами действия, проявлять толерантность к иным образам мысли, взглядам, убеждениям и готовность к консенсусу. До определенного возраста (пока не сформировалось сознание и самосознание) человек (ребенок) не имеет и не может иметь такой свободы. Нельзя говорить о реализации свободы совести, если человек принимает или меняет воззрения под влиянием внушения, гипноза. И, конечно, свобода совести попирается, когда человек подвергается принуждению к принятию каких-то воззрений или отказу от них.

Свобода религии — это свобода иметь или принимать любую религию по своему выбору и исповедовать свою религию как единолично,

так и сообща с другими, публично или частным порядком, в учении, богослужении, в отправлении культа, выполнении религиозных обрядов.

Свобода убеждений включает свободу придерживаться своих убеждений, как религиозных, так и нерелигиозных, беспрепятственно выражать их, свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона. Права и свободы обеспечиваются без какого бы то ни было различия в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального и социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. В тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком. Родителям предоставляется свобода обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями. Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц.

Последовательная реализация свобод и прав предполагает развитие толерантной культуры. В 1995 г. ЮНЕСКО была принята Декларация принципов толерантности. Декларация раскрывает понятие толерантности: «Толерантность (от лат. *tolero* — переносить, выдерживать, терпеть) означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности... Толерантность — это единство в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Толерантность — это то, что делает возможным достижение мира и ведет от культуры войны к культуре мира. Толерантность — это не уступка, снисхождение или потворство. Толерантность — это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах толерантность не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности. Толерантность должны проявлять отдельные лица, группы и государства. Толерантность — это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и торжеству права. Толерантность — это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международно-правовых актах в области прав человека. Проявление толерантности, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социаль-

ной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Оно означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Оно означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим»¹.

Таким образом, толерантность представляет собой составную часть культуры общества, социальных групп, отдельного человека, выражающуюся в способности проявлять уважение к «другим» и «другому» независимо от их происхождения, пола, возраста, расовой, этнической, конфессиональной, государственной, профессиональной и прочей принадлежности при неприятии зла, в какой бы форме и области жизни и культуры оно ни проявлялось.

¹ Декларация принципов толерантности, принятая ЮНЕСКО в 1995 г., ст. 1.1, 1.2, 1.3, 1.4.

ЛЕКЦИЯ 17. ПСИХОЛОГИЯ

- Психология как научная дисциплина и как социальный и природный фактор.
- Право и психология (законодательное право и общественная психология).

Психология как научная дисциплина и как социальный и природный фактор

Слово «психология» в современном языке имеет несколько значений. Среди самых распространенных следующие: психология — это «наука, изучающая процессы и закономерности психической деятельности»; психология — это «совокупность психических процессов, обуславливающих какой-нибудь род деятельности»; психология — это «душевный склад, психика»¹.

а) Психология как научная дисциплина (основные психологические понятия).

Психология как научная дисциплина, изучающая процессы и закономерности психической деятельности, разработала особый понятийный аппарат. Именно он позволяет получать адекватные знания о психических процессах, которые присущи как отдельным индивидам, так и отдельным народам.

В психологической науке к числу основных понятий, посредством которых описывают явления индивидуальной психики, относят чувства, эмоции, аффекты, настроения, ценностные ориентации, характер и др. Что же понимается под этими понятиями?

Под чувством понимается особая форма переживания человеком своего отношения к явлениям действительности.

В отличие от эмоций и аффектов, которые имеют ситуационный характер, чувства отличаются относительной устойчивостью. Чувства побуждают людей к деятельности по осуществлению своих потребностей, что позволяет признать их в качестве субъективных форм существования этих потребностей. Чувства появляются позднее, чем эмоции; они представляют собой результат обобщения эмоционального опыта. Являясь ведущими элементами психики индивида, чувства определяют эмоциональные реакции индивида: из чувства любви к близкому человеку в зависимости от ситуации могут появиться эмоциональные переживания: тревога, горе, радость и т. д. Чувства человека, живущего в обществе, формируются под воздействием различного рода факторов: социальных институтов (семья, школа, государство и др.) и различных форм общественного сознания (религия, мораль, идеология, искусство и др.). В процессе развития индивидуальной психики формируется определенная иерархия чувств: доминирующие чувства у того или иного индивида позволяют судить о направленности личности. Нравственные, интеллектуальные, практические, эстетические и др., — одни чувства занимают ведущее положение, другие остаются потенциальными не реализованными тенденциями. По степени обобщенности предметного

¹ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 629.

содержания, чувства подразделяются на конкретные, обобщенные, абстрактные¹.

Обратимся теперь к такому психологическому понятию, как настроение. Под настроением понимается относительно устойчивое психическое состояние индивида разной степени интенсивности — состояние, которое проявляется как положительный или отрицательный фон психической жизни индивида. В отличие от эмоций и аффектов, имеющих ситуационную природу и представляющих собой непосредственную реакцию на те или иные события или действия кого-либо, настроения зависят и от того значения, которое они имеют для жизненных планов индивида². Речь может идти не только об индивидуальном, но и об общественном настроении. Общественное настроение — это явление социальной психологии, которое побуждает многих людей к деятельности, накладывая отпечаток на поведение каждого из них.

В психологической науке используют также понятие «ценностные ориентации». *Ценностные ориентации выступают как особого рода основания оценок индивидом объектов окружающей действительности и как способ их дифференциации по значимости. Ценностные ориентации формируются в процессе социализации личности. В структуре человеческой деятельности ценностные ориентации связаны с познавательными и волевыми ее сторонами. Совпадение ценностных ориентаций членов того или иного сообщества обеспечивает его единство. Тем самым речь может идти о социальных ценностных ориентациях.*

В психологии используется также понятие «характер», чаще всего применительно к отдельному человеку. Под характером принято понимать совокупность устойчивых особенностей личности, которая формируется в процессе ее деятельности и общения. Именно характер определяет типичные для личности способы поведения. Характер обусловлен общественным бытием личности, индивидуальными жизненными обстоятельствами (эти факторы определяют социализацию личности), природными факторами (темпераментом и др.)³.

б) Психология народа как социальный и природный фактор, детерминирующий юридическое поведение людей и их отношение к праву.

Психологическое своеобразие народов, обусловленное различными физико-климатическими условиями жизни, было обнаружено еще историками и философами античной Греции. Этот вопрос рассматривался Геродотом, софистами, Платоном, Аристотелем и др. В эллинистическую эпоху началось более тесное знакомство греков с другими народами, прежде всего с евреями и римлянами⁴. Об отличительных свойствах римлян, в частности, много писал греческий мыслитель Полибий, кото-

¹ См.: Психология. Словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд. М., 1990. С. 445—446.

² Там же. С. 230—231.

³ См.: Психология. Словарь. С. 436.

⁴ См.: Словарь античности / пер. с нем. М., 1994. С. 469.

рый был интернирован в Рим. В его произведении «Всеобщая история» можно обнаружить сравнение обычаев и законов римлян с соответствующими обычаями и законами карфагенян. Выявленные различия он объяснял различиями в психологии этих народов. Полибий отдавал явное предпочтение римским правовым институтам: «Для карфагенян нет постыдной прибыли, для римлян, напротив, нет ничего постыднее, как поддаться подкупу или обогащаться непристойными средствами. Сколь высоко они ценят честное обогащение, столь же презирают стяжание недозволенными путями. Вот и доказательство тому: когда как у карфагенян для получения должности люди открыто дают взятки, у римлян это самое наказывается смертью»¹.

Таким образом, уже в древности было замечено, что психология народа, порождаемая обыденными ощущениями и интуицией, определяет специфику юридического поведения людей, и, как следствие, их отношение к праву.

Все это нашло свое отражение как в устном народном творчестве, так и в литературе. Так, французский социолог права Ж. Карбонье заметил, что «римляне окрестили карфагенян бесчестными контрагентами, а изречение из старого французского права гласит: «Житель Ле-Мана стоит полутора нормандцев»².

Мыслителям Нового времени также присуще представление о разнообразии правовых систем, обусловленном особенностями психологии народов. Среди этих мыслителей можно выделить французских философов М. Монтеня (1533—1592) и Б. Паскаля (1623—1662). Современный французский философ Ж. Маритен так охарактеризовал полярность их взглядов: «Монтень ехидно заметил, что среди некоторых народов инцест и воровство считались добродетельными поступками. Паскаля это шокировало»³.

Интерес к психологическому портрету того или иного народа в связи с их отношением к праву присущ и многим другим ученым, среди которых заметное место занимают правоведы (Ж. Боден, Ш. Монтескье и др.). Так, в работах этих авторов анализируется связь характера народа с законами. И хотя на том уровне развития этнологии не всегда делались объективные оценки психологических особенностей различных народов, метод исследования получил широкое распространение. Так, Ш. Монтескье несколько наивно полагал, что японский народ обладает свирепым характером, а индийский народ, напротив, кроток и сострадателен: «Японский народ обладает таким свирепым характером, что его законодатели и правители не могли питать к нему никакого доверия. Они говорят ему только о суждях, угрозах и наказаниях... Индийский народ, напротив, кроток, нежен и сострадателен, поэтому его законодатели выказали ему большое доверие. Они установили немного наказаний и притом не очень строгих и не со всей строгостью применяемых»⁴.

¹ Полибий. Всеобщая история. Т. II. СПб., 1994. С. 37.

² Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986. С. 63.

³ Маритен Ж. Человек и государство. М., 2000. С. 87.

⁴ Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М., 1955. С. 361.

В середине XIX в. в Германии сформировалась целая научная школа «психологии народов», создателями которой признаются философ М. Латарус и лингвист Х. Штейнталь. Именно они выступили с программной статьей «Вводные рассуждения о психологии народов», которая была опубликована в одном из издававшихся в 1859—1890 гг. журнале «Психология народов и языкознание». Задачу новой науки они видели в открытии психических законов, согласно которым развивается духовная жизнь народов. Эти ученые, находясь под влиянием представлений Гегеля о «народном духе», стали говорить о «духе целого» — движущей силе истории. Внешним выражением этого «духа целого» для представителей школы «психологии народов» стали искусство, язык, мифы, обычаи и т. п.

Большой вклад в развитие науки психологии народов внес немецкий ученый В. Вундт (1832—1920), автор десятилетней «Психология народов» (1900—1920). Именно он придал этой науке социологический характер, разработав программу эмпирических исследований важнейших элементов обыденного сознания: языка, мифов, обычаев и др.¹ С В. Вундта берет свое начало такая наука, как «национальная правовая психология» — девятый том «Психологии народов» (1918) В. Вундт посвятил правовой психологии. В настоящее время, по мнению Ж. Карбонье, «национальная правовая психология рассматривается как необходимое дополнение сравнительного правоведения»².

Исследованием правовой материи с позиций социальной психологии занимался французский социолог и криминалист Г. Тард. Именно Г. Тард сформулировал законы подражания, позволяющие понять межличностную психологию. По мнению Ж. Карбонье, эти законы подражания, позволяющие объяснять юридические явления, и поныне сохраняют свое научное значение: «И действительно, подражание — это важный фактор, помогающий понять многие явления. В сфере права с его помощью можно объяснить формирование обычая, а также и судебной практики»³. Французский автор Ж. Крюе, будучи адвокатом и находясь под влиянием идей Г. Тарда, написал работу «Жизнь права и бессилие законов» (1908), в которой выдвинул гипотезу: право рождается спонтанно в недрах общества. Ж. Карбонье оценил следующим образом подход Ж. Крюе: «Он социологически выделил такое явление, как неэффективность (неудача) закона, предвосхитив тем самым возможности социологии законодательства»⁴. Оригинальной, по мнению Ж. Карбонье, следует признать и юридико-социологическую концепцию французского мыслителя Э. Леви, изложенную в работе «Социалистическое видение права» (1927): «Она выдержана в плане социальной психологии и делает ударение на роль верований. Известна его формула “вера создает право”»⁵. Еще один французский автор, Ж. Рипер, в труде

¹ См.: Современная западная социология. М., 1990. С. 277—278.

² Карбонье Ж. Указ. соч. С. 63.

³ Там же. С. 108.

⁴ Там же. С. 117.

⁵ Там же. С. 117.

«Творческие силы права» (1955) сформулировал ряд проблем, среди которых и юридико-психологическая — «неприятие законов социальным корпусом».

Таким образом, изучение психологии народа как социального и природного фактора, определяющего юридическое поведение людей и их отношение к праву, имеет многовековую историю. Накопленные научные знания позволяют сделать ряд выводов методологического характера: психология народа — это фактор, объясняющий разнообразие правовых систем; психология народа как природный фактор определяет пределы эффективной рецепции иностранного законодательства; психология народа и право — это явления взаимообусловленные (психология народа отражается в источниках права, а источники права могут изменять психологию народа); психология людей проявляется в юридическом поведении — правомерном или противоправном, т. е. в отношении людей к праву. Рассмотрим некоторые из этих проблем в социологическом ракурсе.

Право и психология (законодательное право и общественная психология)

Социологический подход в исследовании права предполагает выяснение связей права с другими социальными явлениями¹. В рамках этого подхода рассмотрим связь психологии народа как социального и природного фактора с законодательным правом. Синонимом понятия «психология народа» можно считать понятие «общественная психология», которое представляется не менее продуктивным с научной точки зрения. Именно с ним в отечественной философии связано такое масштабное понятие, как «общественное сознание». Производными от этого понятия выступают такие научно значимые понятия, как «психология группы», «психология рода» и др.

Хорошо известно, что в советской философии большое внимание отводилось исследованию общественного сознания, обусловленному общественным бытием. В частности, над этой проблемой плодотворно трудились отечественные философы В. М. Келле и М. Я. Ковальзон², выделившие в структуре общественного сознания шесть форм: научное сознание, обыденное сознание, идеологическое сознание, общественная психология, искусство, устное народное творчество. Представляется, что выделенные советскими философами элементы сохраняют свою научную ценность и позволяют показать сложный рельеф общественного сознания. Одним из элементов общественного сознания, наряду с обыденным сознанием, научным сознанием, идеологией (мораль, религия и др.), искусством, устным народным творчеством (фольклор), выступает общественная психология. Все эти элементы представляются взаимосвязанными, сохраняя свои особенности. Особенностью общественной психологии (так же как и обыденного сознания и устного народного

¹ Карбонье Ж. Юридическая социология. С. 120.

² См.: Келле В. М., Ковальзон М. Я. Формы общественного сознания. М., 1959.

творчества) является ее несистематизированный характер. Именно этим общественная психология отличается от идеологии или искусства.

Как же можно определить общественную психологию? Представляется, что общественная психология — это несистематизированная форма общественного сознания, представляющая собой совокупность общих межличностных чувств, эмоций, аффектов, настроений, ценностных ориентаций, свойств характера.

Общественная психология представляет собой проявление психологической взаимозависимости индивидов в обществе; она создает глубинный невидимый фундамент для образования социальных целостностей, таких основополагающих, как, например, семья (форма «нравственного единства», по Гегелю), человеческий род, протогосударство, государство. Продолжительное существование индивидов в рамках названных форм усиливает по общему правилу эту психологическую взаимозависимость и обеспечивает соответственно дисциплину семьи, дисциплину рода, дисциплину протогосударства, дисциплину государства. Названная последовательность общественных форм, обуславливающих поведение индивидов, основана на критерии широты охвата индивидов дисциплинирующим воздействием.

Семья и род — это взаимообусловленные явления, исторически предшествовавшие протогосударству и государству. Огромное значение для дисциплинирования индивидов исторически имела патриархальная семья. Без патриархальной семьи (наиболее распространенный тип семьи древних людей) невозможно была бы социализация индивидов. Семья и род — это важнейшие школы подчинения индивидов носителям персонифицированной власти. Если невидимым основанием существования институтов семьи, рода, протогосударства, государства является общественная психология, а видимым основанием существования семьи, рода и протогосударства является обычное право, то видимым основанием существования государства выступает прежде всего законодательное право.

Итак, законодательное право и общественная психология представляют собой взаимообусловленные социальные явления. Эта взаимозависимость включается в предметную область науки социологии права, которая изучает «влияние социальных условий на законотворчество и применение законодательства»¹. Социология права призвана дать точные сведения о «социальной реальности», что делает ее наукой, ориентированной прежде всего на практику. Наряду с социологией права речь может идти о «социологической юриспруденции» как критической науке, которая на основе «социологии права» позволяет рационализировать законодательные процессы и принятие судебных решений; осуществлять имплементацию политических программ; обнаруживать разницу между написанным и «живым» правом².

Итак, законодательное право и общественная психология представляют собой взаимосвязанные явления, что обуславливает необходимость их изучения с двух различных позиций: с позиции социологии права

¹ *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С.* Социологический словарь. М., 1999. С. 312.

² См.: Социология права в Германии // Сб. научн. трудов. М., 2008. С. 96—97.

и с позиции «социологической юриспруденции». Другими словами, речь может идти о предзаконодательной, законодательной и постзаконодательной социологии (Ж. Карбонье).

Наиболее близко к решению проблем обусловленности законов общественной психологией в XVIII в. подошел французский правовед Ш. Монтескье. Рассуждая как социолог права, он определил моральные и физические факторы, которые определяют многообразие содержания законов разных народов. В разряд моральных факторов попали, в частности, принципы правления (некие фундаментальные чувства населения) Ш. Монтескье различал следующие принципы правления: честь для монархии, добродетель для демократической республики, страх для деспотии, умеренность для аристократической республики. Он, в частности, показал связь между чувством страха, присущего населению, и уголовными законами деспотического государства: «Строгость в наказаниях более уместна в деспотических государствах, принцип которых — страх».

Чувство умеренности лежит, по мнению Ш. Монтескье, в основе функционирования аристократической республики. Устойчивость этой республике способно придать законодательство, поддерживающее именно это чувство. Речь идет о законодательстве, регулирующем способы замещения государственных должностей: «Выбор по жребию не должен иметь места; он проявил бы здесь только свои дурные стороны».

Чувство чести Ш. Монтескье считал принципом ограниченной монархии, а чувство добродетели — принципом демократической республики. Он показал, что чувства умеренности, чести, добродетели, чувство страха обуславливают ту или иную форму государственного правления и специфику законодательства.

В законодательстве могут выражаться и другие чувства, например чувство национальной гордости. Это чувство, считал английский мыслитель XVIII в. Э. Берк, лежит в основе уважительного отношения англичан к своей неписаной Конституции: «Начиная с Великой хартии до Декларации прав, наша Конституция следовала четкой тенденции отстаивания свобод, которые являются нашим наследством, полученным от праотцов и переданным потомкам как достояние народа, и без каких-либо ссылок на другие, более общие приоритетные права». Речь идет о чувстве национальной гордости за своих предшественников, которые в качестве наследства своим преемникам оставили правовые институты, обеспечивающие англичанам свободу.

Важно учитывать связь законодательства не только с чувствами, но и с аффектами и эмоциями людей. На эту связь обратил внимание в XVII в. голландский философ Б. Спиноза, решая проблему устойчивости законов: «Законы же остаются незыблемыми, когда они защищаются и разумом, и общим для людей аффектом; иначе, т. е. если законы опираются исключительно на разум, они, конечно, бессильны и легко нарушаются».

Законодательство способно вызывать положительные эмоции у большинства своих адресатов, что, безусловно, создает уважение к принимаемым законам. То же самое можно сказать и о государстве. Современный английский социолог Э. Гидденс пишет: «Национальное государство име-

ет политический аппарат, обладает признанными суверенными правами в рамках обозначенных территориальных границ и способно поддерживать свои притязания на суверенитет с помощью военной силы; многие его граждане испытывают положительные эмоции от сознания принадлежности к данному национальному единству»¹.

Представляется, что законодательная социология позволяет по-новому решать проблему создания эффективного законодательства, учитывая различия между коллективной психологией древних народов и народов современных. Психология современных народов имеет не только национальную специфику, но и общие черты, что важно учитывать при выработке законов в условиях глобализации. Ж. Карбонье отмечал: «И действительно, разве не бывает так, что законы, отличающиеся от страны к стране, приобретают тем не менее одинаковое значение благодаря совпадению психологического их восприятия в этих странах. И наоборот, бывает так, что тот же самый правовой институт, перенесенный в другую страну, претерпевает существенные метаморфозы вследствие психологической реакции, вызванной им»².

Коллективная национальная психология может стать фактором, блокирующим применение нового права. Так, в 1978 г. в Китае началась крупномасштабная правовая реформа, ориентированная на США и Европу. Количество законов, юристов и юридической литературы значительно выросло. Но действие нового права было ограничено, с одной стороны, стратегией коммунистической партии, а с другой — традиционными нормами и обычаями³.

Коллективная психология постоянно дает о себе знать через реакции гражданского общества. Учет этих эмоциональных реакций ведет к росту уважения к суду. Так, Высший суд Израиля принял решение, что во избежание коллективных наказаний разрушению подвергается только непосредственно дом террориста⁴.

Современные западные правоведы большое значение придают чувству одобрения населением принимаемых законов и выносимых судебных решений. В связи с этим возрастает значение социологии права, которая позволяет выяснить эти мнения, используя опросы общественного мнения. Именно эти сведения о социальной реальности все чаще становятся источником формулирования новых правовых норм. Речь идет о смене привычных представлений об отношении права к поведению людей. По мнению немецкого правоведа Д. Люке, вместо «зависимости поведения от правовых норм» появляется «зависимость права от поведения»⁵.

Если в начале XIX в. французский мыслитель Б. Констан большое внимание придавал легитимности источника происхождения закона, то в начале XXI в. это уже не представляется достаточной гарантией сохранения

¹ Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 291.

² Карбонье Ж. Юридическая социология. М., С. 63.

³ См.: Социология права в Германии // Сб. научн. трудов. М., 2008. С. 107.

⁴ Там же. С. 110.

⁵ Там же. С. 115.

основ современного западного общества. В настоящее время легитимность закона должна быть основана прежде всего на его одобрении населением. Именно поэтому меняется стратегия легитимации: от «легитимации через процесс» к «легитимации через акцепт»¹. Немецкий правовед Д. Люке подчеркивает, что следует исходить из факта все возрастающей вероятности «неакцепта» закона населением, что, в свою очередь, влечет за собой рост акцепта девиантного поведения. В качестве одного из примеров такого девиантного поведения, т. е. общественного одобрения нарушения правовых предписаний, для него служат действия современных студентов и школьников, нелегально использующих копии программного обеспечения. По мнению Д. Люке, именно сейчас законодатель призван ориентироваться на жизненные реалии. Примером тому, что законодатели способны учитывать эти жизненные реалии, может служить отзыв Закона о трансплантации земли Райнланд-Пфальц. Закон, который был принят в соответствии со всеми законодательными процедурами, все же был отозван, а правительство этой земли принесло народу свои извинения.

Таким образом, проблема легитимации закона через его одобрение получило широкое распространение в западной юриспруденции. Альтернативой же чувства одобрения может стать чувство презрения или ненависти, испытываемого гражданами к тем или иным законам.

О чувстве ненависти многих русских людей к законам очень проникновенно писал еще в начале 50-х гг. XIX в. А. Герцен: «Правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школою. Вопиющая несправедливость одной половины ее законов научила его ненавидеть и другую; он подчиняется им как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы он звания ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает Правительство»².

Итак, проведенный анализ взаимообусловленности коллективной психологии и законодательного права делает актуальной дальнейшую разработку предзаконодательной, законодательной и постзаконодательной социологии³. Это позволит решать проблему повышения эффективности принимаемых законов. В настоящее время социологическая наука, в арсенале которой большое количество специальных методов, позволяет оптимизировать законодательный процесс. Использование методов: опроса общественного мнения, включенного наблюдения, анкетирования респондентов закона и др. — обеспечивает эффективную обратную связь законодателя с населением. Социология законодательства определяет границы законодательной деятельности, обращая внимание на то, что «социальная действительность неоднородна и иррациональна» (Ж. Карбонье) и что возможности ее рационализации посредством законодательства все же ограничены.

¹ Там же. С. 116.

² Цит. по: *Кистяковский Б. А.* В защиту права // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 126—127.

³ *Карбонье Ж.* Юридическая социология. М., 1986. С. 318 и далее.

ЛЕКЦИЯ 18. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

- Понятие «духовная культура» общества в современной интерпретации.
- Реликтовые правовые программы как элемент культуры общества.
- Правовые программы современных обществ как элемент культуры.

Понятие «духовная культура» общества в современной интерпретации

Под культурой в отечественной науке традиционно было принято понимать достижения людей в области духовной и материальной жизни. Так, еще в Советском энциклопедическом словаре культура определялась как «исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях»¹. Понятие «культура» использовалось для характеристики отдельных исторических эпох (культура Средних веков), народов или обществ (культура майя), сфер деятельности или сфер жизни (культура труда, художественная культура). В отечественной философии подчеркивалась прежде всего материальная обусловленность культуры и ее связь с интересами социальных классов.

В современной отечественной философии культура трактуется уже как набор программ, в соответствии с которыми функционирует общество. Под культурой предлагают понимать систему «исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни»².

Определяя типичные черты общества и личности, эти программы представляют собой совокупность социально значимых знаний, идеалов, ценностей, верований, навыков и образцов деятельности, норм и др.

Деление же культуры на материальную и духовную теряет свое прежнее значение: «В этом смысле иногда говорят об орудиях труда, технике, предметах быта как о материальной культуре, противопоставляя им феномены духовной культуры (произведения искусства, философские, этические, политические учения, научные знания, религиозные идеи и т. п.). Однако такое противопоставление относительно, поскольку любые феномены культуры являются семиотическими образованиями. Предметы материальной культуры выполняют в человеческой жизни двоякую роль: служа практическим целям, они в то же самое время выступают средствами хранения и передачи социально значимой информации. Только во второй своей функции они становятся феноменами культуры»³

В современной западной философии акценты делаются на этимологическом родстве слов «культура» и «культ», и потому культура предпологает «религиозное уважение к традиции». Кроме того, подчеркивается связь культуры с гуманизмом, что исключает постановку научных

¹ Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М., 1985. С. 668.

² Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 8-е изд., М., 2009. С. 320—321.

³ Там же. С. 321.

проблем, связанных с варварской культурой: культурой антропофагии (людоедства) или военной культуры, основанной на насилии¹.

Однако общим для отечественной и западной философии является как отождествление сходных понятий «культура» и «цивилизация», так и их различение. Понятие «цивилизация» употребляется как синоним культуры, и потому «человек культурный и цивилизованный — характеристики однопорядковые», — считают авторы отечественного курса «Введение в философию»². Французский философ Д. Жюлиа также полагает, что цивилизация представляет собой «определенную форму культуры, например греческая цивилизация»³.

Тем не менее философы признают самостоятельную научную значимость понятия «цивилизация». Так, Дж. Тойнби использует это понятие для характеристики локализованного в пространстве и времени социального и культурного образования: арабской, исламской и других видов цивилизации. Д. Жюлиа различает цивилизации каменного, железного века, атомного века и др., в зависимости от уровня технологического развития обществ.

У Д. Жюлиа, кроме того, можно встретить удачную аналогию, позволяющую выявить различие между понятиями «культура» и «цивилизация»: «Если провести аналогию с образом человека, то техника составляет тело цивилизации, а культура представляет ее душу»⁴.

В современной философии выделяют три уровня культуры общества, представленные следующими программами: а) реликтовые программы; б) программы, значимые в настоящее время; в) программы, ориентированные на будущее⁵. Рассмотрим более подробно реликтовые *правовые* программы и *правовые* программы современных обществ.

Реликтовые правовые программы как элемент культуры общества

Под реликтовыми программами понимаются осколки прошлых культур, которые продолжают воздействовать на современных людей, порой даже на бессознательном уровне (суеверия, приметы)⁶.

Одной из реликтовых программ, без которых невозможно функционирование общества, является правовая реликтовая программа. Эта программа есть у каждого общества. Она получает свое выражение в пословицах, поговорках, афоризмах и др., отражая отношение людей к действующим законам, суду, судьям, адвокатам и другим представителям «правового штаба» (М. Вебер).

¹ Жюлиа Д. Философский словарь / пер. с франц. М., 2000. С. 202—203.

² Введение в философию: учеб. пособие для вузов / авт. колл.: Фролов И. Т. и др., 5-е изд. М., 2012. С. 533.

³ Жюлиа Д. Указ. соч. С. 496.

⁴ Там же. С. 496.

⁵ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 8-е изд. М., 2009. С. 321.

⁶ Там же.

Обратимся к исследованию правовой реликтовой программы российского общества — важной составляющей современной российской культуры. Эту программу можно обнаружить в народном творчестве. Пословицы и поговорки выражают глубокие душевные переживания простых людей, столкнувшихся с российской правовой системой. Среди этих пословиц и поговорок преобладают такие, в которых либо сквозит насмешка над законами и судопроизводством, либо ощущается боль от осознания несправедливости законов и судопроизводства. Вот некоторые из них: «Закон, что дышло — куда повернул, туда и вышло»; «Закон, что паутина — шмель проскочит, муха увязнет»; «Не держись закона — как слепой забора»; «То-то и закон, когда судья знаком»; «Судья в суде, что рыба в пруде»; «Судья что плотник: что захочет, то и вырубит»; «Не бойся истца, бойся судьи»; «Суд правый кривого дела не выправит, а кривой суд правое скривит»; «Суд крив, коли судья лжив»; «Суд прямой, да судья глухой»; «Не бойся суда, бойся несправедного судьи»; «Не всякий судит по праву, иной и но праву»; «В протоколе густо, а на деле пусто»; «В земле черви, в воде черти, в лесу сучки, в суде крючки»; «Из суда как из пруда — сухим не выйдешь»; «С сильным не борись, с богатым не судись»; «Где суд, там и несут»; «Пошел в суд в кафтане, а вышел нагишом»; «Карман сух, так и судья глух»; «В суд ногой — в карман рукой»; «Судьям то и полезно, что в карман полезло»; «Перед богом ставь свечку, а перед судьей мешок» и др.

Лишь немногочисленные русские пословицы и поговорки отражают положительное отношение к законам, судьям, суду, адвокатам и др. Назовем следующие: «Закон наугад не пишется», «Закон не кол — не обтешешь», «Правый суд не остуда, не сетуй на него», «Судья праведный — ограда каменная» и др.

Элементы российской правовой реликтовой программы можно обнаружить не только в народном творчестве, но и в философских, правовых и политических учениях. Глубокий анализ отношения российских интеллектуалов к праву как культурной ценности провел дореволюционный правовед Б. А. Кистяковский в статье «В защиту права» (1909), где провел социологическое исследование отношения интеллигенции (как среза всего российского народа) к праву как ценности. Он рассмотрел следующие вопросы: отношение интеллигенции к идеалу правовой личности; отношение интеллигенции к правовым институтам и правовым процессуальным формам, призванным защищать правовые интересы личности, и др. Социологическую выборку Б. А. Кистяковского можно считать достаточно репрезентативной, поскольку в нее вошли известные представители российской интеллигенции и духовные вожди народа.

Б. А. Кистяковский проанализировал все многообразие идеалов (формул) личности, которые привлекали русских интеллигентов: критически мыслящая, сознательная, всесторонне развитая, самосовершенствующаяся, этическая, религиозная, революционная, самодовлеющая, эгоистическая, сверхличность и др. Однако констатировал, что в этот перечень не вошла правовая личность: «Обе стороны этого идеала —

личности, дисциплинированной правом и устойчивым правопорядком, и личности, наделенной всеми правами и свободно пользующейся ими, — чужды сознанию нашей интеллигенции»¹.

На примере известных российских мыслителей — К. Д. Кавелина и Н. К. Михайловского — Б. А. Кистяковский показал непонимание интеллектуалами значения такого института, как народное представительство — института защиты прав личности. По мнению Б. А. Кистяковского, именно неразвитость правосознания этих мыслителей не позволила им увидеть в народном представительстве важнейший институт правового государства: К. Д. Кавелин и Н. К. Михайловский сосредоточили свое внимание исключительно на социальном составе этого представительства — первый видел народное представительство дворянским, а второй — буржуазным представительством. Сам же Б. А. Кистяковский отлично сознавал безотносительную ценность института народного представительства, считая, что «свобода и неприкосновенность личности осуществимы только в конституционном государстве»².

Б. А. Кистяковский рассмотрел и отношение к праву радикальных российских интеллектуалов (в лице В. И. Ленина), убедительно показав, что им было свойственно восприятие права исключительно как набора принудительных правил, а не как глубокого внутреннего правового убеждения («юридической правды»). Это наиболее полно проявилось в их вере во всемогущество партийных уставов, безотносительно к тому, основан ли он на компромиссе или нет. Он применил юридино-социологический анализ Устава РСДРП (1903), приравняв значение устава партии значению конституции государства. Устав с «осадным положением в партии», принятый большинством всего двух голосов, по мнению Б. А. Кистяковского, — это нарушение основного правового принципа: «Уставы обществ, как и Конституции, утверждаются на особых основаниях квалифицированным большинством»³. Таким образом, Кистяковский выявил дефекты правосознания радикальной интеллектуальной среды, которые и предопределили неизбежный раскол российской социал-демократической партии на большевиков и меньшевиков, что и произошло в 1905 г.

Б. А. Кистяковский провел сравнительный социологический анализ реликтовых правовых программ. Он обратился к юридическим произведениям, которые имели общественный резонанс. В его выборку вошли произведения, в которых обосновывались противоположные политические и правовые идеалы. Среди английских авторов XVII в. Б. А. Кистяковский выделил две группы мыслителей: 1) Т. Гоббс с его трактатами «О гражданине», «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского», Р. Филмер с его работой «Патриарх»; 2) Дж. Мильтон с его сочинениями, в которых он отстаивал

¹ Кистяковский Б. А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) / Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 128.

² Кистяковский Б. А. Указ. соч. С. 129.

³ Там же. С. 141.

свободу слова и печати, Дж. Лильберн с его памфлетами, в которых излагались либеральные идеи.

Правосознание образованных людей во Франции в XVIII в., по мнению Б. А. Кистяковского, формировалось под влиянием произведений Ш. Монтескье («О духе законов») и Ж.-Ж. Руссо («Об общественном договоре»). В Германии в конце XVIII — начале XIX в. духовное развитие образованных немцев определялось работами представителей немецкой классической философии — И. Кантом, И. Фихте, Г. Гегелем, которые затрагивали фундаментальные проблемы философии права. «В первой половине XIX в., — писал, Кистяковский, — «Философия права» (Гегеля. — *Прим. авт.*) была, несомненно, наиболее часто встречающейся философской книгой в Германии»¹. Во втором десятилетии XIX в. глубокое культурное значение для образованных немцев получил чисто юридический спор между профессором права Гейдельбергского университета Ю. Тибо и профессором права Берлинского университета Ф. Савиньи. Речь шла о своевременности разработки и принятия в Германии гражданского кодекса.

Обратившись к исследованию российской юридической литературы, имевшей общественный резонанс, Б. А. Кистяковский сделал вывод: «Ничего аналогичного в развитии нашей интеллигенции нельзя указать. У нас при всех университетах созданы юридические факультеты; некоторые из них существуют более ста лет; есть у нас и полдесятка специальных юридических высших учебных заведений. Все это составит на всю Россию около полутора десятка юридических кафедр. Но ни один из представителей этих кафедр не дал не только книги, но даже правового этюда, который имел бы широкое общественное значение и повлиял бы на правосознание нашей интеллигенции»².

Представляется, что правовая реликтовая программа — это важная составляющая предмета законодательной социологии. Современный законодатель, стремясь к выработке эффективного законодательства, не может не учитывать правовую реликтовую программу своего народа.

Правовые программы современных обществ как элемент культуры

Правовая программа современного западного общества — это накопленный поколениями людей юридический опыт, вылившийся в систему основополагающих правовых идей, опыт, неразрывно связанный с демократией как формой государственного правления западных стран. В системе этих правовых универсалий каждый человек осмысливает и оценивает современный мир, сводит в целостность все явления юридической действительности, попадающие в сферу его жизненного опыта. Эти общие принципы права — предельно ясные для понимания положения «юридической правды» (Б. А. Кистяковский). Общие

¹ Кистяковский Б. А. Указ. соч. С. 124—125.

² Там же. С. 125.

принципы права представляют собой аксиомы права, т. е. бесспорные, не требующие доказательств юридические истины.

Еще одна важная характеристика общих принципов права — это их всеобщая обязательность.

Итак, будем понимать под правовой программой современного западного общества основополагающие правовые идеи, неразрывно связанные с демократией как формой государственного правления, — идеи, которые рассматриваются общественным сознанием, юридической практикой и юридической наукой как обязательные правила как в одной стране, так и в мировом сообществе.

В отечественной юриспруденции о правовых аксиомах писали такие авторы, как Г. Н. Манов, В. А. Четвернин и др.¹ Творчески развив идеи профессора Г. Н. Манова, профессор В. А. Четвернин провел глубокий анализ правовых аксиом применительно к современному западному обществу. Он выделил три группы аксиом: общие аксиомы; аксиомы о действии закона; аксиомы надлежащей правовой процедуры. Свое видение проблемы В. А. Четвернин определил таким образом: «Общие аксиомы права объясняют сущность правового общения. Специальные аксиомы вытекают из общих как частные формулировки и характеризуют отдельные виды правовых явлений, отдельные сферы юридической практики (например, источники права, правовые процедуры)»².

К числу общих правовых аксиом В. А. Четвернин относит следующие: все, что не запрещено, разрешено; все, что не разрешено, запрещено; договоры должны соблюдаться; субъективному праву всегда соответствует юридическая обязанность; всякое правонарушение предполагает юридическую ответственность.

Вторая группа правовых аксиом — это аксиомы о действии закона. Она представлена следующими аксиомами: последующий закон отменяет предыдущий; незнание закона не освобождает от ответственности; неопубликованные законы не применяются; отягчающий закон обратной силы не имеет.

Третья группа правовых аксиом — это аксиомы надлежащей правовой процедуры. К ним относятся такие аксиомы: никто не может быть лишен жизни, свободы или имущества иначе как по решению суда; никто не может быть судьей в своем деле; пусть будет выслушана и другая сторона; нельзя наказывать дважды за одно и то же; обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не доказана; обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность; никто не обязан свидетельствовать против себя.

Многие из этих правовых аксиом непосредственно закреплены в нормативных правовых актах, а некоторые правовые аксиомы признаются правовыми доктринами. Так, аксиома «никто не может быть

¹ См.: Манов Г. Н. Аксиомы в советской теории права // Сов. государство и право. 1986. № 9. С. 29—36; Четвернин В. А. Лекции по теории права. Вып. 1. М., 2000. РПА МЮ РФ. М., 1999. С. 50—64.

² Четвернин В. А. Лекции по теории права. С. 51.

лишен жизни, свободы или имущества иначе как по решению суда» получило свое закрепление в ст. 39 Великой хартии вольностей (1215), в 5-й поправке к Конституции США (1791) и др. Правовые аксиомы могут не быть четко сформулированы, тем не менее они составляют «идейный стержень» правовой нормы. Так, в 27-й поправке к Конституции США, вступившей в силу в 1992 г., заложена правовая аксиома «никто не может судьей в своем собственном деле».

Представляется, что перечень этих аксиом не может быть закрытым, а отдельные из-них требуют своей конкретизации в связи с изменениями, происходящими в обществе. Поэтому корректировка смысла уже признанных правовых аксиом и выявление необходимости признания новых аксиом становится важной проблемой науки законодательной социологии.

Проблему корректировки смысла одной из правовых аксиом рассмотрел французский социолог Ж. Карбонье. Речь идет об аксиоме «никто не может ссылаться на незнание закона». Ж. Карбонье отталкивается от социологического факта — стремительного роста числа нормативных правовых актов в условиях современных индустриальных и постиндустриальных обществ. С учетом этого он формулирует проблему таким образом: «Закономерен вопрос: в какой мере этот принцип, выпестованный в века юридической определенности и малоподвижности, продолжает оставаться жизнеспособным в эпоху инфляции норм и брожения законодательства? И если этот принцип ныне неадекватен, то каковы средства, чтобы исправить положение? На эти вопросы сама теория права уже не в состоянии дать исчерпывающий ответ. Нужно призвать на помощь социологию, психологию, технику информации и средства массового оповещения»¹. Ж. Карбонье считает, что было бы неправильным отказаться от аксиомы «незнание закона не освобождает от ответственности», но необходимо эту аксиому адаптировать к современным адресатам правовых норм. Кто же сегодня выступает в роли адресатов правовых норм? На этот вопрос, по мнению Ж. Карбонье, лучше всего могут ответить социальные психологи и социологи. Используя специальные методики, они способны: глубже понять «восприимчивость субъектов к правовой информации»; обнаружить зависимость восприятия законодательства от такой переменной величины респондентов, как молодость — старость; определить роль такого личностного фактора, как заинтересованность лица в знании того или иного закона.

В частности, на уровне социологически доказанного факта было установлено, что «молодые люди имеют лучшее представление о новом законодательстве, их память не отягощена воспоминаниями о предшествующем праве, и к тому же они лучше воспринимают сообщения, поступающие по каналам массовых коммуникаций»². Напротив, пожилые люди лучше знают старое законодательство, например, о наследовании.

¹ Карбонье Ж. Принцип «никто не вправе ссылаться на незнание закона» во французском праве / СССР — Франция: социологический и международно-правовой аспекты сравнительного правоведения. М., 1987. С. 14.

² Там же. С. 17.

С учетом постоянного роста законодательного массива в современных западных обществах французский социолог обосновал необходимость изменить формулировку правовой аксиомы «никто не может ссылаться на незнание закона» применительно к некоторым отраслям права, к которым, безусловно, не может быть отнесена отрасль уголовного права. В настоящее время, по мнению Ж. Карбонье, было бы неоправданным обязывать личность «воспринимать информацию о праве»: «Необходимо адаптировать презумпцию знания закона к новым способам получения правовой информации: вместо формулы “никто не вправе ссылаться на незнание закона” выдвигается другая: “заранее предполагается, что каждый имеет возможность получить сведения о действующем законодательстве”»¹. Формула, предложенная Ж. Карбонье, адресована не абстрактным респондентам, а конкретным субъектам права западного постиндустриального общества, и в этом состоит особенность юридико-социологического подхода в решении значимых для общества проблем.

Проблема правовых аксиом стала значимой проблемой и для американского правоведа Р. Паунда — яркого представителя социологической юриспруденции. Юридическая практика, полагал Р. Паунд, не должна развиваться методом проб и ошибок. Он признавал большую роль теории права для цивилизованного развития юридической практики. В начале теория права должна выработать правовые аксиомы — правовые постулаты цивилизованного общества, с помощью которых можно было бы оценивать различные интересы и соотносить их между собой: «Всякое новое притязание, на признании которого настаивает истец, оценивается на базе таких постулатов. Получив такое признание, данное притязание соотносится с иными юридически признанными интересами на базе тех же самых постулатов. Наконец, после отграничения рассматриваемого притязания от прочих законных интересов оно получает судебную защиту, определяемую на основе этих же постулатов». Р. Паунд сформулировал пять правовых аксиом (правовых постулатов), которые необходимо использовать в цивилизованном обществе для оценки притязаний субъектов частного права: 1) «люди должны быть способны полагаться на то, что другие не будут допускать посягательства на их интересы»; 2) «люди должны быть способны полагаться на то, что они вправе владеть и управлять к собственной выгоде тем, что они присвоили для своего использования, что они создали собственным трудом и что они приобрели в соответствии с существующим социальным и экономическим порядком»; 3) «люди должны быть способны полагаться на то, что те, с которыми вступают в признанные обществом отношения, будут действовать добросовестно и, следовательно, вправе действовать с учетом разумных ожиданий, вытекающих из их обещаний или иного поведения; будут осуществлять свою предпринимательскую деятельность в соответствии с ожиданиями, вытекающими из относящихся к ней нравственных чувств общества; будут возвращать

¹ Там же. С. 18—19.

в натуре либо возмещать то, что поступило к ним по ошибке, нечаянно и ненамеренно за чужой счет, и на получение чего они при соответствующих обстоятельствах не могли разумно рассчитывать»; 4) «люди должны быть способны полагаться на то, что те, которые занимаются определенной деятельностью, будут действовать с надлежащей степенью предусмотрительности и осторожности, с тем, чтобы не подвергнуть других лиц неразумно высокому риску причинения вреда»; 5) «люди должны быть способны полагаться на то, что те, кто владеет вещами, способными выйти из-под контроля и причинить вред, не допустят утраты над ними разумного контроля».

Р. Паунд признавал, что перечень этих правовых постулатов является открытым, так как с развитием цивилизации начинают заявлять о себе все новые и новые притязания и необходимо постоянно расширять этот перечень. Так, «Еще один новый правовой постулат выражается в том, что в современном индустриальном обществе использующие наемный труд предприятия несут бремя того, что можно назвать “износом людских ресурсов” (human wear and tear) в ходе осуществляемой ими деятельности».

Итак, культура — это набор надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, программ, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни. Правовые программы в этом наборе занимают отдельное место, так как являются единственно социально дисциплинирующими системами. Право создает формы для реализации «интеллектуальной и волевой деятельности» (Б. А. Кистяковский), становясь тем самым ценностью особого рода. Это ценность не абсолютная, как, например, «научная истина, нравственное совершенство, религиозная святость» (Б. А. Кистяковский), а относительная, которую можно выразить в форме правовых аксиом. Именно эти правовые аксиомы выражают «глубинную связь с существенными областями человеческого опыта» (И. Кристи), позволяя находить компромиссы между множеством ценностей духовной культуры.

ЛЕКЦИЯ 19. ОБЫЧАИ МЕЖДУНАРОДНОГО И РОССИЙСКОГО ПРАВА

Легистское правопонимание, господствовавшее в СССР длительное время, преобладающее в России и в настоящий период, по существу отождествляло ранее, ограничивает и в XXI в., по существу, «все» право только «законодательством», а точнее, нормативными правовыми актами, принятыми органами государственной власти. Вместе с тем, как теоретически точно заметила А. С. Коновалова, «...содержание и форма правовой жизни современного общества гораздо богаче той картины, которая устоялась в отечественной юридической науке. Это касается и понимания природы, и действительной роли обычного права... Обычное право воспринимается сегодня не как атавизм из прошлого, а как неотъемлемый компонент естественного правового развития общества... концепция правового государства... должна базироваться не только на принципе верховенства закона и общепризнанных норм международного права, но и на принципе легитимных источников права, среди которых одно из центральных мест отведено обычному праву»¹.

Статья 38 Статута Международного суда, принятого 26 июня 1945 г., закрепила в качестве одной из форм международного права «международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы». Весьма характерна также и преамбула Венской конвенции о праве международных договоров, принятой 23 мая 1969 г.: «...нормы международного обычного права будут по-прежнему регулировать вопросы, которые не нашли решения в положениях настоящей Конвенции». В связи с этим хотелось бы разделить вывод Д. Г. Самхарадзе: «Необходимый уровень международно-правового регулирования может быть обеспечен лишь при условии взаимодействия договора и обычая»².

Обычное право является древнейшей формой права и имеет свою многовековую историю³. Становление обычного права связывается с периодом распада первобытного строя и становлением государства (Н. М. Коркунов, Г. Ф. Шершеневич, В. П. Алексеев, А. И. Першиц, А. Б. Венгеров, С. С. Алексеев и др.). Развитие письменности сыграло особую роль в формировании и развитии обычного права, которое не утратило своего значения и в настоящее время, поскольку, как нам представляется, эффективное регулирование общественных отношений посредством реализации только норм права, содержащихся в законодательстве в силу субъективных и объективных причин, невозможно.

Многие ученые в качестве наиболее характерного критерия существования обычного права называют повторяемость известного поведения. Вместе с тем, думаем, более обоснованной является точка зрения

¹ Коновалова А. С. Обычное право в российской правовой жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 3, 4, 11.

² Самхарадзе Д. Г. Взаимодействие источников современного международного трудового права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. С. 3.

³ См., напр.: Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. М., 2002.

Д. Г. Самхарадзе: «В современном международном праве существуют два вида обычных норм. Первый — это традиционный вид обычных норм, которые представляют собой сложившееся в практике неписаное право, за которым субъекты признают юридическую силу. Второй — это новый вид обычных норм, которые также являются неписаными правилами, за которыми признается юридическая сила. Но создаются они не длительной практикой, а путем признания нескольких или даже одного предшествующего акта. Такие нормы первоначально формируются либо в международных договорах, либо в таких неправовых актах, как резолюции международных совещаний и международных организаций, а в дальнейшем за ними признается статус норм общего международного права...»¹ Такая позиция подтверждается также и практикой Международного суда ООН. Например, в решении Суда по делу о континентальном шельфе Северного моря в 1969 г. записано: «Короткий период времени не является обязательно или сам по себе препятствием для образования новой нормы международного обычного права»².

В специальной литературе и на практике принято различать правовой обычай и обыкновение. Международные правовые обычаи, на наш взгляд, содержат принципы и нормы права, объективно существующие независимо от воли лиц, их реализующих, обеспеченные международно-правовым принуждением и регулирующие общественные отношения между субъектами международного права. Международные обыкновения, в отличие от международных правовых обычаев, думаем, не имеют обязательной юридической силы и поэтому не могут регулировать общественные отношения между субъектами международного права.

Одним из источников международного права являются действия управомоченных субъектов международного права по защите интересов, прежде всего физических и юридических лиц, как их единообразное и неоднократное повторение, обеспеченное социальным принуждением, в том числе принуждением управомоченных специализированных международных учреждений (организаций). «Практика государств, — справедливо отмечает Д. Г. Самхарадзе, — подразумевает как принятие определенных действий, так и, наоборот, воздержание от таковых. Конечно, гораздо легче установить существование обычной нормы в случае позитивных действий государств. Однако нет оснований отвергать возможность создания обычной нормы путем воздержания от действий. Не только позитивные действия государств, но и воздержание от действий могут привести к созданию обычной нормы международного права»³.

В специальной литературе активно обсуждается вопрос о соотношении обычных принципов и норм международного права с иными формами международного права. Так, Р. З. Зумбулидзе, рассматривая соотношение норм обычного права и норм права, содержащихся в иных

¹ Самхарадзе Д. Г. Указ. соч. С. 21.

² North Sea Continental Shelf // ICS/ Reports, The Hague. 1969. P. 43.

³ Самхарадзе Д. Г. Указ. соч. С. 22.

формах, рассматривает три возможных варианта. Первый — обычай выступает в дополнение к закону (*consuetudo secundum legem*). Второй — обычаи действуют «кроме закона» (*consuetude praeter legem*). Третий — обычаи действуют «против закона» (*consuetude adversus ulu contra legem*). Думаем, принципы и нормы права, выработанные в обычаях международного права, могут применяться только в дополнение к принципам и нормам права, содержащимся в других формах международного права (*consuetude secundum legem*). На наш взгляд, данная позиция по аналогии права подтверждается и преамбулой Венской конвенции о праве международных договоров, в соответствии с которой «нормы обычного международного права будут по-прежнему регулировать вопросы, которые не нашли решения в положениях настоящей Конвенции».

Существенное теоретическое и практическое значение имеет также соотношение международных договоров и обычаев международного права. Д. Г. Самхарадзе по данному вопросу высказал весьма спорную, но традиционную точку зрения: «...Представляется вообще необоснованным сама постановка вопроса об абсолютном примате договора или обычая. Ведь как договор, так и обычай являются лишь различными формами одной сущности: это соглашение субъектов. Договор и обычай обладают единой юридической силой»¹. С такой позицией трудно согласиться, поскольку международные обычаи и международные договоры имеют различные правообразующие источники, а значит, и не могут быть «различными формами одной сущности». Как было отмечено выше, источником обычаев международного права являются прежде всего действия субъектов международного права. В то же время международные договоры, содержащие принципы и нормы права, вырабатываются на основе соглашений государств, иных управомоченных субъектов международного права. Поскольку прежде всего государство вправе добровольно ограничивать свой суверенитет, постольку, думаем, во-первых, управомоченные субъекты международного права должны руководствоваться основополагающими принципами международного права; во-вторых, международными договорами, содержащими принципы и нормы международного права; в-третьих (прежде всего в случаях пробелов в правовом регулировании «на уровне» основополагающих принципов международного права и международных договоров), обычаями международного права. В результате суды, рассматривая споры, не будут выполнять несвойственные им правотворческие функции. Суды как правоприменительные органы вправе лишь ограничиваться применением уже ранее выработанных обычаев международного права. Приведенные выше теоретические и правовые аргументы позволяют выделить три формы международного права: основополагающие принципы международного права, международные договоры и обычаи международного права.

¹ Зумбулидзе Р. З. Обычное право как источник (форма) гражданского права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 23—24.

Д. Г. Самхарадзе, противореча себе, в другом месте своей работы справедливо пишет: «При рассмотрении вопросов об источниках существенного значения имеет статья 38 Статута Международного Суда ООН. <...> Статья 38 на первое место поставила договор. Объяснение тому мы можем обнаружить в самой статье 38... где говорится, что конвенции устанавливают “правила, определенно признанные спорящими государствами”»¹. Также следует учитывать, что данное положение было унаследовано от Статута Постоянной палаты международного правосудия, которая была первым постоянным судебным органом такого рода, которому еще предстояло утвердить свой авторитет и развеять опасения государств, поэтому и было сочтено, что в первую очередь споры должны решаться на основе договоров, которые содержат правила, определенно признанные сторонами»².

Многие специалисты относят судебную практику к самостоятельной форме права. Однако, делая такой вывод, практически никто из них не анализировал по этому поводу позицию Международного Суда, который неоднократно подчеркивал, что суд является правоприменительным, а не правотворческим органом, роль которого ограничивается толкованием обычных норм права.

«Обычными нормами являются основные принципы международного права»³, — полагает Д. Г. Самхарадзе. Такую точку зрения трудно разделить, в том числе потому, что даже ст. 38 Статута Международного Суда предусматривает три самостоятельные формы международного права: 1) международные конвенции, как общие, так и специальные, устанавливающие правила, определенно признанные спорящими государствами; 2) международные обычаи, как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы; 3) общие принципы права, признанные цивилизованными нациями.

По существу, почти все концепции международных обычаев выделяют два элемента: практику и *opinio juris* — признание за сложившимися в практике правилами юридической силы. Традиционно повторяемость известного поведения рассматривается большинством ученых в качестве наиболее характерного критерия существования обычного права. «...Обычное право в первую очередь, — полагает Р. З. Зумбулидзе, — основывается на “силе факта”. Причем повторение должно быть не просто многократным, но и единообразным, в противном случае нельзя будет утверждать, что правило действует»⁴. Вместе с тем в большей мере соответствует реальной действительности другая точка зрения, состоящая в том, что многократное и единообразное повторение (практика) постепенно утрачивает свою роль. Важнейшее значение приобретает *opinion juris*⁵.

¹ Самхарадзе Д. Г. Указ. соч. С. 23.

² Там же. С. 10.

³ Самхарадзе Д. Г. Указ. соч. С. 14.

⁴ Зумбулидзе Р. З. Указ. соч. С. 16.

⁵ См., напр.: Самхаридзе Д. Г. Указ. соч. С. 21—22.

Обычаи международного права не обладают и не могут обладать абсолютной определенностью вырабатываемых в них норм права. Равно, как правило, не должны существовать в природе и абсолютно определенные нормы права, содержащиеся в нормативных правовых актах и международных договорах. Нормы права, выработанные в формах международного права, традиционно характеризуются относительной определенностью. В связи с этим представляется теоретически обоснованным вывод Международного Суда ООН, который признал: не следует придавать слишком большое значение «некоторой неопределенности или противоречиям, реальным или кажущимся»¹ обычных норм.

Согласие субъектов правотворчества — важнейшее условие возникновения и реализации принципов и норм обычного права. Вместе с тем в специальной литературе отмечается, что степень согласования воли субъектов международного права может быть различной. Например, Д. Г. Самхарадзе полагает: «Обычай ведет к менее значительной степени согласованности позиций государств по сравнению с договорным нормообразованием. Субъекты выражают свое мнение по конкретным правовым вопросам не только с помощью таких формальных актов, как, например, договор, но и через фактические действия. Такими действиями государства поддерживают, молчаливо соглашаются или выражают несогласие с практикой других государств. Все эти действия государств являются вполне сознательными действиями. Можно прийти к выводу, что процесс формирования обычая нужно рассматривать как процесс сознательного правотворчества... без той или иной формы согласия обычные нормы вообще не могли возникнуть»². Отдельные специалисты международного права высказывают мнение о замене в настоящее время обычного права договорным. В то же время практика свидетельствует о другом: почти во всех решениях Международный суд ООН применяет обычное право и не смешивает его с договорным правом.

В настоящий период многие современные исследователи подчеркивают роль и значение международного права в деятельности российских правотворческих и правоприменительных органов государственной власти. Так, К. Н. Гусов и М. Н. Курилин справедливо отмечают общепризнанный в практике международных отношений принцип разрешения противоречий между нормами внутригосударственного права и международного права в пользу выполнения государством международных обязательств³. Академик О. Е. Кутафин подчеркивал: в постсоветский период примат международного права над внутригосударственным получил практически всеобщее признание, которое объясняется целым рядом объективных факторов в современном мире⁴. Например, в между-

¹ ICJ. Reports 1974. P. 138.

² Самхарадзе Д. Г. Указ. соч. С. 20.

³ Гусов К. Н., Курилин М. Н. Международно-правовое регулирование труда. М.: Манускрипт, 1992. С. 47.

⁴ Кутафин О. Е. Источники конституционного права Российской Федерации. М., 2002. С. 63—64.

народном трудовом праве, в частности, в основополагающих принципах международного трудового права и Конвенциях МОТ, содержащих нормы трудового права, выработаны обязательные минимальные для государств — членов МОТ трудовые права работников и работодателей, а также обязательства государств, в том числе связанные с обеспечением «эффективной занятости», «реальной и гарантированной заработной платой», уменьшением риска неопределенности в трудовых правах и обязанностях работников и работодателей, централизованным регулированием рынка труда — в конечном итоге со стабильными и предсказуемыми трудовыми правоотношениями, обеспечивающими работникам достойный уровень жизни, социальную справедливость, человечность и прочный мир во всем мире¹.

Объективно происходящие в мире экономические, социальные и иные процессы, очевидно, не могут быть разрешены только на национальном уровне, неизбежно требуют сбалансированных решений всего цивилизованного человечества. Наступило время, когда в мире возобладали интегративные процессы, в том числе затрагивающие взаимосвязанные и взаимозависимые общечеловеческие трудовые права и правовые интересы. В связи с этим, в частности, представляется, по меньшей мере, недостаточным регулирование общественных отношений только на национальном уровне. Объективно возрастают роль и значение международного права. Отсюда представляется необходимым, но уже недостаточным не только собственное исследование отдельных форм российского права, но и изолированное от происходящих в мире правовых процессов изучение источников и форм только российского права. Пришло время всестороннего комплексного исследования нового феномена — системы форм права, реализуемых в Российской Федерации, включающей подсистемы как международного, так и российского права.

В Рио-де-Жанейро в 1992 г. состоялась Конференция ООН на тему «Окружающая среда и развитие». Декларацию Конференции подписали главы государств и правительств 179 стран мира. Был принят документ с символическим названием: «Повестка дня на XXI». На конференции выработана концепция разумной сбалансированности, «устойчивого развития» — новая парадигма развития человечества, с неизбежностью повышающая место и роль права, в том числе международного права в защите прав и правовых интересов прежде всего граждан и юридических лиц. Специалисты спорят о точном переводе английского термина *sustainable development*. Думаем, наиболее адекватным английскому термину является его русский эквивалент — «согласованное развитие», предусматривающий не только самоограничение государств национальным правом, но и необходимое ограничение международным правом как отдельных государств, надгосударственных и негосударственных

¹ См., напр.: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1999. С. 341; Лушников А. М. Наука трудового права России: историко-правовые очерки в лицах и событиях: Монография. М.: Проспект, 2003. С. 250—271; Устав Международной организации труда.

органов и организаций, физических и юридических лиц, так и цивилизации в целом¹. Отсюда регулирование общественных отношений посредством реализации принципов и норм права, содержащихся только в национальном законодательстве, а также в нормативных правовых актах, принятых органами государственной власти и управомоченными лицами, сегодня, очевидно, недостаточно. Процессы глобализации обуславливают необходимость включения в право, реализуемое в Российской Федерации, международного права, в частности таких его форм, как основополагающие принципы международного права, международные договоры, содержащие принципы и нормы права, и обычаи международного права.

В соответствии с ч. 1 ст. 1 Конституции РФ Россия — правовое государство. «Концепция правового государства, — справедливо подчеркивает А. С. Коновалова, — ...должна базироваться... и на принципе плюрализма легитимных источников права (на наш взгляд, форм права), среди которых одно из центральных мест отведено обычному праву»². В специальной литературе справедливо отмечается, что обычай является одним из древнейших национальных социальных регуляторов общественных отношений³. Древнеримские Законы 12 таблиц основывались на правовых обычаях. Правовые обычаи также содержались во французских Кутюмах, Варварской Правде, Саксонском Зерцале и т. д.

Известные памятники русского права — Псковская судная грамота, Новгородская судная грамота и Русская Правда — в основном содержали обычаи права. Вместе с тем по мере становления российского государства обычное право начинает постепенно вытесняться нормативными правовыми актами, принятыми органами государственной власти. Характерным примером является Судебник 1550 г. В Своде законов Российской империи уже было записано: «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, от Самодержавной власти исходящих»⁴. В связи с этим Г. Ф. Шершеневич, анализируя русское дореволюционное законодательство, заметил: оно «всегда неблагоприятно относилось к обычаю вследствие близкой связи последнего с идеей местной автономии и постоянно стремилось выставлять на первый план указы, уставы и т. п. законодательные источники»⁵.

В советский период специалисты в области права, как правило, не признавали обычаи права в качестве самостоятельной формы, полагая, что они характерны только для капиталистического строя. Так,

¹ Более подробно см., напр.: *Еришов В. В.* Правовая цивилизация: теоретические и практические вопросы международного права // *Российская юстиция.* 2004. № 5. С. 10.

² *Коновалова А. С.* Обычное право в российской правовой жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 12.

³ См., напр.: *Зрейк Л.* Место правового обычая в системе источников трудового права России и Израиля // *Трудовое право.* 2007. № 5. С. 92.

⁴ Свод законов Российской Империи. Т. 1. Ч. 1. Ст. 47, цит. по: *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 37.

⁵ *Шершеневич Г. Ф.* Курс торгового права. С. 79.

Б. К. Бегичев и А. Д. Зайкин полагали, что «правовые обычаи как источники права имеют ограниченное применение в промышленно развитых капиталистических странах (например, в Англии: в регулировании ученичества, премирования и праздничных дней)¹. Весьма выразительны даже названия разделов в работе С. Л. Зивса, одна из глав которой называется «Закат обычного права», а ее первый параграф «Вытеснение обычного права из юридической деятельности Советского Союза».

Вместе с тем ст. 8 и 72 Земельного кодекса РСФСР 1922 г. предусматривали возможность применения обычая права в процессе регулирования земельных, семейных и иных отношений среди крестьян. Не отрицался и сам факт существования обычаев права. В связи с этим весьма характерным представляется определение права, выработанное А. Я. Вышинским и длительное время считавшееся классическим: «Право — совокупность правил поведения, установленных государственной властью как властью господствующего в обществе класса, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью и осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»². В российских федеральных законах применяются термины «торговые обычаи» (п. 3 ст. 28 Закона РФ от 7 июля 1993 г. «О международном коммерческом арбитраже»), «торговые и портовые обычаи» (ст. 15 Закона РФ от 7 июля 1993 г. «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации»), «местные обычаи» (ст. 221 ГК РФ), «национальные обычаи» (ст. 52 Семейного кодекса РФ).

В связи с этим весьма характерным представляется также и развитие российского гражданского права. Так, в части первой ГК РФ, принятой Федеральным законом от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ, содержалась ст. 5, которая называлась «Обычаи делового оборота». В специальной литературе эта статья справедливо критиковалась, так как «обычаи делового оборота» являются лишь одним из видов обычаев российского права³. Было неясно, почему законодатель допускает лишь один из видов обычаев российского гражданского права и не предусматривает другие его виды? Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» из наименования ст. 5 ГК РФ были исключены слова «делового оборота»⁴.

Интересно также и то, что Е. Б. Хохлов также предлагал признать обычаи права в качестве формы трудового права. Так, в подготовлен-

¹ Советское трудовое право / под ред. Б. К. Бегичева, А. Д. Зайкина. М.: Юридическая литература, 1985. С. 513.

² Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 4.

³ См., напр.: Ершова Е. А. Международные обычаи, содержащие норм трудового права // Российское правосудие. 2008. № 1. С. 46—56; Ершова Е. А. Обычаи, содержащие нормы российского трудового права // Трудовое право. 2008. № 3. С. 23—29.

⁴ Российская газета. 2013. № 3. Янв.

ном им проекте рабочего варианта Трудового кодекса РФ имелась ст. 9 «Правовой обычай в сфере труда». Обычаи, например, трудового права, достаточно широко применяются в Великобритании, в частности регулируют трудовые отношения, связанные с ученичеством, классификацией работников, режимом рабочего времени, сверхурочных работ. Во Франции в некоторых случаях закон отсылает к обычаю (например, в случаях установления срока предупреждения об увольнении). Применяется обычай и в случае пробела в трудовом праве (например, определения срока при приеме на работу). В Италии обычаи в трудовом праве применяются в случаях, предусмотренных законом. В Испании обычаи в трудовом праве признаются формой трудового права. В нормативных правовых актах, содержащих нормы трудового права, имеются ссылки на обычаи трудового права, определяющие время и место выплаты заработной платы и срок предупреждения об увольнении по инициативе работника. В Португалии обычаи трудового права могут применяться в случае, если они не противоречат законам, коллективным договорам и добрым нравам, а также при условии, что иное не предусмотрено соглашением сторон. В Дании обычаи трудового права применяются, если они ясны и недвусмысленны и действуют длительное время. В Швеции обычаи трудового права применяются в случаях, предусмотренных законами и в соответствии со сложившейся многолетней практикой, например при установлении срока предупреждения об увольнении.

Исходя из того что Устав о промышленном труде, Кодекс законов о труде 1918 г., Кодекс законов о труде 1922 г., Основы законодательства о труде СССР и союзных республик 1970 г., Кодекс законов о труде 1971 г., а также действующий в настоящее время ТК РФ не содержали и не содержат ссылок на обычаи трудового права, О. А. Вострецова пришла, думаем, к спорному выводу: «...в трудовом законодательстве нашей страны отсутствует традиция признания обычая в качестве источника трудового права, что связано с достаточно подробным государственным и договорным регулированием трудовых отношений, которое практически не оставляет места для возникновения обычных норм, а также различиями в условиях труда в разных отраслях»¹.

На наш взгляд, вряд ли возможно признать государственное и договорное регулирование «достаточно подробным». Думаем, равно наоборот: по субъективным и объективным причинам государственное и договорное регулирование общественных отношений не является (и в принципе, не может являться) «достаточно подробным». Во-первых, в результате ошибок уполномоченных правотворческих органов и лиц в нормативных правовых актах, содержащих принципы и нормы права, всегда имеются пробелы. Во-вторых, пробелы в праве также возникают вследствие развития общественных отношений. В-третьих, в результате применения в нормативных правовых актах, как правило, не абсолютно определенных, а относительно определенных норм права. Думаем, в основе отрицания в России обычного

¹ Вострецова О. А. Указ. соч. С. 63.

права как одной из форм права находится легизм — сведение «всего» права только к «законодательству», а точнее — к нормативным правовым актам, принятым органами государственной власти. В связи с изложенными теоретическими аргументами представляется более обоснованным вывод В. А. Крыжан: «...обычаи в трудовом праве России реально существуют и эффективно функционируют»¹. Е. А. Шаповал в числе иных источников (а точнее, форм) трудового права также выделяет обычай². А. С. Коновалова справедливо заметила: «Большинство современных исследователей обычного права все чаще высказываются и достаточно убедительно обосновывают тезис о том, что господствующее долгое время отношение к обычному праву как к “пережитку прошлого”, архаической форме права, свойственной обществу лишь при ранних ступенях его правовой эволюции, является “весьма приблизительным”, “несостоятельным”»³.

Юристы, историки, антропологи, этнологи и другие специалисты применяют самые различные понятия: «архаичное право», «древнее право», «живое право», «неофициальное право», «раннее право», «племенное право», «первобытное право», «доправо», «предправо», «народное право», «примитивное право», «негосударственное право», «традиционное право», «фольклорное право», «местное право», «неписаное право», «туземное право» и др. Рассматривая обычаи права как одну из форм права, предлагаем ввести в научный оборот и, например, в ТК РФ, ЖК РФ, СК РФ статей «Обычаи российского права». Вероятно, в редакционном плане более предпочтительным является название статей «Обычаи, содержащие принципы и нормы российского... права», так как, например, ст. 5 ТК РФ называется «Трудовое законодательство и иные акты, содержащие нормы трудового права».

Исследовав теоретические проблемы обычного права, А. С. Коновалова выделяла четыре концепции обычного права: автономную, позитивистскую, естественно-правовую и социологическую⁴. Автономная концепция сводится к признанию обычного права в качестве самостоятельного правового явления и была разработана представителями исторической школы права (Г. Гуго, К. Савиньи, Г. Пухта). Рассматривая обычаи права в качестве только одного из необходимых элементов единой системы форм международного и национального права, реализуемого в России, такую точку зрения поддержать весьма затруднительно. Естественно-правовая концепция обычного права (Эпикур, Фома Аквинский и др.), основывающаяся на критериях, определяющих справедливый или несправедливый характер обычаев права, полагаем, делает акцент на нравственные, а не на собственно правовые их аспекты.

¹ Крыжан В. А. Указ. соч. С. 82.

² Шаповал Е. А. Источники российского трудового права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 62.

³ Коновалова А. С. Указ. соч. С. 33.

⁴ Там же. С. 15.

Суть легистской концепции обычного права состоит в признании (или непризнании) его государством. Легистская концепция обычного права господствовала в России как в общей теории права, так и в трудовом праве ранее и продолжает доминировать в настоящее время. Например, В. А. Туманов писал: «...история права свидетельствует о том, что обычаи становились правовыми лишь тогда и постольку, когда и поскольку они санкционировались государственной властью, путем судебной практики или с помощью иных государственных форм»¹. Вместе с тем, исходя из интегративного понимания права, не ограничивающего все право только законодательством, а точнее, нормативными правовыми актами, принятыми органами государственной власти, такая точка зрения представляется весьма спорной.

А. Н. Филиппов еще в начале XX в. с позиции социологической концепции права писал: «...Обычное право следует понимать как совокупность юридических норм, созданных независимо от предписаний законодательной власти»². Данную точку зрения весьма убедительно дополнил Г. И. Муромцев: обычай «...считается правовым как в силу санкции государства, так и вследствие признания его своим известной этнической общностью, племенем, кастой и т. д.»³. Социологическая концепция права (Е. Эрлих, Л. Дюги, Г. Гурвич и др.) выделяет и разграничивает несколько видов — общественное, право юристов и право государства. Г. В. Мальцев, основываясь на социологической концепции обычного права, пришел к аргументированному выводу: «...обычное право — это не переходная форма, а фундаментальное явление, проходящее через всю правовую историю»⁴. Как представляется, весьма взвешенную точку зрения о социологической концепции обычного права выработала А. С. Коновалова: «...Социологическая концепция обычного права наиболее интегративна. Данная концепция учитывает все основные критерии остальных концепций: автономный характер обычного права не в отношении народа (историческая школа), а в отношении правовой системы...; справедливый, волевой и рациональный... (естественно-правовая концепция); обычное право корпораций на основе высшего приоритета, придающего единство системы (позитивистская концепция)»⁵.

Вместе с тем, на наш взгляд, теоретически наиболее убедительной представляется концепция обычного права, основанная на интегративном понимании права, интегрирующая в себе прежде всего социологический и легистский типы правопонимания. Необходимо подчеркнуть:

¹ Туманов В. А. Вступительная статья // Ж. Карбонье. Юридическая социология. Благовещенск. 1998. С. 17.

² Филиппов А. Н. Учебник по русскому праву. М., 1914. С. 19.

³ Муромцев Г. И. Источники права в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1989. С. 22.

⁴ Мальцев Г. В. Очерки теории обычая и обычного права. В кн.: Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д, 1999. С. 51.

⁵ Коновалова А. С. Указ. соч. С. 44.

обычное право с позиции интегративного правопонимания основывается не на разделении общественного (социального) права и права государственного как взаимоисключающих различных видов права, а на синтезе общественного (социального) обычного права и «государственного» видов права, поддерживаемых как органами государственной власти и местного самоуправления, так и (или) различными социальными группами, юридическими лицами, объединениями юридических лиц, национальными и международными органами и организациями и т. д.

Большинство специалистов трудового права с позиции легизма рассматривают обычаи трудового права как правила поведения, санкционированные государством. Например, В. А. Крыжан пишет: «Трудоправовой обычай — это правило поведения, сложившееся и широко применяемое в области трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений, не предусмотренное нормативными правовыми актами, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо юридическом документе, обладающее четко определенным содержанием, санкционированное государством в качестве правового. Данный обычай является ограниченной частью массива трудовых норм, отвечающий современным требованиям, в наибольшей степени способной к быстрым изменениям, и в то же время обеспечивающий стабильность правоприменительной деятельности в периоды глобального обновления трудового законодательства»¹. Л. Зрейк выработал несколько определений понятия правового обычая. В одном из них Л. Зрейк соотносит правовой обычай с нормативным актом: «это нормативный акт, — считает он, — который создается “людьми”, или “народом”»².

Как представляется, во-первых, обычаи права являются самостоятельными формами международного и российского права, а не «правилом поведения» или разновидностью «нормативного акта». Правило поведения — весьма абстрактное понятие неопределенной юридической природы, которое может относиться не только собственно к праву, но и к другим социальным регуляторам. Нормативные правовые акты, содержащие принципы и нормы права, в отличие от обычаев международного и национального права принимаются правотворческими органами государственной власти и управомоченными лицами.

В то же время обычаи права (custom) возникли и реализовались до появления государства, регулировали отношения между физическими лицами на протяжении всей истории человечества. В современный период объективно существуют, в частности, обычаи права в организациях, объединениях юридических лиц, определенных социально-культурных группах, поддерживаемые как государством, так и юридическими лицами, определенными социальными группами физических лиц, объединениями юридических лиц, международными и национальными органами и организациями и т. д. В связи с этим представляется весьма характерным определение обычного права, выработанное рим-

¹ Крыжан В. А. Указ. соч. С. 63.

² Зрейк Л. Указ. соч. С. 93.

скими юристами: нормы обычного права — это «право, утвержденное применением»¹. С учетом изложенных теоретических и правовых аргументов считаем возможным рассматривать обычаи международного и российского права в качестве самостоятельных форм международного и российского права, содержащих принципы и нормы права, вырабатывающиеся прежде всего в результате действий, например, международных, наднациональных, государственных, а также местных органов и организаций, юридических лиц, различных объединений физических и юридических лиц, поддерживаемые названными органами, объединениями, организациями, лицами и т. д. Например, обычаи российского гражданского, жилищного, трудового и семейного права существуют объективно и учитываются соответствующими органами и заинтересованными лицами при рассмотрении соответствующих споров.

В соответствии с частью первой ст. 10 ЖК РФ «жилищные права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных настоящим Кодексом, другими федеральными законами, иными правовыми актами, а также из действий участников жилищных отношений, которые, хотя и не предусмотрены такими актами, но в силу общих начал и смысла жилищного законодательства порождают жилищные права и обязанности». В связи с этим по межотраслевой аналогии закона предлагаем дополнить ГК РФ, ТК РФ, ЖК РФ и СК РФ соответствующими статьями в следующей редакции: «...Права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных принципами и нормами права, содержащимися в формах международного и национального права, реализуемого в России. В том числе из обычаев международного и российского права».

А. С. Коновалова, анализируя обычное право как одну из форм права и исследуя признаки права в обычном праве, убедительно заметила: «Нормы обычного права представляют собой преемственно сложившиеся, конкретизированные требования, регламентирующие поведение субъектов обычного права в их взаимоотношениях, которые... 1) признаются обязательными...; 2) имеют общий характер...; 3) носят... определенный характер...; 4) отличаются устойчивостью...»²

Как правило, в специальной литературе выделяются две стадии возникновения обычаев права. Так, В. А. Крыжан пишет: «...следует выделять две стадии: 1) формирование обыкновения (протоправила) и 2) возникновение у него юридической обязанности (*opinio juris*). Временной отрезок, в течение которого формируется трудовой обычай, может быть различным: от нескольких лет до нескольких дней...»³. Аналогичную точку зрения разделяет и Л. Зрейк⁴. Также принято разграничивать обычай и обыкновение: обычай как право, обязательное для участников общественных отношений, а обыкновение как неправовое

¹ Словарь терминов / под ред. А. А. Новикова. М., 1989. С. 12.

² Коновалова А. С. Указ. соч. С. 63—64.

³ Крыжан В. А. Указ. соч. С. 84.

⁴ Зрейк Л. Указ. соч. С. 93.

явление, правило, не являющееся общеобязательным, не поддерживаемое государством, юридическими и физическими лицами¹, своеобразное «доправо». В связи с этим предлагаем выделять две стадии формирования обычая права: выработку принципов и норм права участниками общественных отношений; реализацию обычая права органами государственной власти, местного самоуправления, юридическими, физическими лицами и т. д., в том числе их применение судами.

Традиционно в специальной литературе делается акцент на применении обычая права только судом². Вместе с тем обычаи права могут применяться также и другими органами государственной власти. Например, А. И. Ковлер обоснованно пишет: «...Обычаи предусматривают материал, над которым работают законодатели и определяют границы его власти. Если законодатель небрежно относится к нему, он принуждает его уважать себя, если он пытается дать ему новое назначение, он отказывается служить; если он применяет силу, он, разрушаясь в его руках, убивает его самого. В руках законодателя не верховная, а лишь законодательная власть»³.

«Обычно правовая норма, — полагает В. А. Крыжан, — есть реакция на образовавшийся пробел в трудовом правовом акте»⁴. Думаем, с таким выводом в полной мере согласиться нельзя в связи с тем, что нормативные правовые акты, содержащие принципы и нормы трудового права, являются только одной из возможных и объективно существующих форм российского трудового права. На наш взгляд, обычаи международного и российского права — это своеобразная «реакция» субъектов правоотношений на образовавшийся пробел в иных формах, в частности российского права. При таком подходе предлагаем установить, например, в ГК РФ, ТК РФ, ЖК РФ и СК РФ следующую иерархию российских принципов и норм права, содержащихся в российских формах права: 1) основополагающие принципы национального права; 2) принципы и нормы права, содержащиеся в нормативных правовых актах; 3) принципы и нормы права, содержащиеся в нормативных правовых договорах; 4) принципы и нормы права, содержащиеся в обычаях российского права. Отсюда, во-первых, принципы и нормы права, содержащиеся в обычаях российского права, могут применяться лишь при условии пробела в иных формах как международного, так и российского права. Во-вторых, при наличии принципов и норм права в различных формах российского права (в том числе в обычаях российского права) применяются принципы и нормы права, содержащиеся в иных формах российского права, имеющих более высокую юридическую силу.

¹ Зыкин И. С. Обычай в советской правовой доктрине // Советское государство и право. 1982. № 3. С. 127.

² Зрейк Л. Указ. соч. С. 93.

³ Ковлер А. И. Обычай и законы. Исследования по юридической антропологии. М., 2001. С. 36.

⁴ Крыжан В. А. Указ. соч. С. 80.

В связи с этим представляется обоснованным вывод А. С. Коноваловой: «Традиционным является противопоставление между обычным правом и законодательством. Данное противопоставление... не способствует, а напротив, препятствует становлению оптимальной правовой... системы российского государства»¹.

С нашей точки зрения, обычаи, содержащие принципы и нормы российского права, являются объективно необходимыми и действительно существующими в России. Полагаем, теоретически обоснованным и подтвержденным реальной правоприменительной практикой следующий вывод: право, в частности, в России с объективной неизбежностью развивалось и продолжает развиваться по следующим виткам исторической спирали: первый — догосударственный, второй — автономно-государственный, третий — интегративный. Первый — догосударственный виток исторической спирали — выразался в развитии права в формах региональных обычаев, а впоследствии межрегиональных обычаев и принципов права; нормативных правовых договоров, в которых вырабатывались принципы и нормы права; основополагающих принципов разнообразных объединений физических лиц. Второй — автономно-государственный виток спирали — в формах обычаев внутригосударственного права, нормативных правовых договоров, нормативных правовых актов, содержащих принципы и нормы права; основополагающих принципов внутригосударственного права. Третий — интегративный — характеризуется выработкой принципов и норм права как органами государственной власти, так и, в частности, государствами, надгосударственными либо внегосударственными органами и организациями. На интегративном витке исторической развития права принципы и нормы права содержатся в единой системе форм международного и национального права, реализующихся в государстве, включающей в том числе обычаи международного и национального права. Как представляется, Россия в настоящее время находится на переходном этапе от второго к третьему витку исторической спирали развития права.

В. А. Крыжан привел в своей диссертации многочисленные примеры реализации обычаев, содержащих нормы трудового права². Хотелось бы дополнить данный перечень и другими примерами. Так, в России длительное время существует стабильная судебная практика восстановления работников на работе в случаях расторжения трудовых договоров по их инициативе, но в результате давления со стороны работодателя, либо сложившихся у работников тяжелых обстоятельств. В то же время КЗоТ РСФСР не содержал ранее, а действующий ТК РФ не содержит и в настоящее время объективно необходимых соответствующих норм права. В связи с этим на практике выработан устойчивый обычай права, поддерживаемый судом, в соответствии с которым в случае доказанности оказания на работников давления со стороны работодателей или стечения для работников тяжелых обстоятельств суд выносит решения

¹ Коновалова А. С. Указ. соч. С. 39—40.

² Крыжан В. А. Указ. соч. С. 45—63.

о их восстановлении на работе. Можно привести и другие примеры. Так, ст. 60.2 ТК РФ не определяет порядок оформления трудовых отношений при совмещении работниками профессий (должностей) и исполнении обязанностей временно отсутствующих работников без освобождения от работы, определенной трудовыми договорами. По межотраслевой аналогии закона со ст. 60.1 «Работа по совместительству» ТК РФ выработан обычай права, согласно которому с работниками заключаются трудовые договоры. В соответствии с частью третьей ст. 16 «Трудовые отношения» ТК РФ между работником и работодателем возникают также на основании фактического допущения работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его представителя в случае, если трудовой договор не был надлежащим образом оформлен». Многолетняя правоприменительная практика выработала обычай права, поддерживаемый судом, в соответствии с которым с фактическим работником по решению суда заключается трудовой договор с момента возникновения между лицами фактических трудовых отношений. Третий пример — ст. 78 ТК РФ — предусматривает возможность расторжения трудового договора по соглашению сторон трудового договора. На практике постоянно возникает вопрос: возможно ли восстановление на работе по решению суда работника, с которым трудовой договор расторгнут по соглашению сторон? На практике выработан обычай, поддерживаемый судом, который состоит в том, что такое решение суда возможно в случае расторжения трудового договора, например, в результате давления на работника со стороны работодателя или стечения тяжелых обстоятельств. На наш взгляд, перечень обычаев, содержащих, например, принципы и нормы российского трудового права, можно было бы продолжать бесконечно.

В теории права и на практике возник важнейший вопрос: суд создает (формирует) обычаи, содержащие принципы и нормы права, или только применяет обычаи права, уже сложившиеся на практике? С нашей точки зрения, в соответствии со ст. 10, 15, 18, 94—109, 120, 125—127 Конституции РФ суд в России не может и не должен быть правотворческим органом, силой, «творящей» право, в том числе в форме обычаев права. В связи с этим обычаи, содержащие принципы и нормы права, могут вырабатываться в процессе деятельности разнообразных участников общественных отношений и впоследствии только применяются судом. В связи с изложенными теоретическими и правовыми аргументами не представляется возможным также разделить вывод В. А. Крыжан о том, что «...Пленум Верховного Суда РФ имеет право на нормотворчество, но через санкционирование правового обычая... Применительно к современному российскому трудовому праву можно отчетливо проследить не только одобрение (санкционирование) судами от имени государства обычно правовых норм, но и фактическое создание ими самими еще одного блока новых правил»¹.

Во-первых, к сожалению, действительно имеются случаи выработки Конституционным Судом РФ, судами общей юрисдикции и арбитраж-

¹ Крыжан В. А. Указ. соч. С. 47, 173.

ными судами принципов и норм права. В то же время такая практика судов, думаем, не соответствует ст. 10 Конституции РФ, гарантирующей в России разделение властей. Во-вторых, Пленум Верховного Суда РФ не «санкционирует» правовые обычаи, а может их лишь применять, в частности, в процессе толкования российского права. В-третьих, толкование — это уяснение российского права Пленумом Верховного Суда РФ для себя и разъяснение его для других, а не создание права, правотворчество.

В связи с изложенными теоретическими и правовыми аргументами предлагаем дополнить, например, ГК РФ, ТК РФ, ЖК РФ и СК РФ статьями «Обычаи российского... права» в следующей редакции: «Обычаи российского... права — форма российского... права, содержащая принципы и нормы... права, вырабатывающиеся прежде всего в результате действий физических или юридических лиц, объединений физических либо юридических лиц, органов государственной власти и местного самоуправления и т. д., поддерживаемые органами государственной власти и (или) органами местного самоуправления, иными выработавшими их лицами, органами, объединениями и т. д.

Принципы и нормы права, содержащиеся в обычаях российского ... права, не должны противоречить основополагающим принципам международного и национального... права, принципам и нормам права, содержащимся в иных формах международного и российского... права».

ЛЕКЦИЯ 20. ВОЙНА И ПОЛИТИКА

- К истории войн.
- Глобализация. Война. Террор.

К истории войн

Война — сложнейший, многогранный, многоаспектный и противоречивый феномен общественной жизни. Не случайно она находилась в центре внимания мыслителей всех времен. Уже в античную эпоху пытались выяснить сущность войн, их генезис и роль в жизни людей. Так, Платон утверждал, что «все войны происходят ради стяжания богатств»¹. Однако целостные концепции войны были созданы значительно позже, а точнее, в эпоху Возрождения, когда уже накопился значительный материал, позволивший дать теоретический анализ войны. Здесь прежде всего следует назвать работы английского философа-материалиста Т. Гоббса, создавшего философское учение о войне.

Т. Гоббс исходит из того, что люди равны от природы, т. е. имеют одинаковые физические и умственные данные. Но из естественного равенства вытекают и естественные возможности людей для достижения одних и тех же целей. Иначе говоря, каждый человек имеет такое же право на те или иные блага общества, что и все остальные. Но такое положение вещей приводит к конфликтной ситуации. Если, допустим, два человека желают иметь одну и ту же вещь и если это невозможно, то вполне естественно, что они могут стать врагами.

Три основные причины войны заключаются, по Т. Гоббсу, в природе человека: «Во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажда славы. Первая причина заставляет людей нападать друг на друга в целях наживы, вторая — в целях собственной безопасности, а третья — из соображений чести. Люди, движимые первой причиной, употребляют насилие, чтобы сделаться хозяевами других людей, их жен, детей и скота; люди, движимые второй причиной, употребляют насилие в целях самозащиты. Третья же категория людей прибегает к насилию из-за пустяков, вроде слова, улыбки, из-за несогласия во мнении и других проявлений неуважения, непосредственно ли по их адресу или по адресу их родни, друзей, их народа, сословия и имени»².

В естественном состоянии каждый имел право на все; оно не налагало на человека никаких ограничений, и потому между людьми имела место борьба за обладание вещью или вообще за пользование необходимыми благами. Пока люди живут без общей власти, которая всех держит в страхе, они, по Т. Гоббсу, воюют друг против друга. Причем, по мнению Т. Гоббса, даже когда нет прямых военных действий, все равно люди находятся в состоянии войны друг с другом (*bel lum omnium contra omnes*).

Поскольку люди находятся в состоянии войны, у них отсутствует трудолюбие, стремление к производству благ, ибо никто не застрахован от насильственного грабежа результатов своего труда. Плохо развива-

¹ Платон. Соч.: в 3 т. Т. 2. М., 1970. С. 275.

² Гоббс Т. Избр. произв. в 2 т. Т. 2. М., 1064. С. 151—152.

ется экономика, нет торговли, судоходства, в плохом состоянии находится литература, короче, нет общества и жизнь человека беспросветна. Т. Гоббс понимал, что его концепция «естественного состояния как состояния войны всех против всех» вызовет возмущения со стороны других, и, заранее готовый к риторике, писал: «Так вот, пусть такой сомневающийся сам поразмыслит над тем обстоятельством, что, отправляясь в путь, он вооружается и старается идти в большой компании, что, отправляясь спать, он запирает двери, что даже в своем доме он запирает ящики, и это тогда, когда он знает, что имеются законы и вооруженные представители власти, готовые отомстить за всякую причиненную ему несправедливость»¹.

Т. Гоббс считал, что естественное состояние «войны всех против всех» вынудило людей договориться о создании государства: «Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех и так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты»². Государство имеет такую огромную власть, что каждый человек чувствует его силу и мощь и потому ведет себя мирно. Так Т. Гоббс с помощью понятия государства, направляющего, по его мнению, волю всех людей к миру и согласию, решает выдвинутую им же самим проблему «войны всех против всех».

Известный голландский мыслитель, юрист, систематизатор международного права Г. Гроций в специальном труде «О праве войны и мира» исследовал причины войн и разработал целую теорию международных отношений.

Развивая теорию естественного права, под которым он подразумевал доброту, благожелательность и стремление к знанию, Г. Гроций считал, что эти черты не противоречат человеческой природе, «ибо мать естественного права есть сама природа человека, которая побуждала бы его стремиться ко взаимному общению, даже если бы мы не нуждались ни в чем; матерью же внутригосударственного права является само обязательство, принятое по взаимному соглашению...»³ Нельзя не заметить, что между концепцией Гоббса о естественном праве и концепцией Гроция имеется большое различие. Если для Т. Гоббса естественное право предполагает войну всех против всех, то для Г. Гроция, наоборот, это право подразумевает доброту и благожелательность. Тем не менее Г. Гроций понимает, что войны имеют место в жизни человеческого общества. Он пишет, что «война есть состояние борьбы силою как таковое»⁴.

Голландский мыслитель, типологизируя войны, считал, что они бывают частные, публичные и смешанные. Под частной войной Г. Гроций,

¹ Гоббс Т. Указ. соч. С. 153.

² Там же. С. 197.

³ Гроций Г. О праве войны и мира, три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права, М., 1956. С. 48.

⁴ Там же. С. 68.

по существу, понимал драку между двумя или несколькими лицами. Публичная война ведется органами государственной власти, т. е. это война, объявленная одним государством другому государству. Что касается смешанной войны, то она, с одной стороны, носит публичный характер, а с другой — частный. В свою очередь, публичные войны Г. Гроций делит на торжественные (справедливые) и неторжественные. Справедливая война, пишет он, ведется с целью защиты национального суверенитета или же восстановления этого суверенитета. Защищая такие войны, он тем не менее советует не начинать войны, а использовать все мирные средства для решения спорных вопросов. Одновременно Г. Гроций осуждает неторжественные, или зверские, как он выражается, войны, которые лишены оправдательных и побудительных причин и которые направлены на захват территорий других государств и народов.

Швейцарский ученый Э. де Ваттель развивал идеи Г. Гроция о войне и международных отношениях. Он тоже сторонник естественного права, которое соответствует природе человека и обязывает его быть добрым, уважать других, никому не причинять зла и стремиться к общению с другими людьми. Люди, по мнению Э. Ваттеля, нарушают естественное право и начинают враждовать между собой, т. е. ведут войну, которая определяется как «состояние, в котором своего права добиваются силой»¹. Вслед за Г. Гроцием он считал, что имеются публичные войны, когда они ведутся между нациями и суверенами, и частные, ведущиеся между отдельными лицами. Эти войны следуют из существования естественного права, которое каждому позволяет защищать себя от нападения, оберегать свое богатство и т. д.

Э. Ваттель делил войны на оборонительные и наступательные. «Война, — писал он, — может быть оборонительной или наступательной. Тот, кто берется за оружие для отражения нападающего врага, ведет оборонительную войну. Тот, кто берется за оружие первым и нападает на нацию, которая жила с ним в мире, ведет войну наступательную»². Э. Ваттель не отождествлял справедливую войну с оборонительной, а наступательную — с захватнической. С его точки зрения, оборонительная война справедлива, если она ведется против несправедливого агрессора, а причиной справедливой войны считал либо нанесенную обиду, либо обиду, которая может быть нанесена. Если справедливость на стороне начавшего войну, то ему нельзя сопротивляться, ибо противник взялся за оружие для того, чтобы силой этого оружия добиться справедливости. Он на стороне угнетенных народов, выступающих против своих поработителей, которые даже не имеют права воевать. Вывод Э. Ваттеля: «Таким образом, для того чтобы сделать войну справедливой, необходимы две вещи: во-первых, наличие права, подлежащего осуществлению, иначе говоря, основание требовать чего-либо от какой-

¹ *Де Ваттель Э.* Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960. С. 4275.

² Там же. С. 427.

либо нации; во-вторых, невозможность добиться этого права иначе как с помощью оружия»¹.

Война, полагал Э. Ваттель, не может быть справедливой для обеих сторон, ибо одна из них ведет справедливую, а другая — несправедливую войну. Нации, которые не получили никакой обиды и не ожидают никакой угрозы и которые тем не менее начали войну, ведут несправедливую войну. Эти нации развязали ее не с целью защиты своего суверенитета, а с целью получения выгоды, порабощения других наций, поэтому они ведут несправедливые, грабительские войны. Такого рода войны, писал Э. Ваттель, вели Чингисхан и Тамерлан.

Э. Ваттель, как и другие прогрессивные мыслители, понимал пагубные последствия войны и призывал все народы не развязывать войну, если в этом нет особой необходимости. Нужно до начала войны использовать все средства для решения мирным путем спорных вопросов, но если нет другого выхода, то война остается единственным способом решения вопросов. Таким образом, он признавал, что война не есть лучшее средство, регулирующее отношения между народами и государствами, и следует всячески ее избегать. Вместе с тем считал, что порабощенные нации имеют право не только обороняться, но и начинать войну.

Большое место вопросы войны занимают в философском наследии великого французского философа-материалиста П. Гольбаха. Он резко осуждал войны, утверждая, что «война всегда является бедствием для народов, которые ведут ее...»² П. Гольбах считал, что война часто возникает без причин и что из-за неразумной политики государственных деятелей она становится главной целью этой политики.

П. Гольбах, назвавший Гоббса «желчным философом», как и Юм, не был согласен с концепцией «войны всех против всех» как естественного состояния человечества. Великий философ и гуманист, поборник просвещения и страстный защитник общественных изменений резко осуждал войны: «Всякому разумному существу достаточно лишь заглянуть в анналы истории человеческого рода, чтобы почувствовать себя потрясенным при виде зверских продолжительных войн, этой бесполезной резни, которая во все времена заставляла землю-мать плавать в крови своих детей»³.

Но причину войн П. Гольбах приписывал государям, которые ради своих корыстных целей готовы жертвовать жизнью других людей. Как идеолог прогрессивной буржуазии осуждал завоевания чужих территорий, грабеж чужого богатства и порабощение других народов. Те государыни, писал он, которые постоянно заняты расширением своих границ, никогда не думают об улучшении жизненных условий своих подданных. Они фактически порабощают не только чужие народы, но и собственный народ, ибо тратят огромные средства на ведение войны, которые можно было бы использовать в других целях. Побудительные мотивы

¹ *Де Ваттель Э.* Указ. соч. С. 440.

² *Гольбах П. А.* Избр. произв: в 2 т. Т. 2. М., 1963. С. 371.

³ Там же. С. 456.

завоевателей П. Гольбах видел в лености, неспособности и невежестве в управлении делами государства. Хороший и способный государь, с его точки зрения, думает не о завоеваниях, а о том, как бы превратить всю страну в цветущий край. Война, по мнению Гольбаха, связана не только с экономическим разорением, но и с моральным разложением. Мир воспитывает в подданных добрые чувства, тогда как война формирует у них жестокость, воинственность, неуважение чужих прав, игнорирование суверенитета других наций и т. д.

Осуждая войны, П. Гольбах прекрасно понимал, что поработанные народы имеют полное право вести войну за свое освобождение. Такие войны он называл справедливыми. «Война является справедливой и неизбежной только в том случае, если ее ведут, чтобы отразить нападение несправедливого захватчика, обуздать ярость какой-нибудь безумствующей нации, остановить кроважадного и жестокого грабителя, стремящегося к завоеваниям, или подавить заговор завистников-соседей»¹. Целью такой войны является оборона государства, защита его суверенитета и территориальной целостности.

Немецкий философ И. Кант утверждает, что «все войны представляют собой многочисленные попытки (правда, не как цель человека, а как цель природы) создать новые отношения между государствами и посредством разрушения или хотя бы раздробления всех образовать новые объединения, которые однако опять-таки либо в силу внутреннего разлада, либо вследствие внешних распрей не могут сохраниться и потому должны претерпевать новые, аналогичные революции, пока, наконец, отчасти благодаря наилучшей внутренней системе гражданского устройства, отчасти же благодаря общему соглашению между государствами и международному законодательству не будет достигнуто состояние, которое, подобно гражданскому обществу, сможет, как автомат, существовать самостоятельно»². Нужно, продолжает И. Кант, создать международный союз государств, который соответствует тайному плану природы, но которого не может постичь человек. В этом союзе каждое государство чувствовало бы себя свободным и в то же время не мешало бы другим успешно развиваться.

По мнению И. Канта, война между независимыми государствами не может иметь карательный характер, ибо наказание (карательные меры) применяется старшим к подчиненному, тогда как взаимоотношения между государствами не строятся на принципе «подчиняющий — подчиненный». Более того, он полагает, что такая война не может быть и истребительной или войной ради поработнения, поскольку это означало бы моральное уничтожение государства.

Соотечественник И. Канта Г. Гегель считал, что война не должна рассматриваться как абсолютное зло или лишь как внешняя случайность. Основания войны он видит в страстях властелинов и народов. Он ратовал за сильную государственную власть и, видимо, поэтому

¹ Гольбах П. А. Указ. соч. С. 459.

² Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 16.

считал, что война оздоравливает общество. «...Высокое значение войны состоит в том, что благодаря ей... сохраняется нравственное здоровье народов... подобно тому, как движение ветров не дает озеру загнивать, что с ним непременно случилось бы при продолжительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем паче вечного мира»¹. Г. Гегель полагает, что удачные войны не давали развиваться внутренним беспорядкам и всегда укрепляли государственную власть. В мирное время гражданская жизнь расширяется, утрачиваются частные особенности людей, все меньше и меньше проявляются их индивидуальные черты. Общество начинает походить на больного человека. Здоровье требует единства тела, но, когда части затвердевают, наступает смерть.

Гегелевскую концепцию войны не следует упрощать, ибо такое упрощение может привести к тому, что Г. Гегель превратится в апологета войны. На самом деле вопрос гораздо сложнее. Эту концепцию надо связать с его учением о противоречии как источнике развития. Г. Гегель писал, что «противоречие... есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью»².

К. Клаузевиц, немецкий военный историк, был одним из создателей военной теории. Война, пишет он, не возникает внезапно, а готовится очень долго соответствующими правительствами, ведущими определенную политику. «...Война есть не что иное, как продолжение политических отношений с применением иных средств»³.

К. Клаузевиц ближе всех подошел к научному объяснению сущности и характера войны, тем не менее и он остался в пределах исторического идеализма, не позволившего ему дать научное истолкование такого важного общественного феномена, как война.

К. Маркс и Ф. Энгельс иначе подошли к изучению войны как сложного социального феномена. Особенно большое внимание к проблемам войны уделял Ф. Энгельс. В письме к И. Вейдемейеру от 19 июня 1851 г. он писал: «С тех пор как я переселился в Манчестер, я начал зубрить военные науки, по которым здесь нашелся довольно порядочный материал, по крайней мере для начала. Огромное значение, которое получает военная сторона дела в ближайшем движении, мои старые наклонности, мои венгерские военные корреспонденции в газете, наконец, мои доблестные похождения в Бадене — все это побудило меня работать в этом направлении, и я хочу достигнуть в этой области того, чтобы я мог высказывать известные теоретические суждения и не очень осрамиться при этом»⁴.

К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что война относится к надстроечным явлениям и детерминируется экономическими отношениями.

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VII. М., 1934. С. 344.

² Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. V. М., 1937. С. 520.

³ Клаузевиц. О войне. Т. III. М., 1933. С. 98.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21, М., 1962. С. 483.

Критикуя дюринговскую концепцию о детерминирующей роли насилия в историческом процессе, Ф. Энгельс показал ее теоретическую несостоятельность. Он подчеркивал, что вопрос о насилии требует исторического подхода, т. е. выяснения того, как исторически стало возможным порабощение одного народа другим, захват чужих территорий и навязывание своей воли. Но для этого необходимо исследовать экономические условия жизни, уровень развития производительных сил — словом, материальные общественные отношения. «...Насилие не есть просто волевой акт, а требует весьма реальных предпосылок для своего осуществления, в особенности известных орудий, из которых более совершенное одерживает верх над менее совершенным...»¹ Производитель более совершенных орудий побеждает производителя менее совершенных орудий. Но выпуск более совершенных орудий зависит от уровня экономики, развития производительных сил. Стало быть, насилие детерминировано материальными отношениями и поэтому каждый раз должно быть объяснено из этих отношений, а не наоборот.

Ф. Энгельс указывал, что «ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения»². Производство нового вида оружия требует более высокого уровня развития производительных сил, мощной экономической базы, поскольку без этого немыслимо военное производство. Детерминирующая роль экономических отношений, подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, особенно видна в эпоху капитализма, когда более развитые в экономическом отношении страны производят более совершенное оружие для того, чтобы занять господствующие позиции в мировой политике и диктовать другим свои условия. Армия становится главной целью государства, а милитаризм пожирает огромные средства. К. Маркс и Ф. Энгельс раскрыли классовую сущность войн, показали, что господствующие классы нередко вели захватнические войны, грабили другие народы и государства.

Таким образом, они показали, что война относится не к сфере базиса, а к сфере надстройки, политике, что причины их генезиса следует искать в материальных общественных отношениях и что, следовательно, они не могут играть детерминирующую роль в общественном развитии. Война есть продолжение той политики, которую проводило государство до начала войны.

Вместе с тем они вовсе не игнорировали роль насилия, в данном случае войны, в истории. Энгельс в своей работе «Роль насилия в истории» показал доминирующую роль войны как насилия в объединении Германии. Промышленное развитие Германии, писал он, требовало ее объединения, ликвидации ее раздробленности на мелкие государства. «Через каждые несколько миль иное вексельное право, иные условия для промышленной деятельности, повсюду каждый раз особые при-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20, М., 1962. С. 170.

² Там же. С. 171.

дирки, бюрократические и фискальные рогатки, а часто еще и цеховые барьеры, против которых не помогали даже официальные патенты»¹. Капиталистическое развитие требовало беспрепятственной эксплуатации рабочей силы всей Германии, а это было невозможно из-за существования мелких государств со своими законами и порядками. Вот поэтому единое общегерманское государство стало настоятельной необходимостью. Следовательно, экономическое положение Германии в конечном итоге детерминировало ее объединение. Но в ее объединении война сыграла доминирующую роль.

Действительно, раскрытие причин войны требует исследования экономических условий жизни людей, концентрированным выражением которых является политика. Война — это насилие, а проведение насильственной политики во многом зависит от экономической мощи государства. Производитель более совершенного оружия побеждает производителя менее совершенного оружия при всех прочих равных условиях. Но выпуск более мощного оружия зависит от уровня экономики. Война, как и политика, относится к надстроечным явлениям и детерминируется в конечном счете экономическими отношениями.

В современную эпоху многие представители общественности большое внимание уделяют теоретическим вопросам войны. Я ограничусь кратким изложением воззрений некоторых французских теоретиков. Начну с Р. Арона, крупнейшего философа и социолога XX в. Всю жизнь Р. Арон занимался теоретическими проблемами войны и мира. В книге «Мир и война между народами» причины и корни войны он стремится вывести из природных явлений. Все животные, пишет Р. Арон, проявляют постоянную агрессивность и ведут непрерывную войну между собой. Эти агрессивные качества переходят к человеку. И во все времена люди воевали между собой. «Топорами или пушками, стрелами или пулями, химическим или атомным оружием, вместе или в одиночку люди истребляли друг друга, используя находившиеся в их распоряжении средства»².

СOLIDное место во французской военной теории занимает Г. Бутуль. Он решил создать новую науку о войне, назвав ее полемологией (по-гречески «полемос» — война). Целью этой науки, по мысли Г. Бутуля, является «объективное и научное исследование войн как социальных явлений, доступных наблюдению... Эта наука составляет новую главу в социологии»³.

По мнению Г. Бутуля, «война породила историю, так как последняя началась исключительно как история военных конфликтов»⁴.

Г. Бутуль дает натуралистическую концепцию генезиса войн. Он считает, что животные тоже воюют между собой. Например, каждый лев имеет свою территорию, и он ее защищает от других животных.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. М., 1961. С. 423.

² Aron R. Paix et guerre entre les nations. P., 1962. P. 157.

³ Bouthoul G. Traite de potemologie: Sociologie des guerres. P., 1970. P. 8.

⁴ Ibid. P. 51.

«Но именно у общественных насекомых можно найти явления, которые очень похожи на войны между людьми»¹. С таким утверждением никак нельзя согласиться. *Борьба за существование в природном мире ничего общего не имеет с войной как социальным феноменом.*

Истоки войн уходят в первобытное общество, когда одно племя воевало с другим. Но в строгом смысле слова это не были войны, потому что не преследовали цели подчинения одного племени другому, хотя могли всех членов племени истребить или превратить в рабов. Они заранее к войне не готовились. Это были конфликты, часто имевшие трагический характер, но все же конфликты. Проведение военных операций — явление сложное. Война связана с более или менее регулярной армией, которая готовится к войне в мирное время и т. д., и т. п. Поэтому война стала возможной, когда появилось государство со своими признаками и когда социум уже имеет не примитивный, а сложно-структурированный характер. Война есть организованная вооруженная борьба между народами, государствами или классами. Ее могут вести либо два государства (локальные войны), либо множество государств (мировая война), либо различные классы (гражданские войны). Война имеет свои правила, но при ведении военных операций никто их фактически не выполняет, что вполне можно объяснить, но не оправдать. Дело в том, что любая война преследует цель подавить волю противника, уничтожить его возможности сопротивляться и поэтому воюющие стороны используют все средства для достижения победы.

Л. Н. Гумилев при анализе причин войн большое значение придает понятию пассионарности. Под этим понятием он подразумевает «эффект избытка биохимической энергии живого вещества, порождающий жертвенность часто ради иллюзорной цели»². Речь идет о том, что народы и индивиды, наделенные определенными страстями, часто совершают поступки, которые можно объяснить только стремлением к реализации цели, не объяснимой с помощью общепринятых норм поведения людей. Пассионарными личностями Л. Н. Гумилев объявляет Александра Македонского, Наполеона I и многих других. Александр Македонский все имел от рождения, но тем не менее занялся завоевательными походами, в результате которых была создана огромная империя. «Вряд ли стоит, — пишет Л. Н. Гумилев, — искать причину, толкнувшую македонского царя в поход, в стремлении к приобретению рынков для торговых городов или к уничтожению финикийской конкуренции Афин и Коринфа, которые только что были покорены силой оружия, продолжали оставаться врагами Македонии, жертвовать собой ради врага уж вовсе бессмысленно. Так что мотивы поведения Александра приходится искать в его собственном характере. Два качества, доведенные до крайности, отмечают у Александра и Арриан, и Плутарх: честолюбие и гордость, т. е. проявления описанной нами пассионарности. Этого избытка энергии оказалось достаточно не только для победы,

¹ Ibid. P. 113.

² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1994. С. 497.

но и для того, чтобы принудить своих подданных вести войну, которая была им нужна»¹.

Не отрицая роли личных качеств, в том числе страстей, в тех или иных исторических событиях, на мой взгляд, нельзя только ими объяснить деятельность любого индивида, тем более таких личностей, как Александр Македонский, Ганнибал или Наполеон I. Вот что говорит карфагенский полководец Ганнибал своим войскам перед началом боевых действий против римлян. Речь его была передана римским историком Титом Ливием: «Мы начинаем войну, мы грозною ратью надвигаемся на Италию; мы потому уже должны обнаружить в сражении более смелости и стойкости, чем враг, что надежда и бодрость всегда в большей мере сопутствуют нападающему, чем отражающему нападению. К тому же нас воспаляет и подстрекает гнев за нанесенное нам возмутительное оскорбление: они ведь потребовали, чтобы им выдали для казни первым делом меня, предводителя, затем и вас, осадивших Сагунт, и собирались, если бы нас им выдали, предать нас самым жестоким мучениям! Этот кровожадный и высокомерный народ воображает, что все принадлежит ему, все должно слушаться его воли. Он считает своим правом предписывать нам, с кем нам вести войну, с кем жить в мире. Он назначает нам границы, запирает нас между гор и рек, не дозволяя переходить их, и сам первый переступает им же положенные границы. “Не переходи Гибера!” — “Не буду.” — “Не трогай Сагунта!” — “Да разве Сагунт на Гибере?” — “Нужды нет; не смей двигаться с места!” — “Стало быть, тебе мало того, что ты отнял у меня мои исконные провинции, Сицилию и Сардинию? Ты отнимаешь и Испанию, если я уступлю ее тебе, грозишь перейти в Африку?..” Нигде не оставлено нам ни клочка земли, кроме той, которую мы отвоюем с оружием в руках»². Отсюда видно, что не страсти вели Ганнибала в походы против римлян, а любовь к Родине, стремление к сохранению ее независимости, защите человеческого достоинства. Наполеон I был честолюбив, но воевал с европейскими державами прежде всего потому, что защищал Французскую революцию и вообще революционную Францию, которую реакционные режимы Европы терпеть не могли.

Со времен Г. Гроция принято делить войны на захватнические (несправедливые) и оборонительные (справедливые). Первые преследуют цель завоевания чужих территорий, навязывания другим государствам своей воли и порядков. Вторые — защиту национального суверенитета и территориальной целостности.

В современную эпоху эта классификация войн многими отвергается. По их утверждению, сейчас главное — защита не национального суверенитета, а прав человека и демократии. И если они нарушаются каким-либо государством, то можно применить в отношении этого государства военную силу. Однако этот аргумент не выдерживает никакой критики. Государство представляет собой форму социального бытия на-

¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. С. 265.

² История античности. Т. 2. Древний Рим. М., 1989. С. 163—164.

рода. И если народ лишен этого бытия, то фактически он лишается всякого бытия. Никакие наднациональные органы не будут содействовать развитию национальной культуры, вообще сохранению национальной самобытности. И поэтому всякое уважающее себя государство должно отражать любую агрессию, использовать все находящиеся в его распоряжении средства для защиты своего суверенитета. Кстати, современные крупные государства никому не позволяют вмешиваться в их внутренние дела, хотя они другим нередко диктуют свои условия. Вывод: классическое деление войн на захватнические и оборонительные не устарело и в современную эпоху.

Подвергается критике и тезис К. Клаузевица о том, что война есть продолжение политики иными средствами. Это определение войны некоторые критикуют на том основании, что в ядерную эпоху в случае применения атомного оружия не будет ни победителей, ни побежденных, поэтому якобы бессмысленно говорить, что война является продолжением той политики, которую проводили до начала боевых действий воюющие государства. Полагаем, что такое утверждение научно не обосновано. Во-первых, кроме ядерной войны, которая, надеемся, никогда не разразится, есть еще обычные войны, которые все время ведутся. Вот они есть не что иное, как продолжение политики другими средствами. Во-вторых, ядерные державы постоянно совершенствуют свое атомное оружие и вовсе не собираются уничтожить его, в случае крайней необходимости они могут его применить. В-третьих, атомное оружие используется как средство шантажа других государств, не обладающих таким оружием. Не случайно многие государства стремятся к обладанию ядерными средствами. Вот почему война и в современную эпоху остается продолжением политики иными средствами. Политика же будет функционировать до тех пор, пока есть государство. А государство, по всей вероятности, будет существовать до тех пор, пока будет жить человечество. Отсюда неизбежный вывод: войны могут иметь место, пока есть человечество. Конечно, это вовсе не значит, что нельзя предотвратить войну. Люди сами творят свою историю, и следовательно, они могут всегда договориться и решить любые проблемы мирным путем. И надо осознать, особенно в нашу эпоху, что любая война, а уж тем более мировая, может иметь катастрофические последствия для будущего всей цивилизации.

Глобализация. Война. Террор

Социальный мир един. Это единство вытекает прежде всего из единства материального производства. Где бы ни жили люди, они должны в первую очередь создавать материальные блага, чтобы воспроизводить себя как биосоциальные существа. Из материального единства вытекает единство других сфер общественной жизни — духовной, политической, социальной и т. д.

Социальный мир един и вместе с тем многообразен. Если взять, например, материальное производство, то оно осуществляется по-разному

в зависимости от природных условий, уровня производительных сил и т. д. В единстве надо видеть многообразие, а в многообразии — единство. Такова имманентная, объективная логика исторического процесса.

На протяжении всей истории человечества народы и государства обменивались материальными и духовными ценностями и по мере движения общества по пути социального прогресса усиливались интеграционные процессы. Все интеграционные процессы, охватывавшие экономические, политические, государственные, культурные и другие сферы общественной жизни можно обозначить термином «интернационализация». Суть интернационализации заключается в том, что каждое государство ведет экономическое, политическое, культурное и т. д. сотрудничество исходя из собственных, национальных интересов. Оно экспортирует и импортирует то, что ему приносит выгоду. Оно руководствуется своим национальным правом, защищает свои традиции, культурные ценности. Иными словами, оно выступает как форма политической общности народа. Народ, не имеющий своего государственного образования, не есть исторический народ. Именно в рамках своего государства, представляющего единое экономическое, политическое, правовое и культурное пространство, народ может сохранить себя как субъект истории. Он может передавать свои достижения последующим поколениям, оставить определенный след в истории человечества. Первобытные племена — это племена без государства, следовательно, без истории. Это неисторические племена. Вот почему возникновение государства — громадный шаг в движении человечества по пути социального прогресса¹.

Итак, в эпоху интернационализации, несмотря на рост интеграционных процессов, интенсивные контакты между государствами и народами, несмотря на войны и конфликты, принципы национального суверенитета признавались всеми государствами. И если какое-либо государство вмешивалось во внутренние дела другого государства, то оно осуждалось всем международным сообществом. Здесь особенно велика роль бывшего Советского Союза, всегда выступавшего в защиту тех, кто отстаивал свой национальный суверенитет. Кроме того, в эпоху интернационализации главное внимание уделялось развитию национальных экономик, национальных культур, национальной политики и т. д., что не мешало взаимному сотрудничеству и обмену материальными и духовными ценностями. Нельзя не заметить и то, что в эпоху интернационализации ценностные ориентации людей не сводились лишь к деньгам и развлечениям. Люди понимали, где позитив, а где негатив. Правда, надо сказать, что это происходило под мощным влиянием СССР, где на первое место ставили не деньги и развлечения, а труд, уважение к человеку труда, таланту, где высоко ценили героизм, самоотверженность, патриотизм, романтику и другие великие ценности, где осуждались не только юридически, но и морально бандитизм, наркомания, хамство, грубость и прочие негативы.

¹ Автор здесь абстрагируется от классового характера государства.

Глобализация начинается с развала СССР в 1991 г. До этого социальный мир делился на три части: на мир социализма, мир капитализма и мир развивающихся стран. Все государства, как уже отмечалось, сотрудничали между собой, но защищали в первую очередь свои национальные интересы во всех сферах общественной жизни. В экономической сфере каждое государство развивало свою экономику, в политической на первом месте была защита территориальной целостности и сохранение национального суверенитета. В духовной сфере большое внимание уделялось развитию национальной культуры,

Возникло два полюса. Во главе одного полюса находился Советский Союз, а во главе другого — Соединенные Штаты Америки. Интересы этих двух полюсов, естественно, не совпадали, но у них была общая цель: недопущение третьей мировой войны и вообще военных конфликтов. Вопросы мира и войны решались гораздо легче в эпоху интернационализации. Организация Объединенных Наций пользовалась огромным авторитетом и всегда защищала интересы национальных государств.

После развала Советского Союза ситуация в социальном мире коренным образом изменилась. Исчез двухполюсный мир. Остался один полюс. Началась глобализация, искусственно навязанная США и их союзниками всему остальному миру. Объективная интернационализация была заменена субъективной глобализацией и тем самым нарушена имманентная логика исторического процесса. «Глобализация, — пишет американский исследователь Н. Хомский, — это результат насильственного навязывания народам мира могущественными правительствами, особенно правительством США, торговых сделок и прочих соглашений, призванных облегчить корпорациям и богачам господство над национальными экономиками при отсутствии обязательств перед представителями этих наций»¹.

А вот что пишет З. Бауман: «...Концепция “глобализация” была создана для того, чтобы заменить прежнюю концепцию “универсализации”, когда стало ясно, что установление глобальных связей и сетей не имеет ничего общего с преднамеренностью и контролируемостью, подразумевающимися ею. Понятие глобализации описывает процессы, представляющиеся самопроизвольными, стихийными и беспорядочными, процессы, помимо людей, сидящих за пультом управления, занимающихся планированием и тем более принимающих на себя ответственность за конечные результаты. Без большого преувеличения можно сказать, что это понятие отражает беспорядочный характер процессов, происходящих на уровне, оторванном от той в “основном скоординированной” территории, которая управляется законной “высшей властью” т. е. от суверенных государств»². По существу, от национальных государств ничего не зависит. Запад навязывает всему остальному миру свою модель развития общества, транснациональные корпорации (ТНК) размывают национальные границы, экономики слаборазвитых стран топчутся

¹ Хомский Н. Прибыль на людях. М., 2002. С. 19.

² Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 43.

на месте, игнорируется суверенитет национальных государств, им предписываются определенные правила поведения и в случае сопротивления этим правилам их руководители объявляются диктаторами, заслуживающими сурового наказания, в том числе смертной казни.

Глобализация решительно отказалась от прежних национальных ценностей, она под видом защиты прав человека бросила людей на произвол судьбы, что вызвало полное недоверие к государству как общности людей, к его решениям и действиям. «Подданные современных государств, — пишет З. Бауман, — являются индивидами по воле судьбы, то, что определяет их индивидуальность, — их ограничивает в собственных ресурсах и личная ответственность за результаты принимаемых решений, — это не предмет их собственного выбора. Все мы сегодня индивидуалисты *de jure*. Однако это вовсе не означает, что мы являемся индивидуалистами *de facto*. Обычно по формуле “человек — хозяин своей судьбы” составляются рассказы о жизни, а сама эта жизнь проживается совсем не так»¹.

Государство сняло с себя обязанности заботиться о человеке, его здоровье, его безопасности, его образовании, его жилье и т. д. и т. п. Сегодня процветает культ индивида, а не культ коллектива или общества. Люди превратились в атомизированные, никому не нужные существа. «Такое впечатление создается и поддерживается, с одной стороны, модной индивидуализацией проблем, планов и устремлений и с другой — сокращением полномочий национального государства (курсив наш. — *Прим. авт.*). Современный политический суверенитет государств есть лишь слабая тень многогранной — политической, экономической, военной и культурной — автономии держав прошлого, создававшихся по образцу тотального (*totale staat*). Сегодняшние суверенные государства мало что могут предпринять (а их правительства почти и не рискуют этого делать) ради противостояния давлению глобализованных капитала, финансов и торговли (в том числе торговли в области культуры). Если граждане потребуют от своих руководителей восстановить прежние правила приличия и нормы справедливости, правительства большинства стран вынуждены будут заявить, что не могут ничего сделать, ибо опасаются “отпугнуть инвесторов”, тем самым поставив под угрозу (рост) валового национального продукта и соответственно благополучие как страны, так и всех ее граждан»².

Во время арабских революций их участники требовали смещения руководителей государств, но они, видимо, не имели представления о том, что дело не в руководителях, а в глобализации, лишившей их страны независимости и суверенитета. В мире появились такие правила игры, которые могут изменить только те, кто их устанавливал, т. е. развитые государства. Нетрудно догадаться, что они на это никогда не пойдут.

Глобализация формирует рыночное человечество, в котором господствует гоббсовский принцип «война всех против всех». Глобализация —

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. М., 2002. С. LII.

² Там же. С. LIII—LIV.

это индивидуализм, а не коллективизм. Глобализация привела к появлению наднациональных экономических, финансовых, политических, юридических и иных структур, предписывающих всем народам и государствам правила поведения и даже образ жизни. Глобализация — это своего рода «плавильная печь», куда брошено более 6 млрд населения земного шара. Из этих 6 млрд людей только «золотой миллиард» более или менее удовлетворяет свои общественно необходимые потребности. Остальные влачат жалкое существование. «Всего лишь 358 миллиардеров владеют таким же богатством, как и 2,5 миллиарда человек, вместе взятые, почти половина населения земли»¹.

Глобализация все унифицирует и стандартизирует: экономику, политику, духовную жизнь, право, этические нормы, искусство и т. д. и т. п.

В эпоху глобализации происходит деинтеллектуализация общества. Никогда человечество не имело таких возможностей для обогащения духовного мира индивидов. Но никогда общий интеллектуальный уровень людей не падал так низко, как в настоящее время. Люди, особенно молодежь, не желают заниматься интенсивной умственной деятельностью. Крайне редко стали обращаться к классикам мировой литературы. Прежние духовные ценности либо уничтожаются, либо игнорируются.

Средства массовой информации (СМИ) главную свою задачу видят не в формировании духовно богатых и высоконравственных людей, а в том, чтобы развлекать их, особенно молодежь, прививать им псевдоценности. В результате деинтеллектуализации происходит деантропологизация человека. Формирование человека разумного происходило в *homo sapiens*, создавшего огромные материальные и духовные богатства. Человек становится настоящим человеком лишь тогда, когда он обогащает свой субъективный мир духовными ценностями. Но сегодня труд не в почете. Собственно говоря, он презирается.

Глобализация углубила кризис современного общества. Она не устранила противоречия буржуазного способа производства, напротив, она их обострила. Во-первых, обострились противоречия между развитыми и развивающимися государствами. Западные страны на словах выступают за то, чтобы слаборазвитым государствам была оказана всесторонняя помощь для преодоления своей отсталости и повышения жизненного уровня народа. Они считают главным средством преодоления отсталости включение этих стран в орбиту глобализации. Но «Запад так продвигал программу глобализации, чтобы обеспечить себе непропорционально большую долю выгод за счет развивающихся стран. Несправедливым было то, что более развитые промышленные страны отказывались открыть свои рынки для товаров развивающихся стран, например, сохраняя свои квоты на множество товаров — от текстиля до сахара, и настаивали в то же время на том, чтобы те открыли свои рынки для товаров из более богатых стран; несправедливым было то, что

¹ Мартин Г. П., Шуман Х. Западня глобализации. Атака на процветание и демократию. Перевод с немецкого. М., 2001. С. 46.

развитые промышленные страны продолжали субсидировать свое сельское хозяйство, затрудняя развивающимся странам конкуренцию и настаивая при этом на том, чтобы развивающиеся страны ликвидировали свои субсидии производству промышленных товаров¹. Совершенно ясно, что такая экономическая политика западных стран никак не способствует подъему экономики отсталых государств. Очевидно и то, что жизненный уровень народов третьего мира снижается, а не повышается. Во-вторых, в той или иной форме дают о себе знать противоречия между развитыми странами. Достаточно сказать, что Европейский союз трещит по всем швам. В-третьих, обострились классовые противоречия в буржуазных государствах, резко упал жизненный уровень населения, растут темпы безработицы, особенно среди молодежи, на грани исчезновения находится средний класс, поддерживавший стабильность в развитых государствах. В-четвертых, улетучились иллюзии о мировом правительстве и мультикультурализме. Кстати, мультикультурализм, как и глобализация, был навязан Соединенными Штатами Европе и всему остальному миру. Американский социолог С. Хантингтон пишет, что «мультикультуралистское движение за отказ от англо-протестантской культуры и за утверждение “многообразия культур”, теснейшим образом связанное с расовыми меньшинствами, возникло в 1970-е гг.. Мультикультурализм — сущность антиевропейской цивилизации... Она основана на следующих тезисах. Американское общество состоит из множества расовых и этнических сообществ. Каждое из этих сообществ обладает собственной, отличной от других культурой. Белая англосаксонская элита, доминирующая в американском обществе, подавляет эти культуры и дискриминирует представителей расовых и этнических меньшинств, вынуждая их принимать англо-протестантскую культуру. Справедливость, принципы равенства и обеспечения прав меньшинств требуют, чтобы “подавляемые культуры” были освобождены от “ига англо-протестантов” и чтобы правительство предприняло все возможные меры по их возрождению»².

Совершенно ясно, что эти противоречия нужно решать каким-то образом. Если взять межгосударственные противоречия и прежде всего противоречия между развитыми и развивающимися странами, то они решаются военными средствами. И здесь первую скрипку играют Соединенные Штаты Америки.

На территории США никогда не было войн, если не считать гражданскую войну в XIX в. США граничат с государствами, которые во многом зависят от них, климатические условия благоприятствуют экономическому развитию, менталитет американского народа пронизан духом личного успеха.

США в Первую мировую войну вступили на этапе ее завершения, а именно в апреле 1917 г., хотя в августе 1914 г. они объявили о своем

¹ *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003. С. 23, 25.

² *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 268—269.

нейтралитете, когда поняли, что победа Германии угрожает их интересам сильнее, чем победа Антанты. Но уже до объявления войны Германии они усилили свою экспансию в Европу. Первая мировая война США принесла огромные экономические и политические дивиденды.

Не меньше дивидендов принесла США Вторая мировая война. Достаточно сказать, что американский доллар превратился в международную валюту. США и Великобритания на словах обещали помочь Советскому Союзу, а на деле особой помощи не оказывали. Один пример. В письме от 7 октября 1942 г. Сталин просит Рузвельта, что «было бы очень хорошо, если бы США, во всяком случае, обеспечили нам следующие поставки (ежемесячно): истребители — 500 штук, грузовики — 8 или 10 тысяч штук, алюминий — 5 тысяч тонн, взрывчатые вещества — 4—5 тысяч тонн...»

Что касается положения на фронте, то Вы, конечно, знаете, что за последние месяцы наше положение на юге, особенно в районе Сталинграда, ухудшилось из-за недостатка у нас самолетов, главным образом истребителей. У немцев оказался большой резерв самолетов. Немцы имеют на юге минимум двойное превосходство в воздухе, что лишает нас возможности прикрыть свои войска. Практика войны показала, что самые храбрые войска становятся беспомощными, если они не защищены от ударов с воздуха¹.

Как видно, Сталин особенно просит поставить истребители, поскольку немцы имели двойное превосходства из-за нехватки у нас истребителей. Но просьба не была удовлетворена. В начале января 1943 г. Рузвельт предложил послать самолеты на Дальний Восток. Сталин ему отвечает 13 января 1943 г., что «нам нужна Ваша помощь самолетами не на Дальнем Востоке, где СССР не находится в состоянии войны, а на советско-германском фронте, где нужда в авиационной помощи особенно остра»². Но Сталин не дождался американских истребителей.

После Второй мировой войны США резко усилили свою экспансионистскую политику. Американский исследователь Г. Видал пишет: «После победы над Японией в 1945 г. (и окончания Второй мировой войны) мы ведем, как выразился историк Чарльз О. Бирд, “вечную войну ради вечного мира”. Я мимоходом упоминал о клубе “Враг месяца”: каждый месяц нам преподносят нового омерзительного врага, по которому мы должны нанести удар, прежде чем он уничтожит нас»³.

США и их союзники под видом защиты прав человека и демократии объявляют государства, чьи руководители проводят независимую политику, направленную на защиту своих национальных интересов, «осью зла» и используют военную силу против этих государств. Причем они находят в этих государствах оппозицию, проще говоря, пятую колонну,

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 2 (август 1941 г. — декабрь 1945 г.). Изд. 2-е. М., 1984. С. 30. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном.

² Там же. С. 47.

³ Видал Г. Почему нас ненавидят. Вечная война ради вечного мира. М., 2003. С. 24.

финансируют ее щедро и не менее щедро вооружают, а потом уничтожают законно избранных руководителей и приводят к власти своих марионеток. Так было в Ираке, так было в Ливии. Они же подготовили и организовали арабскую весну, в результате которой были свергнуты президенты Египта, Туниса и Йемена.

До развала СССР Запад, особенно США, весь мир пугал «коммунистической угрозой». Устами Черчилля была объявлена холодная война Советскому Союзу, использованы все мыслимые и немыслимые средства для уничтожения СССР. Советский Союз был уничтожен, был распущен и Варшавский пакт. Запад обещал не расширять НАТО, однако свои обещания забыл и включил в НАТО бывшие социалистические страны Европы и даже некоторые бывшие республики СССР. Более того, НАТО расширило зону своих геополитических интересов. В настоящее время оно воюет в Афганистане.

Запад покончил с коммунистической угрозой, но не отказался от своей экспансионистской политики. Но нужно было убедить мировое общественное мнение в правомерности продолжения такой политики, поэтому надо было найти новую причину. И она была найдена. Речь, конечно, идет о терроризме.

11 сентября 2001 г. самолеты-самоубийцы врезались в башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Погибли, по разным данным, более двух тысяч человек. Официальные власти США во всем обвинили «арабских террористов». «ФБР сочинило список воздушных пиратов, на основе которого был сооружен портрет-фоторобот врагов Запада. Нам просят верить, что этими пиратами были арабские исламисты и что они действовали как камикадзе. Внутренний американский след категорически исключается. В действительности же мы ничего не знаем о личных данных террористов, ни об их образе действий. Все гипотезы остаются открытыми»¹.

Может быть, Т. Мейссан прав. Может быть, это действительно чудовищная махинация. В любом случае Соединенные Штаты добились своего: после этого теракта у них вместо коммунистической угрозы появилась другая угроза, угроза террора. И если коммунистическая угроза была признана не везде, то угроза террора признана во всем мире. Теперь армии всех стран должны готовиться к отражению террористических актов. США вмиг оказались в Афганистане, в некоторых бывших союзных республиках, они везде под видом борьбы против угрозы террора развязали себе руки.

Откуда вообще взялся террор? Термин «террор» (лат. *terror*) буквально означает «страх», «ужас» (отсюда известное выражение «терроризировать население», т. е. наводить ужас). Данный термин можно использовать в самых различных смыслах: политическом, экономическом, духовном, этническом и т. д. Но мы будем говорить только о терроре как политическом средстве. И в связи с этим следует подчеркнуть, что

¹ Мейссан Т. 11 сентября 2001 года. Чудовищная махинация. Самолет на Пентагон не падал! М., 2004. С. 66.

политический террор существует со времени появления политической власти, т. е. государства. Вспомним самое громкое убийство в истории античного Рима — убийство Юлия Цезаря.

В XVIII в. во Франции революция вызвала большой террор. Вожди революции стали убивать друг друга.

В XIX в. резко подскочили темпы политического террора во всем мире, в том числе в России. Вот что пишет об этом французский философ А. Камю: «1878 г. был годом рождения русского терроризма. 24 января, накануне суда над ста девянота тремя народниками, совсем еще юная девушка, Вера Засулич, стреляет в генерала Трепова, губернатора Санкт-Петербурга... В том же году член “Народной воли” Кравчинский выпускает памфлет “Смерть за смерть”, в котором содержится апология террора. Последствия не заставили себя ждать. Жертвами покушений в Европе стали немецкий кайзер, король Италии и король Испании. В том же 1878 г. Александр II создает в лице Охраны наиболее действенное орудие государственного террора. Начиная с этого момента весь конец XIX в., как в России, так и на Западе, ознаменован непрекращающейся серией убийств. В 1879 г. — новое покушение на испанского короля и неудавшийся заговор против русского императора. В 1881 г. его убийство боевиками “Народной воли”. Софья Перовская, Желябов и их сподвижники повешены. В 1883 г. покушение на немецкого кайзера; покушавшийся гибнет под топором палача. В 1887 г. казнь чикагских мучеников и съезда испанских анархистов в Валенсии, которые предупреждают: “Если общество нам не уступит, порок и зло все равно должны будут погибнуть, даже если мы погибнем вместе с ними”. 90-е годы во Франции отмечены так называемой “пропагандой посредством фактов”. Подвиги Равашоля, Вайана и Юбера Анри предшествуют убийству Карно. Только в 1892 г. происходит более тысячи покушений динамитчиков в Европе и около пятисот в Америке. В 1898 г. от их рук гибнет австрийская императрица Елизавета, в 1901 г. — Мак-Кинли, президент Соединенных Штатов. В России, где покушения на второстепенных представителей власти никогда не прекращались, в 1903 г. возникает боевая организация партии эсеров, группа самых поразительных фигур русского терроризма. Убийство Плеве Сазоновым и великого князя Сергея Каляевым знаменует собой апогей тридцатилетнего кровавого апостольства и завершают эпоху мучеников революционной религии»¹.

Конечно, любой террор, в том числе террор, организованный, как выражается А. Камю, «мучениками революционной религии», должен быть осужден морально и юридически. Но тем не менее необходимо изучать причины революционного террора. Русский терроризм, например, был следствием нищенского состояния российского народа и невозможностью мирным путем бороться за его интересы. Вот что говорил на судебном процессе один из организаторов покушения на Александра II

¹ Камю А. Бунтующий человек. Философия, политика, искусство. М., 1990. С. 245—246.

А. И. Желябов: «Моя личная задача, цель моей жизни — было служить общему благу. Долгое время я работал для этой цели путем мирным и только затем был вынужден к насилию. По своим убеждениям я оставил бы эту форму борьбы насильственной, если бы только явилась возможность борьбы мирной, т. е. мирной пропаганды своих идей, мирной организации своих сторонников. В своем последнем слове во избежание всяких недоразумений я сказал бы еще следующее: мирный путь возможен; от террористической деятельности я, например, отказался бы, если бы изменились внешние условия»¹.

В современную эпоху революционный политический терроризм в классическом смысле маловероятен. Но довольно широко распространены другие виды терроризма: религиозный, экономический, государственный и т. д. Свержение легитимных политических режимов, грубое вмешательство во внутренние дела других государств суть не что иное, как государственный терроризм, т. е. терроризм, осуществляемый государственными органами. Вышеупомянутый американский исследователь Г. Видал приводит внушительный список военных операций, осуществляемых США в разных частях земного шара².

В заключение подчеркнем, что в обществе, в котором все продается и покупается и, выражаясь словами К. Маркса, личное достоинство человека превращено в меновую стоимость, в котором люди превратились в бездушные существа, в котором моральные нормы не играют никакой роли, исчезла иерархия ценностей, а интеллект никому не нужен, в котором труду предпочитают потребление, вообще гедонизм и отсутствуют честь и совесть, неизбежны войны, террор и насилие.

¹ История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Изд. 2-е, дополн. и перераб. Ростов н/Д, 1996. С. 139—140.

² См. *Видал Г.* Почему нас ненавидят. Вечная война ради вечного мира. М., 2003. С. 25—35. Нельзя не привести примечание автора: «Автор из сострадания не стал перечислять военные операции, которые осуществляло ЦРУ в разных странах, например в Гватемале (1953), или в Иране (1953), когда был сброшен Мосаддык, или в Чили, когда был сброшен Альенде, и т. д.». С. 35.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
----------------	---

РАЗДЕЛ I. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА КАК ОТРАСЛЬ ЗНАНИЯ

Лекция 1. Понятие и предмет социологии права	5
Проблемы определения понятия и статуса социологии права	5
Предмет и объект социологии права	9
Теоретико-методологическое и практическое значение социологии права	14
Лекция 2. Социология права в системе общественных и юридических наук	21
Место и роль социологии права в системе общественных наук	21
Соотношение социологии права с теорией государства и права	25
Социология права и отраслевые юридические науки	31
Лекция 3. История социологии права	37
История социологии	37
Становление социологии права	45
Социология права в России	52
Лекция 4. Социология истории государства и права	61
История как категория социологии права	61
Закономерность и уникальность	64
Рациональное и иррациональное	68
Линейность и цикличность	74

РАЗДЕЛ II. МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ ПРАВА

Лекция 5. Логика и методология научного познания	78
Понятие логики и ее место в методологии научного познания	78
Основные этапы развития науки логики	79
Формальная логика в учении И. Канта	80
Логика правовой науки	83
Содержание науки	84
Понятие метода научного познания	85
Методологические проблемы познания	86
Проблемы границ познания. Разграничение социально-научного и естественно-научного познания	87
Соотношение категорий случайности и закономерности в природе и социальных отношениях	91
Задачи социально-научного познания	93
Категория необходимости при исследовании социальных отношений. Критика теории экономического материализма	95
Категория справедливости в исследовании социальных отношений	99
Категория необходимости и долженствования в социальных отношениях	101
Лекция 6. Методология и методика прикладных исследований	103
Социологическое исследование: программа, методы, основные процедуры	103

РАЗДЕЛ III. ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО И ПРАВО КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Лекция 7. Общество как явление и социологическая категория	112
Понятие общества и сложившееся о нем представление	112
Общество как явление природы и культуры	116
Другие проявления общества и основные теории	119
От теории традиционного общества к теории гражданского общества.	
Основные черты и особенности гражданского общества	122
Лекция 8. Общество, государство и социальное неравенство	131
Естественные и социальные различия между людьми	131
Основные компоненты социального неравенства	132
Социальная мобильность: сущность, механизмы, разновидности	136
Особенности социальной стратификации в современном русском обществе	139
Лекция 9. Государство как явление и социальная категория	142
Понятие государства: социологический аспект	142
Разнообразие теорий происхождения государства: основные причины	147
Государство как явление природы и культуры	153
Системное познание и системный характер государства	157
Лекция 10. Право как явление и социологическая категория	168
Многогранный характер права как явления природы и культуры	168
Дескриптивный подход к пониманию права.	
Основные признаки права	173
Системный характер права	187
Институциональное и функциональное содержание права	198
Лекция 11. Социальные и эпистемологические предпосылки правопонимания	203
Лекция 12. Государство, право, общество: взаимосвязь и взаимодействие	208
Системный характер взаимосвязи и взаимодействия государства, права и общества	208
Механизм взаимосвязи и взаимодействия государства, права и общества	217
Лекция 13. Интегративные функции государства, права и общества	230
Понятие и виды интегративных функций	230
Краткая характеристика интегративных функций	235

РАЗДЕЛ IV. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО КАК ЯВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ И РЕГУЛЯТОРОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ

Лекция 14. Государство, право, партии	244
Понятие и история партий, их функции и классификация	244
Партийно-государственный механизм и политические режимы	255
Лекция 15. Право, мораль, государство	263
Лекция 16. Религия, право, государство	291
Религия и ее социальные связи в социологическом измерении	291
Формообразования в религиях по государственно-правовым моделям	299

Воздействие религии на государственно-правовые системы	301
Принцип свободы мысли, совести, религии и убеждений	305
Лекция 17. Психология	309
Психология как научная дисциплина и как социальный и природный фактор	309
Право и психология (законодательное право и общественная психология) . . .	313
Лекция 18. Духовная культура	318
Понятие «духовная культура» общества в современной интерпретации	318
Реликтовые правовые программы как элемент культуры общества	319
Правовые программы современных обществ как элемент культуры	322
Лекция 19. Обычаи международного и российского права	327
Лекция 20. Война и политика	344
К истории войн	344
Глобализация. Война. Террор	354